

РОБЕРТ ГОВАРД

БРАТ БУРИ

ТОМ 2

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КТ

РОБЕРТ ГОВАРД

БРАТ БУРИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 2

РОБЕРТ
ГОВАРД

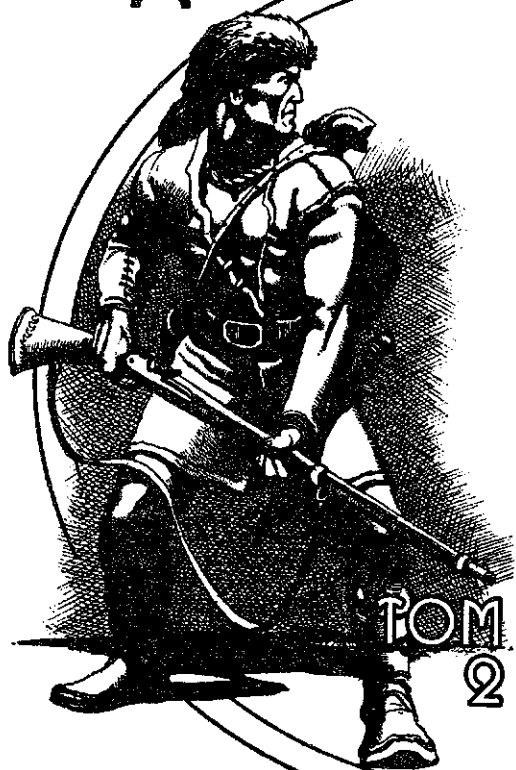
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В 8 ТОМАХ

«ТЕРРА — КНИЖНЫЙ КЛУБ» МОСКВА
«СЕВЕРО-ЗАПАД» САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2003

ROBERT
E. HOWARD

РОБЕРТ
ГОВАРД

ТОМ
2

БРАТ
БУРИ

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)
Г57

Оформление художника
В. ДОМОГАЦКОЙ

Руководители проекта
И. ПЕТРУШКИН, А. ТИШИНИН

Составитель
А. ЛИДИН

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Говард Р. И.
Г55 Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2: «Брат бури»: Брат бури: Повесть; Лик смерча: Повесть / Пер. с англ.; Сост. А. Лидина. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб; СПб.: Северо-Запад, 2003. — 448 с.

ISBN 5-275-00832-5 (т. 2)

ISBN 5-275-00830-9

Роберт Говард (1906—1936) — один из самых талантливых писателей-фантастов Соединенных Штатов Америки, чье творчество было очень ярким, а жизнь — очень короткой.

Второй том включает в себя повести «Брат бури» и «Лик смерча», где в меховой куртке и кожаных чулках, с длинноствольным «зверобоем» наперевес и бутылкой виски в руке истинный джентльмен Дикого Запада путешествует по отрогам Скалистых гор и городкам американского захолустья, беззлобно подслушивая над соседями и круто разбираясь с «плохими парнями».

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-275-00832-5 (т. 2)
ISBN 5-275-00830-9

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2003
© Издательство «Северо-Запад»,
перевод, 2003

БРАТ БУРИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПЕРЕПОЛОХ НА МЕДВЕЖЬЕМ РУЧЬЕ

Когда мой родной братец Джон, вразвалочку, руки в карманах, завалился в кузницу, что стояла неподалеку от изгороди коралая, я как раз, в поте лица своего, вовсю орудовал ручником и клещами, пытаюсь изобразить пару подков, каковые оказались бы достойными копыт Капитана Кидда.

До недавнего времени Джон несколько недель пропадал где-то в окрестностях Кугуарьего Хвоста, и, чем бы он там таким ни занимался, успех явно сопутствовал ему. Ежели, конечно, судить по тому распрекрасному настроению, в котором он теперь пребывал. Слишком уж мой братец был весь из себя жизнерадостный, а лицо его ни на секунду не покидала жутко самодовольная и, должен заметить, довольно-таки глупая ухмылка. У парня прям-таки душа пела, а в подобном состоянии он вечно начинал подтрунивать над окружающими. В особенности же он в таких случаях любил поддеть меня, причем как-нибудь побольнее. Джон вообще считал себя шибко умным парнем. И видит Бог, уж в этом-то я всегда был с ним согласен. Правда, не целиком, но по крайней мере наполовину.

— Что я вижу! — приветствовал меня братец. — Снова у горнила! И опять ишачишь на свою чесоточную, запаршивевшую зверюгу, которая столет как уже ни на что не годится. Все горбатишься на этот изрядно траченный молью кусок вонючей падали, от которого с презрением отвернется даже самый голодный в мире койот! Да ведь твой разлюбезный косолапый тюфяк давным-давно не стоит даже той ржавой железяки, какая только что пошла на его подковы!

Мерзавец отлично знал, что самый простой способ довести меня до белого каления — так это отпустить пару-другую гнусных шуточек в адрес Капитана Кидда. Но я уже давно понял: братец просто выплескивал наружу свою черную зависть. Потому как ему-то самому, даже в самом отдаленном будущем, и близко не светило занять хоть сколько-нибудь похожую на Кэпа лошадку. А потому мне без особого труда удалось подавить в себе совершенно естественное желание распрямить об его глупую голову слегка покривившиеся кузнечные клещи. Я пожал плечами, вытащил из горна раскаленную добела болванку, приладил ее на наковальню и принялся плющить маленькой шестнадцатифунтовой кувалдой. Терпеть не могу все эти игрушечные молоточки, которые горделиво именуются ручниками у так называемых кузнецов.

— Ежели ты докатился до столь плачевного состояния, когда уже не способен ни на что более достойное, нежели как подвергать критике бедное животное, кстати, чтоб я лопнул, в тыщу раз больше похожее на коня, чем ты — на человека, — с достоинством ответствовал я братцу, сопроводив свои слова решительным ударом о наковальню, — то позволь мне смиренно привлечь твоё внимание к двери, находящейся как раз за твоей... м-м-м... спиной. Именно сейчас эта дверь абсолютно никем не используется по назначению.

Джон немедленно огласил кузницу отвратительно громким и, черт меня возьми, ужасно грубым хохотом.

— Послушай-ка! — отсмеявшись, продолжил он. — Никак ты всерьез называешь вон ту штуку лошадиной подковой? А по-моему, по размерам, да и по виду тоже, она куда как больше похожа на лемех здорового плута! Ну да ладно. Раз уж ты все равно при деле, не изобразишь ли подковку вот для этого?

И братец вызывающе поставил свой сапог прямо на наковальню. Ну а я, недолго думая, врезал по этому гнусному сапогу своей кувалдочкой. Джон испустил ужасающий вопль, после чего принялся скакать по всей кузнице на одной ноге, изрыгая такие невозможные проклятия, что у любого, кому случайно довелось бы их услышать, сразу завяли бы уши. У любого, но не у меня. Лично я спокойно продолжал заниматься подковой.

Тут как раз в дверь кузницы просунул голову наш отец. Внимательно окинув взором происходящие события, папаша сплюнул на пол и сказал укоризненно:

— Мальчики мои! Мне грустно! Похоже на то, что вы так никогда и не повзрослеете. Вечно у вас на уме одни ребяческие забавы да мальчишеские выходы!

— Забавы?! — взвыл Джон. — Черта лысого! Хороши забавы! Мерзавец изувечил мне все пальцы на ноге! И за это, — немного успокоившись и переведя дыхание, мечтательно и кровожадно добавил он, — я когда-нибудь вырву его подлое сердце из не менее подлой груди!

— Прекрасно! — вдруг просиял отец. — Просто великолепно! Не зря люди говорят: яблочки от яблоньки недалеко падают! Я прям-таки будто перенесся сейчас в те благословенные деньки моего детства, когда мне довелось с наслаждением всадить из обреза изрядную порцию дрови прямехонько в задницу моему братцу Джозю. Он наябедничал нашему почтенному родителю о том, что не кто иной, как я, подсунул старикану в койку тот медвежий капкан!

— Бреку еще не раз придется проклинать этот сегодняшний день! — многообещающе заявил Джон, после чего вывалился через дверь кузницы наружу, нещадно оглашая всю округу стенаниями и богохульствами.

Чуть позже, прислушавшись к его мерзким воплям, я понял, что он добрался до дома и теперь упражняет мамашу, а может, кого-то из сестер намазывать драгоценные пальцы мазью от лошадиных болячек. Нет, поистине никто среди всех прочих Элкинсов даже и в подметки не годился братцу Джону в умении произвести вот такое вот море шума ну совсем из ничего!

Ну да ладно.

Я закончил возиться в кузнице. Теперь предстояло сменить подковы Капитану Кидду, а это, скажу я вам, та еще работенка! Иногда мне кажется, куда проще сперва усмирить, а потом подковать на все четыре ноги средней силы горный циклон. К тому времени, как я все же управился с этим делом и зашел в дом, чтобы заморить червячка, приступ буйного безумия у Джона, похоже, уже миновал. Он более-менее спокойно возлежал в своей койке, задрав к потолку сплошь обмотанную повязками ногу (посторонний вполне мог подумать, что в нее угодило, как минимум, пушечное ядро), а завидев меня, протянул мне руку и вполне мирно сказал:

— Брекенридж! Мы уже достаточно взрослые люди, чтобы попусту обижаться друг на друга. Давай предадим забвению прошедший пустяк!

— А разве кто-нибудь чего-нибудь где-нибудь таит? — поинтересовался я и осторожно пожал братцу руку, предварительно убедившись, что в другой руке у него нет охотничьего ножа. — Я и сам никак в толк не возьму, к чему раздувать ненужную склоку между родичами из-за сущей пустяковины, которая даже упоминания не стоит!

— Но все же, — кротко промолвил Джон, — эти вывихнутые пальцы, знаешь ли, причиняют мне определенные неудобства. Пожалуй, я не смогу ездить верхом целый день; может быть — даже два. А у меня, как на грех, имеется одно совершенно неотложное дело в Кутуарьем Хвосте.

— Мне вроде как показалось, ты только что отсюда вернулся, — подозрительно заметил я.

— Тебе правильно показалось, Брек,— кивнул Джон,— но вся беда в том, что там есть один человек, который остался мне кое-что должен. Он клятвенно обещал мне обязательно этот должок вернуть. Но сейчас я просто не в состоянии получить обещанное. Так почему бы тебе не сделать это вместо меня? Ну чего ты молчишь? В конце концов, ведь именно по твоей вине я не могу в ближайшее время сесть в седло! Этого человека зовут Билл Сантри, он живет в предгорьях, всего в нескольких милях от Кугуарьего Хвоста. Однако думаю, ты его наверняка заставишь в поселке, потому как он почти каждый день торчит в тамошнем салуне.

— А что такое он остался тебе должен? — предусмотрительно поинтересовался я.

— Не бери в голову,— ответил братец Джон.— Просто езжай в Кугуарий Хвост, поинтересуйся, где Билл Сантри, а как найдешь его, скажи ему так: я, дескать, брат Джона Элкинса и прошу вас немедленно отдать мне то, что вы клятвенно пообещали отдать ему. Вот и все, Брек!

Моя семейка постоянно использует мою покладистость и доброту нрава. Потому как мне куда менее хлопотно выполнять их просьбы, чем без толку спорить или ругаться по пустякам.

— Хрен с тобой,— сказал я братцу.— Съезжу. Все равно у меня сейчас нет никаких неотложных дел.

— О, благодарю тебя, Брекенридж! — воскликнул братец Джон со слезой в голосе.— Я предчувствовал, я был уверен, я заранее знал, что во всем могу на тебя положиться!

* * *

Вот так оно и вышло, что пару дней спустя я пересек через Кугуарий Хребет, который представлял собой длинную цепь густо поросших лесом гор. А оттуда до Кугуарьего Хвоста рукой подать. Хотя прежде мне ни разу не случалось бывать в здешних местах, я

особо не волновался, а просто предоставил Капитану Кидду следовать за вихляющей из стороны в сторону разбитой колеей, оставленной бесчисленными колесами фургонов, поскольку не сомневался — именно эта самая колея в конце концов и приведет меня к цели.

Дорога вильнула очередной раз, огибая здоровенный утес, сразу за которым начиналась какая-то тропинка, уходившая в сторону. Не успел Кэп дотрусить до этой развилки, как вдруг я услышал оглушительный бычий рев, а вслед за ним — женский крик:

— На помощь! На помощь! Бык старика Кирби опять сорвался с привязи!

Затем раздался торопливый топот ног, почти заглушенный треском в зарослях молодых деревьев, которые сокрушала на своем пути не разбиравшая дороги тварь. И почти сразу же у выхода с тропинки показалась девушка, а за ее спиной — разъяренный бычище, уже нагнувший голову, намереваясь половчее поддеть несчастную беглянку на рога. Тогда я отпустил поводья, позволив Капитану Кидду шагнуть вперед, чтобы оказаться между девушкой и быком. Все дальнейшее я предоставил самому Кэпу, потому как в подобных случаях он в моих советах абсолютно не нуждается. Кэп шустро развернулся на месте и взбрыкнул задними ногами, удачно угодив быку прямо в бок. Мерзкая тварь тут же исчезла из вида, оставив после себя только громадную дырку в дощатом заборе по ту сторону дороги.

Дело в том, что моя лошадка с малолетства ненавидела всех быков. И сейчас Кэп уже рванул было сквозь пролом в заборе, в надежде затоптать своего поверженного врага насмерть, но я резко осадил его назад, отчего он тут же пришел в неистовство и начал брыкаться, пытаясь сбросить меня с седла. Покуда я его утихомиривал, бык кое-как встал на ноги, стряхнул с себя обломки забора и, задрав хвост, пустился наутек по склону холма. Унося ноги, он жалобно и тонко мычал на бегу, ну прям как до смерти перепутанная годовалая телочка.

Кое-как вразумив Кэпа, я оглянулся по сторонам и обнаружил совсем рядом с собой восхищенно поглядывавшую на меня девушку.

— Не могу ли еще чем-нибудь услужить вам, мэм? — не теряя времени, находчиво осведомился я, лихо сдернув с головы свою стетсоновскую шляпу и почтительно поклонившись.

— Я ужасно признательна вам, незнакомец, — ответила она, при этих словах ее нежное личико так и вспыхнуло огнем, — ведь та кошмарная тварь уже совсем было продырявила мне шкуру!

Куда вы направляетесь и сильно ли торопитесь? Ежели, например, вам не к спеху, то буду очень рада пригласить вас в гости. Мы живем недалеко, всего в миле отсюда прямо по этой тропинке.

— Немедля же воспользоваться вашим любезным предложением — есть предел моих мечтаний! — пылко заверил я девушку. — Но к моему глубочайшему сожалению, в Кугуарьем Хвосте меня ждет одно, весьма неотложное, дельце. Не подскажете ли, как далеко отсюда находится это селение?

— Да миль пять, пожалуй, — ответила она. — Дальше по этой же дороге. Кстати, меня зовут Джоан. А вас?

— Брекенридж Элкинс, с Медвежьего ручья, — по всей форме представился я. — Сейчас мне действительно необходимо спешить дальше, но завтра утром, вскоре после восхода, я снова буду в ваших краях по дороге обратно. Скажите, не смогли бы вы...

— Я буду ждать вас завтра утром, на этом самом месте! — заявила она так быстро и так решительно, что у меня на мгновение закружилась голова и все вокруг поплыло перед глазами. Вне всякого сомнения — любовь с первого взгляда! Или мне уже никогда больше не быть Брекенриджем Элкинсом! — Вы знаете, — вдруг робко добавила она, — у меня... у меня есть настоящие туфли, купленные в настоящем магазине! — Тут ее щечки вновь стыдливо зарделись. — И я обяза-

тельно надену их, как только завизижу вас издали! — Тут она окончательно смутилась и смолкла.

— Непременно буду здесь завтра поутру! — торжественно произнес я. — Даже если нам с Кэпом для этого придется всю ночь прокладывать себе путь сквозь огонь, воду и меднокожие трупы!

Я двинулся дальше, чувствуя, как великая гордость переполняет мое мужественное сердце, заставляя взволнованно вздыматься грудь. Ведь на белом свете найдется не так уж много горцев из Верхнего Гумбольта, способных зажечь с первого взгляда огонь любви в сердце девушки, а уж тем более — в сердце такой красавицы, да еще настолько состоятельной, чтобы иметь туфли, купленные в самом настоящем магазине! И как не раз я уже говаривал Капитану Кидду, даже далеко не всякому Элкинсу такое под силу!

Время уже шло к полудню, когда я добрался до Кутуарьего Хвоста, который, как и следовало ожидать, оказался совсем крохотным поселком, зажатым в распадке между высокими горами. Всего несколько домиков, где ютились обитатели этого городка, да еще с пяток строений; самыми примечательными среди них, конечно же, были лавка, тюрьма и салун. Позади салуна расположился самый большой дом поселка с вывеской, извещавшей всех о том, что именно здесь проживает Джонатан Миддлтон, мэр Кутуарьего Хвоста.

Вокруг не было видно ни единой живой души, даже на веранде салуна, поэтому я сразу проехал к месту, где расположились несколько коралей, служивших одновременно загонами для лошадей и стоянками для фургонов. Из ближайшей лачуги выскочил какой-то малый, взял Капитана Кидда за повод и попытался завернуть его в загон, где уже стояли два полудиких, никогда не ходивших под ярмом, мула. Но я предупредил его, что Кэп буквально через полчаса сделает из этих мулов отбивную, поэтому парень, недовольно ворча, завел мою лошадку в отдельный загон. Через несколько секунд он вылетел оттуда пулей, ругаясь на

чем свет стоит и шипя от боли: Кэп на прощание игриво куснул своего провожатого и при этом случайно вырвал из штанов довольно-таки приличный клочок.

Я едва успокоил беднягу, пообещав ему заплатить за бриджи по-королевски, после чего поинтересовался, где можно найти Билла Сантри. Малый, по-прежнему кривясь от боли, довольно нелюбезно буркнул, что Билл, как обычно, скорее всего торчит в лавке.

Ну что ты будешь делать! Лавка, украшенная хвастливой вывеской: «Универсальный магазин Джона Миддлтона», оказалась обычной для таких вот полуторговых-полупоселков. Тут тебе и бакалея, и галантерея, и всяческий инструмент, вплоть до оселков и механических точильных камней, и конская сбруя, и все такое прочее. В углу стояло здоровенное дышло от какой-то повозки. Внутри, прямо в торговом помещении, на коробках из-под разных товаров, расселось человек десять. Они похрустывали пресными галетами, заедая их солеными огурчиками прямо из стоявшего рядом бочонка. Вид у всех этих парней был самый что ни на есть крутой.

— Где тут можно найти Билла Сантри? — обратился я ко всей честной компании.

— Что ж, парень, — ответил мне самый здоровенный из этих мордоротов, слегка приподнимаясь с единственной в помещении скамейки, — значит, тебе теперь уже ни к чему продолжать свои поиски. Билл Сантри — это я!

— Отлично! — обрадовался я. — А меня зовут Брекенридж Экинс, и Джон Экинс мой родной брат. Он прислал меня сюда, чтобы получить от вас то, что вы ему обещали отдать.

— Ха! — вдруг заявил этот малый, окончательно расставшись со своей скамейкой. — Ха-ха! — добавил он, плотоядно фыркнув, словно голодная рысь в предвкушении близкой добычи. — Во всем мире не нашлось бы другой такой просьбы, какую я выполнил бы с большим наслаждением! Получай, дружок!

С этими словами он быстро схватил дышло от повозки и вдребезги расколотил его об мою голову.

Клянусь вам! Все это вышло так неожиданно, что я малость оступился, потерял равновесие и с грохотом рухнул на спину. А Сантри, издав какой-то ужасный волчий вой, тут же прыгнул обеими ногами прямо мне на живот, после чего у меня слегка потемнело в глазах. Следующее, что я припоминаю, — это как ко мне со всех сторон подскочили человек девять или десять приятелей Сантри и принялись нещадно охаживать мои бока своими сапогами, все время норовя почаще попадать по голове.

Должен заметить, что я не хуже любого другого умею ценить добрую дружескую шутку. Беда в другом. Я совершенно выхожу из себя, когда неловкий шутник переходит всяческие границы и, накрутив мои волосы на свою шпору, дрыгает ногой, пытаясь содрать с меня весь скальп разом. А Билл Сантри, несколько увлекшись, такую границу перешел!

Только поэтому мне пришлось подняться с пола, стряхнув с себя всех этих безумных. К тому же один из шутников, отлетая в сторону, неловко наступил мне на любимую мозоль, отчего я окончательно разъярился, взревев как бешеный бык. Я сгреб в далеко не братские объятия всех, до кого сумел дотянуться (кажется, их оказалось человек пять или шесть), и придавил их уже без всякого баловства: лучше, пожалуй, не справился бы и матерый гризли. Одним словом, когда я разжал руки, все, на что оказались способны эти бедолаги, так это просто повалиться на пол и уже там начать верещать и ругаться. Помнится, они все время твердили что-то такое о вывихнутых суставах и сломанных ребрах. Но точно поручиться не могу. Поскольку особо не прислушивался.

Быстро позабыв про них, я повернулся лицом к остальным. Они, придя в себя, набросились на мою скромную персону, беспорядочно размахивая револьверами, охотничьими ножами, арапниками и тому подобным злодейским оружием. Какой же поднялся вой, когда я, войдя в раж, расправлялся с толпой! Эти сладо-

стные звуки до сих пор иногда снятся мне по ночам! Занявшись делом, я едва не пропустил момент, когда Билл Сантри попытался под шумок поковыряться в моих ребрах здоровенным мясницким ножом — он второпях выдернул его из какого-то свиного окорока. Ну, честное слово, у меня просто не оставалось никакого другого выхода, кроме как слегка шлепнуть его по голове тем самым бочонком с солеными огурчиками! Но и бочонок, и сам Билл оказались удивительно непрочными созданиями — вот единственная причина, по которой бедняга Сантри рухнул на пол, оказавшись заживо погребенным под лавиной разломанных клепок, расщепленных дощечек днища, обручей и соленых огурчиков, обильно сдобренных целым морем рассола.

Покончив таким образом со своим главным противником, я покрутил головой, разглядел неподалеку стопку здоровенных кругов от точила и дотянулся до нее, после чего сдержать меня можно было разве только прямым попаданием из корабельной пушки.

Должен сказать, надежный, увесистый круг от точила — едва ли не самое лучшее оружие, когда дело доходит до настоящей потасовки. Но у него все же есть один небольшой недостаток: такой штукой очень трудно воспользоваться с должной точностью. За примерами далеко ходить не надо. Вот, скажем, шарахнул я тогда кругом по парню, который вздумал взводить курки у своего обреза. А что вышло? Малый, как ни в чем не бывало, остался стоять, где стоял, зато начисто куда-то подевались пять, не то шесть жуликов, целившихся в меня из-за его спины. Но тут уж ничего не поделаешь. Пришлось мне разбираться с тем дробовиком, а заодно — и с его владельцем при помощи здоровенной коробки с консервированной говядиной, после чего я схватил с колоды для рубки мяса обоюдоострый мясницкий топор (в этой лавке он зачем-то был насажен на очень длинную ручку и потому напоминал секиру). При виде этого боевые порядки граждан Кугуарьего Хвоста пришли в полное расстройство, и все они — уж во всяком

случае те, кто еще мог бегать и вопить, — мгновенно покинули поле битвы, испуская столь душераздирающие вопли, что у человека, менее выдержанного, чем я, наверняка разом застыла бы вся кровь в жилах.

Спотыкаясь о густо наваленные друг на друга тела жертв побоища, я кое-как добрал до дверей лавки, причем по дороге пару раз просто так, для тренировки, как следует врезал топором по полкам, снеся их к чертовой матери вместе со всеми ящиками, банками да жестянками, что на них раньше хранились. После чего решительно вывалился из дверей на улицу, воздев топор над головой, твердо намереваясь разрубить пополам всякого мерзавца, если таковой попытается на меня напасть. Но тут, прямо передо мной, словно из-под земли, вынырнул какой-то тощий дохляк и завопил:

— Стой! Именем закона приказываю тебе — остановись!

Не обращая никакого внимания на двустольный дробовик, которым этот мозгляк тыкал мне чуть не в самую физиономию, я пошире расставил ноги и занес топор, примериваясь для доброго удара, но при этом, совершенно случайно, зацепился своим оружием за вывеску над дверями лавки. Хвастливая вывеска тут же рухнула вниз, хлопнув парня прямо по макушке. Заверещав, будто недорезанный, малый грохнулся на землю, а дурацкая пукалка, вывалившись у него из рук, пальнула мне прямо в лицо, изрядно опалив мои усы. Нагнувшись, я сбросил с него вывеску, чтобы она не мешала мне правильно воспользоваться топором, но тут малый открыл глаза и снова заверещал:

— Стой, где стоишь! Я — здешний шериф! Я требую, чтобы ты немедленно сдался законно избранным властям!

Только тут я заметил тщательно натертую звезду, приколотую к одной из подтяжек этого олуха. Что делать! Я вздохнул, положил топор на землю и почти безропотно позволил тому чудаку завладеть моими револьверами. Уж так я дурно воспитан: никогда не

сопротивляюсь представителям закона. Хотя, крайне редко, подобные мысли все же посещают мою голову.

Мозгляк, усердно пыхтя, кое-как подобрал с земли свой глупый дробовик, опять навел его на меня и, все еще слегка пошатываясь, провозгласил:

— Именем закона! Я приговариваю тебя к штрафу в десять баксов за вопиющее возмущение общественного спокойствия!

Словно нарочно, именно в этот момент из-за угла вывернулся еще какой-то чужак, довольно долговязый и противный на вид сосунок с длинными, тщательно подбритыми бакенбардами, при галстукке, на котором сверкала брильянтовая заколка в виде лошадиного копыта. Он вприпрыжку подбежал к нам, остановился рядом, потрясая кулаками, и закатил такую истерику, на какую едва ли отважился даже только что кастрированный молодой бычок.

— Этот разбойник начисто сровнял с землей мой замечательный магазин! — брызгая слюной, орал этот недоумок. — И теперь он должен заплатить мне за все окна, прилавки, двери и полки, разнесенные им вдребезги! И еще — за мою прекрасную вывеску! И еще — за тот четырехведерный бочонок с чудесной, свежайшей свининой, который он вдребезги расколотил об голову моего младшего клерка!

— Ну, хорошо, — устало произнес шериф. — Как, по-вашему, сколько он вам в результате должен, мистер Миддлтон?

— Сколько? — кровожадно вскричал мэр Кугуарьего Хвоста. — Пятьсот долларов, вот сколько!

— Пятьсот долларов?! — заревел я, вновь впадая в черную ярость. — Ты никак рехнулся, чертов сын?! Да ведь весь ваш долбаный городишко, вместе взятый, не стоит таких денег! А кроме того, — несколько успокоившись, добавил я, — у меня все равно их нет. Вот разве что пятьдесят центов, но я их обещал отдать за штаны одному парню. Ну, тому, который сидит в будке у короля.

— Давай сюда эти пятьдесят центов!— чуток оживившись, приказал мне мэр.— Я прямо сейчас спишу их в расход. С твоего счета!

— А я прямо сейчас спишу в расход тебя. С этого света! — взревел я, сунув мерзавцу под нос свой кулак. Честное слово, чудака здорово рисковал, потому как тот мясницкий нож, каким Билл Сантри так неудачно ткнул меня между ребер, наверняка был испачкан солью и теперь у меня все сильнее жгло рану и внутренности. — В общем, — твердо заявил я, — эти пятьдесят центов я должен. И отдам их только тому, кому должен. И никому другому!

— Тогда его надо немедленно отправить в тюрьму! — опять принялся бушевать Миддлтон. — И пусть сидит там, пока мы не найдем ему такое дело, чтобы он смог бы полностью отработать гражданам нашего города весь причитающийся с него штраф!

После таких распоряжений мэра шериф торжественно повел меня к бревенчатому сараю, каковой в этом паршивом городке использовался вместо тюрьмы. А Миддлтон продолжал горестно оплакивать утраченный им «Универсальный магазин», не обращая ни малейшего внимания на разбросанные по полу стонущие тела. Но я, к своей радости, успел заметить, как уцелевшие горожане укладывают парней на носилки и затем влекут оные носилки в салун, дабы там привести пострадавших в чувство. Между прочим, над дверью там красовалось следующее: «Золотой квадрат, салун Джона Миддлтона».

Краем уха я услышал, как ребята проклинают самого Миддлтона, потому как тот велел им заплатить за виски, которым они поливали ссадины и синяки жертв недавней баталии. Но ругались они шепотом, поэтому я заключил, что этот самый Миддлтон, похоже, умудрился захватить в здешнем дерьмовом городишке почти что всю власть.

Ну да ладно.

Устроился я на тюремных нарах, которые тут почему-то называли койкой. Устроился с трудом, потому

как та койка была рассчитана на обычного человека, не больше шести футов ростом, после чего принялся гадать, с чего бы это Билл Сантри огрел меня тем дышлом. Ведь в подобных нелепых действиях любому было бы трудно углядеть хоть какой-нибудь смысл.

Я лежал, думал, а заодно ждал, когда же шериф наконец принесет мне ужин, но паразит то ли забыл про меня, то ли еще что, одним словом, жратвы я так и не получил. Поэтому довольно скоро я задремал, и мне, конечно же, приснилась Джоан, в туфлях из самого настоящего магазина.

А разбудил меня ужасный гвалт, доносившийся, как мне показалось, из салуна. Я встал с койки и попытался разглядеть хоть что-нибудь сквозь зарешеченное окно. Несмотря на глубокую ночь, салун, да и все окна домов, что находились от него поблизости, были ярко освещены. К сожалению, тюрьма находилась довольно далеко, поэтому понять, что же там происходит, было чертовски трудно. Однако сам по себе шум напомнил мне дом, и какое-то мгновение я даже решил, будто чудом вдруг снова перенесся на Медвежий Ручей. Мужчины орали и вовсю сыпали ругательствами, шла беспрерывная пальба из револьверов, а весь этот тарарам то и дело заглушался чьим-то до боли знакомым громовым ревом. Потом вдруг раздался сильный треск — кого-то выбросили из салуна прямо через закрытую дверь. После этого я наконец почувствовал настоящую тоску по родным краям, ведь происходящее ну просто как две капли воды походило на столь любезные моему сердцу танцульки у нас, на Медвежьем Ручье!

Я в отчаянии затряс решетку на окне, так мне хотелось увидеть, что же такое происходит в салуне!

Правда, мне удалось разглядеть более-менее отчетливо, как тела людей по очереди вылетают из салуна головой вперед. Когда эти тела шмякались об землю и переставали катиться, то тут же вскакивали на ноги и неверными шагами устремлялись прочь. Причем крайне торопливо и в самых разных направлени-

ях, завывая так, словно по пятам за ними гнался вышедший на тропу войны отряд конных апачей.

Вскоре я заметил еще одну человеческую фигуру, со всех ног мчавшуюся по направлению к тюрьме. Это оказался тот самый тщедушный шериф. Вся одежда на нем висела клочьями, бедолага кулаком размазывал кровь по лицу, шипел и задыхался.

— У нас наконец-то появилась для тебя стоящая работенка, Элкинс! — прохрипел он, едва сумел немного отдышаться. — В городе только что объявился какой-то дикарь из Техаса и сразу же поверг в панику всех наших граждан!

Ежели ты сумеешь защитить наш покой, а также изгнать отсюда это ужасное исчадие пустынных прерий, твой долг будет списан навеки. Нет, ты только послушай!

Я последовал его совету и, судя по доносившемуся сюда шуму, пришел к выводу, что вышеупомянутый дикарь выкидывает прямо сквозь стены салуна мебель, чем-то не пришедшуюся ему по душе.

— Но даже дикари никогда не станут буйствовать просто так, — рассудительно заметил я. — Наверно, была какая-то причина?

— Ах, сущие пустяки, — горячо зашептал в окошко шериф. — Просто кто-то из ребят обмолвился, будто в Санта-Фе гонят куда более лучшую перцовку, нежели в Эль-Пасо, а этот придурок в ответ принялся громить весь наш город!..

— Но я никак не могу осудить его за это! — сурово бросил я в ответ шерифу. — Потому как данное утверждение есть грязная ложь и самая низкопробная клевета! Должен сразу заметить, шериф, что все старшее поколение моей семьи родом из Техаса, и ежели вы, койоты, засевшие в своем мерзком Кутуарьем Хвосте, всерьез полагаете, будто у вас имеется не только право порочить мой родной штат, но и надежда избежать ответственности за свои столь гнусные наветы, то...

— Нет, нет! Нет! — в отчаянии взвыл шериф, заламывая руки и подпрыгивая на месте всякий раз, ког-

да со стороны салуна доносился очередной треск деревянных панелей. — В нашем городе все, ну просто абсолютно все убеждены, что Штат Одиноким Звездам есть, был и будет вовеки средоточием всех достоинств, присущих нашему родному Западу. Ну послушай же меня! Будь другом, вышиби из нашего города этого придурка и убийцу! Черт побери, в конце концов, ты просто обязан сделать это! Ты обязан по закону отработать наложенный на тебя властями штраф и, лопни мои глаза...

— Черт, ну как же ты мне надоел! Ладно уж, сделаю, только помолчи малость! — с досадой произнес я, вышибая ногой дверь тюрьмы прежде, чем шериф успел ее отпереть. — Но сделаю только потому, что не могу вечно торчать в вашем долбанном городишке. Не далее как завтра на рассвете у меня есть одно весьма важное дельце в нескольких милях отсюда.

Мы двинулись к салуну. Улица была совершенно пустынная, однако из каждой приоткрытой двери, из каждого приотворенного окна торчали молчаливые, исполненные робкой надежды головы граждан Кугуарьего Хвоста. Шериф следовал за мной по пятам, куда мы не оказались всего в нескольких футах от салуна. Тут он робко потрепал меня по плечу и смущенно пробормотал:

— Иди туда и делай свою работу. И постарайся сделать ее хорошо. Ты — наша последняя надежда. Ежели тебе не удастся уложить притаившегося там, внутри, окаянного гризли, тогда этого не сумеет сделать никто! Иди! — С этими словами шериф вручил мне мой пояс с револьверами и мгновенно растаял во тьме, нырнув за угол ближайшего дома.

Я не спеша вошел в салун и тут же разглядел возле стойки бара настоящего гиганта, только что приготовившегося сделать добрый глоток из большущей оплетенной бутылки. Парень постарался и расчистил для себя достаточно места, но разрушения внутри помещения оказались совсем не такими уж большими, как я ожидал.

Едва слышались мои шаги, он мгновенно — дикая кошка и та не сумела бы быстрее — повернулся на пятках в мою сторону, неуловимым движением выдернув из-за пояса револьвер. Но я выхватил один из своих шестизарядных ничуть не медленнее, и какое-то мгновение мы хмуро и молча взирали друг на друга поверх вороненых стволов.

— Брек! — наконец произнес он. — Брекенридж Элкинс! Мой дражайший кровный родственничек! А ведь я-то уж невесть что подумал!

— Дорогой двоюродный братец! — с чувством ответил ему я. — Медведь Бакнер! А ведь я-то и слыхом не слыхивал, что ты наконец лично пожаловал к нам в Неваду!

* * *

— Мне последнее время что-то не сидится на месте, — признался братец, убирая за пояс свою скорострелку. — Ну прям будто шило какое в одном месте воткнуто. Так вот и в эти края занесло. А тут вдруг ты, братец Брекенридж!

— Богом клянусь, даже не знаю, как сказать, до чего я сам рад тебя видеть! — воскликнул я, дружески тряся ему руку. И тут меня словно молния ударила: я разом вспомнил все нынешние события. — Фу ты, черт, — виновато сказал я, — мне же придется тебя вышвырнуть отсюда! Какая незадача!

— Это ты о чем? — требовательно спросил Медведь.

— Да ну... — промямлил я. — Тут такое дело... Одним словом, они меня тут арестовали. Денег, чтобы уплатить штраф, у меня, конечно, нет. Поэтому штраф мне велено отработать. А работа, какую эти подлецы мне поручили, она, видишь ли, сводится к тому, чтобы вышвырнуть тебя из этого города...

— Никогда не видел никакого смысла в законах и законниках, — мрачно заявил Медведь Бакнер, — но ежели речь идет просто о штрафе, я немедленно упла-

чу его за тебя. Ежели, конечно, у меня хватит наличных, — с сомнением добавил он.

— Но Элкинсы никогда и ни от кого не принимали подаяния! — слегка уязвлено ответил я. — Мы всегда честно отработывали то, за что нам платили. А штраф накладывает на меня обязательство помочь тебе покинуть этот город к чертям собачьим!

Тут мой братец окончательно вышел из себя. Недаром родичи давно поговаривали, что у него слишком уж горячая голова. Бакнер оскалил зубы, его черные брови совершенно съехались к переносице, к тому же он начал нервно сжимать и разжимать кулаки, каждый из которых был размером с хорошую кувалду.

— Ну разве можно такого парня, как ты, считать настоящей кровной родней? — проворчал Медведь. — Я лично никогда не был противником хорошей, доброй потасовки между родичами, но сейчас мотивы твоих устремлений кажутся мне слишком уж меркантильными и попросту неприличными для истинного Элкинса! Твое недостойное поведение заставляет меня вспомнить один общеизвестный факт. Это ведь твоему старику пришлось срочно покинуть Техас, потому как он пару раз по расseyнности накидывал свое лассо не на ту лошадку!

— Подлая ложь! — с жаром возразил я. — Мой папаша оставил Техас лишь потому, что после гражданской войны он не захотел присягать на верность проклятым янки! И ты сам об этом прекрасно знаешь! Но так или иначе, — я постарался придать своему голосу всю язвительность, на какую был способен, — никто и никогда не сможет обвинить Элкинсов в том, что хоть кто-нибудь из них способен сперва стащить чужого цыпленка, а затем сожрать его полусырым прямо в придорожных зарослях чапарала!

Медведь Бакнер вздрогнул и заметно побледнел.

— Это еще что за грязные намеки, ты, сын Велиала?! — взвыл он не своим голосом.

— Какие уж там намеки! — скорбно ответил я. — Одна лишь святая правда во всей своей неприглядной

красе! Твои преступные наклонности давно уже ни для кого в нашей семье не являются тайной. Тетушка Атаскоция в своем письме подробно расписала дядюшке Джеппарду Граймсу о том, как ты своровал ту курочку прямо с насеста в курятнике старика Вестфалля!

— Немедя заткни свою пасть! — оглушительно взревел братец, подпрыгивая на месте от ярости и судорожно стискивая рукоятки своих шестизарядных. — Прежде всего, то была вовсе не курица, а какой-то тощий полудохлый петух! А во-вторых, когда я стащил и сожрал эту полусырую дохлятину, я был совсем еще пацаном, а вдобавок натурально помирал с голодухи, поскольку уже шестой день кряду с трудом уходил от погони. Ведь после того, как чертов дурень Джо Ричардсон случайно оказался на моем пути именно тогда когда мне вздумалось разрядить тяжелый винчестер, целая толпа до зубов вооруженных идиотов буквально дышала мне в затылок. Да чтоб тебе лопнуть! Клянусь всем святым, с тех пор мне случилось подстрелить немало людей, куда более достойных, чем ты, которым пришла в голову глупая мысль слегка потрепаться в моем присутствии о краденых цыплятах!

— И тем не менее! — Я непреклонно стоял на своем. — Факт остается фактом. Во всем нашем клане ты — единственный, кто позволил себе слямзить цыпленка. Чтобы хоть один из Элкинсов унизился до кражи куриц?! Да ни в жисть!

— А как же! — презрительно фыркнул Бакнер. — Кто ж спорит! Ведь всему белу свету давным-давно известно, что твоя почтенная семейка предпочитает лошадей!

Как раз тут я заметил, что снаружи, у дверей и под окнами салуна, собралась целая толпа зевак, трепетавших от страха, но тем не менее жадно прислушивавшихся к перепалке. Незачем им быть в курсе наших старинных внутрисемейных раздоров! Поэтому я нахмурился и сурово молвил:

— Поговорили и хватит! Пришла пора действовать. Не скрою: когда я увидел тебя здесь, то в первый

момент сама мысль о необходимости нанести тебе тяжкие телесные повреждения казалась мне крайне неприятной, братец Бакнер! Но сейчас, после нашего небольшого обмена мнениями, это чувство наконец покинуло меня. И теперь я с радостью, с чистым сердцем и со спокойной душой сделаю твою довольно-таки невзрачную физиономию еще более невзрачной! Так что тяпнем по глоточку и приступим, к делу!

— Это меня очень даже устраивает,— согласился Медведь Бакнер, снимая оружейный пояс и вешая его на стойку бара.— Сдается мне, вон в той бутылки случайно застрял почти целый галлон местного красного пойла!

Мы по очереди приложились к горлышку, сделав по паре весьма умеренных глотков, а затем я отшвырнул в сторону опустевшую бутылку, повесил свой пояс с пистолетами рядышком с бакнеровским и ласково поинтересовался:

— Ну так как, братец? Повыдергивать тебе руки-ноги или проломить черепушку? Говори, не стесняйся!

— Подожди секундочку,— ответил он.— Лучше сперва скажи мне, в каком это... то есть я хотел сказать: где это ты ухитрился так извозить свои сапоги?

Я невольно перевел взгляд на свою обувку, а подлец Бакнер тут же изо всей силы пнул меня ногой прямо в зубы и прям-таки зашелся в приступе мерзкого кровожадного хохота. Ну, покуда он так веселился, я как раз успел прийти в себя, после чего настолько яростно боднул братца головой в брюхо, что его отвратительное гоготанье мигом превратилось в агонизирующий кашель. Тут мы обхватили друг друга руками и, пытаясь придушить друг друга или хотя бы как следует лягнуть, начали кататься по полу. Натурально, мы вдребезги разнесли все столы, стулья и всякую прочую мебель, какая еще оставалась в салуне. Некоторые до сих пор удивляются, вспоминая учиненный тогда разгром. А чему тут удивляться? Никак в толк не возьму!

Наверное, мэр Кутуарьего Хвоста Миддлтон тоже шастал среди зевак у окон салуна — среди грохота и

треска я в какой-то момент отчетливо различил его вопли:

— Бог мой! Да они же камня на камне не оставят от моего чудесного заведения! Шериф! Немедленно арестуйте обоих!

Однако шериф не растерялся. Откуда-то издали он прокричал своему мэру в ответ:

— Ежели хотите знать, Джонатан Миддлтон, так с меня тут взятки гладки! Вы отдали мне указания, а я их выполнил. Ну а если в результате ваших мудрых распоряжений вместо одного торнадо мы имеем два, то никакой моей вины здесь нету! И уж коли вам теперь нейдет прекратить это стихийное бедствие, тогда полезайте туда сами!

Спустя какое-то время мы с братцем Бакнером притомились от бестолковой возни на полу среди обломков мебели и опрокинутых плевательниц. Тогда, ослабив хватку, мы одновременно поднялись на ноги, после чего я тут же вдребезги разнес об его голову колесо от рулетки, а он, не желая оставаться в долгу, так врезал мне в челюсть, что я пролетел сквозь зеркало бара, осыпаясь дождем битого стекла и щедро поливаемый струями виски, рекою хлынувшего из множества разбитых бутылок. От столь сильного сотрясения с потолка салуна сорвался подвесной светильник, из которого прямо за шиворот моему братцу вылился целый галлон почти что кипящего свечного сала.

Покуда он, шипя от боли, соскребал с себя это сало, я кое-как выкарабкался из-под ароматных руин бывшего бара и отправил свой правый кулак в путешествие аж от самого пола. Преодолев путь длиною не менее девяти футов, кулак смачно въехал в нижнюю челюсть братца Бакнера, отчего тот врезался спиной в противоположную стену салуна, проломил доски и вылетел наружу, оставив в стене изрядную дыру. Насколько мне теперь помнится, именно тогда крыша салуна и обрушилась внутрь.

Некоторое время я лихорадочно брыкался, стараясь сбросить придавившие меня обломки крыши, а

затем ко мне весьма своевременно подоспела помощь в лице Медведя Бакнера. Он быстро раскатил по сторонам обвалившиеся бревна, раздвинул рухнувшие балки, и спустя пару минут я уже выбрался из-под груды мусора на свежий воздух.

— Положим, чуть позже я справился бы с этим делом и сам, — пропыхтел я. — Тем не менее весьма обязан.

— Не стоит благодарности, — проворчал Бакнер. — Знать, недаром говорится: кровь родная — не водица!

С этими словами он вернул мне должок, нанеся такой удар в челюсть, что я пролетел ровно семнадцать с половиной футов, после чего приземлился в двух шагах от стены дома, в котором обитал мэр Кутуарьего Хвоста. Буквально в ту же секунду мой двоюродный братец снова оказался рядом и принялся деловито пинать меня сапогами, притом норовя как можно чаще попадать по голове. Однако все его усилия оказались тщетными, помешать мне подняться на ноги он так и не сумел.

— Прочь! — истошно завопил вывернувшийся из-за угла мэр. — Счас же прочь от моего дома!

Но было уже слишком поздно. Я с такой неистовой силой влепил своему братцу прямо промеж глаз, что он также пролетел по воздуху ровно семнадцать с половиной футов, а затем врезался прямехонько в сложенную из булыжника дымовую трубу мэрского дома, пробив ее насквозь своей головой. Труба накренилась, несколько раз качнулась из стороны в сторону и обрушилась вниз, почти с головой засыпав моего противника обломками битого камня.

* * *

Однако, будучи Бакнером из Техаса, братец Медведь очень шустро поднялся на ноги. Причем не просто поднялся, но успел по дороге выудить из груды мусора булыжник размером с хороший арбуз, который не замедлил тут же расколотить вдребезги об мою

черепушку. Такое недостойное поведение привело меня в самую ярость, поскольку мне стало ясно: мой соперник вовсе не намерен сражаться честно, как подобает истинному джентльмену. Раз такое дело, то я выдрал из стены мэрского дома дубовое бревно, которым с размаху врезал позабывшему честь и совесть негодяю чуть пониже левого уха. И тогда братец Медведь снова рухнул лицом вниз, в мусор и пыль. Но на сей раз он уже больше не встал.

Покуда я восстанавливал дыхание, утирая со лба пот, заливавший мне глаза, ликующие граждане Ку-гуарьего Хвоста повывлазили из своих убежищ, а шериф во всеуслышание громогласно объявил:

— Ты отлично потрудился, Элкинс! Отныне ты вновь свободный человек!

— Черта с два! — неожиданно завопил вышедший из транса мэр Миддлтон. Ноги мэра сами собой выделяли такие кренделя, будто он исполнял военный танец апачей, а с его губ срывались невнятные проклятия, перемежаемые глухими стенаниями. — Нет, вы только посмотрите на мой дом! И на мой салун! Я уже не говорю про мой бывший чудесный магазин! Я разорен! Шериф, немедленно арестуйте этого человека!

— Которого именно? — холодно поинтересовался шериф.

— Нну-у... я думаю, вон того, — с явной горечью в голосе сказал мэр, — который из Техаса. Во всяком случае, он пока без сознания, так что приволочь его в тюрьму, пожалуй, не составит большого труда. А второго гоните прочь из города. В шею. И чтобы глаза мои его здесь больше никогда не видели!

— Эй, вы там! — возмущенно заявил я. — Нельзя ли малость полегче! Не вздумайте арестовать моего брата Бакнера! Об этом уговора не было!

— Никак ты намерен оказать сопротивление закону? — заложив большой палец за свою подтяжку, заносчиво спросил шериф.

— По-моему, вы представляете закон лишь до тех пор, покуда вы носите звезду шерифа, не так ли? — вкрадчиво поинтересовался я.

— Совершенно верно, — хвастливо ответил он. — До тех пор пока эта звезда при мне, я и есть закон!

— Отлично! — деловито поплевав на руки, сказал я. — Ну просто великолепно! Но все дело в том, парень, что как раз сейчас этой звезды при тебе нету! Наверно, ты обронил ее где-то нынче ночью. До чего ж хлопотливая выдалась ночка, а? Так что теперь ты всего лишь самый обыкновенный гражданин и прав у тебя ровно столько же, сколько у меня. Ну, держитесь, койоты! Вот он я, перед вами! И сейчас я с вами со всеми разберусь!

Я снова поплевал на руки, набрал полную грудь бодрящего ночного воздуха и радостно расхохотался.

Бывший шериф Кутуарьего Хвоста некоторое время недоуменно и тупо разглядывал то место на своей правой подтяжке, где еще совсем недавно сияла столь разлюбезная его сердцу звезда. Но едва он немного пришел в себя, как тут же заорал от ужаса и со всех ног бросился бежать по улице, петляя как заяц. Большая часть зевак, не теряя времени, устремилась за ним следом.

— Стойте, трусы! — отчаянно завопил мэр Миддлтон. — Я требую, чтобы вы вернулись и немедленно арестовали этих двух негодяев!

— О, черт! — с отвращением в голосе произнес я. — Как же ты мне надоел! Заткнись счас же! — И я легонько подтолкнул малого в спину.

Нет, нучестное слово! Ведь я едва-едва прикоснулся к этому олуху! Но, как мне стало известно гораздо позже, он оказался настолько хилым, что даже такой легкий тычок напрочь вывихнул ему левую лопатку.

Тем временем дело шло уже к рассвету, а братец Медведь вовсе не желал приходить в сознание. Между тем я отчетливо слышал — эти проклятые скунсы из Кутуарьего Хвоста, засевшие в своих норах, пере-

крикуются друг с другом. Из их воплей мне стало ясно, что эти придурки откроют по нам пальбу из своих винчестеров, как только на улице станет достаточно светло для прицельной стрельбы.

И тут неподалеку я заметил фургон. Взвалив на плечо тело своего двоюродного брата, я кое-как дотащил его до этого места и зашвырнул его внутрь повозки. (Потому как вовсе не в правилах Элкинсов разбрасываться бесчувственными телами своих родичей, оставляя их на произвол судьбы в лапах разъяренной толпы вооруженных психов.)

Затем я зашел в тот кораль, где стояла пара диких мулов, и принялся запрягать их, и уверяю вас, то была совсем не детская забава. Этим мулам еще никогда не приходилось ходить под ярмом, а потому, почуяв во мне врага, они с огромным воодушевлением набросились на меня. Им даже удалось на время сбить меня с ног, а когда они принялись топтать меня своими копытами, осмелевшие обитатели Кугуарьего Хвоста нахально предприняли вооруженную вылазку. Правда, без особого энтузиазма. И стоило мне пару раз выпалить из моего сорок пятого, как они, оглашая окрестности воплями ужаса, тут же снова разбежались по своим домишкам и торопливо принялись опять баррикадировать окна и двери.

Когда мое терпение окончательно лопнуло, я по очереди оглушил глупых мулов, как следует врезав им кулаком промеж ушей, после чего, покуда они еще не пришли в себя, быстро набросил на них упряжь, а Капитана Кидда и лошадку своего братца привязал к задку фургона.

— Смотрите! — раздался из ближайшего домишки чей-то вопль, за которым тут же последовал сделанный наугад выстрел. — Подлец собрался украсть наших мулов!

Но фургон уже сдвинулся с места. Я правил стоя, изо всех сил натягивая вожжи, чтобы заставить этих сумасшедших мулов мчаться по прямой.

— Заткнитесь, идиоты! Элкинсы никогда ничего не крадут! — во всю глотку заревел я, покуда наш

экипаж, грохоча колесами, мчался мимо домишек, в окнах которых то и дело мелькали вспышки торопливых, бестолковых выстрелов. — Не далее как завтра я пришлаю вам взад ваш дурацкий фургон и ваших дурацких мулов!

Но в ответ мне раздался лишь взрыв кроважанных воплей, за которым последовал самый настоящий свинцовый дождь. К счастью, последнее напутствие этих придурков благополучно просвистело мимо моих ушей, и я, сопровождаемый громадным облаком пыли и кошмарных богохульств, навсегда покинул Кутуарий Хвост.

После нескольких тщетных попыток остановиться или порвать упряжь мулы покорились своей участи и, словно пара насмерть перепутанных кроликов, вихрем помчались вниз по петляющей горной дороге. Фургон едва вписывался в повороты, проходя их на одном колесе. Порой наша повозка натыкалась на какой-нибудь пенёк, после чего следующие несколько футов мы пролетали по воздуху. Не иначе как именно эти, довольно-таки непривычные для него, ощущения наконец привели в чувство двоюродного брата. Готовясь к отъезду, я свалил бесчувственное тело у передней стенки фургона, однако на одном из ухабов наш экипаж подбросило так сильно, что братец Медведь совершил невольный кульбит, после которого приземлился на голову в противоположном конце повозки. Вот тут-то он вдруг зашевелился, а затем встал на четвереньки, устремил затуманенный взор на бешено мелькавшие перед его глазами деревья и взревел, будто раненый бык:

— Какого дьявола?! Что тут происходит?! И вообще, где это я нахожусь?

— Ты находишься на пути к Медвежьему Ручью, дорогой мой братец Медведь! — проорал я в ответ, не забывая прохаживаться кнутом по спинам глупых мулов. — Н-но, м-мертвые, нн-но! Мы отлично с тобой повеселились! А теперь еще — такая чудесная поездка! Ты должен быть доволен, братец! Разве я не прав?

В моей голове роились самые приятные мысли о Джоан, очевидно уже поджидавшей меня у поворота дороги, в тех самых туфельках, что были куплены в настоящем магазине... К тому же, думал я, продолжая мчаться вперед на крыльях любви, несмотря на все синяки да шишки, полученные мною в Кутуарьем Хвосте, я ничуть не стал ниже ростом и, к великому моему счастью, не утратил своей привлекательной внешности.

— Притормози сейчас же! — проревел Медведь Бакнер, пытаясь подняться.

Но как раз в этот момент мы понеслись вниз с крутого берега горной речушки, фургон с треском накренился, а мой братец отправился в обратный полет от задней дверцы фургона к передней и так сильно ударился об нее головой, что едва не протаранил насквозь.

— Ой-ё! — прочувствованно произнес мой двоюродный братец.

Больше ничего добавить к своим словам он не успел, потому как именно в этот момент фургон на полной скорости преодолел речушку. Вода двумя широкими крыльями поднялась вверх, а затем снова обрушилась вниз; причем несколько сотен галлонов попало внутрь повозки и Медведя Бакнера чуть не смыло за борт этим могучим потоком.

— Я непременно прикончу тебя! — едва закончив кашлять и отплеиваться, пообещал двоюродный братец. — Ежели только мне суждено выбраться отсюда живым, я обязательно доберусь до твоего горла. Пускай даже на это уйдет без остатка вся моя молодая жизнь! И будь я проклят, если...

Но бедолаге опять не удалось закончить свою мысль, потому как именно в этот момент мулы с разбегу взяли штурмом не менее крутой противоположный берег речушки, и братец Медведь снова отправился в полет по привычному маршруту. Только на сей раз он не просто с грохотом врезался в заднюю дверь, а напрочь вышиб ее головой. Думаю, он обязательно уле-

тел бы вслед за этой дверцей, если б не застрял в слишком узком для него проеме.

Мы продолжали нестись во весь опор. Дорога совсем испортилась; фургон, будто кузнечик, то и дело скакал с одного пня на другой, ежели, конечно, не считать те случаи, когда мы, срезав очередной поворот, со страшным треском проламывались напрямую через густые заросли кустарника. Капитан Кидд, вместе с лошадкой Бакнера, с громким ржанием мчались следом за нами; мулы дико ревели; я время от времени победно гикал, а братец Медведь непрерывно сыпал самыми ужасными проклятиями...

Через некоторое время я оглянулся назад и, чтобы хоть немного успокоить своего разволновавшегося родича, проорал, стараясь перекрыть производимый нами страшный шум:

— Да не волнуйся ты так, братец Бакнер! Уже совсем скоро я приторможу этих дурацких мулов! Мы буквально в двух шагах от того места, где я договорился встретиться с моей девушкой! Она должна ждать меня у...

— Да разуй же ты наконец глаза, проклятый дурень! — отчаянно взвыл Медведь Бакнер.

Тут я снова посмотрел на дорогу, но так и не увидел ее. Наверно, мулы решили срезать очередной поворот; во всяком случае, теперь они вихрем неслись прямо на большущий дуб, имея явный преступный умысел обехать его с разных сторон.

Так они и сделали.

Длинное дышло разлетелось вдребезги, подлые твари наконец освободились от ненавистой им упряжи и, оказавшись на свободе, продолжали с торжествующим ревом мчаться все дальше и дальше... Чего я никак не могу сказать о фургоне, потому что чертова повозка со всего разгона врезалась в ствол дерева. Этот последний удар оказался настолько сильным, что мы с Медведем Бакнером пролетели по воздуху никак не меньше семнадцати с половиной ярдов, прежде чем угодить в непролазные заросли колючего кустарника.

Насколько мне известно, вернувшись к себе в Техас, Бакнер клялся и божился, будто бы я совершенно сознательно направил мулов на дуб, заранее имея на примете громадное гнездо лесных пчел, в которое мы утодили, когда, немного полетав по воздуху, наконец упали в кусты. Заявляю совершенно официально: это есть подлая ложь! Каковую я всенепременнейше вобью моему двоюродному братцу Бакнеру обратно в глотку, как только он в следующий раз подвернется мне под руку. Более того, нахальный родственник также нагло утверждал, будто то были не простые лесные пчелы, а настоящие исчадия ада, специально натасканные мною жалить всех, кроме меня. Тогда как неприглядная истина сводится к следующему: у меня просто хватило здравого смысла прикинуться мертвым и лежать абсолютно спокойно, а вот мой братец оказался настолько глуп, что едва выдернув голову из пчелиного гнезда, он тут же ударился в бег.

От всей души надеюсь: уж теперь-то Медведь Бакнер навеки усвоил, что даже самый быстрый в мире бегун ничем не сможет обогнать обозленную лесную пчелу. Вертаться словно торнадо, дорогой родственничек продрался сквозь заросли на открытое место и дал деру, дико визжа, завывая, размахивая руками и подпрыгивая самым дурацким образом. Надо полагать, Бакнер бежал по кругу, потому как примерно минуты через три я снова услышал его дикий рев, а потом увидел и его самого. Он последний раз высоко подпрыгнул, молотя по себе руками, после чего вновь нырнул в заросли. Я прикинул, что к этому времени он не только отвлек на себя всех пчел, но и успел от них избавиться. Можно уже было не притворяться мертвым. Я осторожно выпутался из хитросплетения колючих веток, а затем довольно быстро определил, где именно братец Медведь закончил свой безумный бег. Сделать это оказалось совсем нетрудно, поскольку он продолжал сотрясать мирные окрестности самыми невероятными проклятиями и богохульствами. Найдя то мес-

то, где он окончательно запутался в клубке колючих ветвей, я крепко ухватил беднягу за левую ногу и выдернул его на свет Божий. Следует отметить — он за последние несколько минут лишился почти всей своей одежды, да и характер у него ничуть не улучшился. Более того, во всех своих несчастьях мой родич явно был склонен винить только меня.

— Пошел-ка ты! — свирепо заявил он. — Не смей ко мне прикасаться! Оставь меня в покое! Я абсолютно, ты слышишь — абсолютно! — уверен, что именно сейчас нахожусь как раз на таком расстоянии от Медвежьего Ручья, каковое меня полностью устраивает. Где мой конь?

Когда фургон разбился об дерево, привязь лопнула и наши лошадки оказались на свободе. Но они никуда не делись. Совсем наоборот: они устроили целое сражение прямо посреди дороги. Конь братца Бакнера был едва ли не точной копией моего Капитана Кидда, почти такой же огромный и с таким же дурным нравом. Нам стоило немалых трудов растащить их. После чего Медведь Бакнер, храня утрюмое молчание, немедленно и деловито полез в седло.

— И куда же ты теперь, братец Медведь? — вежливо поинтересовался я.

— Куда угодно, лишь бы побыстрее оказаться как можно дальше от тех мест, где обретаешься ты! — с горечью в голосе отвечал мой родич. — Я уже повстречался с таким количеством Элкинсов, какое оказался в состоянии перенести за один раз. Ничуть не сомневаюсь, что намерения у тебя были самые добрые, да только нормальному человеку куда как лучше попасть в клетку с голодными львами, нежели чем кто-нибудь из Элкинсов вдруг да примется выручать его из беды!

Присовокупив к своим словам еще несколько дополнительных высказываний, которые настолько потрясли меня, что я просто не решаюсь их здесь повторить, братец Медведь вонзил шпоры в свою лошадку, взяв с места в карьер.

Со стороны, а точнее, сзади, он выглядел весьма странно, поскольку из всей одежды на нем оставались только продранные штаны, а голая спина была сплошь покрыта синяками, царапинами, порезами и пчелиными укусами...

Мне было искренне жаль, что у моего двоюродного брата ни с того ни с сего вдруг оказалась столь нежная и легкоранимая натура. Однако я не мог позволить себе попусту тратить время, размышляя над глубинными причинами проявленной им черной неблагодарности. Уже начинался восход солнца, а я твердо знал, что Джоан обязательно будет ждать меня у того места, где к дороге сбегает горная тропа.

Разумеется, так оно и вышло. Когда я наконец добрался до развилки, девушка уже была там, но на ее ножках я почему-то не заметил тех самых туфелек, купленных в настоящем магазине. А сама Джоан выглядела очень взволнованной, я бы даже сказал — слегка напуганной.

— Брекенридж! — воскликнула она, бросившись ко мне на грудь прежде, чем я успел вымолвить хоть слово. — Случилось нечто ужасное! Прошлым вечером мой брат был в Кутуарьем Хвосте, и там какой-то заезжий громила избил его до полусмерти! Теперь он даже не в состоянии ходить самостоятельно, поэтому его несут домой на носилках, а один из его друзей, обогнав остальных, прискакал сюда верхом, чтобы предупредить меня о кошмарном происшествии!

— Но ведь мне по дороге сюда не пришлось никого обгонять! — удивленно сказал я.

— Они идут пешком, — объяснила Джоан. — А пешком сюда можно пройти напрямую, коротким путем через холмы. Да вот и они!

Я и сам заметил, как из-за поворота, в нескольких сотнях ярдов от нас, появились несколько человек с носилками; они явно направлялись в нашу сторону.

— Пойдем! — сказала Джоан, нетерпеливо держа меня за рукав. — Слезай с коня, и пойдем к ним. Я хочу, чтобы брат рассказал тебе, кто его так отделал, а еще я хочу, чтобы потом ты как следует поквитался с тем мерзавцем!

— Пожалуй, догадываюсь, чьих это рук дело, — пробормотал я, слезая с Капитана Кидда. — Но такие вещи всегда лучше знать наверняка.

Про себя-то я уже твердо решил, что сейчас мне предстоит познакомиться с одной из жертв отвратительного характера моего двоюродного братца Бакнера.

— Погляди-ка! — вдруг прервала мои размышления Джоан. — Как забавно! Эти ребята повели себя очень странно, едва увидели тебя. Смотри! Они поставили носилки на землю, побросали оружие и врассыпную бросились обратно в лес! Билл! — испуганно вскрикнула она, когда мы подошли ближе к носилкам. — Ты очень серьезно пострадал, Билл?

— Прилично. В двух местах сломана нога, да еще треснуло несколько ребер, — донесся с носилок слабый стон несчастной жертвы, голова которой была обмотана таким количеством бинтов, что мне все никак не удавалось разглядеть лицо. Но тут вдруг малый резко сел на носилках и бешено заорал: — А что здесь делает этот проклятый головорез и чертов конокрад?

Голос жертвы был мне очень даже знаком. К моему изумлению, братом Джоан оказался не кто иной, как Билл Сантри!

— Что ты такое говоришь, Билл? Этот человек — наш друг... — дрожащим голосом начала объяснять Джоан, но ее братец, для начала громко изрыгнув парочку чудовищных богохульств, не дал бедной девушке закончить.

— Друг?! — визгливо выкрикнул он. — Да какой он нам, на хрен, друг! Это же родной брат Джона Элкинса! Но и это еще не все! Он вчера изувечил меня, приведя в то самое плачевное состояние, в котором ты теперь и имеешь счастье меня наблюдать!

Джоан ничего не сказала в ответ. Повернувшись, она коротко взглянула на меня, и в ее глазах мелькнуло какое-то очень странное выражение. Затем она перевела взгляд себе под ноги с таким видом, будто пыталась что-то найти на земле.

— Послушай, Джоан! — умоляюще начал я. — Сейчас я тебе все объясню...

Но тут, к счастью очень вовремя, до меня вдруг дошло, что же именно она ищет на земле. Один из тех парней, которые при моем появлении удрали в лес, швырнул прямо на дороге свой крупнокалиберный винчестер, дабы эта пушка не помешала ему развить максимально возможную скорость.

Первая пуля Джоан сбила с моей головы шляпу как раз в тот момент, когда я, не чуя под собой ног, птицей взлетел на Капитана Кидда. Вторая, третья и четвертая пули просвистели мимо. Но так близко, что обдали мое лицо горячим смертоносным ветерком. Затем Капитан Кидд лихо прошел поворот, едва не пластаясь брюхом по земле, и спустя несколько секунд мое очередное, так заманчиво начинавшееся любовное приключение — увы и ах! — осталось далеко позади...

Пару дней спустя жалкая кучка синяков, щедро одобренных множеством незаживающих сердечных ран, в которой посторонний человек лишь с большим трудом сумел бы признать Брекенриджа Элкинса, бывшую красу и гордость Медвежьего Ручья, медленно тащилась верхом на усталой лошадке по тропе, спускавшейся вниз, в долину, где издавна селились свободлюбивые граждане, обитавшие на берегах вышеупомянутого ручья.

И надо же было такому случиться: проказливая судьба именно здесь предназначала мне лицом к лицу столкнуться с моим братцем Джоном, пешком направлявшимся вверх по этой самой тропе.

— Где же ты так долго пропадал? — лицемерно обрадовался он нашей встрече. — Мы даже начали беспокоиться! Ну и видок у тебя, однако! Можно поду-

мать, что тебе пришлось сражаться не на жизнь, а на смерть с целой тучей горных львов!

Я кое-как сполз с седла на землю и неприязненно поинтересовался:

— Джон! Дело прошлое. Но может быть, ты хотя бы сейчас объяснишь мне, что же именно обещал тебе отдать Билл Сантри?

— Не отдать, а задать! — заливаясь счастливым смехом, отвечал мой братец. — Мы с ним заключили одну сделку, причем я обвел этого Сантри вокруг пальца и на самых что ни на есть законных основаниях ободрал его как липку. Когда же чертов дурень наконец сообразил, насколько здорово прогорел на этом дельце, то пообещал при первой же нашей встрече задать мне хорошую трепку. А ежели подвернется возможность — так и вышибить из меня дух. Я очень рад, Брек, — продолжал братец Джон, не замечая моего ледяного молчания, — что ты не держишь против меня зла! Каюсь, я послал тебя в Кугуарий Хвост вроде как в шутку. Но ведь ты всегда умел по достоинству оценить удачную шутку, верно, Брекенридж?

— А как же! — по-прежнему холодно ответил я. — Удачная шутка дорогого стоит. За нее и заплатить не жалко! Кстати, Джон, как поживают пальцы на твоей ноге?

— Прекрасно поживают! — ухмыляясь, ответил он. — Просто великолепно!

— И все же, — продолжал настаивать я, — мне хотелось бы убедиться в этом лично. Поставь-ка ногу поближе к свету. Да вот хотя бы на этот пень!

Братец так и сделал. А я в тот же миг изо всех сил врезал ему по ступне прикладом винчестера.

— Вот тебе расписка на оплату твоей шутки! — проворчал я, с мрачным удовлетворением созерцая, как мой подлый братец скачет вокруг пня на одной ноге, плача и рыдая и сотрясая всю долину Медвежьего Ручья невыразимо отвратительными ругательствами.

Досыта насладившись столь восхитительным зрелищем, слегка покряхтывая, я вновь влез в седло, лас-

ково потрепал по холке Капитана Кидда и, несколько воспрянув духом, тронулся дальше, размышляя о том, насколько велико мое нравственное превосходство над этим вконец опустившимся типом, который всего лишь пару минут назад пребывал в таком великом восторге от своей идиотской выходки, что даже позволил себе позабыть: подлинные Элкинсы всегда возвращают все долги.

Неукоснительно и в самый короткий срок!

ГЛАВА ВТОРАЯ ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Тот самый проклятый фургон свернул с тропы и остановился перед нашим домом вскоре после восхода. Все мое семейство вышло полюбопытствовать, кто же это такой сюда пожаловал, потому как чужестранцы редко попадали к нам на Медвежью реку, а еще того реже — оказывались здесь желанными гостями. На козлах восседал какой-то долговязый, изрядно отощавший старый хрыч, а из фургона торчали вихрастые головы не то четырех, не то пяти мальчишек.

— Приветствую вас, люди добрые! — Старый хрыч снял шляпу. — Меня зовут Джошуа Ричардсон. Я веду караван с иммигрантами, которые ищут место, где можно поселиться. Остальные сейчас остановились временным лагерем недалеко от тропы, примерно в трех милях отсюда. Но с кем бы мы ни встречались здесь, в горах Гумбольта, всякий указывал нам, что разрешение осесть где-то поблизости мы должны испросить у мистера Ревущего Билла Элкинса. Не с этим ли джентльменом я и имею честь беседовать сию минуту?

— Совершенно верно, — ответил папаша с легким подозрением в голосе. — Билл Элкинс — это я!

— Отлично, мистер Элкинс, — с воодушевлением произнес старый хрыч Ричардсон, описывая своей бородавкой в воздухе самые наипочтительнейшие

крути. — Мы были бы просто в восторге, когда бы ваша община не стала возражать, если бы мои люди поселились бы где-нибудь здесь, поблизости. Бы!

— Гхм-м-мм! — промолвил папаша и пару раз дернул себя за бороду. — А откуда, собственно, вы пожаловали?

— Из Канзаса! — жизнерадостно сообщил старый Ричардсон.

— Вот как? — переспросил папаша. — Ну что ж. Драгоценная моя! — обратился он к моей мамаше. — Будь ласкова, подай-ка мне мой любимый дробовик!

— Не стоит, драгоценный мой! — откликнулась мать. — К чему все это?! Да не будь же ты, в конце концов, таким упрямым, Уильям! Ведь война давным-давно закончилась!

— Замечательные слова! — поспешно воскликнул старик Ричардсон. — Вот и я частенько говорю в точности то же самое. Кто старое помянет, тому глаз вон!

— В таком случае, — потребовал отец, все еще с некоторой угрозой в голосе, — каково будет ваше честное и непредвзятое мнение о генерале Стерлинге Прайсе?

— О! — Старый хрыч Ричардсон всем своим видом выразил бурный восторг. — Вне всякого сомнения, то был истинный джентльмен и благороднейшей души человек!

— Гхм-м-мм! — повторил отец. — Для выходца с Востока вы обнаруживаете поразительное чувство такта и незаурядный здравый смысл! Беда в том, что здесь, на Медвежьем Ручье, мы лишены возможности принимать новых поселенцев, даже ежели они истинные демократы. У нас на каждой жалкой сотне квадратных миль и так уже проживает по девять или десять семейств, а потому дальнейшего перенаселения местности нам допустить никак нельзя!

— Люди в обозе вымотались почти до предела! — возопил старик Ричардсон. — Как же нам теперь быть? Ведь куда ни глянь, старожилы захватили самые лучшие земли, а теперь мало того что они нас отовсюду

гонят, но еще и заявляют, что будут и дальше гнать, хотя никаких законных прав у них на это нету!

— Законные права! Ха! — фыркнул папаша. — Ха и еще раз ха! Засуньте их себе в задницу! В этом краю все права, законные и незаконные, принадлежат тому, у кого больше патронов и кто умеет лучше стрелять! Но не горюйте! Есть тут у меня на примете одно местечко, в Аризоне. Совсем недалеко. Отсюда — дней десять — пятнадцать караванного пути, не больше. Оно называется Каньон Охотничьих Ножей и подойдет вам как нельзя лучше. Ведь, по моему разумению, все ваши люди скорее фермеры, нежели охотники, верно?

— Верно, — вздохнул старик Ричардсон. — Но как же нам туда добраться? Люди и скотина совсем притомились, припасы подходят к концу, дорога незнакомая...

— Мой сын, Брекенридж, как раз сейчас свободен. Он с огромным удовольствием проводит вас, — весьма благожелательно заверил его мой отец. — Разве не так, Брек?

— Нет! — правдиво ответил я. — Совсем не так. Какого, спрашивается, дьявола я должен тащиться хрен знает куда, да к тому же по дороге пасти все это чертово стадо молочных телят, у которых до сих пор ноги подгибаются? Вдобавок...

— Он доставит вас всех прямиком до самого места в целости и сохранности! — по-прежнему очень благожелательно сказал папаша, начисто пропустив мимо ушей мое последнее высказывание. — К тому же мой сынишка всегда сам не свой от радости, ежели только ему удастся протянуть руку помощи попавшим в беду фермерам. Верно, Брек?

Поняв бесполезность дальнейших препирательств, я просто плюнул под ноги, проворчал себе под нос пару черных слов и отправился седлать Капитана Кидда. Я заметил, что старый хрыч Ричардсон, да и его мальчишки тоже, все время как-то странно поглядывают на меня. Когда же Кэп Кидд, по своему обыкновению дико храпя, брыкаясь, посшибав половину перекладин

передней изгороди кораля (а он всегда именно так и делает), стрелой вылетел оттуда и замер как вкопанный на расстоянии ровно в семнадцать с половиной дюймов от чертова фургона, лица всех Ричардсонов отчего-то сделались землисто-серыми, а глава семейства слабо пробормотал:

— Нам бы очень не хотелось утруждать вашего сына против его воли, мистер Элкинс! А уж тем более — понапрасну. Потому как мы, перво-наперво, вообще не собирались ехать в тот каньон, а во-вторых...

— Ну уж нет! — окончательно взбеленившись, проревел я. — Теперь вы поедете со мной в Каньон Охотничьих Ножей, и сделаете это как миленькие! Может, вы и не собирались ехать туда до тех пор, пока я не начал седлать своего коня, зато сейчас собираетесь, уж это я вам точно говорю! А ну, трр-рогай!

С этими словами я разрядил свой шестизарядный прямо под ноги Ричардсоновым мулам, чтобы как следует приободрить этих тварей, отчего они отчаянно заревели и во всю мочь припустили вниз по тропе. Фургон бесшумно скакал с кочки на кочку, а старый хрыч Ричардсон сначала висел в воздухе, цепляясь за вожжи, а потом исполнял джигу, резво перелетая с одного подпрыгивающего конца козел на другой. Его мальчишки вопили во всю глотку, катаясь взад-вперед по дну чертовой повозки.

* * *

Вот так, во весь опор, мы и влетели в лагерь переселенцев. Большинство мужчин тут же схватились за оружие, женщины подняли визг, выхватывая из общей сутолоки своих детей, а один парень настолько растерялся, что свалился в громадный котел, где на медленном огне как раз закипали бобы. Этот недотепа поднял ужасный крик, утверждая, что его пытается сварить живо целая орда диких индейцев.

Перед тем как въехать внутрь лагеря, старик Ричардсон как следует уперся ногами в козлы, изо всех

сил натянул вожжи и заорал благим матом, кроя мулов почем зря. Но те уже закусали удила и абсолютнс ничего не соображали. Поэтому мне пришлось чуть обогнать их, ухватиться покрепче за уздечку и осадить глупых тварей так, что они попросту грохнулись на задницу. Ну и уж конечно, старый хрыч Ричардсон должен был приготовиться к резкой остановке.

А потому нету никакой моей вины в том, что старый дурень улетел с козел на семнадцать с половиной футов вперед и расколол своей глупой головой дышло соседнего фургона. Нету и быть не может! И уж тем более я совершенно не повинен в том, что, покуда я доставал бедолагу из спутавшейся сбруи, один из мулов успел пару раз лягнуть его, а второй хорошенько укусил за задницу. Потому как всем известно: более подлых тварей, нежели эти мулы, не сыскать во всем белом свете, как бы хорошо вы с ними ни обращались!

Наконец в лагере не осталось ни одного человека, державшего рот на замке. Все они вопили: кто от изумления, кто от страха, кто от чего еще. Ричардсон, пошатываясь, встал на ноги, кое-как утер с лица кровь рукавом, после чего провозгласил:

— Успокойтесь! Успокойтесь все! У нас нет никакого повода волноваться! Вот перед вами истинный джентльмен! Его имя — Брекенридж Элкинс, и он, по своей доброте душевной, великодушно согласился сопровождать нас в Аризону, в те самые обетованные края, где земля так и сочится молоком и медом!

Обитатели лагеря встретили это известие без малейшего энтузиазма. Их тут было человек пятьдесят, по большей части женщины, дети и подростки — пыльные, усталые, измотанные долгой дорогой. Мужчин, способных держать оружие, во всем обозе едва ли насчитывалось около дюжины. Вдобавок все обозники в той или иной мере приходились старому хрычу Ричардсону родней. Тут были его братья и сестры, сыновья, дочери и внуки, племянники и племянницы, их мужья и жены, и все такое прочее. На всю эту орду имелась

лишь одна действительно хорошенькая, но все еще незамужняя девушка — Бетти, младшая дочка старика Ричардсона.

К моменту нашего появления они как раз закончили завтрак и уже запрягали лошадей и мулов, так что нам удалось тронуться в путь без дальнейших проволочек. Я ехал во главе растянувшегося чуть не на милю обоза, рядом с фургоном старого Ричардсона. Спустя какое-то время старый хрыч неожиданно поинтересовался:

— Послушайте! Ежели Каньон Охотничьих Ножей — столь замечательное место, тогда отчего там до сих пор никто так и не обосновался?

— А-а, ерунда! — небрежно ответил я, думая о своем. — Кажется, там сначала были чьи-то поселения. Но потом часть народу перебили апачи, часть — мексиканские бандиты, а года три назад те парни, которым посчастливилось уцелеть, чего-то там между собой не поделили. Ну и получилось вроде того, что они сами как бы перестреляли друг друга. Мне кажется, именно поэтому теперь там никто и не живет. Но точно не знаю.

Тут старый хрыч Ричардсон вдруг надолго задумался, нервно теребя свою жидкую бороденку.

— Ну не знаю! Прямо не знаю! — наконец промямлил он. — Может, нам все-таки стоит еще малость порыскать в здешних краях, в поисках какого-нибудь более спокойного и мирного местечка, нежели то, о котором у нас только что шла речь!

— Более мирного и спокойного местечка вам ни в жисть не найти нигде к западу от Пекоса! — убежденно заверил я старого хрыча. — Ни за какие коврижки! И хватит об этом! Кажется, тебе уже несколько раз пытались втолковать: Каньон Охотничьих Ножей — это именно то место, которое всем твоим родичам подходит как нельзя лучше. Или ты настолько упрям, что желаешь попасть в какую-нибудь Богом проклятую дыру?

— Нет, нет! — торопливо и испуганно заверещал Ричардсон. — Мне и в голову не приходило подвергать

сомнению столь удачный выбор! А какие города нам предстоит миновать на своем пути?

— Только один, — ответил я. — Он называется Пороховая Гарь и стоит на самой границе Аризоны. Да, чуть не забыл! Предупреди-ка свою родню, пускай держится от этого городка подальше. Потому как он издавна служит берлогой для всякого рода висельников. Сдается мне, твоя молодежь пока еще недостаточно ловко обращается с оружием для того, чтобы уютно чувствовать себя в столь неподходящей для нее компании.

— Нам вовсе ни к чему неприятности! — решительно заявил старый хрыч Ричардсон. — Я обязательно предупрежу моих парней, чтобы не совали нос куда не следует!

* * *

Наш обоз потихоньку катился и катился вперед; путешествие, по счастью, не отличалось особым разнообразием. Ежели, конечно, не считать обычных неурядиц, какие обыкновенно случаются со всеми этими совершенно не приспособленными к жизни неженками. Так дело и шло, покуда караван не оказался буквально в двух шагах от границы с Аризоной. Вот тут-то, при переправе через речушку, у нас вышла первая серьезная заминка.

Посреди речушки имелась илистая отмель; колеса головных фургонов превратили жирный ил в сплошное месиво, где и застряла намертво последняя повозка, погрузившись в грязь по самые ступицы.

Солнце уже клонилось к закату, поэтому я велел всем остальным двигаться дальше и встать лагерем примерно в миле от Пороховой Гари. Сам же я собирался присоединиться к ним сразу, как только вызволю из речушки тот чертов последний фургон и его незадачливых пассажиров. Но дельце оказалось не таким уж простым. Проклятую повозку засосало в ил уже выше осей, а мулам грязь доставала как раз до самого

брюха. Мы дергали, толкали, орудовали самодельными рычагами... Все без толку. Вот ежели бы эти проклятые мулы все время не путались у меня под ногами, тогда я, может быть, чего-нибудь и придумал бы!

Сказано — сделано! Мы кое-как выпутали мулов из упряжи, но они умудрились завязнуть так глубоко, что уже не могли выкарабкаться из ила самостоятельно. Мне пришлось пробираться к ним по непролазной грязи и, перекинув через плечо, одного за другим вытаскивать на сухой берег. А затем я просто ухватился покрепче за дышло и всего через каких-нибудь несколько секунд выдернул фургон из трясины на ровное место.

Должен заметить, владельцы фургона просто глаза вытаращили от изумления, когда я вместе с повозкой появился на берегу. Да ну их! Эти парни из Канзаса вечно удивляются всяким пустякам!

К тому времени, как мы соскребли с фургона и с самих себя большую часть дико вонючего ила и снова запрягли мулов, наступила ночь. Поэтому до лагеря, по счастью разбитого как раз там, где я хотел, наша повозка добиралась довольно долго и в полной темноте. Тем не менее старый хрыч Ричардсон еще не спал. Напротив, он сразу нашел меня и, уцепившись за мой рукав, с самым встревоженным видом прошептал:

— Мистер Элкинс! Я все сделал, как вы говорили, но кое-кто из самых непослушных все же отправился в тот городок, хотя, видит Бог, я их предупреждал!

— А-а! — отмахнулся я. — Пустяки. Не берите в голову. Счас приведу их обратно!

Черт бы их всех побрал! Пришлось даже пропустить ужин!

Я забрался на Капитана Кидда, быстро доскакал до Пороховой Гари и привязал мою лошадку к столбу возле единственного в этом мерзком городишке салуна. А городишко, надо сказать, был совсем маленький и выглядел преотвратно. Едва я вошел в салун, как тут же заметил в углу четырех парнишек из ричард-

соновского курятника. Они стояли, окруженные со всех сторон целой бандой отпетых головорезов, среди которых выделялся один мексиканец — высокий, довольно-таки тощий тип с противной чахлой ниточкой черных усов над верхней губой, одетый во что-то вроде френча, изукрашенного изрядно полинявшим золотым шитьем.

— Выходит, парни, вы всерьез решили поселиться в Каньоне Охотничьих Ножей? — насмешливо спрашивал он у ребят.

— Ну-у... В общем-то, да. Так мы и собирались сделать, — ответил один из парнишек Ричардсона. — А что?

— А то, что этот номер у вас не пройдет, — прошипел мексиканец, скалясь как все равно кугуар, причем я заметил, что при этих словах его руки начали плавно съезжать с бедер на отделанные слоновьей костью рукоятки револьверов, болтавшихся на оружейном поясе. — А слышали ли вы, петушки, хоть что-нибудь о сеньоре Гонсалесе Заморра? Как? Неужели нет? Странно, ведь он — очень, очень важная персона в здешних краях. И он уже очень, очень давно пользуется Каньоном Охотничьих Ножей в своих личных целях. Так давно, что он, по правде говоря, попросту считает этот каньон своим.

— Когда наконец закончишь свое вступление, Гомес, играй сразу в две руки, — довольно громко пробормотал стоявший неподалеку бандит-американец, — а мы подыграем. Обедни не испортим.

Парни старика Ричардсона никак не могли понять, о чем идет речь, но все же им стало ясно: пахнет весьма большими неприятностями. Ребята сбились в кучу, точно затравленные кролики, и растерянно озирались. Но вокруг них не было ничего, кроме враждебных лиц да здоровенных ручищ, вызывающе поигрывавших револьверами.

— Так кто же сообщил вам, что вы имеете право поселиться в Каньоне Охотничьих Ножей? Кто привел вас сюда? — вкрадчиво продолжал пытать

Гомес. — Небось какой-нибудь шут гороховый из Канзаса? Так? Или не так?

— Не так! — спокойно ответил я, легко раздвинув толпу плечом. — Их привел сюда я. А мой отец, чтоб ты знал, родом из Техаса. А мой горячо любимый дедушка очень даже неплохо отличился в деле при Сан-Джасинто. Ты еще не позабыл про Сан-Джасинто, скунс вонючий?

Похоже, Гомес еще не позабыл. Он быстренько оставил в покое рукоятки своих пушек, а его смутная рожа вмиг сделалась пепельно-серой. Что до остальных выродков, так они сразу же начали пятиться назад, торопливым шепотом раздавая друг другу советы:

— Эй, парни, поосторожнее! Это же Брекенридж Элкинс!

Да и вообще, все эти горе-разбойники вдруг обнаружили, что у них имеется целая куча совершенно неотложных дел. У кого — в баре, у кого — за карточным столом, а кому и вовсе понадобилось срочно покинуть салун. Одним словом, буквально через пару секунд Гомес обнаружил, что посреди зала остались только мы вдвоем. Мексиканец облизнул пересохшие губы; малый явно чувствовал себя не в своей тарелке, однако гонор все еще мешал ему пойти на попятную.

— Может, тебе не понравились мои слова насчет сеньора Заморры? — прохрипел он. — Но я сказал чистую правду. Когда я сообщу ему, что в Каньоне Охотничьих Ножей собираются поселиться гринго, сеньор Заморра будет очень недоволен!

— Тогда поспеши ему об этом сообщить, и чем скорее он переживет такую неслыханную трагедию, тем быстрее снова перестанет огорчаться, — рассудительно заметил я. — Да и вообще, отчего бы тебе не сделать это прямо сейчас?

Я взял Гомеса за шиворот и отправил на улицу сквозь ближайшее окно.

Он сразу вскочил на ноги и заковылял куда-то за угол, в темноту, сплевывая кровь и изрыгая самые кош-

марные мексиканские богохульства. Ну а в салуне тем временем воцарилась какая-то неестественная, мертвая тишина. Мне все это порядком надоело, я взвел курки своих шестизарядных и решительно шагнул вперед, к стойке бара, за которой тихо трясся от страха знакомый мне по старым временам беглый каторжник. Только в такой дыре, как Пороховая Гарь, он мог сойти за бармена.

— Эй, приятель! — ласково позвал я его. — Может быть, ты желаешь, чтобы я уплатил за то чертово стекло? Или как?

— О нет! — воскликнул он, механически продолжая протирать тряпкой плевательницу, явно спутав ее с пивной кружкой. — Нет, нет и нет! Ни о чем подобном не может быть и речи! Мы уже давно собирались сами выставить то окно... для... для улучшения вентиляции! Только вот руки все никак не доходили!

— Тогда должен ли я это так понимать, что и все остальные джентльмены, присутствующие здесь, также полностью удовлетворены? — вежливо поинтересовался я.

В ответ раздался дружный гул голосов. Он явно свидетельствовал о том, что собравшиеся в салуне конокрады, грабители дилижансов и прочее ворье с готовностью рады в любой момент подтвердить справедливость моего предположения.

— Отлично! — Я не скрывал своего удовлетворения. — Эт-то очень хорошо! Потому как больше всего на свете мне дороги мир и покой. И я непременно добьюсь их! Даже ежели мне... придется укокошить всех до единого чудаков, собравшихся в здешней забегаловке! Ну а вам, парни, — я коротко взглянул на ребят Ричардсона, — по-моему, самое время топать в лагерь!

Похоже, они и сами так думали, ибо, не скрывая радости, мгновенно испарились из салуна. Ну а мне пришлось еще малость слегка подзадержаться. Купив себе местного зелья, я заодно решил угостить выпивкой одного своего старого знакомого. Помнится, ког-

да мы с ним последний раз виделись в Жеваном Ухе, он как раз собирался ограбить поезд.

— Послушай-ка! — начал я издалека. — В память о нашем старинном знакомстве поведай мне одну единственную вещь: кто таков чертов сеньор Заморра, о котором, улетаая в окно, так пространно повествовал тот долбаный мексикашка?

— Н-не знаю, — дрожащим голосом ответствовала мой бывший приятель. — Никогда о таком не слышал.

— Понимаешь ли, — проникновенно сказал я, — у меня нету ни малейшего желания утверждать, что ты — низкопробный ажец! Думаю, ты просто страдаешь внезапными провалами в памяти. Но тут вот какая странная штука: мне недавно довелось услышать, что подобная болезнь поддается лечению. Одним словом, ежели я несколько раз долбану по твоей черепушке рукояткой моего любимого шестизарядного, а затем с размаху надену на тебя через голову вон тот очень симпатичный бочонок виски, то провалиться мне на этом самом месте, ежели твоя память немедленно не восстановится!

— Погоди-ка! — торопливо начал он. — Кажется, она уже улучшается! Во всяком случае, я только что совершенно отчетливо вспомнил, что Заморра — главарь той самой шайки мексиканцев, которая во всеуслышание объявила Каньон Охотничьих Ножей своей территорией. А еще мне вдруг внезапно припомнилось любимое занятие Гонсалеса Заморры. Говорят, он души не чает в лошадях!

— Короче говоря, ты хочешь сказать, что этот парень — конокрад! — полувопросительно произнес я.

— Оно конечно, можно посмотреть на это дело и так, — не захотел спорить мой знакомый. — В любом случае, тот каньон как нельзя лучше подходит для самых разнообразных занятий сеньора, и ежели ты, вместе со своими переселенцами, вдруг окажешься прямо посреди его любимого скотного двора, сеньор Заморра, пожалуй, действительно очень сильно выйдет из себя.

— А как же! — согласился я. — Обязательно выйдет. И обязательно сильно. Дай мне только добраться до него, и он выйдет из себя настолько сильно, что уже никогда не вернется обратно!

Я залпом прикончил свою выпивку и быстро направился к выходу. Но, уже у самых дверей, резко обернулся, сжимая в обеих руках свои пушки со взведенными курками. Увидав такое, человек девять или десять парней, уже повибаскивавших свои револьверы и изготовившихся малость пострелять мне в спину, разом выронили их, безо всякой команды подняли руки вверх и взмолились:

— Не стреляй, Брекенридж! Пощади!

К сожалению, у меня очень мягкое сердце и мне трудно устоять перед просьбами страждущих. Вот почему я просто разрядил обе обоймы, посбивав на пол все светильники, какие имелись в салуне, после чего вышел наружу. Покидая Пороховую Гарь, я чисто случайно разнес вдребезги несколько попавшихся мне по дороге уличных фонарей.

Когда я вернулся в лагерь, оказалось, что искатели ночных увеселений, вернувшиеся чуть раньше меня, уже успели устроить переполох, и теперь буквально все переселенцы, включая малых детей, дрожа от страха, сидели по фургонам и сжимали в руках самое разнокалиберное оружие.

— Прямо не могу сказать, как я рад снова увидеть вас в добром здравии, мистер Элкинс! — с жаром воскликнул старый хрыч Ричардсон. — Мы здесь слышали всю эту жуткую пальбу и очень боялись, что тем бандюгам удалось-таки вас прикончить!

Мне кажется, нам надо немедленно запрягать и убираться отсюда подобра-поздорову!

Лично я уже давным-давно отказался от всяких попыток разобраться, как устроены мозги у этих неженок-новопоселенцев. Черт возьми! Да ежели б я им только позволил, они действительно немедленно тронулись бы в путь. В темноту, не зная дороги, просто так, куда глаза

глядят! Более того, мне до сих пор кажется, что большинство тех чудаков не спало всю ночь, опасаясь, как бы та кровожадная пьянь из салуна не расправилась с ними спящими прямо в лагере. А про Заморру я им вообще ничего не сказал. Вряд ли парни Ричардсона толком разобрались в болтовне глупого Гомеса, так что я не видел никакого смысла пугать остальных переселенцев еще больше, чем они уже были напуганы.

* * *

На следующий день мы выехали еще затемно, потому как мне хотелось добраться до каньона безо всяких там промежуточных остановок. Обоз двигался на удивление быстро, но все равно на месте мы оказались уже ночью.

И все-таки эти переселенцы — очень странные люди. Без всякого умысла я выбрал место для стоянки как раз на той поляне, где шесть лет тому назад апачи разделились с караваном мексиканцев. Ночка выдалась очень темная, поэтому до самого утра никто из моих подопечных так и не разглядел во множестве валявшихся здесь повсюду костей, оставшихся от мулов, а также от их погонщиков. Например, старый хрыч Ричардсон заснул, подсунув себе вместо подушки под голову якобы просто удобный круглый булыжник. Утром старикана чуть удар не хватил — оказывается, он всю ночь продрых, прикорнув на человеческом черепе.

А когда я предложил пообедать в той рощице, где три года назад поселенцы повесили семерых воров, взятых с поличным на краже и клеймении чужого скота, мои спутники, едва углядев петли, все еще свисавшие с ветвей, наотрез отказались устроить тут привал. Нескольких, особо впечатлительных, даже пробрала самая настоящая трясучка! Причем все они хором заявили, что в таком месте не сумеют проглотить даже самого малюсенького кусочка хлеба. Значит, им еще не приходилось голодать по-настоящему, скажу я вам. Вот и все!

Впрочем, я могу распинаться сколько угодно, но только покуда вам самим не придется иметь дело с новопоселенцами, вы все равно ни за что не сможете себе представить, насколько они странные люди!

Ну да ладно.

Мы остановились-таки передохнуть всего несколькими милями дальше, в следующей рожице, посреди пологих холмов, поросших деревьями и высокой травой. Тут уж я проглотил язык и не стал никому сообщать, что именно здесь разбойники зарезали трех сыновей Гриссома, которым, на беду, вздумалось вздремнуть среди бела дня. Старик Ричардсон оглядел окрестности, после чего объявил: как ему кажется, лучшего места для поселения и быть не может. Я, похоже некстати, напомнил ему, что мы вроде бы собирались тщательно осмотреть всю долину перед тем, как окончательно сделать выбор.

После моих слов старый хрыч Ричардсон вдруг на глазах увял и хнычущим голосом попросил меня, чтобы я, во имя всего святого, дал его родне хотя бы несколько дней передохнуть.

До того раза мне еще никогда не приходилось встречать столь хилый народец, который уставал бы так быстро и от таких сущих пустяков. Но что делать! Черт с вами, сказал я, после чего мои подопечные принялись устраиваться на ночевку.

С тех самых пор как обоз добрался до долины, мне на глаза не попадалось никаких признаков присутствия банды Заморры. Поэтому я решил, что сии рыцари наживы просто в отъезде и заняты любимым делом. Воруют где-нибудь лошадей. Но в общем-то суть дела от этого никак не менялась.

На следующий день рано утром Неду и Джо, сыновьям старика Ричардсона, вздумалось поохотиться на оленей. Я попросил их не уходить от лагеря дальше чем на милю и вести себя очень осторожно. Они пообещали быть паиньками и двинулись от лагеря прямо на юг.

Я тоже отошел от лагеря примерно милю назад прямо по колее, к тому самому ручью, возле которого четыре года назад Джим Дорнли подстерег в засаде Тома Харригана, и с удовольствием выкупался. Надо признаться, я плескался в водичке куда дольше, чем собирался. Но уж так приятно было отдохнуть, хотя бы ненадолго оказавшись вдали от всех этих недотеп! Когда, выкупав Капитана Кидда, я наконец вернулся обратно, то сразу же заметил, как с другой стороны к лагерю приближается Нед Ричардсон в сопровождении какого-то незнакомца, белокожего юноши, державшегося крайне высокомерно и, я бы сказал, даже несколько вызывающе.

— Эй, пап! — крикнул Нед, едва спешившись. — А где же мистер Элкинс? Вот этот парень утверждает, будто бы мы не имеем никакого права селиться в Каньоне Охотничьих Ножей!

— Эт-то еще что за хлыщ? — поинтересовался я, внезапно появляясь из-за фургона. Едва увидев меня, малый разинул рот и очень потешно выпучил глаза.

— Меня зовут Джордж Уоррен, — немного приды в себя, стал отвечать тот. — Я из большого каравана переселенцев, который только что прибыл в эту долину из Иллинойса.

— А по какому такому праву ты тут приказываешь моим людям покинуть Каньон Охотничьих Ножей? — зловеще спросил я.

— А по такому праву, что нас привел сюда наисильнейший во всем мире человек! — выпятив грудь, ответил Уоррен. — Вообще-то, — честно добавил он, — пока здесь не появился ты, мне казалось, что другого такого громилы, как наш предводитель, нет на всем белом свете. Но это неважно. Важно другое: с ним шутки плохи, имейте в виду! Когда он услышал, что в долине появился еще какой-то обоз, то пришел в ужасную ярость и послал меня передать, чтобы вы сейчас же убирались на все четыре стороны! И ежели у вас осталась хотя бы капля здравого смысла, вы немедленно так и сделаете!

— Конечно! — дрожащим голосом пролепетал старый хрыч Ричардсон. — Сделаем! Нам ни к чему лишние неприятности!

— Цыц! — приказал я и повернулся к визитеру. — Послушай-ка, малый! Да ты, оказывается, большой нахал!

С этими словами я сперва с такой силой натянул ему шляпу на уши, что поля оторвались от тульи и повисли у парня на шее наподобие воротничка, а затем повернул бедолагу за плечи налево кругом и наградил его таким добротным пинком, после какого он чудесным образом оказался в собственном седле. Тут, правда, я малость не рассчитал, потому как Джордж Уоррен теперь восседал на своем скакуне задом наперед.

— Вали обратно, откуда пришел! — заревел я так яростно, что высокая сочная трава вокруг нас тихо полегла на землю. — Да смотри, не забудь передать своему недоделанному предводителю: Каньон Охотничьих Ножей принадлежит нам и только нам! — Вытащив пару своих шестизарядных, я слегка пострелял под ноги лошадке, дабы чуток добавить ей резвости. — И еще скажи вашему вожаку: на то, чтобы собрать манатки и убраться отсюда подобра-поздорову, у вас имеется всего лишь час!

— Я еще сведу с тобой счеты! — с безопасного расстояния заверещал Джордж Уоррен, перемежая свои жалкие угрозы бессильными рыданиями. — Ты еще не раз пожалеешь о случившемся! Слышишь ты, здоровенный грязный гризли! Как только я расскажу обо всем мистеру... — Дальнейшего мне так и не удалось расслышать, ибо незванный вестник быстро исчез за склоном ближайшего холма.

— Готов поклясться, этот малый почти свихнулся от злости, — заметил старый хрыч Ричардсон. — Пожалуй, все-таки будет лучше, ежели мы покинем здешние края. В конце концов...

— Заткнись! — окончательно разъярившись взорвался я. — И в конце концов, и перво-наперво, и раз и

навсегда, эта долина — наша! И я твердо намерен отстаивать свои священные права до последней капли вашей крови! Быстро запрягайте мулов и ставьте фургоны в круг, как можно ближе друг к другу! Промежутки между колесами забейте седлами и всяким другим барахлом, какое у вас найдется. Потому как мне кажется, что, укрывшись за надежным бруствером, вы и сражаться будете куда лучше! Теперь ты, Нед. Ты видел вблизи их лагерь?

— Не-а, — ответил тот. — Но этот Уоррен говорил, будто до него отсюда три мили, точно на восток. Он сказал, что выехал прогуляться перед самым восходом, случайно заприметил нашу стоянку, вернулся к себе и рассказал обо всем своему жожаку, а уж тот, расшвыряв, послал его сюда передать нам, чтобы мы выметались из каньона.

— Я начинаю волноваться из-за Джо, — к слову вставил старик Ричардсон. — Прошло уже порядочно времени, но мальчик до сих пор не вернулся.

— Ладно, — кивнул я. — Поеду, попробую найти парня. А заодно разведу обстановку. И ежели только перевес в их пользу не окажется больше чем десять к одному, нам нет никакого резона ждать, покуда они надумают нас атаковать. Тогда мы сами неожиданно нагрянем к ним в лагерь и в два счета разделаемся с этими недоумками. Или мне больше никогда не бывать Брекениджем Элкинсом!

А затем мы разведем костры, — позволил я себе немного помечтать, — хорошенько проявим ихние дурацкие скальпы да и развесим их гирляндами на передках наших фургонов. Получится отличное предупреждение для всех остальных негодяев, которым еще может прийти в голову глупая мысль встать у нас на пути!

Слушая мою вдохновенную речь, старик Ричардсон почему-то побледнел как полотно, а коленки у него сами собой подогнулись и начали потихоньку постукивать друг об дружку. Но мне было уже некогда, поэтому я просто еще раз строго-настрого приказал ему

составить фургоны в сплошное кольцо, а сам вскочил на Капитана Кидда и двинулся на восток.

Тут выяснилось, что единственной причиной, по которой мы до сих пор не заметили дымы от лагерных костров тех парней из Иллинойса, оказалась невысокая, густо поросшая лесом холмистая гряда, преграждавшая прямой путь на восток. Обогнув ее южную оконечность, я двинулся в прежнем направлении и, проехав мили полторы, вдруг увидел вдали всадника, не спеша скакавшего в мою сторону.

Едва он заметил меня, как сразу погнал своего коня во весь опор; блики солнечных лучей весело посверкивали на дуле его винчестера.

Ясное дело, я взял на изготовку свой верный «сорок пять — девяносто» и помчался ему навстречу, и мы таки встретились, в точности посередине громадной ровной поляны. Тут мы разом опустили стволы смертоносных винчестеров и резко осадили своих лошадок.

— Брек! Брекенридж Элкинс! — как бы не желая верить своим глазам, произнес он.

— Разлюбезный братец! Медведь Бакнер! — ласково отозвался я. — Уж не ты ли посылаи ко мне со смехотворными угрозами того глупенького, совсем зеленого молокососа, Джорджа Уоррена?

— Конечно я! А кто ж еще! — пренебрегая всеми правилами элементарной вежливости, яростно зарычал Медведь Бакнер, лишней раз продемонстрировав свой поистине ужасный характер.

— Видишь ли, — еще более ласково заметил я, — эта долина — она наша! А вам придется продолжить свой путь.

— Что значит — продолжить свой путь?! — что было мочи завопил братец Бакнер. — Я всю дорогу буквально на себе тащил сюда целую толпу этих несчастных созданий! От самого Финт-Сиги в Канзасе, где, на свою беду, вызволил этих чудаков из грязных лап нескольких потешавшихся над ними бизоньих браконьеров, да будет земля пухом тем глупым и непутевым

идиотам! И с той поры я провел их фургоны сквозь огонь, воду и целые орды меднокожих индейцев и бледнолицых мерзавцев! Я клятвенно обещал беднягам, что лично приведу их в те края, где сама земля будет сочиться молоком и медом. Я был суров с ними и пренебрег их мольбами даже тогда, когда, стоя на коленях, они умоляли меня, Христа ради, отпустить их обратно в Иллинойс! Потому как я действительно знал, что для них лучше. И все это время я имел в виду только одно: замечательные уголья Каньона Охотничьих Ножей. А теперь ты нагло предлагаешь им — то есть мне, не кому-нибудь, а мне! — продолжить свой путь!

Медведь Бакнер в бешенстве завращал глазами и плюнул на землю, под ноги своей лошадке. Я молча ждал.

— И какой же ответ я получил на свое вполне справедливое требование удалиться и оставить в покое этих несчастных агнцев Божиих? — наконец с горечью в голосе продолжил братец Бакнер. — Жалкий беззащитный мальчишка, Джордж Уоррен, вернулся в лагерь сломленный морально, с полями от своей лучшей шляпы на шее! И вдобавок — стоя на стременах, поскольку нанесенное тобой страшное и незаслуженное оскорбление еще долго не позволит этому несчастному достойно сидеть в седле! Раз такое дело, я велел им всем немедленно укрепить лагерь, а сам отправился на разведку. И вот теперь я лично повторяю тебе те же самые слова, какие посылал раньше с беднягой Джорджем. Разумеется, я не забыл, что мы с тобой — кровная родня. Но принципы дороже!

— Согласен! — сурово молвил я. — Жизненные принципы Элкинсов из Невады никогда не станут менее возвышенными, нежели принципы Бакнеров из Техаса. Год назад, когда я уложил тебя на обе лопатки в Кугуарьем Хвосте...

— Какая низкая ложь! — заскрежетал зубами братец Медведь. — Просто ты тогда ловко воспользовался незаконным преимуществом, пригрез меня по уху здоровенным дубовым бревном именно в тот момент, когда я никак не мог этого ожидать!

— Конечно не мог, — с достоинством ответил я. — Потому как именно в тот момент ты только что расколол об мою голову булыжник размером с хорошую кадку для воды! Но хватит об этом. Кто прошлое помянет — тому глаз вон! Перейдем к делам насущным. Возникшее теперь между нами небольшое разногласие мы можем решить лишь в честном бою, как полагается истинным джентльменам! Но в таком разе прежде всего следует обсудить вопрос об оружии, ибо предмет спора слишком серьезен, чтобы стать поводом всего лишь для вульгарного кулачного боя!

— Лично я всегда предпочитал схватку на мясницких ножах в темной комнате, — мечтательно сказал Медведь Бакнер. — Но где здесь взять темную комнату? Негде. На крайний случай сгодилась бы парочка обрезов или обоюдоострых секачей... Но у нас с тобой даже и этого нету! Послушай-ка, Брек, давай просто свяжем твою левую руку с моей, а правыми пустим в ход наши охотничьи ножи!

— Не-а, — решительно возразил я. — Не пойдет! Знаешь, похоже, у меня появилась другая, куда более лучшая идея. Давай прямо сейчас разъедемся в разные стороны. Когда окажемся на противоположных краях поляны, разом развернемся и помчимся на полном скаку навстречу друг другу, паля из винчестеров. Когда патроны кончатся, мы уже сблизимся настолько, что можно будет дать ход револьверам, а когда их обоймы также опустеют, мы будем совсем рядом, и вот тогда-то придет черед нашим охотничьим ножам!

— Что ж, идея действительно неплохая! — одобрил братец Медведь. — Ты всегда был весьма башковитым волчонком; тебя можно было бы даже назвать вполне культурным джентльменом, если б не твое чертовское упрямство. Вот я, к примеру, — назидательно добавил он, — куда более благоразумен. Если уж случилось совершить ошибку, то я всегда готов ее признать!

— Что-то до сих пор мне не доводилось слышать ни одного такого признания, — сухо заметил я.

— Только потому, что я до сих пор еще никогда не ошибался! — бешено прорычал братец Бакнер. — И я готов сию же секунду выпустить кишки любому горному мишке, который осмелится заявить, что это не так! Кончай пустую болтовню! К делу!

Мы тронули своих коней с места и уже было помчались галопом на противоположные стороны поляны, как вдруг совсем рядом послышался голос, отчаянно выкрикивавший:

— Мистер Элкинс! Мистер Элкинс!

— Погоди-ка малость, — сказал я братцу Бакнеру. — Похоже, это голос Джо Ричардсона.

* * *

Не прошло и минуты, как на южной стороне поляны, с трудом продравшись сквозь густые заросли колючих кустов, верхом на мустанге появился сам Джо. Такого мустанга, с шикарным мексиканским седлом и с богато выделанной уздечкой, мне никогда прежде видеть не доводилось. На Джо не было ни шляпы, ни рубашки, а спина была крест-накрест исполосована сочащимися кровью рубцами. Похоже, такие же рубцы скрывались и под волосами на его голове, потому как со лба непрерывно падали вниз капли крови.

— Мексиканцы! — задыхаясь, едва выговорил он. — Это были мексиканцы! На охоте мы с Недом разделились; признаюсь сразу: я заехал гораздо дальше, чем было разрешено, и милях в пяти отсюда, ниже по каньону, неожиданно наткнулся на целую шайку. Мексиканцы. Наверно, их было человек тридцать. Среди них я узнал и того типа, Гомеса, а главарем шайки оказался здоровенный малый по имени Заморра. — Джо остановился, чтобы перевести дух, потом продолжил: — Они сразу же схватили меня, отобрали коня и жестоко изхлестали арапниками, а Заморра все смеялся и приговаривал, что их банда собирается перебить всех гринго, осмелившихся сунуться в его каньон. А еще он

сказал, будто его лазутчики уже все разнюхали насчет нашего лагеря и еще чьей-то лагерной стоянки, расположенной немного восточнее нашей. Он собирался разгромить их сразу, одним ударом. А потом вся шайка села на лошадей и отправилась куда-то на север. Кроме одного разбойника, которому, как я думаю, было велено прикончить меня прежде, чем догонять остальных. Он сильно ударил меня рукояткой револьвера. Я упал, а он тогда отложил в сторону свою пушку и собрался перерезать мне глотку ножом. Да только он был уверен, что я валяюсь без сознания, а это оказалось не так! Мне удалось завладеть револьвером, после чего я оглушил его самого, вскочил на его коня и умчался оттуда. Уже по дороге в лагерь, мистер Элкинс, я еще издали услышал, как вы довольно громко беседуете с этим джентльменом, и повернул в вашу сторону. Ну вот, пожалуй, и все, — закончил Джо Ричардсон.

— На какой лагерь они собирались напасть в первую очередь? — быстро спросил я.

— Понятия не имею, — пожал плечами Джо. — Они все больше трещали по-испански, да вдобавок так быстро, что я совсем ничего не смог разобрать.

— Дуэль пока подождет! — решительно заявил я Медведю Бакнеру. — Я немедленно возвращаюсь в свой лагерь!

— А я — в свой! — отозвался мой двоюродный братец. — Послушай-ка! Раз уж так вышло, давай решим наш небольшой спор иначе: кто перебьет больше проклятых мексикашек, тот и будет победителем, а второй тогда уберется из каньона, вместе со своими людьми и обозом!

— Bueno! — согласился я и помчался в свой лагерь.

Лес вокруг был очень густой, поэтому те проклятые бандюги запросто уже могли незаметно проехать мимо нас, чуть западнее или чуть восточнее. Джо вскоре сильно отстал. До стоянки оставалось около четверти мили, когда впереди послышался беглый ружейный

огонь, потом — взрыв диких воплей, за которым последовало молчание. Буквально через минуту я вихрем вылетел на опушку леса, увидел лагерь и, не удержавшись, крепко выругался.

Думаете, я увидел фургоны, выстроенные замкнутым кольцом, и залегших между их колесами мужчин, отстреливающих от бандитов? Дудки! Как бы не так! Чертовы повозки стояли в линию, повернутые так, словно караван собрался отправиться назад, на север. Лошадей осталось мало — они либо сами сорвались с привязи, либо были утнаны нападавшими, а большая часть мулов, уже запряженных в повозки, теперь валялась на земле, наспигованная свинцом. Мужчины ругались, женщины рыдали, дети визжали, и еще я заметил Джека Ричардсона — он лежал лицом вниз, в золе затушенного лагерного костра. И вокруг его головы постепенно расплывалась лужа крови!

Едва увидев меня, старый хрыч Ричардсон заковылял в мою сторону, размазывая по лицу грязь и слезы.

— Мексиканцы! — прорыдал он. — Всего несколько минут назад они налетели на нас, будто горный ураган! Они застрелили Джека, как собаку! А еще несколько парней получили либо удар ножом, либо пулевое ранение, либо были до полусмерти избиты кулаками арапников! Да вдобавок, уезжая, мексиканцы вопили, что очень скоро вернутся и прикончат нас всех до единого!

— Так какого же дьявола ты не приказал построить фургоны в круг, как я тебе велел? — в бешенстве заревел я.

— Но мы же вовсе не хотели сражаться! — выкрикнул старик Ричардсон. — Мы решили покинуть эту долину, чтобы подыскать для поселения какое-нибудь более мирное место!..

— И вот именно потому Джек теперь мертв, а всем вашим припасам и прочему инвентарю нанесен непоправимый урон! — яростно вскричал я. — Да, именно потому! Потому и только потому, что вы не

захотели защищать свои права с оружием в руках! Да за каким чертом вы вообще пересекли Пекос, ежели вы не в состоянии никому дать достойный отпор?! Ладно. Пускай ваши парни прямо сейчас соберут в фургоны все барахло, какое у вас осталось, а потом...

— Но эти подлые мексиканцы забрали с собой Бетти! — взвизгнул старик Ричардсон, выдрав приличный клоч волос из своей скудной шевелюры. — Главная часть шайки ушла напрямиком на восток, а шестеро или семеро сперва выгнали Бетти прямо из фургона, после чего двинулись в южном направлении, унося с собой украденных лошадей!

— Тогда пускай ваши ребята берут оружие и следуют за мной! — взревел я. — И во имя Господа нашего, твердо зарубите себе на носу: в здешних краях нету шерифов, нету полицейских, нету вообще никого, кто обязан вас защищать. Кроме вас самих! Хотите выжить — учитесь сражаться! А теперь — вперед! Надо вызвать Бетти!

* * *

Я мчался на юг, выжимая из Капитана Кидда все возможное и невозможное. Теперь мне стало понятно, почему я не столкнулся с мексиканцами, когда возвращался в лагерь с той поляны, где мы объяснялись с братцем Медведем: просто-напросто они обогнули холмистую гряду с противоположной, северной стороны. Я проехал совсем небольшое расстояние, как вдруг с востока до меня донеслись звуки лихорадочной перестрелки. Наверное, мексиканцы уже атакуют лагерь переселенцев из Иллинойса. Но особых причин для беспокойства я не видел, поскольку, по моим понятиям, братец Бакнер должен был опередить мексикашек. С другой стороны, пальба, казалось, вспыхнула заметно ближе к гряде, чем находился тот самый лагерь. Впрочем, у меня все равно не было времени разбираться, что же там такое стряслось.

Те проклятые похитители девушек имели весьма приличную фору, но воспользоваться ей они не сумели. Не успел я отмахать и трех миль, как услышал впереди ржание угнанных лошадей, а еще примерно через минуту, едва лишь Капитан Кидд вырвался из леса на обширную луговину, я увидел впереди шестерых мексиканцев, изо всех сил подгонявших табун краденых животных. Причем один из бандитов крепко держал сидевшую впереди него на седле Бетти. Разумеется, этим мерзавцем оказался не кто иной, как проклятый Гомес.

Пылая жаждой мщения, я устремился прямо на них, сжимая в правой руке рукоятку моего любимого шестизарядного, а в левой — охотничий нож. Капитану Кидду никакие указания не требовались. Едва почуввав запах крови и пороховой гари, он рванулся вперед со скоростью того урагана, с которого, как говорят умные люди, начнется Судный День. Грива моего скакуна победно развевалась на ветру, глаза метали молнии, а под копытами дымилась трава. Сообразив, что я настигну их прежде, чем они успеют пересечь открытое место, бандиты развернулись и поскакали мне навстречу, стреляя на ходу из своих винчестеров. Однако, как и следовало ожидать от мексикашек, стрелками они оказались никудышными. Когда мы окончательно сблизились, я трижды выпалил из своего шестизарядного, после чего удовлетворенно пробормотал:

— Три штуки есть!

Тем временем один из моих противников, налетев сбоку, обрушил на мою голову приклад своего тяжелого винчестера, но я успел поднырнуть ему под руку, взмахнул ножом, и его тело тяжело упало с коня.

— Теперь четыре! — проворчал я. Увидав такое дело, оставшиеся двое снова развернули своих скакунов и, не думая уже о краденых лошадях, обратились в отчаянное бегство. Один из них по-прежнему удирает в южном направлении, а второй, Гомес, которого я преследовал по пятам, уклоняясь от моего удара, был вынужден свернуть на запад.

— Осади назад или я прикончу девчонку! — заорал он через несколько секунд, поняв, что ему от меня не уйти, и выхватил свое мачете.

Но я выстрелом вышиб нож из его руки. Гомес взвыл не своим голосом, выпустил девушку из рук, и та соскользнула с лошади вниз, в высокую траву. Мне пришлось осадить Капитана Кидда, чтобы посмотреть, не пострадала ли Бетти, а Гомес тем временем продолжал изо всех сил гнать вперед свою лошадку.

К счастью, девушка ничего себе не повредила, только ужасно испугалась. Она даже не ушиблась, падая на землю, поскольку удар смягчила густая трава. Тут я увидел, что к нам уже спешат ее отец и все парни из лагеря, какие оказались в состоянии сидеть в седле и держать оружие. Поэтому я предоставил им позаботиться о Бетти, а сам вновь ринулся в погоню за Гомесом.

Довольно скоро он снова услышал за спиной неутомимый топот копыт Капитана Кидда, оглянувшись, увидел, что я его вот-вот настигну, и потянулся за своим винчестером, по-видимому собираясь отстреливаться, но тут его лошадь оступилась, попав ногой в нору степной собачки. Гомес кубарем вылетел из седла, ударился головой об землю, после чего еще пару раз как-то нелепо дернулся и затих навсегда.

Черт возьми! Теперь мне не оставалось ничего другого, кроме как повернуть назад, разочарованно пробормотав под нос несколько самых черных ругательств, поскольку Элкинсы никогда не лгут и совесть никак не позволяла мне зачислить Гомеса пятым в свой список.

Но в моей груди пока все еще теплилась надежда прихлопнуть того последнего койота, который повернул на юг, поэтому я также направился в ту сторону. Довольно скоро я услышал где-то впереди, чуть восточнее, топот множества лошадиных копыт. Пришпорив Кэпа, я буквально через пару минут вихрем вылетел на опушку рощицы и оказался на равнине, которая резко сужалась впереди, переходя в узкую скалистую

теснину. Та, в свою очередь, заканчивалась еще более узким ущельем — проходом с внешнего нагорья сюда, в главную долину Каньона Охотничьих Ножей.

С левой стороны этого ущелья, над самым его горлом, на высоте около пятидесяти футов нависал скальный выступ, где примостился самый настоящий форт из толстенных бревен, в которых местами были проделаны бойницы. Подобраться к этой крепости можно было лишь одним способом: по бревенчатой лестнице, ведущей снизу на уступ. Тут я увидел на равнине человек двадцать мексиканцев, изо всех сил гнавших своих лошадок по направлению к этой самой лестнице. Как раз к тому моменту, как я продрался сквозь заросли кустарника на опушке леса, мексиканцы доскакали до края ущелья, мигом спешили и, побросав своих скакунов на произвол судьбы, с обезьяньей проворностью принялись карабкаться вверх по ступенькам. Я сразу приметил среди них здорового малого в украшенном золотым шитьем сомбреро — наверняка тот самый чертов Заморра. Но покуда я успел прицелиться в него из винчестера, вся шайка шустро юркнула внутрь, с треском захлопнув за собою двери.

* * *

Спустя несколько мгновений в трех или четырех сотнях ярдов восточнее того места, где находились мы с Капитаном Киддом, на опушке рощи появился Медведь Бакнер и очертя голову понесся к лестнице. Все мексиканцы, сколько их засело в форте, тут же открыли по нему бешеную пальбу, после чего братцу Медведю все же пришлось отступить в заросли. Сделал он это довольно-таки неохотно, богохульно и громогласно сотрясая окрестные скалы совершенно ужасными выражениями. Я окликнул его и, продолжая держаться за деревьями, направился в ту сторону.

— Как жизнь? — заорал он, едва я приблизился. — Говори как на духу: скольких прикончил?!

— Четверых, — ответил я.

— Ну а я таки пятерых уделал! — злорадно заявил Медведь Бакнер. — Понимаешь, уже подъезжал к лагерю, когда услышал позади стрельбу. Я понял так, что они сперва напали на твой обоз, повернул было обратно, чтобы помочь тебе...

— Разве я когда-нибудь просил тебя о какой-нибудь помощи? — сразу набычился я, но мой двоюродный братец только отмахнулся и продолжал:

— Да только я и мили проехать не успел, как увидел целую толпу мексиканцев, огибавших северный край той самой гряды. Тогда я засел у них на пути и успел подстрелить пятерых. Повывивал из седел, словно куропаток! Должно быть, они поняли, с кем имеют дело, потому как тут же развернулись и дали деру!

— Да ты просто самовлюбленный олух! — пренебрежительно фыркнул я. — Откуда ж им было про то знать? А удирать они стали скорее всего, потому как решили, что нарвались на серьезную засаду!

Покуда мы с братцем так препирались, к нам подъехали парни Ричардсона во главе со своим стариком, который тут же встрял в разговор, раздраженно заявив:

— Сейчас не время спорить о пустяках! Главное, нам удалось на какое-то время загнать этих мерзавцев в ихнюю нору, так что теперь мы можем спокойно убраться отсюда, покуда они не пришли в себя и не перерезали нас всех, как кроликов!

— Что за чушь ты опять городишь?! — возмущенно взревел я. — Уж если кому и есть необходимость уносить ноги из каньона, так это именно тем подлецам! И ежели здесь вообще состоится какая-либо резня, так ее устроим мы с моим братцем Медведем, а вовсе не эти жалкие мартышки!

— Говорить так — значит искушать судьбу, мистер Элкинс! — заныл было старый хрыч Ричардсон, но я сурово указал ему заткнуться.

— Слушай, пошли пока кого-нибудь из своих в мой лагерь! — неожиданно разродился совершенно

разумной мыслью братец Бакнер. — Пускай мои парни поспешат сюда, на подмогу!

Я кивнул, подал знак Неду, и тот немедленно отправился за подкреплением.

Затем мы с двоюродным братцем выехали на открытое место, чтобы получше изучить ситуацию. Мексиканцы, засевшие в своем бревенчатом форте, снова принялись в нас палить.

Мимо наших ушей то и дело посвистывали пули, а вдобавок еще и старик Ричардсон, спрятавшийся со своим выводком в зарослях, всячески мешал нашей рекогносцировке, громким шепотом умоляя быть осторожнее.

— Ну мы и влипли, — наконец задумчиво произнес братец Медведь. — Чертов выступ повсюду имеет совершенно отвесные края. Ни сверху, ни снизу со скалы к нему не подобраться. А карабкаться туда по лестнице под прицельным огнем двадцати с лишним винчестеров может решиться разве что безумец!

— погоди! — прервал его я. — Приглядишься-ка лучше вон к тому краю выступа, что нависает козырьком футах в десяти слева от лестницы. Под ним, у самого подножия скалы, запросто сможет укрыться человек, а те койоты ни за что не смогут его подстрелить, потому как не увидят!

— Верно! — подхватил Медведь Бакнер. — А еще тот человек запросто сумеет накинуть лассо на вот тот скальный отросток, что торчит на самом краю козырька. Стреляя через бойницы, они ни за что не сумеют перебить такой канат пулей. Чтобы добраться до веревки, кому-то из них обязательно придется выйти наружу, да еще перегнуться вниз и резать ее ножом. Двери открываются в сторону лестницы, а других дверей у них просто нету! Поэтому кто-нибудь из нас может легко взобраться по канату прямо на козырек. А ежели мексикашки, вдобавок ко всему, зевнут и не сумеют подстрелить его, когда он будет перебираться через край козырька, то дело в шляпе!

— Хорошо,— сказала я.— Раз так, оставайся здесь. Будешь стрелять по ним, когда они попытаются перерезать веревку.

— Да пошел ты! — возмущенно взревел братец Медведь.— Тоже мне, нашел дурака! Я сразу разгадал твой дьявольский замысел! Ты задумал забраться туда первым, чтобы расправиться с этими мартышками прежде, чем у меня появится хоть малейший шанс добраться до ихних глоток! Надумал перехитрить меня! Ищи дурака! Клянусь всем святым, у нас свободная страна и мне...

— Ох, да заткнись же ты наконец! — с отвращением произнес я.— Надоело! Ладно уж, так и быть, полезем оба. Эй, вы, слушайте! — проорал я так, чтобы меня мог услышать Ричардсон со своими парнями.— Останетесь здесь, в зарослях. Лежите смирно, не высывайтесь! Но стреляйте всей толпой в любого мексикашку, какой только вздумает высунуть свой нос!

— А что вы собираетесь делать?!— заорал в ответ старый хрыч Ричардсон.— Только, ради всего святого, не предпринимайте опрометчивых...

Но мы с Бакнером уже пришпорили своих коней и во весь опор ринулись в сторону выступа. Такой странный маневр (а ведь любому болвану было ясно: подняться по лестнице, не слезая с наших лошадок, мы все равно никак не сможем) до того поразил мексиканцев, что они открыли стрельбу с большим запозданием, да и стреляли хуже некуда. Правда, одна пуля слегка повредила мой скальп, а другая продырявила Медведю Бакнеру левое ухо. Едва их пули стали ложиться уже совсем рядом, как мы неожиданно резко вильнули в сторону и почти сразу оказались под защитой каменного козырька.

Теперь торопиться нам было особенно некуда. Мы спешили, привязали наших коней как можно дальше друг от друга, чтобы те не учинили между собой ненужную потасовку, и занялись делом.

Прямо над нами непрерывно раздавались удивленные вопли мексиканцев, которые никак не могли

понять, чего мы хотим. Но видеть нас они не могли, а уж тем более никак не могли стрелять в нашу сторону. Тем временем я спокойно раскрутил лассо и с первого раза набросил петлю на каменный палец, выступавший из скалы чуть пониже края козырька.

— Ну, я полез, — заявил я, но Медведь Бакнер сразу же свирепо оскалился и выхватил из ножен охотничий нож.

— Ни хрена подобного! — злобно проревел он. — Будем тащить карты. Кто вытащит старшую, тот выиграл и лезет первым!

Мы уселись друг напротив друга прямо на земле, но тут из-за деревьев раздался истошный вопль старика Ричардсона:

— Боже мой! Ну чем еще таким вы там занялись?! Те парни сверху уже приготовились скатить вам прямо на голову целую кучу здоровенных булыжников!

— Занимался бы ты лучше своим делом, дед! — посоветовал ему я, тщательно тасуя колоду, которую выудил из своих штанов братец Медведь.

Но старый хрыч оказался прав. Оказывается, у мексикашек в доме было заранее запасено множество валунов. Теперь они просто приоткрыли двери и начали скатывать эти камешки вниз. Булыжники ударились об небольшой выступ на самом краю козырька, подпрыгивали и шлепались на землю далеко позади нас.

Бакнер вытащил карту и торжествующе воскликнул:

— Я выиграл! У меня туз! Побить его тебе никак не удастся!

— Побить — да! — холодно возразил я, выуживая из колоды туза бубен. — Но и проигравшим меня никак не назовешь. Пока что получается ничья!

— Все равно я выиграл! — с пеной у рта настаивал братец Медведь. — Потому как черви отродясь били бубей!

— Это смотря какая игра! — Я пожал плечами. — Про масти мы никак не договаривались.

— Ну, ты даешь! — прошипел Бакнер, наклоняясь вперед, чтобы забрать у меня колоду, но тут очередной валун, размером с пивной бочонок, перекатился через край козырька, стукнулся о другой камень, изменил направление движения и, вместо того чтобы, как обычно, грохнуться за нашими спинами, свалился почти отвесно вниз и угодил братцу Медведю точнехонько промеж ушей, оглушив его на какое-то время,

Я сразу бросился к канату, начал карабкаться по нему вверх, не обращая никакого внимания на продолжавшие сыпаться сверху валуны, и был уже на полдороге, когда Медведь Бакнер наконец очухался, вскочил на ноги и начал в бешенстве трясти канат и яростно реветь:

— Какого хрена?! Да как ты посмел?! Проклятый обманщик, так твою перетак! Ты у меня еще попляшешь!

С этими словами он принялся подбирать с земли по-прежнему падавшие сверху булыжники и швырять ими в меня.

Поднялся ужасный шум. Мексиканцы были внутри форта, камни грохотали, ружья палили не переставая, братец Медведь крыл меня почем зря и швырялся громадными каменюками, а из-под деревьев доносились громкие причитания старого хрыча Ричардсона:

— Да они просто умом рехнулись! Истинно рехнулись, говорю я вам! Все равно как две ненормальные старухи! Нет уж, теперь меня никто не обманет! Теперь мне доподлинно известно, что к западу от Пекоса обитают одни только сумасшедшие!

Наконец братец Медведь утратил последнюю надежду стряхнуть меня с каната и принялся карабкаться за мною следом. Вот как раз тут один из мексиканцев рискнул выскочить из дома, чтобы перерезать веревку. Но ему крупно не повезло. Мои глупые соратнички, Ричардсоновы идиоты, вдруг ни с того ни с сего оказались на высоте положения. Мексикашку встретил свинцовый дождь. Наткнувшись разом на добрую дюжину пуль, он качнулся назад, потом вперед и вниз головой рухнул на

самом краю козырька, в точности над тем каменным пальцем, на который было заброшено мое лассо.

Вышло очень удачно — когда я уцепился руками за край выступа, чтобы подтянуться и влезть на козырек, именно его тело помешало моим врагам разглядеть, что же такое здесь происходит. К сожалению, как раз в тот момент, когда мне оставалось всего-навсего перелезть через тот труп, булыжник, пущенный наугад, который и размером-то был никак не больше тыквы, ударился об тело мертвого удальца, подпрыгнул и смачно угодил мне прямоком в физиономию.

Дико зарывав от охватившего меня бешенства, я единым духом взлетел на козырек и, выпрямившись во весь рост, ринулся к бревенчатой постройке. Мое неожиданное появление настолько поразило мексикашек, что они успели дать по мне всего лишь один нестройный залп и, конечно же, промахнулись. Правда, одна злодейская пуля все же прошла навывлет через мое плечо, но для настоящего Элкинса это пустяки! Не успели они выстрелить еще по разу, как я в несколько прыжков уже очутился у стены, прислонился к ней между бойницами и начал быстро загибать во все стороны торчавшие из этих бойниц дула винчестеров. Переломав таким образом все винтовки, до каких мне удалось дотянуться, я просунул руки в одну из бойниц, ухватился за обтесанный край бревна и принялся яростно трясти стену. Ведь никак нельзя было забывать, что на козырьке вслед за мной вот-вот появится братец Медведь, который тоже не останется в стороне. Клянусь всем святым, я просто никак не мог позволить себе упустить с таким трудом завоеванное преимущество!

Наконец мне удалось вырвать здоровенный кусок стены, после чего крыша немедленно рухнула внутрь строения, повалив в разные стороны все остальные стены.

* * *

Некоторое время я ничего не мог разглядеть вокруг, кроме падавших, катившихся и подпрыгивавших

бревен. Из развалин на открытое место разом выпала целая свора мексикашек. Кое-кого из них тут же зашибло бревнами, некоторых сразили выстрелы моих чрезвычайно воодушевившихся соратников из Канзаса и только что прибывших к месту сражения бакневровских парней из Иллинойса, а несколько подлых бандитов попросту свалились вниз с козырька, начистоту свернув свои дурацкие шеи.

Но один мексиканец, по-видимому обезумев от ужаса, вдруг набросился на меня с ножом, так что мне пришлось схватить его за шиворот и сбросить с козырька вниз, вслед за его глупыми дружками.

— Слышь, Медведь! — радостно завопил я. — За мной уже пятеро!

— Ах ты... — с явным недовольством в голосе отвечивал мне появившийся наконец на поле боя Бакнер.

Он яростно вращал налитыми кровью глазами и размахивал длиннющим охотничьим ножом. Какой-то здоровенный мексиканец, увидев моего разлюбезного братца, обрушился на него с мясницким секачом. При всем желании это никак нельзя было назвать мудрым поступком. Ибо даже мустанг не успел бы взмахнуть хвостом, как братец Медведь уже деловито зачислил на свой счет шестую жертву.

Я чуть с ума не сошел от огорчения. Но тут на глаза мне попались несколько мексикашек, с безумной скоростью карабкавшихся по лестнице вниз. Сделав два больших прыжка, я оказался рядом с ними. Тогда тот, что немного отстал от остальных, вдруг обернулся и выпалил в меня из дробовика. По счастью, он малость промахнулся, но этот выстрел в упор едва не спалил дотла мои любимые усы! Пришлось мне отобрать у малого ту пушку и вдребезги расколотить тяжелый приклад об его глупую голову. После чего я радостно воскликнул:

— Слышь, братец Медведь! Теперь за мной — тоже шестеро!

— Чертов дурень! — яростно заорал в ответ мой двоюродный братец. — Заморра уходит!

И тут я действительно увидел Заморру, который не только успел закрепить толстую веревку на другом краю козырька, позади развалин дома, но уже скользил по ней вниз. Когда до земли оставалось футов десять, он спрыгнул и опрометью помчался к коралю. Тот кораль находился у самого горла ущелья, и в нем было полным-полно лошадей.

Удостоверившись, что остальные мексикашки либо валяются на земле, либо, преследуемые нашими переселенцами, разбегаются во все стороны по долине, я скатился вниз по лестнице. Медведь Бакнер предпочел воспользоваться веревкой. Мы одновременно вскочили в седла и погнали своих коней к выходу из ущелья, на всем скаку огибая тот скальный выступ, за которым только что исчез Заморра.

Надо признать, у этого малого была довольно-таки быстрая лошадка. Вдобавок еще в самом начале он получил приличную фору. Но все равно я настиг бы его уже на первой миле, если бы Капитан Кидд не пытался все время устроить драку с конем Медведя Бакнера, почти таким же огромным и дурным, как он сам. Но когда мы, выбравшись из теснины на высокое плато, проскакали около пяти миль, мне все же удалось опередить братца Медведя ровно настолько, чтобы Капитан Кидд смог наконец позабыть о своем сопернике. Тут все быстро встало на свои места. Кэп рьяно принялся за дело и, закусив удила, всерьез пустился вдогонку за мустангом Заморры.

Теперь мы гуськом мчались по узкой тропе, налево от которой уходил вверх крутой откос, а справа от нее был обрыв футов в пятьсот высотой. Когда до Заморры дошло, что его лошадка совсем выдохлась, он спрыгнул на землю и принялся суетливо карабкаться по откосу. Мы с Бакнером, также спешившись, устремились за ним. Погоня была недолгой; очень скоро мне удалось ухватить проклятого Заморру за одну ногу, а подоспевший братец Медведь, тяжело пыхтя, мертвой хваткой вцепился в другую.

— Не тронь моего пленника! — заорал на меня Бакнер.

— Руки прочь от моей добычи! — яростно зарычал в ответ я. — Теперь на моем счету — семеро! Я выиграл!

— Как бы не так! — взревел братец Медведь и, сильно дернув, вырвал Заморру из моих рук, после чего раскрутил мексиканца за ноги и с размаху огрел его телом меня по голове.

Такой подлый поступок немедленно привел меня в бешенство, вот почему, едва отобрав Заморру у Бакнера, я тут же швырнул его прямо в морду своему нехорошему родичу. Так уж вышло, что шпоры мексикашки при этом угодили братцу в самое чувствительное место, отчего он взвыл как безумный и набросился на меня с кулаками. Он даже попробовал кусаться! Совсем рехнулся, мать честная?

Вслед за этим глупым, ничем не спровоцированным нападением разгорелась жестокая битва, в результате которой мы совсем позабыли про Заморру. Думаю, мы про него так бы и не вспомнили, если бы мексиканец сам не привлек наше внимание поистине ужасным воплем. Оказывается, негодяй тем временем улизнул от нас, шустро скатился со склона вниз и теперь пытался сесть верхом на моего Капитана Кидда!

Мы малость приостановили сражение и оглянулись на крик как раз вовремя, чтобы увидеть, как Капитан Кидд с такой силой лягнул мерзавца в брюхо, что тот, вскрикнув напоследок еще разок, перелетел через край обрыва и исчез навсегда.

— Вот черт! — проворчал братец Медведь. — Теперь мы остались с носом! Опять получилась ничья!

— Ни хрена подобного! — решительно заявил я. — Так или иначе, но подлеца прикончила именно моя лошадка! А значит, я имею полное право записать его на свой счет!

— Ну уж нет! — взвыл братец Медведь. — Только через мой труп! Послушай-ка, — вдруг добавил он

на полтона ниже, — а ведь уже почти совсем вечер! Надо поскорее двигать обратно, покуда мои ребятки из Иллинойса еще не принялись резать глотки твоим канзасцам. А это выйдет неправильно! Когда бы и где бы ни суждено свершиться великой битве за обладание этим каньоном, таковая битва должна состояться только между нами. Остальные тут ни при чем!

— Согласен, — ответил я. — Ты прав, надо спешить. И ежели мои мальчишки из Канзаса еще не успели начисто истребить твоих беспомощных идиотов, то позже мы проведем с тобой схватку по всем правилам. Там, где будет слегка посветлее да малость попросторнее. Одна беда: боюсь, мы уже опоздали и теперь застанем всех твоих чудаков из Иллинойса насмерть захлебнувшимися в реках собственной крови!

— Не волнуйся за моих парней! — прорычал братец Медведь, — едва им стоит учуять запах этой самой крови, как они становятся неудержимыми, словно горные львы! Я молю провидение об одном: чтобы к нашему возвращению мои орлы еще не успели скормить своим птенцам всех твоих молочных теляток из Канзаса!

Пришпорив скакунов, мы помчались назад в долину. И оказались там, когда было уже совсем темно. На равнине горело множество костров, вокруг которых под разухабистые звуки скрипок и губных гармошек весело танцевали парочки.

— Эт-то еще что такое?! — подъехав к ближайшему костру, грозно осведомился Медведь Бакнер.

— Счастлив снова видеть вас обоих в добром здравии, джентльмены! — радостно воскликнул бросившийся нам навстречу старый хрыч Ричардсон.

Лицо старикана буквально сияло от переполнявших его чувств.

— Сегодня поистине великая ночь! Ну, прежде всего, мой Джек жив. Парня лишь оглушило, а его рана — сушая царапина! А значит, все мы прошли сквозь пламя этого великого сражения живыми и почти что невредимыми! А кроме того...

— А кроме того,— злобно взревел Медведь Бакнер,— что такое вы тут устроили?! И что тут делают мои люди?!

— Ой! — опомнился старый хрыч Ричардсон. — Да вы же ничего не знаете! Как только закончилось то ужасное побоище, мы сразу же посоветовались с вашими джентльменами из Иллинойса и порешили: эта чудесная долина достаточно велика, и нам всем хватит в ней места! Более того, мы будем строить здесь не два поселка, а один, общий! И вот теперь мы устроили праздник по этому поводу. Ваши переселенцы из Иллинойса оказались чудесными людьми, ведь выяснилось, что они ничуть не меньше нашего хотят мира и покоя!

— Ох уж эти твои кровожадные горные львы! — насмешливо бросил я братцу Бакнеру. — Видишь, чего удумали! Будут теперь, на пару с моими молочными телятками, сообща вить для своих птенцов совместное орлиное гнездо!

— Я ничуть не больший лжец, нежели ты! — по привычке запальчиво возразил мой родич. Но в голосе его прозвучала не столько злость, сколько глубокая, искренняя скорбь. — Поехали отсюда! Мы сделали, что могли, но все наши усилия пропали зря! Хочу на свежий воздух, на Медвежий Ручей! Еще пять минут, и я задохнусь насмерть в этой удушливой атмосфере всеобщей братской любви.

Мы развернули лошадей, но все же какое-то время придерживали их, наблюдая за тем, как веселятся, танцуют и поют счастливые первопоселенцы. Потом я искоса глянул на братца Медведа, и, лопни мои глаза, ежели в пляшущих отсветах огня от костров мне не почудилось какое-то растроганное, совсем почти человеческое выражение, промелькнувшее на его лице! Подозрительно засопев, он отвернулся, выудил из штанов плитку, а потом, хотите верьте, хотите нет, но братец Медведь даже предложил мне первому откусить от нее шматок жвачки!

Затем мы не спеша тронулись в обратный путь и довольно долго ехали бок о бок, в умиротворенном молчании.

Миль эдак через десять нашу семейную идиллию нарушил Капитан Кидд. Должно быть, у несчастного животного просто не выдержали нервы. Кэп поднатужился, извернулся и укусил за шею лошадку Медведя Бакнера. Конь братца Медведя тоже оживился и жизнерадостно вернул Кэпу должок, тяпнув его за ухо. Тут уж Кэп взбрыкнул по-настоящему, чисто случайно угодив Бакнеру прямо по лодыжке. Братец взвыл от боли и, недолго думая, шарахнул меня своим кулачищем по затылку.

Ну что ты тут будешь делать!

Пришлось как следует врезать ему в челюсть. Ну а затем все пошло как обычно. Мы обхватили друг друга, вывалились из седел на землю и, лягаясь, покатались с тропы в густые заросли колючего кустарника...

Теперь мне кажется, что в тот раз выяснение отношений заняло у нас часа два. Думаю, мы с братцем вообще дрались бы до сих пор, если бы в пылу битвы случайно не закатились прямо под ноги Капитану Кидду, который мирно пощипывал травку чуть в стороне. Возмущенный столь бесцеремонным нарушением его драгоценного покоя, Кэп яростно взбрыкнул, ловко угодив одним задним копытом в меня, а другим — в моего родича, отчего мы с братцем немного полетали по воздуху, а потом рухнули в кусты по разные стороны от тропы.

Спустя какое-то время я с великим трудом поднялся на ноги и, болезненно кряхтя, пустился на поиски своей шляпы. Все окрестные придорожные заросли были напрочь переломаны и примяты к земле, потому мне не стоило никакого труда разглядеть среди этих жалких останков растительности стоящего на четвереньках братца Медведя.

— Как ты там, Брекенридж? — слабым голосом окликнул он меня. — У тебя все нормально?

Возможно, моя одежда и оказалась изодранной сильнее, чем у него. Не спору. Плюс — здорово разбитая губа, вкупе с парочкой треснувших ребер. Но зато я отлично мог различать большинство окружающих предметов, чего при всем желании никак нельзя было сказать о моем двоюродном братце, поскольку его гляделки западали настолько, что могли лишь с интересом рассматривать друг друга сквозь ужасно узенькие припухшие щелочки.

— Еще бы! — с достоинством ответил я. — Полный о'кэй! Ну, а у тебя как дела, братец Бакнер?

Бедолага тяжело застонал, после чего предпринял поистине героическую попытку встать на ноги. Раза с третьего это ему наконец удалось. Он кое-как воздвигся среди окружающей жизни, сильно пошатываясь и хватаясь за воздух руками.

— Отлично! — гордо прохрипел он. — Просто здорово! Вот теперь я чувствую себя куда как лучше, нежели там, у тех костров в Каньоне Охотничьих Ножей! Понимаешь, когда мы едва унесли оттуда ноги и ехали с тобой стремя к стремени, чуть ли не обнявшись, я дико перепугался. Мне вдруг пришло в голову, что ихняя проклятая братская любовь ну вроде болезни, что ли. И еще мне на минутку даже показалось, будто я умудрился подцепить от них эту кошмарную заразу!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БУЙНОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

На днях я получил письмецо от тетушки Сарагоссы Граймс. Тетушка писала так:

Дорогой Брекенридж!

Время — лучший лекарь! И мне думается, оно уже немного смягчило остроту тех чувств, какие еще совсем недавно испытывал в отношении тебя твой двоюродный брат Медведь Бакнер. Он тут заглянул к нам

поужинать на другой же вечер после того, как ему наконец удалось подстрелить трех молодых Эвансов. Мне кажется, в более лучшем расположении духа Медведь еще не бывал ни разу с тех самых пор, как вернулся из Колорадо. Заметив это, я рискнула, как бы невзначай, упомянуть твое имя. И ты знаешь, на сей раз он даже ничуть не побагровел! А ведь еще совсем недавно Медведь сразу становился бордовым, как переспелый помидор, едва в семейных беседах речь случайно заходила о тебе. Правда, на лбу и возле ушей у него вдруг выступили какие-то зеленые пятна, но я так думаю, это случилось лишь потому, что как раз в тот момент, когда я заговорила о тебе, Медведь слегка закашлялся и у него в горле, совершенно случайно, застрял небольшой кусочек медвежьего мяса. Мы с твоим дядюшкой долго колотили несчастного Медведя по спине, а когда тот злополучный кусочек мяса наконец выскочил обратно, твой двоюродный брат всего-навсего ограничился вполне связным рассказом о том, какую чудесную губовую колотушку он припас, чтобы при первой же вашей случайной встрече начисто вышибить тебе мозги. Уверю тебя, Брекенридж, до такой степени спокойно и рассудительно Медведь Бакнер не говорил о тебе еще ни разу за все месяцы, прошедшие с тех пор, как он вернулся в Техас! Честное слово! Более того, мне кажется, что он наконец избавился от своей навязчивой идеи сперва оскальпировать тебя заживо, а затем переломать обе ноги и бросить в самом сердце знойных прерий на корм стервятникам. А ведь еще совсем недавно Медведь клялся на Библии, что лишь надежда на осуществление этой заветной мечты придает хоть какой-то смысл его нынешнему земному существованию! Я почти уверена, что не пройдет и года, как ты уже сможешь, более-менее спокойно, встретиться с твоим любимым двоюродным братом, более не испытывая чрезмерных опасений за свою жизнь. Ну а ежели все-таки выйдет так, что тебе придется стрелять в Медведя Бакнера, то мне бы очень хотелось, чтобы ты в

полной мере проявил свойственную тебе широту взглядов и подстрелил бы нашего дорогого Медведа в какое-нибудь не слишком опасное для его жизни место. В противном случае я буду страшно огорчена, ведь ты же сам прекрасно понимаешь, что во всей той истории виноват прежде всего именно ты! А так мы проживаем очень даже ничего себе. Никаких особенных событий не происходит. Вот разве что Джо Аллисон на днях нечаянно сломал себе руку, когда слегка поспорил с Медведем Бакнером о политике.

Надеясь на взаимную обоюдность наших чувств, остаюсь искренне преданная тебе.

Твоя любящая тетка Сарагосса.

* * *

У любого человека поневоле становится тепло на душе, когда он узнает, что родичи иногда поминают его добрым словом и даже способны, хотя бы частично, отрешиться от давно прошедших мелочных обид. Но к моему глубокому огорчению, и на сей раз в бочке меда обнаружилась изрядная ложка яда, поскольку Медведю Бакнеру удалось-таки исказить истинное положение вещей и вселить в душу тетушки Сарагоссы совершенно нелепые предубеждения по отношению ко мне, как легко можно было увидеть из ее случайной обмолвки по поводу какой-то мифической моей в чем-то там вины.

Ведь любой непредвзятый человек сразу скажет, что никакой моей вины в тех происшедших событиях нету. То есть, конечно, любой, ежели не считать братца Бакнера, поскольку ему пришлось куда как более солоно, нежели чем всем остальным участникам той поистине грустной истории.

Подражаясь помочь старине Буйному Голландцу перегнать скот с Пекоса на Рио-Платту, я конечно же знал, что Медведь Бакнер болтается где-то в Колорадо. Но ведь с этим все равно ничего нельзя было поделать! Мне уже давно приходилось мириться с тем об-

стоятельством, что я в любой момент мог наткнуться на братца Медведа в любом, даже самом неожиданном, месте, ежели только там можно было как следует напиться да еще всласть пострелять из обреза. А потому все его клятвенные заверения в том, будто бы я в тот раз специально появился в Пьяную Лошадь с единственной целью поломать ему жизнь и навсегда лишить каких-либо надежд на светлое будущее, являются насквозь лживыми! От начала и до конца!

Я вообще тогда впутался в это дело лишь по своей доброте душевной, движимый самой глубокой и искренней привязанностью, каковую завсегда испытывал по отношению ко всем моим кровным родственникам. А чем отплатил мне мой двоюродный братец? Самой черной неблагодарностью!

И когда теперь я с отвращением вспоминаю о тех отбросах, какие мне приходилось жрать в трупобах Старого Мехико, и о тех жалких оборванцах-бандитах, в чьих убогих берлогах мне так долго пришлось скрываться, уклоняясь от необходимости ухлопать собственного родича, нынешняя позиция Медведа Бакнера, занятая им по отношению ко мне, не может не вызывать у меня чувства самой глубокой горечи!

Начнем с того, что у меня вовсе не было ни малейшего желания посещать Пьяную Лошадь. Просто в нескольких милях севернее этого городка у нас кончилась жратва. Незадолго до рассвета я проснулся, потому как Буйный Голландец нахально вытряхнул меня из моих одеял со словами:

— Немедля бери продовольственный фургон, катись в Пьяную Лошадь и закупи там жратвы! Даю тебе пятьдесят баксов. Но ежели ты истратишь из них хоть пенни на что-нибудь, кроме бекона, бобов, муки, соли и кофе, я вытряхну тебя из твоей собственной шкуры, не успеешь даже глазом моргнуть!

— А почему бы тебе не послать туда нашего повара? — сонно поинтересовался я, пытаясь снова натянуть на себя мои одеяла.

— А потому что его бесчувственное тело до сих пор валяется в зарослях чапарала, отравляя весь здешний пейзаж омерзительной вонью перегара! — злобно заявил старик Голландец. — И повинен в нынешнем его плачевном состоянии не кто иной, как ты! К тому же, если б не твое ненасытное, воистину нечеловеческое брюхо, нам наверняка хватило бы наших старых запасов жратвы до самого конца пути. Причем с лихвой! Ну, вставай же да вали отсюда поживей! Один черт, кроме тебя, мне некому больше доверить деньги. Да и тебе-то, ежели б было куда деваться, я не рискнул бы доверить даже воспоминание о тени от бычьего хвоста!

Мы, Элкинсы, как правило, весьма болезненно реагируем на подобного рода замечания. Однако Буйный Голландец уже на свет из утробы матери явился с готовым убеждением, будто все вокруг спят и видят, как бы его половчее облапошить. Поэтому я, вместо того чтобы послать старого хрыча к дьяволу, предпочел встать, храня оскорбленное молчание, запряг в продовольственный фургон мулов и выехал из лагеря. Капитана Кидда я прихватил с собой, привязав его к задку фургона, поскольку наверняка знал, что ежели оставить моего мальчика без присмотра, то к моменту моего возвращения в лагере останутся только одни кобылы, так как всех коней он к этому времени, как пить дать, загрызет насмерть.

Ну да ладно. Я добрался до развилки, где тропа на Гальего ответвляется от дороги на Пьяную Лошадь. Вдруг где-то недалеко от меня раздались нестройные звуки банджо и послышался гнусавый голос, громко напевавший:

— О, Нора! Он действительно построил Ковчег!

Я пришпорил Кэпа и очень скоро, за крутым поворотом дороги, настиг совершенно невероятного вида повозку. Настолько нелепых экипажей мне не доводилось видеть с тех самых пор, как в Орлиное Перо последний раз приезжал бродячий цирк.

То был кабриолет, раскрашенный в красно-белосиние цвета, с вкраплением нескольких пегих пятен,

которые напоминали широко раскрытые безумные глаза. На козлах рядышком друг с другом восседали двое: какой-то малый, при цилиндре, в длинном сюртуке и совершенно невероятном разноцветном жилете, а также косоглазый мулат с мартышкой на плече, наяривавший на банджо.

Малый торжественно снял с головы цилиндр, отвесил в мою сторону глубокий поклон и несколько напыщенно заявил:

— Приветствую вас, о мой мастодонтический друг! Не будете ли вы так добры, дабы известить меня, какая из вот этих двух прекрасных дорог приведет меня в замечательный город, именуемый Пьяная Лошадь?

— Та, которая идет на юг, — кратко отвечивал я. — Та, что сворачивает на восток, приведет вас в Гальего. Не иначе как отстали от бродячего цирка?

— Я до глубины души потрясен скрытым подтекстом ваших слов! — заявил этот чудак. — И оскорблен! При чем тут цирк?! О нет! В моем лице вы имеете честь созерцать величайшего друга всего человечества, ежели конечно не считать безвестного гения, подарившего миру рецепт кукурузного виски! Я — профессор Горацій Дж. Латимер, изобретатель и единоличный распространитель того бесценного дара свыше всему страдающему человечеству, каковой ныне повсюду именуется не иначе как Латимеровский Слабительно-Успокоительный Эликсир от Бешенства. Он является поистине живительной панацеей как для людей, так и для всякой иной твари!

С этими словами он выудил откуда-то из-под козел большущую бутылку и торжествуя потряс ею в воздухе, демонстрируя мне чудо науки мне, а заодно и еще одному молодому парню, только что подъехавшему к нам со стороны Гальего.

— Верное средство, уважаемый незнакомец! — воскликнул он. — Вернее не бывает! Может, у вас есть лошадь, соблазнившаяся сорняками, от которых на их племя порой находит бешенство? Кстати, мне сдает-

ся, та здоровенная зверюга, что привязана к задку вашего фургона, уже давно поглядывает в нашу сторону каким-то в высшей степени иступленным глазом!

— Это мой Капитан Кидд! — с достоинством возразил я. — И никакой он не бешеный. Немного кровожадный, только и всего!

— В таком случае, я имею честь пожелать вам всех благ, наиуважаемые сэры, — вновь приподнял свой цилиндр обладатель раскрашенной повозки. — Сожалею, но вынужден спешить дальше, дабы хоть немного сократить ту пучину юдоли страданий, в какую ныне погружен весь род людской! Надеюсь в самом скором времени вновь увидеться с вами в Пьяной Лошади!

Нелепо раскрашенный кабриолет покатило дальше, а я уже было всерьез принялся понукать своих мулов, как вдруг внимательно разглядывавший меня молодой парень из Гальего снял шляпу и весьма вежливо поинтересовался:

— Не с Брекенриджем ли Элкинсом свел меня счастливый случай?

— Похоже на то, — столь же вежливо ответил я.

— Какая жалость! — с неподдельной горечью в голосе заявил этот достойный юноша. — Ведь тому самому Прохвессору вовсе нету никакой нужды тащить-ся в Пьяную Лошадь в поисках всяческих там безумных созданий. Потому как прямо сейчас в Гальего обретается один малый, свихнувшийся, что твой клоп на ярком свете. И этот малый есть не кто иной, как ваш собственный родной двоюродный брат Медведь Бакнер!

— Как?! — сильно вздрогнув от неожиданности, переспросил я. — Что за чушь ты несешь?!

Ведь до сих пор среди всех моих родичей, вплоть до самых отдаленных пращуров, еще ни разу не приключалось ни единого случая умопомешательства. Ежели, конечно, сбросить со счетов старого Исаяю, внучатого дедушку Медведя Бакнера, который однажды настолько сильно повредился умом, что даже проголосовал против Гикори Джексона.

Но уже к следующим выборам, усилиями всего нашего клана, горячо любимый всеми родичами старый Исайя сумел укрепить свое малость пошатнувшееся душевное здоровье и впредь голосовал только так, как подобает истинному джентльмену.

— К сожалению, я сообщаю вам одну только правду, — ответил мне парень. — Ваш двоюродный брат страдает от галлюцинаций. Считает, будто вскоре должен жениться на одной девушке из Пьяной Лошади, по имени Энн Уилкинс. Но беда в том, что девушки с таким именем просто-напросто не существует в природе! Со всем недавно, прямо в салуне, с Медведем Бакнером приключился очередной припадок, и я в слезах покинул Гальего, не в силах более лицезреть жалкие руины, оставшиеся от некогда столь благородного джентльмена! Я даже опасаясь, как бы он не причинил вреда самому себе, ежели его немедленно не изолировать!

— Дьявол и преисподня! — воскликнул я, не сумев сдержать страшное волнение. — Да неужели же все это правда?!

— Это такая же святая правда, как и то, что меня зовут Лем Кемпбелл! — заявил парень. — Слово джентльмена! И вот, увидев вас, мне подумалось: вдруг вам, как ближайшему родственнику достойного Медведя, удастся как-нибудь препроводить его в мой загородный дом, находящийся не далее чем в нескольких милях к югу от Гальего, и удержать его там в течение хотя бы нескольких дней. В надежде на то, что за это время он хоть немного успокоится и, быть может, вновь вернет себе временно утраченный рассудок...

— Ну нет! У меня появилась еще куда более лучшая идея! — воскликнул я, спрыгивая с фургона и привязывая мулов к ближайшему дереву. — Следуй за мной! — скомандовал я малому, мигом вскочив на Капитана Кидда.

Разноцветная повозка Прохвессора только что скрылась за ближайшим поворотом, и я, не мешкая, во весь опор припустил вдогонку. К тому моменту, как

мне удалось нагнать кабриолет, Лем Кемпбелл прилично поотстал.

— Кажись, ты говорил, будто твоим снадобьем можно лечить всех тварей земных? — требовательно спросил я у Прохвессора, так резко осадив Кэпа рядом с повозкой, что нас всех окутало громадное облако пыли. — И людей, значит, тоже?

— Всенепременнейше! — с глубокой убежденностью в голосе заявил Латимер.

— Тогда немедленно поворачивай в Гальего! — велел я. — Там для тебя как раз имеется отличный пациент!

— Но ведь Гальего — это просто небольшой поселок где-то в самой глуши! — попробовал возразить Латимер. — Тогда как в достославной Пьяной Лошади имеется несколько салунов; к тому же там совсем рядом проходит железная дорога и...

— И ты еще смеешь лепетать что-то о железной дороге, когда на карту поставлен человеческий рассудок! — яростно взревел я, выхватив свой сорок пятый, и, совершенно произвольно, отстрелил несколько пуговиц от скюртука Прохвессора. — Я покупаю все твоё бешеное пойло! Чохом! А ну, живо! Поворачивай лошадей и сейчас же дуй напрямиком в Гальего!

— Нет, нет! Не надо! У меня даже в мыслях не было вам противоречить! — сильно побледнев, поспешно пробормотал Латимер. — Эй, Мешак! Разве ты не слышал, о чем нас только что попросил вот этот весьма уважаемый джентльмен? Ну-ка, вылезай из-под козел и заворачивай лошадей назад!

— Как скажете, машша Прохвессор! — ответил Мешак, опасливо выглядывая из-под сиденья.

Кабриолет развернулся в обратную сторону как раз к тому моменту, как к нам подскочил Лем Кемпбелл. Тут я вытащил из кармана штанов комок смятых бумажек, какими меня снабдил старик Голландец, и сказал молодому человеку:

— Хватай баксы! Закупишь на все в Пьяной Лошади жратвы, а потом переправишь ее в скотоводчес-

кий лагерь Буйного Голландца; сейчас он стоит на Малом Янконе. А я прямо сейчас еду в Гальего и забираю с собой продуктовый фургон, потому как иначе мне будет просто не на чем переправить братца Бакнера в твой загородный дом!

— Насчет жратвы не волнуйся! — заверил меня Лем Кемпбелл, деловито запихивая баксы к себе в карман. — Это дело я беру целиком на себя. Слово джентльмена! А ты уж пригляди там за Бакнером, хорошо? Нет, ну как все-таки здорово! Ведь стоило мне тебя увидеть, и я тут же понял, что на тебя можно смело положиться. Целиком и полностью!

Ладно. Парень растолковал мне, как добраться до его дома, после чего пришпорил своего скакуна и помчался в Пьяную Лошадь. Ну а я, поторапливая Капитана Кидда, двинулся назад по дороге. Обгоняя кабриолет, я чуток придержал Кэпа и проорал:

— Следуйте за мной, в Гальего! Пускай кто-нибудь из вас пригонит туда мой продуктовый фургон, который сейчас стоит у развилки. И смотрите, не вздумайте смяться, воспользовавшись моим временным отсутствием!

— Подобная ужасная мысль просто никак не могла прийти мне в голову, — пролепетал Латимер дрожащим голосом. — Езжайте себе вперед и ни о чем не беспокойтесь. Мы последуем за вами со всей скоростью, на какую способны!

И чуть погодя я уже во весь опор пылил по тропе, ведущей на Гальего.

Этот поселок оказался настолько мал, что в нем имелся лишь один-единственный салун, подъезжая к которому я явственно расслышал знакомый яростный рев. Затем дверь салуна вдруг слетела с петель и через дверной проем, один за другим, ласточкой выпорхнули три или четыре парня.

Пролетев ровно по семнадцать с половиной ярдов, они рядом чинно встали на уши в придорожной канаве. Едва бедолагам удалось подняться, они тут же

неверными шагами (но весьма быстро) устремились куда-то в неведомую даль.

— Да уж! — вслух подумал я. — Похоже, братца Медведя мне долго искать не придется!

* * *

Этот мерзкий Гальего сейчас выглядел в точности так же, как любой другой мелкий городишко, где вздумалось малость гульнуть и повеселиться моему двоюродному братцу.

Все двери и ставни домов и лавок были заперты наглухо. На улицах — ни единой живой души. И лишь на противоположной от салуна окраине городка виднелась быстро уменьшавшаяся фигурка всадника, во весь опор гнавшего свою лошадь по направлению к холмам. Не знаю, по какой причине, но я почему-то был готов поклясться, что этот малый — местный шериф.

Я спешился, привязал Капитана Кидда к коновязи и пошел к салуну, причем у самых дверей едва не упал, споткнувшись об какого-то малого, по-видимому — бармена. Тот, путаясь в своем переднике, бестолково ползал туда-сюда прямо у порога; оба глаза у него были подбиты, да так ловко, что полностью заплыли и свет Божий померк для их обладателя по меньшей мере на целую неделю.

— Не стреляй! — взмолился он, услышав мои шаги. — Сдаюсь на милость победителя!

— Какого хрена? — сурово спросил я. — Что тут происходит?

— Как странно! — робко пролепетал малый. — А ведь услышав твои шаги, я был готов поклясться, что ты — это он! Ну, тот самый парень, которого все зовут Медведь Бакнер. Видишь ли, последнее, что я могу припомнить, — мои слегка неосторожные слова насчет демократической партии. И тут на меня сразу обвалилась крыша салуна. А может быть, поблизости случилось внезапное землетрясение? Ведь не мог же один-

единственный человек так изувечить меня за какую-то пару секунд!

— Отчего же? — холодно отвечал я. — Просто ты не знал, кто таков Медведь Бакнер. Теперь будешь знать! А ежели тебе вздумается еще разок ляпнуть какую-нибудь мерзость про демократов, имеешь шанс познакомиться поближе и с Брекенриджем Элкинсом. То есть со мной!

Переступив через жалобно стенавшие останки бармена и груды щепок, в которую превратилась сорванная с петель дверь, я вошел в салон. Признаться, сперва мне показалось, что Лем Кемпбелл несколько преувеличил свои буйные фантазии насчет брата Медведа, потому как тот явно действовал в самой обычной, издавна свойственной ему манере. Но стоило мне лишь разок глянуть на своего родича, как мнение мое тут же резко переменилось.

Бакнер в гордом одиночестве высился у стойки бара, щедрой рукой наливая себе виски в пивную кружку. На нем была надета прям-таки ужасающая, поистине невероятная рубашка, переливавшаяся красным, желтым, пурпурным, зеленым и еще черт его знает какими цветами!

— О Боже! — потрясенно промолвил я. — Где тебе удалось откопать такое... такую штуку?!

— Ежели твое неуместное замечание относится к моей новой рубашке, — резко и с нажимом отвечал братец Медведь, — так знай, что таков теперь высший шик! Эта рубашка — самый классный товар! Лучшее, что мне удалось добыть в Денвере! Она куплена специально ко дню моей свадьбы!

— Так и есть! — простонал я. — Взаправду обезумел!

Ведь даже пьяный койот сразу бы усек, что, находясь в здравом уме, никто ни в жисть не натянет на себя такой кошмар!

— А чего уж такого безумного в том, когда человек собрался жениться? — огрызнулся Бакнер, отбив

горлышко очередной бутылки и переливая ее содержимое в кружку. — Ведь люди женятся каждый божий день!

Я осторожно обогнул своего родича, смерив его оценивающим взглядом с ног до головы. Чем, по-видимому, окончательно довел его до белого каления.

— Какого дьявола! — воинственно взревел он, инстинктивно хватаясь за пояс с револьверами. — Ей-богу, ты вызываешь у меня сильнейшее желание врезать тебе по...

— Не надо, братец Бакнер! — поспешил я его успокоить. — Да не волнуйся же ты так! Лучше скажи-ка мне, кто та девушка, на которой, как тебе сейчас кажется, ты собрался жениться?

— Ничего мне не кажется, дубина ты стоеросовая! — сварливо возразил Медведь. — Ее зовут Энн Уилкинс, и живет она в Пьяной Лошади. Я еду туда прямо теперь, вот только допью бутылку, а венчание у нас, чтоб ты знал, — сегодня!

— Должно быть, столь ужасное заболевание передалось тебе по наследству прямо от твоего внучатого дедушки Исаяи! — скорбно покачав головой, заметил я. — Недаром мой папаша не раз говаривал, что безумие старика Исаяи обязательно когда-нибудь еще возродится в последующих поколениях Бакнеров. Но ты не бери в голову! Ведь старый Исаяя в конце концов все же излечился и до самого конца жизни голосовал только за демократов. Излечишься и ты, братец Медведь! Ведь я уже здесь и надежно взял это дело в свои руки! Ну, идем же отсюда скорей, братец! — ласково попросил я и, улучив удобный момент, ловко провел свой коронный удушающий захват.

— Да пошел ты! — яростно прохрипел Медведь.

С этими словами он вцепился мне в волосы.

Мы с грохотом рухнули на пол и покатались куда-то по направлению к задней двери салуна. При этом всякий раз, когда братец Бакнер оказывался сверху, он немедленно принимался гулко колотить об пол моей

головой, каковое обстоятельство вскоре начало меня прилично раздражать.

Все же (теперь мне кажется, что это произошло примерно во время нашего десятого переворота) я собрал всю свою волю в единый кулак и, с превеликим трудом вытащив изо рта у братца большой палец своей правой руки, вновь принялся терпеливо увещевать бедного безумца.

— Даю тебе слово джентльмена, Медведь, — говорил я, — мне страсть как не по душе применять против беззащитного больного родича грубую силу, однако... — И в этот самый момент Медведь Бакнер умудрился-таки извернуться и подло лягнул меня ногой в брюхо.

Любому непредвзятому человеку ясно — все это время мною двигали самые возвышенные побуждения, а следовательно, у владельца бывшего салуна нету ровным счетом никаких оснований скулить и на всех углах жаловаться на меня, чем он постоянно занимается с тех самых пор.

Ну скажите на милость, разве я виноват в том, что у братца Медведа дрогнула рука и он, промахнувшись по мне пятигаллонной оплетенной бутылкой, вдребезги разнес роскошное зеркало за стойкой бара? А что я мог поделать, когда Бакнер слегка повредил бильярдный стол, пролетая сквозь него после моего удара? А когда мне говорят про разбитую переносную печку-сушилку, я единственно могу развести руками. Потому как право на самозащиту есть одно из основных прав человека в нашей свободной стране. Ведь ежели бы мне не удалось так своевременно оглушить братца Медведа столь счастливо подвернувшейся мне под руку печуркой, тогда он, вне всякого сомнения, навеки исказил бы природное благородство черт моего лица той самой разбитой пивной кружкой, каковую он, без какого-либо предупреждения, вдруг вознамерился использовать в качестве кастета!

Говорят, что, начав неистовствовать, маньяки становятся поистине неудержимыми, но в тот раз мне не

удалось обнаружить в поведении братца Медведя ровным счетом ничего сверхъестественного. Покуда мы катались по полу, он даже не забыл испробовать на мне свой обычный фокус, ловко зацепив меня шпорой за шею. Правда, было несколько неприятных мгновений, когда Бакнер слегка оглушил меня колесом от рулетки, сбил с ног, после чего с разбегу прыгнул обеими ногами прямо на мой живот. На долю секунды мне даже показалось, что я совсем ослабел и мой двоюродный братец вот-вот меня одолеет. Однако мысль об ужасном позоре, каковой падет на весь наш клан, едва станет известно о появлении в нашем роду маньяка, придала мне новых сил. И тогда я отшвырнул Медведя Бакнера, словно пушинку, и поднялся на ноги, и нагнулся, и оторвал из-под стойки бара медную перекладину для ног, и свернул ее обручем вокруг головы моего братца, и завязал концы этого обруча узлом.

Медведь пошатнулся, выронил охотничий нож, который он уже успел выхватить из ножен, обмяк, повалился на пол, пару раз дернулся и наконец затих.

Тут я перевел дух, утер рукавом кровь с лица (обнаружив при этом, что могу созерцать окружающую действительность лишь одним глазом), после чего развязал узел, снял медный обруч с головы моего родича и, ухватив бесчувственное тело покрепче за левую ногу, вытащил его на веранду салуна. За этим-то занятием меня и застал Латимер, как раз подъехавший к салуну на своей повозке. Следом за кабриолетом к месту событий подкатил мой продуктовый фургон, на козлах которого восседал Мешак с мартышкой на плече. Мешак таращился на меня во все глаза, а глаза у него почему-то были большие, как фарфоровые блюда. И почти такие же белые.

— Ну так где же мой пациент? — спросил Прохвессор.

— Он тут и полностью к вашим услугам! — ответил я. — Бросьте сюда кусок каната из моего фургона, надо связать вашего пациента понадежнее. А потом мы

все вместе отправимся в имение Лема Кемпбелла, где вы без помех сможете поить моего несчастного родича своим зельем до тех пор, покуда к нему не вернется здравый рассудок!

К тому времени, как я крепко связал Медведя Бакнера по рукам и ногам, возле салуна собралась порядочная толпа горожан. Ежели судить по их замечаниям, то никак нельзя было сказать, чтобы у моего брата в Гальего имелось много друзей. А когда я принялся заталкивать безвольно обвисшую тушу в фургон, кто-то из зевак как бы невзначай поинтересовался, не являюсь ли я слугой закона. Занятый делом, я рассеянно ответил — нет, не являюсь.

Тогда этот тип тут же повернулся лицом к толпе и радостно заорал:

— Эй, парни! Пришло наше времечко! Что нам мешает прямо счас сполна расплатиться со злодеем Бакнером за все нанесенные им оскорбления и побои? Нельзя упускать верный шанс, говорю я вам! Потому как он валяется прямо тут, будто бесчувственная колода, крепко связанный по рукам и ногам, а малый, который грузит его в фургон, только что сам признался, что он вовсе никакой не шериф!

— Веревку сюда! — кроважно взвыл кто-то в толпе. — Счас мы его вздернем!

Толпа горожан заколыхалась, потом грозно качнулась вперед... Латимер с Мешаком перепутались так, что вот-вот готовы были выронить вожжи и дать деру, но я вскочил в седло, поднял Кэпа на дыбы, мигом выхватил пару своих шестизарядных и внушительно произнес:

— Спокойно! Мешак, разворачивай продуктовый фургон и гони прямо на юг. Прохвессор! Не волнуйтесь и спокойно езжайте следом за Мешаком! А вам, парни, — повернулся я лицом к толпе, — советую держаться подальше от моих мулов!

Один из зевак не пожелал прислушаться к доброму совету и попытался-таки выхватить вожжи из рук трясущегося Мешака, а потому мне пришлось отстре-

лить шпору с его левого сапога. Парень шлепнулся лицом вниз в дорожную пыль и завопил:

— Караул! На помощь! Убивают!

— Прочь с дороги, кому жизнь дорога! — бешено взревел я, наведя на толпу сразу обе свои пушки. — Прохвессор, Мешак, вперед!

С этими словами я пару раз выстрелил прямо под ноги мулам, чтобы малость приободрить бедных животных. Продуктовый фургон рывком сорвался с места и, высоко подпрыгивая на ухабах, понесся прочь из Гальего. Мешак, отчаянно вереща от ужаса, достаточно ловко цеплялся за сиденье, чтобы не вылететь с козел на дорогу, а Латимер, нещадно погоняя лошадок, запряженных в его дурацкий кабриолет, немедленно устремился вслед за фургоном. Я замыкал эту процессию, внимательно поглядывая назад, чтобы ненароком не пропустить момент, когда кому-нибудь из тех олухов у сауна, уже повытаскивавших свои пушки, вдруг да придет в голову глупая мысль малость пострелять мне в спину.

Однако вид моих револьверов, видать, изрядно поохладил их пыл. Наверно, потому никто так и не решился спустить курок, покуда я не отъехал на расстояние, превышавшее дальность надежного пистолетного выстрела. Только тогда кто-то выпалил в мою сторону из винчестера, но промахнулся никак не меньше чем на целый фут, а потому я решил не обращать внимания на это вопиющее нарушение святых правил гостеприимства, и вскоре наша процессия была уже далеко от Гальего.

Поначалу я опасался, что братец Медведь вскоре придет в себя и насмерть перепутает несчастных мулов своим диким ревом. Но, наверное, та медная перекладина все-таки оказалась крепче, чем я думал. Потому как Бакнер все еще валялся без сознания, когда мы подъехали к домику, уютно укрывшемуся в небольшом лесистом горном распадке, несколькими милями южнее Гальего. Я велел Мешаку выпрячь мулов и отвести их в кораль, а сам потащил тело своего родича в

дом, где кое-как пристроил его на койке. Затем я сказал Прохвессору, чтобы он принес в дом весь свой замечательный эликсир, и Латимер покорно приволок десять галлонов своего пойла, в оплетенных бутылках по одному галлону. А в качестве платы я просто отдал ему все деньги, какие у меня на тот момент были.

Вскоре братец Медведь наконец очухался, приподнял голову и бессмысленным взглядом окинул рассевшуюся на другой койке, прямо напротив него, компанию: меня, Латимера в евонном долгополом сюртуке и цилиндре, косоглазого Мешака с краснозадой мартышкой, гордо восседавшей на его плече... Узрев такое, мой братец закатил глаза, снова уронил голову на койку и простонал:

— Боже мой! Не иначе как я рехнулся! Да ведь такого просто не может быть!

— Конечно! — обрадовался я. — Вот видишь, даже тебе самому уже понятно, что ты рехнулся! Но ты не волнуйся! — поспешил я успокоить его. — Ведь все присутствующие собрались здесь лишь с одной-единственной целью — навсегда излечить тебя от твоего ужасного недуга...

Мне очень хотелось добавить еще несколько ободряющих слов, но тут Медведь Бакнер неожиданно прервал мою речь, вдруг издав такой ужасающий вой, услышав который Мешак изменился в лице и суетливо полез под койку.

— А ну развяжи меня сейчас же, слышишь ты, навеки проклятый сын сатаны! — дико ревел Медведь Бакнер, бешено выгибаясь и извиваясь на койке, словно подхвативший расстройство желудка питон; братец с такой неистовой силой пытался порвать веревки, что на его висках мгновенно набухли тутие желваки синих вен. — Ведь я уже давным-давно должен был быть в Пьяной Лошади, где ждет меня венчаться моя будущая жена!

— Вот видите, Прохвессор! — скорбно вздохнув, сказал я Латимеру. — Какой поистине печальный случай! Лучше не затягивать с лечением, а, наоборот, при-

ступить к нему немедленно. У вас есть рог для вливания лекарств лошадям? Тогда давайте его сюда. Какова ваша обычная доза?

— Ну, ежели бы речь шла о лошади, — с некоторым сомнением в голосе пробормотал Латимер, — то я бы назначил где-нибудь около квартиры. Но ведь тут у нас не лошадь...

— Не берите в голову! — твердо произнес я. — Значит, начнем с квартиры. А ежели понадобится, то мы всегда легко можем увеличить эту дозу!

* * *

Не обращая более никакого внимания на поистине кошмарные высказывания братца Медведя в мой адрес, я уже было принялся выковыривать пробку из первой бутылки, как вдруг чей-то склочный голос, над самым моим ухом, злобно произнес:

— Какого черта! Что за... вы все устроили тут, в моей собственной хижине?

Я резко обернулся и увидел глупо таращившегося на меня из дверей кривоногого замухрышку с довольно чахлой растительностью на скукоженной физиономии.

— Вот как? — раздраженно проворчал я, возмущенный столь бесцеремонным вмешательством постороннего в процесс лечения. — Говоришь, твоя хижина? А по-моему, этот дом принадлежит одному моему другу, который любезно разрешил нам всем воспользоваться его гостеприимством!

— О Боже! — вдруг заявил этот тип, конвульсивно вцепившись скрюченными пальцами в свою жидкую бородавку. — Да ты, парень, либо пьян как сапожник, либо вовсе ума лишился! Ну-ка, решайте: или вы сейчас тихо-мирно уберетесь отсюда сами, или же я буду вынужден прибегнуть к насилию! — Тут он выудил откуда-то здоровенный револьвер и угрожающе взвел курок.

— Ха! — презрительно фыркнул я. — Ишь, какой любитель чужого добра выискался! Да ты, оказывается, не кто иной, как проклятый захватчик и хапуга!

С этими словами я небрежно отобрал у замухрышки револьвер. Но только он все никак не хотел успокоиться, а, наоборот, выхватил из ножен здоровенный охотничий нож. Тут уж мне пришлось взять его за шиворот и вышвырнуть вон. После чего мне вдруг пришла в голову удачная мысль — всадить несколько пуль прямо рядышком с ним, в дорожную пыль. Просто так, для острастки.

— Я еще сведу с тобой счеты, дубина стоеросовая! — истошно завопил замухрышка, поспешно вскакивая на ноги и устремляясь по направлению к своей костявой гнедой кобыле, которую он оставил привязанной к забору. — Да! Я обязательно с тобой разделюсь, так и знай! — прокричал он еще раз, кровожадно потрясая кулаками, а затем галопом вылетел со двора.

— Как вы полагаете, кто бы это такой мог быть? — слегка дрожащим голосом спросил меня Латимер.

— А какая нам на хрен разница? — пожал плечами я. — Чем скорее вы забудете о столь незначительном, давно прошедшем инциденте, тем лучше. А еще лучше, ежели вы поможете мне поскорее напоить моего дорогого брата вашим замечательным эликсиром!

Но это оказалось куда проще сказать, нежели сделать. Поскольку Медведь по-прежнему был туто спеленут канатом, у нас оставался лишь один выход: лить зелье напрямик в евонную глотку. Я уже совсем было потерял надежду разжать ему челюсти кочергой, которую пытался использовать в качестве рычага, как вдруг братец Бакнер сам широко распахнул пасть, чтобы обрушить на мою разнесчастную голову новый поток ужасных проклятий. Тут уж Прохвессор не подкачал и успел воткнуть свою поильную воронку в разверстую пасть прежде, чем она снова захлопнулась. Кстати, когда потом мы разглядывали ту воронку, то обнаружили, что она прокушена почти насквозь; да и

вообще, она выглядела так, будто пару раз побывала в медвежьем капкане.

Братец Медведь продолжал неистово дергаться и извиваться все то время, покуда мы не влили в него всю кварту целиком. После чего он вроде как разом окостенел, а глаза у него стали совсем стеклянными. Нам довольно легко удалось извлечь воронку из его челюстей, которыми он все еще продолжал слабо двигать, хотя уже не произносил ни звука. Но Прохвессор поспешил успокоить меня. Все взбесившиеся лошади, сказал он, всегда ведут себя именно так, ежели удастся вовремя всадить им добрую порцию этого чудесного лекарства.

Облегченно вздохнув, я оставил Мешака приглядывать за моим несчастным братом, а сам, вместе с Латимером, вышел за двери и уселся на крылечке, дабы немного передохнуть и малость поостыть.

— Послушайте, Прохвессор, а почему Мешак не стал распрягать ваш кабриолет? — сурово спросил я.

— Как?! Неужели вы полагаете, что мы должны задержаться здесь на всю ночь? — с ужасом произнес Латимер.

— На всю ночь? — переспросил я. — Черта лысого на всю ночь! Вы пробудете здесь с нами ровно до тех пор, покуда мой любимый двоюродный брат не излечится окончательно. Даже ежели на это потребуется целый год! Надеюсь, Прохвессор, вам окажется не в тягость изготовить еще малость вашего чудесного эликсира, коли нам вдруг не хватит тех десяти галлонов?

— Другими словами, вы хотите сказать, что нам и впредь предстоит по три раза на дню сражаться с этим безумным маньяком так, как это было сегодня? — жалобно пискнул Латимер.

— Ну-у... — Мне хотелось чуть-чуть приободрить совсем упавшего духом Прохвессора. — Может быть, мой родич будет буйствовать чуть поменьше, когда ваше чудесное средство наконец окажет свое целительное воздействие... Нам никак нельзя терять надежду!

Слушая меня, Латимер постепенно багровел; моему, еще немного, и с ним случился бы припадок удушья, но тут из домика раздался такой невероятный рев, что даже у меня волосы встали дыбом. Это братец Медведь вновь обрел свой голос. Дверь распахнулась, и из дома выскочил Мешак, причем уже внутри он успел набрать такую скорость, что, с разбегу налетев на Латимера, отбросил Прохвессора во двор, а сам, прокатившись кубарем ровно семнадцать с половиной футов, рухнул на тело своего босса. Следом за Мешаком из дома вихрем вылетела мартышка.

— Хош-пгпади! — верещал Мешак, с невероятной ловкостью карабкаясь следом за мартышкой на самое высокое дерево, какое нашлось поблизости от дома. — Тот сюмашедший маниак прорвал толстенный канат, как вшо равно бумаш-шную бишовку! Шчас он пудет уше ждесь и канепшо ше раждавит вшех наш, как ш-шалких мошкитоф!

Я ринулся внутрь дома, где обнаружил Медведя Бакнера в бешенстве катавшимися по полу и изрыгавшим настолько кошмарные проклятия и богохульства, каких я никогда от него не слышал. Вдобавок, к ужасу своему, я увидел, что ему действительно удалось порвать часть веревок, отчего его левая рука оказалась на свободе. Я прыгнул вперед и всем телом навалился на эту руку, но в течение нескольких ужасно долгих минут ничего не мог поделать, кроме как висеть на ней, покуда мой братец совершенно непринужденно размахивал ею, с легкостью мотая мое тело туда-сюда по всему дому. Наконец мне чудом удалось совладать с этой жуткой рукой, после чего я снова крепко-накрепко примотал ее канатом к телу брата Медведя.

Как раз в тот момент, когда я уже заканчивал свой тяжелый труд, в комнату ворвался Латимер и принялся в полном молчании скакать и кружиться по ней, исполняя не то танец живота, не то боевую пляску апачей.

— Мешак удрал! — вдрут завыл он, наконец вновь обретя дар речи. — Он так перепугался, что в обнимку

со своей мартышкой прыгнул с дерева прямо в мой кабриолет и угнал его в неизвестном направлении! А виноват во всем случившемся не кто иной, как ты!

К сожалению, я слишком запыхался и просто не мог достойно возразить Латимеру. Кое-как взвалив братца Медведа на одну из коек, я, пошатываясь, добрал до другой и, совершенно обессиленный, плюхнулся на нее. А Профвессор тем временем все продолжал охать, стонать, приплясывать и костерить меня почем зря, время от времени выкрикивая, что теперь ему причитается целая куча баксов за кабриолет и упряжку.

— Вот что! — сказал наконец я, когда мне удалось немного восстановить дыхание. — Никаких денег у меня теперь нету! Я все потратил на ваш чудодейственный эликсир. Но как только к моему дорогому брату Медведю Бакнеру вернется здравый рассудок, он будет настолько преисполнен благодарности, что с радостью лично уплатит вам любую разумную сумму! А пока временно отрешитесь от низменных помыслов о столь жалком мусоре, как презренные баксы, и постарайтесь направить всю мощь вашего научного интеллекта на то, чтобы вернуть несчастному больному утраченное душевное здоровье!

— Душевное здоровье?! — внезапно взвыл слегка очухавшийся братец Медведь. — Связать меня, как все равно какого головореза, чтобы потом медленно, пинта за пинтой, вливать мне в глотку какой-то ужасный яд? Какой только дряни мне не пришлось испытывать на своем веку, но мне и в кошмарном сне не могло привидеться, что какое-либо, пускай даже самое отвратное, пойло может быть столь невероятно мерзостным на вкус, как та гадость, которой ты меня опол! Да она же любого гризали в два счета парализует начисто! Развяжи меня сейчас же, будь ты проклят!

— А ты станешь вести себя спокойно, ежели тебя развяжут?

— Обязательно стану! — с чувством ответил братец Медведь. — Клянусь, что успокоюсь мгновенно,

когда закончу украшать деревья вон в той рощице гирляндами из твоих кишок!.. Но и ни единой секундой раньше! — немного поразмыслив, честно добавил он.

— Бедняга по-прежнему в буйной стадии! — печально покачав головой, сказал я. — По-моему, мы поступим мудро, ежели пока не станем развязывать его. Верно, Прохвессор?

— Слушай ты, тупица! Сколько раз я должен повторять, что прямо сейчас в Пьяной Лошади должна начаться моя свадьба! — яростно заорал братец Медведь и так резко рванулся на своей койке, что тут же слетел на пол.

Думаю, всякий непредвзятый человек согласится со мной: это была его собственная ошибка. Хотя позже мой братец именно меня винил в том, что, ударившись головой об угол печки, он надолго потерял сознание. Зря он так! Ведь настолько мелочная, вздорная подтасовка фактов еще никому и никогда не делала чести!

— Все к лучшему! — устало произнес я. — По крайней мере, у нас теперь будет хоть несколько минут передышки! Помогите мне снова положить его в койку, Прохвессор!

— Что? Что? Что это такое?! — вдруг взвизгнул Латимер, подпрыгнув чуть не до потолка, когда где-то неподалеку, в густых зарослях, внезапно рывкнула тяжелая винтовка, а сердито жужжащая пуля, пробив обе стены дома, унеслась дальше.

— Не что, а кто, — затолкнув Медведа на койку, поправил я Прохвессора. — Думаю, это Чахлая Бороденка. Ну, тот самый тип, который давеча заглядывал к нам сюда на огонек. Значит, мне не зря показалось, будто у него к седлу был приторочен здоровенный винчестер! Но это дело терпит. Послушайте, Прохвессор, пошарьте там, на кухне. Может, какая провизия найдется? А то я дико проголодался!

Хотя после того выстрела с Латимером приключился страшный приступ нервной лихорадки, это никак не помешало нам найти в кухне припрятанные Лемом Кемпбеллом запасы бекона и бобов. И мы разо-

грели их, и поели вдосталь, и даже кое-как покормили братца Медведя, который мигом пришел в чувство, едва учуял запах разогревавшейся жратвы. Правда, было не очень похоже, чтобы наша скромная трапеза доставила большое удовольствие Латимеру, потому как всякий раз, когда сквозь дом пролетала очередная пуля, Прохвессор опять подпрыгивал, а только что проглоченная еда опять оказывалась у него на тарелке. Не знаю, может, он тогда так и не наелся, но зато поел за один вечер много-много раз.

А тот тип, Чахлая Бороденка, к моему удивлению, проявил чрезвычайную настойчивость. Но он засел так далеко от дома, что не мог причинить нам серьезного беспокойства. Да и стрелком он оказался совсем никудышным, поскольку все его пули проносились достаточно высоко над нашими головами. Желая слегка подбодрить Латимера, я указал ему на это обстоятельство, но Прохвессор почему-то совсем не обрадовался.

Чувствуя себя малость подуставшим, я не решился развязать Бакнера, чтобы тот мог поесть сам. Поэтому, усадив Латимера на грудь нашему пациенту, я велел ему кормить моего братца прямо с ножа. Но только Прохвессор все время чего-то боялся. Он то и дело испуганно вздрагивал, роняя горячие бобы за шиворот братцу Медведю, а тот в ответ шипел, плевался и произносил поистине ужасные, черные слова.

К тому моменту, как мы покончили с кормежкой, уже давно стемнело, и Чахлой Бороденке волей-неволей пришлось прекратить бестолковую пальбу. Вдобавок, как я узнал позже, у него почти совсем вышли боеприпасы, и он отправился призанять еще патронов на одно из ближайших ранчо. Медведь Бакнер вдруг прекратил поносить нас последними словами; теперь он просто молча лежал на койке, пристально глядя на нас с Прохвессором. Его глаза сверкали, а на лице застыло такое кошмарное, поистине зверское выражение, какое мне никогда прежде не случалось встречать на лицах людей. Под этим ужасным гипнотическим взором волосы на

голове бедного Латимера встали дыбом и, словно заговоренные, ни за что не желали опускаться обратно.

Братец Медведь, не прекращая буравить нас безумным взором, тем не менее продолжал без устали трудиться над своими путами, Поэтому мне приходилось проверять их чуть не каждые пять минут, время от времени заменяя перетертые веревки новыми. Наверно, сказал я Латимеру, будет куда лучше, ежели мы хотя бы на время успокоим моего родича новой дозой эликсира. На том и порешили. А когда мы наконец покончили с этим многотрудным делом, Прохвессор кое-как, спотыкаясь, добрал до кухни, рухнул там под стол и мгновенно вырубился, и даже я чувствовал себя настолько изможденным, насколько такое вообще возможно для уважающего себя истинного Элкинса.

К сожалению, я не мог последовать примеру Прохвессора, потому как опасался, что мой братец все же сумеет каким-то образом освободиться и тут же прикончит меня, прежде чем я успею проснуться. И поэтому я уселся на вторую койку и стал следить за братцем Медведем. Спустя некоторое время он уснул, и теперь я отчетливо слышал доносившийся с кухни громкий храп Прохвессора.

Где-то около полуночи я зажег свечу, отчего Медведь Бакнер сразу проснулся и сварливо проговорил:

— Да чтоб тебя черти разорвали! То ты хочешь насильно меня усыпить, то будишь как раз тогда, когда мне снится самый лучший, самый сладостный сон во всей моей жизни!

Будто бы я ловаю акул у острова Мустангов... Нет, это было так прекрасно!

— А что может быть прекрасного в ловле акул? — недоуменно спросил я.

— Боюсь, тебе этого не понять! — с мечтательным выражением лица ответил Бакнер. — Ведь вся прелесть ловли была в том, что в качестве наживки я использовал куски твоего протухшего трупa! Эй! — вдруг встревожился братец. — Что это такое ты там делаешь?

— Ничего особенного, — сухо отозвался я. — Просто пробил час для очередного приема лекарства!

Ну, тут снова разгорелась кровавая битва. На сей раз он впился зубами в большой палец моей левой руки и наверняка сжевал бы его начисто, если б мне не удалось, очень вовремя, оглушить бедного безумца чугунной сковородкой. И прежде чем он пришел в себя, я влил-таки в него очередную порцию эликсира, при усиленной помощи Прохвессора, разбуженного шумом нашей великой баталии.

— Интересно, как долго все это будет еще продолжаться?! — с отчаянием в голосе спросил Латимер. — Ой! — воскликнул он, по-заячьи подпрыгнув от неожиданности. — Ой-ой-ой!

В наши дела опять вмешался Чахлая Бороденка. Но на сей раз он умудрился подползти совсем близко к дому, и пуля из его винчестера замечательно расчесала всклокоченные лохмы Прохвессора на косой пробор.

— Видит Бог! — в бешенстве прорычал я. — Я есть самый терпеливый из всех Элкинсов на всем белом свете! Но даже моему терпению имеется предел! — С этими словами я сорвал со стены дробовик. — Оставайтесь здесь, Прохвессор, — велел я, — и как следует наблюдайте за пациентом, покуда я не вернусь обратно! Да растопите получше плиту на кухне, дабы к моему возвращению у нас уже была возможность хорошенько провялить шкуру Чахлой Бороденки над нашим домашним очагом!

Я тихонько выскользнул из дома через окно, противоположное тому, через которое влетела пуля, и стал крадучись пробираться сквозь густые заросли, описывая большой полукруг. Свет восходящей луны становился все ярче, и я наверняка знал, что в два счета сумею зайти Чахлой Бороденке в глубокий тыл.

Действительно, всего через пару минут, обогнув место, где росли особенно густые кусты, я отчетливо увидел перед собой напряженно-оттопыренный зад Чахлой Бороденки. Причем именно в тот момент, когда этот чу-

дак в очередной раз наводил на дом дуло винчестера. Не долго думая, я тут же всадил в такую замечательную цель щедрую порцию дрови из обоих стволов сразу, отчего этот паразит пронзительно завизжал и подпрыгнул куда как выше, нежели можно было бы ожидать от столь кривоногого субъекта, и выронил на землю свой винчестер, и с поистине невероятной скоростью рванул по тропе в сторону Гальего, и очень скоро исчез за горизонтом.

Но на сей раз ничто не могло остановить меня в намерении начисто стереть этого презренного москита с лица земли. Выбравшись на тропу, я помчался за ним следом, и вскоре почти настиг его, и снова принялся палить ему в спину из дробовика. Но, к моему ужасному огорчению, проклятый обрез оказался заряжен бекасинником, и во всех чертовых патронах, какие я прихватил с собой, оказалась все та же мелкая дробь!

Расскажи мне кто другой, я ни в жисть бы не поверил, будто белый человек, да вдобавок такой старый и такой кривоногий, может бегать так быстро и так долго! Едва мне удавалось хоть чуть-чуть приблизиться к Чахлой Бороденке, как он тут же увеличивал скорость. В общем, несмотря на все мои усилия, мне ни разу так и не удалось подобраться настолько близко к старому козлу, чтобы та поганая птичья дробь смогла нанести ему хоть сколько-нибудь серьезный урон. Тем не менее я продолжал упорно преследовать Чахлую Бороденку на протяжении целой мили, но потом он вдруг резко свернул с тропы, нырнул в густые заросли колючих кустов, и вскоре я окончательно потерял его из виду.

Ну да ладно.

Я повернул обратно и стал пробираться сквозь заросли в сторону дороги, и мне оставалось до нее буквально два шага, когда со стороны Гальего вдруг послышался топот копыт. Ну, раз так, то я решил пока не вылезать из кустов на тропу. Очень скоро из-за поворота показалась целая толпа вооруженных всадников, ехавших прогулочным шагом; бледные блики лунного света неярко поблескивали, отражаясь от стволов винчестеров.

— Двигайтесь тише! — предупредил чей-то голос. — Дом стоит совсем рядом с дорогой. Мы подкроемся и окружим его раньше, чем те парни сообразят, в чем дело.

— Хотел бы я знать, что за пальбу мы слышали несколько минут назад? — слегка нервно поинтересовался другой голос.

— Почему знать, может, они там передрались друг с другом! — отозвался третий. — Какая на хрен разница? Главное — нагрянуть неожиданно и сразу разделаться с тем вторым громилой прежде, чем он успеет расчихать, что к чему. Ну а потом уж мы спокойно вздернем Бакнера на ближайшем дереве.

— Интересно, за каким таким дьяволом они выкрали этого самого Бакнера? — начал было четвертый голос...

Но тут мое терпение лопнуло, я выпрямился во весь рост и решительно шагнул из-за кустов прямо на дорогу. Мое неожиданное появление напугало лошадей; они захрапели и попятились.

— Значит, вот вы как?! — в бешенстве взревел я. — Нагрянули сюда целой толпой, чтобы повесить беспомощного больного человека только за то, что он один одолел вас всех в честной драке? Ах вы, храбрецы хреновы! Ну ничего, сейчас вы у меня попляшете!

С этими словами я навскидку выпалил в толпу этих мерзавцев из обоих стволов разом.

Те жалкие идиоты ехали настолько вплотную друг к другу, что промахнуться было просто невозможно. Досталось всем и каждому. Вот интересное дело: мерзкие людишки даже вопят как-то особенно мерзко! А бедных лошадок жалко. Насмерть перепутанные моим возмущенным ревом, а также вспышками и громом выстрелов, неожиданно раздавшихся всего в двух шагах от ихних морд, несчастные животные встали на дыбы, развернулись на месте и с диким ржанием понеслись прочь. Од-

ним словом, вся та чертова банда загромыкала по дороге в сторону Гальего в тыщу раз быстрее, чем эти недоумки извоили ехатъ сюда. Для пущей убедительности я произвел им вслед несколько выстрелов из револьверов, хотя, похоже, они и не думали отстреливаться.

Довольно скоро жалобные стенания и скорбный вой затихли вдали. Ну и горе-бандиты! Чистый мас-карад!

Однако полной уверенности в том, что они не вернутся назад, у меня все же не было, поэтому я устроил засаду в кустах, в таком месте, откуда хорошо просматривалась дорога на Гальего. Первая же мысль, пришедшая мне в голову с первыми лучами солнца, была весьма неутешительной: против своей воли я таки заснул! Как это могло случиться, до сих пор ума не приложу!

Едва проснувшись, я тут же вскочил на ноги, инстинктивно выпалив пару раз из револьверов в сторону дороги. Но вокруг было по-прежнему совершенно пустынно. Раз такое дело, то мне оставалось сделать единственное разумное предположение: с давешними джентльменами из Гальего, несомненно, приключилась медвежья болезнь! Тогда, уже со спокойным сердцем, я направился назад. Каково же было мое удивление, когда, подойдя к выгону, я вдруг обнаружил, что кораль пуст, а продуктовый фургон исчез! У меня подкосились ноги, я снова выхватил револьверы и уже собирался рвануться к дому, как вдруг заметил приколотую к изгороди коралья записку. В ней говорилось так:

Дорогой мой мастодонт Элкинс!

Такое ужасное нервное напряжение оказалось мне не по силам! Я стал седым как лунь, пока сидел в той комнате и медленно сходил с ума под огненным взглядом, каким меня неуклонно испепелял возлежащий в койке ужасный дьявол, и все время гадал, что он со мною сотворит, когда наконец перетрет свои путы. И тогда я решил, что мне пора уносить ноги. Глубоко сожалею, но мне пришлось забрать ваш фургон и у-

ряжку в возмещение убытков, понесенных мною в результате позорного бегства этого жалкого Мешака. Зато я оставил в полном вашем распоряжении все запасы своего чудотворного эликсира! Хотя, ежели честно, никак не могу избавиться от ощущения, что это поистине чудесное средство не принесет ни малейшей пользы бедному безумцу Бакнеру. Ведь то лекарство предназначено для взбесившихся животных, а никак не для лечения буйно помешанных гигантов, одержимых манией убийства!

С глубочайшим уважением, искренне ваш
проф. Гораций Дж. Латимер, эскавайр

— Скотина, скотина и еще раз скотина, — раздраженно бормотал я себе под нос, направляясь к дому Лема Кемпбелла.

До сих пор не знаю, сколько времени потребовалось Медведю Бакнеру, чтобы полностью выпутаться из довольно-таки крепких веревок. Но так или иначе, он поджидал меня прямо за дверью, с той самой чугунной сковородкой на изготовку. И ежели бы у нее не отвалилась ручка, когда он со всего размаху огрел меня по голове, то ему наверняка удалось бы нанести мне самые серьезные телесные повреждения.

И я до сих пор не могу понять, каким чудом мне удалось тогда одолеть своего двоюродного братца, поскольку он бился как самый настоящий берсерк и из рта у него шла пена. Всякий раз, когда ему удавалось вырваться из моих рук, он с диким упорством маньяка бросался на кухню и хватал там очередную бутылку латимеровского слабительно-успокоительного эликсира от бешенства, затем с торжествующим ревом вдребезги разносил ее об мою несчастную многострадальную голову. К тому времени, как я все же сумел изловчиться и оглушить братца Медведя тем самым дубовым чурбаком, который был вместо ножек у кухонного стола, все было уже кончено. Негодяй ухитрился переколотить все до единой бутылки. Пол был

залит зловонной жижей, и моя одежда пропиталась этой мерзопакостью в тех местах, где она еще не успела пропитаться кровью...

Наконец мне удалось навалиться на Медведа всей тяжестью, и я скрутил-таки его снова по рукам и ногам. Добравшись кое-как до койки, я плюхнулся на нее и принялся гадать, что же мне теперь, черт меня побери, делать дальше. Потому как все запасы чудотворного эликсира безвозвратно иссякли, а никакого другого способа излечить моего любимого брата я не знал, а подлый Прохвессор целиком и полностью удрал вместе с моим продуктовым фургоном, в результате чего я теперь не видел никаких способов к тому, чтобы вернуть братца Медведа в лоно истинной цивилизации. Откуда-то с запада донесся далекий гудок паровоза, и на меня снизошло вдохновение. Я вспомнил, что железнодорожная ветка проходит всего в нескольких милях к югу отсюда! Ну ладно! Я сделал для своего двоюродного брата все, что только было в моих силах, а потому оставался один-единственный выход: отправить его назад в Техас, дабы там любящие родичи смогли заботиться о нем до самого конца его безумной жизни.

Я выбежал наружу и свистнул Капитана Кидда. Тот радостно бросился ко мне из-за угла дома и успел игриво лягнуть меня прямо в брюхо, прежде чем мне удалось увернуться. Но я был совсем не расположен дурачиться, тем более что эта любимая шуточка Кэпа была с бородой и изрядно поднадоела. Потому я раздраженно уклонился от следующего удара копытом и как следует треснул Кэпа кулаком по носу. Затем выволок из дома братца Медведа, швырнул его поперек седла, вскочил на Капитана Кидда и поспешил на юг.

Наверно, это была та самая дорога, по которой удирал сперва Мешак, а следом за ним — Латимер. Она пересекала железнодорожную ветку всего в трех милях от дома Лема Кемпбелла. А гудок паровоза, который я услышал раньше, был сигналом к отправлению

поезда из Пьяной Лошади. Поэтому я успел выбежать на рельсы еще до того, как поезд показался из-за поворота. Я неистово замахал руками, и паровоз затормозил. Бригада, обслуживавшая состав, поспрыгивала с подножек на насыпь — они пожелали узнать, какого такого дьявола я остановил поезд.

— Человек срочно нуждается в самом пристальном внимании лучших врачей! — внушительно заявил я. — Тяжкий случай временного умопомешательства. Необходимо срочно переправить парня в Техас, под надзор родных и близких!

— Вот черт! — хором ответили они. — Какая жалость! Но беда в том, что наш поезд на всем своем пути следования ни разу даже не приближается к границам Техаса!

— Ну что ж, — малость подумав, сказал я, — в таком случае придется выгрузить страдальца в Финт-Сити. Там у него полно друзей, которые, несомненно, почтут за честь временно приглядеть за ним. А я тем временем пошлю его родне весточку из Пьяной Лошади и попрошу их поскорее забрать беднягу из Финт-Сити домой.

Добравшись до Пьяной Лошади, я привязал Капитана Кидда неподалеку от железнодорожной станции и уже совсем было зашел внутрь вокзала, как вдруг у самых дверей столкнулся с человеком. Ну а поскольку я родился под счастливой звездой, этим человеком просто не мог оказаться никто другой, кроме как старый хрыч Буйный Голландец, который немедленно схватил меня за грудки и дико взвыл, словно изголодавшийся лесной волк.

— Ага, это ты, сын сатаны! — вопил он, не давая мне вставить ни слова. — Где же обещанная тобой жратва, чертов конокрад?!

— Как? — улучив момент, спросил я. — Разве Лем Кемпбелл не доставил ее в лагерь?

— Мне никогда не приходилось встречать человека с таким именем! — снова заорал Буйный Голландец. — Куда ты подевал мои пятьдесят баксов, сучий потрох?!

— Вот дьявол! — удрученно вздохнул я. — А ведь парень казался честным малым!

— Кто?! — продолжал бесноваться Буйный Голландец. — Какой такой парень? И где ты его откопал, подлый койот?

— Встретил у развилки на Гальего, — терпеливо принялся объяснять я. — Его зовут Лем Кемпбелл. У меня появилось срочное дело, и он согласился взять те пятьдесят баксов, чтобы потом переслать в лагерь купленную на них жратву. Да не волнуйся ты так, старина! — попытался я малость урезонить разбушевавшегося Голландца. — Отработаю я тебе твои пятьдесят зелененьких!

Тут старик вдруг побагровел, а евонные гляделки выпучились так, будто он собрался вот-вот помереть от удушья.

— А куда ты подевал мой продуктовый фургон, скотина?! — с трудом прохрипел он, давясь и кашляя.

— Его украл другой малый, — честно ответил я. — Мне он назвался Прохвессором Латимером. Но я отработаю тебе и фургон!

— Ничего ты мне не сможешь отработать! — брызгая слюной, заверещал Буйный Голландец и вытащил из-за пояса громадный револьвер. — Никогда! Потому как ты у меня больше не работаешь! Ты уволен, ясно?! А что касается фургона и наличных, так я твердо намерен вышибить из твоей шкуры моральную компенсацию, прямо здесь и сейчас!

Вот черт! Ну да ладно.

Я аккуратно забрал у старикана пушку и еще разок попытался договориться с ним по-хорошему. Но в ответ на все мое деликатное обращение он лишь завопил куда громче, чем до того, выхватил свой здоровенный мясницкий нож и попытался с его помощью повертеть дырку в моем брюхе.

Кажется, мне уже приходилось упоминать, что я становлюсь ужасно раздражительным всякий раз, когда кто-нибудь пыгается пощекотать меня ножиком. Вот почему, отняв у Буйного Голландца тесак, я сгоряча малость

перепутал: хотел отшвырнуть в сторону эту дурацкую зубочистку, а отшвырнул самого Голландца. Да притом так неудачно, что бедолага рухнул прямоком в стоявшее поблизости лошадиное корыто. Проклятая новомодная поилка! Голову старика Голландца намертво заклинило в узкой части того корыта, и он задержался, и начал пускать пузыри, и уже совсем было приготовился утонуть.

Тут к поилке довольно быстро понабежала целая толпа зевак, и они попытались вытащить старика оттуда за ноги, но Буйный Голландец так неистово месил воздух своими копытами, что всякий, кто пытался за них ухватиться, тут же получал удар шпорой по физиономии. Пришлось мне самому подойти к тому корыту и, ухватившись руками за его противоположные края, разодрать эту чертову хреновину надвое. Вывалившись на землю, Голландец прежде всего срыгнул галлона два воды. А потом, едва к нему вернулся дар речи, тут же обвинил меня в предумышленной попытке злонамеренного утопления. Из каковых речей совсем нетрудно было сделать вывод, насколько чуждо некоторым людям чувство самой обыкновенной признательности!

Я пожал плечами и отошел в сторону. Но тут один малый потребовал слова и заявил:

— Да чтоб я лопнул! Тот громила вовсе ничего такого не злоумышлял! Это вышло случайно. Я стоял в двух шагах и все видел. Наоборот, он самоотверженно спас старикану жизнь!

— А я стоял еще ближе, чем ты, и видел еще лучше! — ужасно склочным голосом возразил другой зевака. — И готов под присягой подтвердить, что тот мордорот сознательно хотел утопить этого весьма достойного пожилого человека!

— По-моему, ты только что назвал меня лжецом, разве не так? — хищно оскалился первый малый и неторопливо потянулся за револьвером.

Но тут в их беседу встрял третий парень; он малость припоздал, а потому и оказался у места событий уже к шапочному разбору.

— Понятия не имею, о чем тут идет спор, — честно признался он, — но готов побиться об заклад на мой последний доллар, что вы оба чертовски сильно ошибаетесь!

В этот бессмысленный разговор втягивалось все больше и больше народу, а затем все они принялись ругаться и поносить друг друга так, что почти оглушили меня. Еще несколько парней повытаскивали свои пушки и принялись беспорядочно размахивать ими. Я понял: вот-вот начнется пальба, а стоит одному парню ненароком подстрелить другого, как уже можно ждать серьезных неприятностей. Только поэтому я и вмешался.

Но едва я успел малость успокоить первого забияку, пару раз легонько стукнув его по макушке, как кто-то из его дружков ринулся на меня с криком:

— Ах ты, подлая гиена! Ну погоди!

После чего тут же попытался слегка меня зарезать. Думаю, этот малый еще года два будет горько сожалеть о своем весьма опрометчивом поступке. К сожалению, мое вмешательство уже ничем не могло помочь делу. Драка и пальба распространялись по всему городу словно степной пожар. Пьяная Лошадь на моих глазах погружалась в пучину острого буйного помешательства.

Я уже заканчивал обрабатывать рукоятками своих кольтов глупую голову очередного паразита, как вдруг малость опомнился и с глубоким отвращением сказал сам себе:

— Вот черт! Какой ерундой ты занялся, Брекенридж! Ведь ты же прибыл в этот безумный город совсем с иной целью. Пора наконец подумать о горе, какое обрушилось на твою несчастную семью!

Подумав так, я начал проталкиваться сквозь ряды сражавшихся по направлению к станционному зданию. Но тут до меня сквозь невероятный гвалт вдруг донесся ужасно знакомый скрипучий пронзительный голос:

— Смотрите сюда, шериф! Вот он! Я требую, чтобы вы немедленно арестовали этого проклятого захватчика чужой собственности!

Я круто обернулся и, конечно же, совсем неподалеку увидел Чахлую Бороденку. Вокруг бедер у него болталось седельное одеяло, отчего чертов замухрышка сразу сделался похожим на старого индейца, а ходил он теперь очень осторожно и слегка враскоряку. Приближаясь ко мне, он тыкал в мою сторону пальцем и верещал так истошно, будто я действительно сделал этому чудаку что-то плохое. Свалка вокруг нас на мгновение прекратилась, потому как все невольно замерли, прислушиваясь к его крикам.

— Немедля арестуйте его, будь он проклят! — продолжал тем временем вопить Чахлая Бороденка. — Он вышвырнул меня из моего собственного дома, а мои лучшие штаны для верховой езды, дуплетом из моего же дробовика, превратил в непотребное решето! Я был в отъезде, на Кинжальной реке, и вернулся обратно на пару дней раньше, чем собирался, и обнаружил этого здоровенного мерзавца нагло хозяйничающим в моей хижине! — Чахлая Бороденка перевел дух, набрал в грудь побольше воздуха и разорался снова: — Но проклятый мордоворот оказался слишком здоровенным, чтобы я смог управиться с ним самостоятельно, вот почему мне пришлось — как только лекарь выковырял из моей шкуры последнюю из четырехсот с лишним дробинок! — отправиться сюда, в Пьяную Лошадь, и просить помощи у шерифа!

— Вам есть что ответить на предъявленные обвинения? — спросил шериф. Он говорил угрюмо и как-то не слишком уверенно. Можно было подумать, будто ему, по той или иной причине, не очень-то нравится его работа.

— Конечно есть, черт возьми! — ответил я, с отвращением бросив взгляд на Чахлую Бороденку. — Мне действительно пришлось сперва вышвырнуть этого паразита вон из дома, а затем слегка подправить его теловычитание доброй порцией бекасинника. Но у меня имелось на это полное право! Потому как я, на самых законных основаниях, находился в доме человека по имени Лем Кемпбелл, и...

— Лем Кемпбелл?! — взвизгнул Чахлая Бороденка, подпрыгивая так яростно, что едва не потерял одеяло, заменявшее ему теперь штаны. — Да у этого никчемного человечкиши никогда и в помине не было никакого дома! Он работал у меня, покуда, перед самым моим отъездом на Кинжальную реку, я не выставил его за двери! А выставил я его потому, что работник он был никудышный и толку с него было как с козла молока!

— Никому нельзя верить! — ошеломленно промолвил я. — Да неужто честное слово джентльмена в наше ужасное время действительно стало пустым звуком? Черт возьми, незнакомец, — добавил я, обращаясь к Чахлой Бороденке, — приношу вам самые искренние мои извинения! Похоже, мы с вами оба пали жертвой глупой шутки этого подлого Лема Кемпбелла!

— Оба?! — задохнулся от негодования Чахлая Бороденка. — Оба пали?! — Замухрышка вдруг зашелся диким хохотом, от которого кровь застыла у меня в жилах, и без чувств повалился на землю.

Шериф чувствовал себя крайне неловко. Но, взглянув еще раз в сторону валявшегося в глубоком обмороке Чахлой Бороденки, он вздохнул, почесал в затылке и сказал:

— Мне очень жаль. Очень прошу не воспринимать это дело как личный выпад, но боюсь, что мне все-таки придется вас вроде как слегка арестовать... Ежели, конечно, вы не возражаете! — малость подумав, добавил он.

Именно в этот весьма щекотливый момент откуда-то с востока донесся далекий гудок паровоза.

— Что за черт? — недоуменно сказал кто-то из горожан. — Ведь в это время дня никаких поездов с востока быть не должно!

Но тут из здания вокзала выбежал начальник станции. Он размахивал руками и кричал, обращаясь к присутствующим:

— Немедля гоните с путей всех коров! Я только что получил телеграмму с Кинжальной реки! Поезд

идет обратно! Маньяк по имени Бакнер вырвался на волю и заставил поездную бригаду развернуть паровоз на разъездных стрелках! Нам по линии отдали приказ срочно расчистить все пути! Паровоз летит сюда на всех парах, но никто в точности не знает, на какой станции этот Бакнер намерен остановиться! По слухам, он ищет какого-то родственника!

Тем временем шум, доносившийся с железнодорожной ветки, все более усиливался; но он мало чем напоминал шум парового двигателя. Нет, то были совсем иные, до боли знакомые мне звуки, невольно затронувшие родственные струны в моем сознании. А еще те звуки заставили меня задуматься о том, чем обернулась вся эта история для тех, кто работал в бригаде поезда.

— Может быть, это тот Бакнер, который Медведь? — задумчиво промолвила одна из стоявших поблизости женщин. — Судя по шуму, очень похоже! Тогда, наверно, он хочет увидеть Энн Уилкинс. Но парень малость опоздал. Теперь ему будет куда легче найти прошлогодний снег!

— Как? — воскликнула. — Неужели? Выходит, в вашем городе действительно есть девушка по имени Энн Уилкинс?!

— Теперь уже нету! — глуповато хихикнув, ответила женщина. — Но была! Она как раз собиралась вчера выйти замуж за Медведя Бакнера, да только он, как на грех, куда-то запропастился. Ну, она, конечно, страшно обиделась, и, когда сюда заявился ее бывший ухажер, Лем Кемпбелл, да еще с полсотней долларов в кармане, которые он добыл незнамо где, девчонка махнула на все рукой, обвенчалась с ним, и они тут же укатили проводить свой медовый месяц в Сан-Франциско... О Господи! Да что это с вами такое, молодой человек? У вас же лицо стало совсем зеленое! Может, случайно съели какую-нибудь гадость?

Но я позеленел вовсе не от скверной пищи. Выходит, я явился в эти края лишь для того, чтобы пустить под откос все надежды Медведя Бакнера на лучшее бу-

дущее. И как же я был к нему беспощаден! Именно это убивало меня больше всего. Я разрушил все мечты моего любимого двоюродного брата о мирном семейном очаге! Но ведь мои побуждения были самыми возвышенными: из последних сил я боролся, чтобы излечить бедного безумца... А что в итоге? О Боже!

Подняв голову, я увидел быстро приближавшееся с востока облако паровозного дыма и вновь услышал дикий рев, какой мог исходить разве что от целого стада разом взбесившихся буйволов.

— Глядите, глядите! — закричал кто-то из зевак. — Состав уже прошел поворот! Летит прямо как на пожар! Нет, вы только послушайте, как ревет этот гудок! Того и гляди, что котел вот-вот лопнет!

Но мне совсем не хотелось ни смотреть, ни слушать. Я уже успел вскочить в седло и незамедлительно тронулся в путь. Кое-кто до сих пор поговаривает, будто бы тогда я испугался Медведя Бакнера. Пущай говорят что им вздумается, мне плевать! Но только вся эта болтовня — сплошное вранье. Потому как всякий истинный Экинс не боится никогда и никого. Ни людей, ни диких зверей, ни даже Бакнеров!

Однако, когда я понял, каким образом подлец Лем Кемпбелл сумел использовать меня, чтобы убрать со своей дороги опасного конкурента, то заодно понял также и другое: ежели я еще хоть на пять минут застряну в Пьяной Лошади и дождусь, пока здесь объявится братец Медведь, мне останется лишь одно. Либо убить своего брата, либо пасть от его руки самому. А у меня не было ни малейшего желания делать ни то, ни это.

Вот и выходит, что в тот раз я отправился так далеко на юг с одной-единственной целью: любой ценой спасти жизнь своего родича! И я не давал Капитану Кидду ни одной передышки, пока не добрался до самого Дураньо.

И уж поверьте на слово, та глупая революция, в которую я, по чистому недоразумению, оказался замешан по ту сторону границы, показалась мне эдаким легким майским ветерком по сравнению с теми поис-

тине горячими деньками, какие нам довелось коротать бок о бок с моим двоюродным братцем Бакнером!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БИТВА С ЗЕЛЕНЫМ ЗМИЕМ В УРОЧИЩЕ ГОРНЫХ АПАЧ

Возможно, когда-нибудь наступит и такой день, когда борода моя засеребрится, а сам я сделаюсь мудрым настолько, что у меня наконец-то достанет здравого смысла, проезжая мимо дядюшки Чадраша Поляха, сделать вид, будто я не расслышал, как тетушка Таскоция Полях изволит меня окликать. Ибо ничего хорошего разговоры с ней никогда никому не сулили.

Да взять хотя бы тот последний случай. Будь я малость поумнее, мне следовало бы изо всех сил пришипорить Капитана Кидда и сломя голову умчаться прочь, когда тетушка почти по пояс высунулась из окна и что было сил закричала:

— Бреккенридж! Эй! Бреккенри-иджжж!

Но подозреваю, утверждение моего папаши не слишком далеко от истины, а именно: матушка-природа очень уж переутомилась, трудясь над моими мускулами, и потому совершенно позабыла предусмотреть в моей анатомии достаточно места для мозгов. Так или иначе, но я заставил Капитана Кидда развернуться, решительно оставив без внимания все его игривые попытки откусить изрядный кусок мяса с моего левого бедра, подъехал к крыльцу, почтительно сдернул с головы енотовую шапку и осведомился:

— Как ваши дела, тетушка Таскоция? Хорошо ли вы поживаете?

— Ах ты, бесстыдник! — горько отвечала тетушка. — И у тебя еще поворачивается язык спрашивать об этом! А как, по-твоему, должна поживать бедная слабая женщина, ежели Господь соизволил послать ей в мужья такую подлую тварь, как мой Чадраш?! Да ведь

поистине чудом можно считать одно то, что у меня до сих пор есть крыша над головой, да еще бочонок с медвежьей солониной на зиму в подполе! Наш дом совсем обветшал и вот-вот готов развалиться, а хозяйство пришло в полное запустение! Взгляни хотя бы на эту сломанную ручку от топора! Как долго, по-твоему, слабая беззащитная женщина сможет выносить столь ужасное, столь оскорбительное к себе отношение?!

— Не хотите ли вы, тетушка, сообщить мне, будто дядюшка Чадраш колотил вас этим топорищем! — потрясение спросил я.

— Вот еще! — возмутилась беззащитная слабая женщина. — Это я расколотила чертово топорище об евоинную глупую голову! И вот уже скоро целую неделю мой муженек наотрез отказывается чинить проклятую рукоятку! А всему виной одно лишь кукурузное виски. Скоро оно совсем сгубит беднягу! Вот ведь беда какая: покуда мой муженек трезв, он очень даже может сойти за человека, особенно издали. Но стоит ему хорошенько накачаться, как он тут же теряет всяческое человеческое обличье!

— Но ведь на вид он такой гладкий, такой упитанный, такой жизнерадостный толстяк! — сделал я робкую попытку вступить за своего родича.

— Не все то золото, что блестит! — сердито нахмурившись, отрезала тетушка Таскоция. — Твой дядюшка совсем как те обманные плоды, что произрастают на берегах Мертвого моря. Они на вид так прекрасны и сочны, что прям-таки глаз не отвести. Но стоит их проткнуть, и они тут же рассыпаются в прах, не оставляя после себя ничего, кроме пыли! К примеру, известно ли тебе, где наш Чадраш изволит находиться прямо сейчас? — Тетушка столь резко выставила в мою сторону обличающий указательный палец, что даже Капитан Кидд испуганно отшатнулся.

— Не-а, — честно признался я. — И где же?

— Сбежал от меня в селение Горный Апатч, чтобы натрескаться самогонки! — гневно проворчала те-

тушка.— Сбежал лишь для того, чтобы окончательно погрязнуть там в грехе и в кукурузном пойле, ежесекундно рискуя своей бессмертной душой и бессовестно пуская на ветер наши денежки, какие ему удалось недавно выручить за шкурки енотов. А ведь я только-только успела запереть его в амбар! С тем чтобы мне было сподручнее взывать к его лучшим чувствам и умолять наконец одуматься! Но стоило мне опрометчиво удалиться из коралля — вырезать хорошую дубинку из орехового дерева, с помощью которой я намеревалась достучаться со своей отчаянной мольбой до евонного одурманенного разума, как он вышиб двери и подло улизнул! — Тетушка приостановилась, чтобы перевести дух, после чего продолжала: — Но мне-то прекрасно известно то единственное место, куда он мог направить свои стопы! Только к Джозю Гарфильду, чье заведение является не чем иным, как оскорблением Господа нашего, и каковое следовало бы давным-давно спалить дотла, а пепел хорошенько перемешать с кровью его завсегдатаев-нечестивцев и забросить в горную реку! Ладно! У меня больше нету никакого желания торчать тут у окна, слушая твою бесконечную трескотню! И вообще, с какой такой целью ты заставляешь меня понапрасну терять время? Клянусь всем святым: чем дальше, тем больше меня подмывает пожаловаться на тебя твоему папаше! А ну отправляйся в Горный Апах и чтобы завтра мой муженек уже был тут как тут!

— Но ведь... — начал было я.

— Никак ты собрался спорить со мной, негодник упрямый?! — вконец разъярившись, завопила тетушка.— А ведь я-то думала, ты будешь просто счастлив оказать посильную помощь твоей бедной беззащитной родственнице, вместо того чтобы без толку дуться в карты и устраивать потасовки в каком-нибудь очередном Богом забытом притоне разврата, навроде того Орлиного Пера! Я желаю, чтобы ты сыскал наконец способ отвратить твоего дядюшку от пагубного пристрастия к зеленому змию до самого конца евонных

дней! Ну а ежели ты не сподобишься в точности исполнить то, что я тебе сейчас говорю, ты, ни на что не годный бездельник и сын...

— Отлично! — заорал я в ответ, заткнув уши. — Сделаю! Я сделаю вообще что угодно, лишь бы никогда больше не слышать твоих воплей! Я поеду в Горный Апач, я ухвачу там твоего Чадраша за шкуру, я приволоку его сюда, а по дороге я превращу его в абсолютного трезвенника! Даже если для того мне придется трижды кряду удавить этого старого сукиного сы...

— Как?! Как ты смеешь произносить здесь такие слова?! — еще пуще прежнего заверещала тетушка. — Или в тебе уже не осталось ни капельки почтения к истинной леди?! Да будь я проклята, ежели понимаю, к каким... чертям катится этот... мир! А ну проваливай отсюда! И чтоб я не видала нигде поблизости твоей мерзкой рожи, покуда ты навеки не отвадишь своего любимого дядюшку от евоного гнусного рома!

Положим, насколько я знал дядюшку Чадраша, единственной причиной, способной заставить его давиться ромом, могла быть только полная невозможность сыскать где-нибудь поблизости бочонок доброй кукурузной самогонки. Но я не стал возражать тетушке Таскоции, а снова развернул Капитана Кидда и, вздымая облака пыли, помчался прочь по тропе, чувствуя себя так, будто меня изловили апачи, привязали к ритуальному столбу, после чего все ихнее подлое племя принялось деловито втыкать в мою шкуру раскаленные докрасна испанские кинжалы. Задушевные беседы с моей тетушкой оказывали именно такое воздействие на любого человека. Наконец я перевалил через невысокую гряду холмов и явственно услышал облегченный вздох Капитана Кидда, каковой он испустил, когда все еще доносившиеся издали вопли тетушки Таскоции наконец-то были заглушены ласкающими слух мирными отзвуками драки волка с двумя рысями. И тогда я подумал: какой же все-таки спокойной и счастливой жизнью, должно быть, живут эти мои

братья меньшие, поскольку уж у них-то наверняка нету такой тетушки!

Я ехал все дальше и дальше, позабыв о собственных заботах и преисполнившись сочувствия к своему несчастному родственнику. Ведь он, как-никак, был истинным джентльменом, без единого изъяна! Вряд ли кому удалось бы сыскать на всем Верхнем Гумбольте еще одного настолько приветливого и добросердечного малого. Очень жаль, что главной целью его жизни являлось полное изничтожение всей кукурузной самогонки, сколько ее есть на белом свете.

И покуда я продвигался вперед, я чуть не сломал голову, пытаясь придумать хоть какой-нибудь план, который помог бы навсегда отучить дядюшку Чадраша от его пагубной привычки.

Ведь я и сам был далеко не прочь пропустить время от времени глоток-другой доброго зелья, но, как правило, мне легко удавалось удержаться в границах благопристойной умеренности, и почти никогда, за исключением особо торжественных случаев, я не позволял себе проглотить больше галлона самогонки за раз. Или около того. А кроме того, я вообще не имел обыкновения доверять людям, корчившим из себя трезвенников. Но все же тетушке Таскоции удалось натравить меня на беднягу Чадраша, и вот теперь я ехал, чтобы прекратить его веселый и невинный кутеж, схватить несчастного за шкирку и силой возвернуть домой!

Я столь усердно размышлял обо всякой такой ерунде по дороге в Горный Апах, что меня незаметно стало клонить ко сну. Капитан Кидд сразу же, почуяв такое, начал время от времени испытующе косить на меня глазом. Но мне-то было прекрасно известно, что ежели Кэп застучает меня задремавшим в седле, он тут же постарается свернуть мне шею. Ну а поскольку мы с Кэпом как раз проезжали мимо сарая моего двоюродного брата Билла Гордона, меня посетила замечательная идея: а не вздремнуть ли мне на сеновале? Авось, подумал я, мне привидится сон о том, каким

способом можно заставить упряма дядюшку отныне и во веки веков глотать одну только воду! Или еще что-нибудь в том же духе.

Я привязал Капитана Кидда у дверей и зашел в сарай. Трое младших сыновей Билла усердно размалевывали Джошуа, любимого осла дядюшки Джеппарда Граймса, в самые диковинные цвета.

— Какого черта?! — загремел я, и мальчишки, с виноватыми физиономиями, разом отпрянули от несчастного животного. — Что вы тут такое вытворяете над бедным Джошуа?

Когда дядюшке Джеппарду опять забредала в голову мысль отправиться на поиски золота, он использовал Джошуа вместо вьючного мула. Но такое случалось не чаще чем раз в три-четыре года, а в промежутках между дядюшкиными приступами золотой лихорадки Джошуа просто ел и спал. Он был самым сонливым ослом, какого мне когда-либо приходилось видеть, и дремал даже сейчас, не обращая ни малейшего внимания на художества юных идиотов.

Тут вот какое дело. В свое время Билл одолжил малость денег одному парню, который держал лавку в Орлином Пере. Но малый разорился, а в уплату долга отдал Биллу кучу всякого барахла, каким прежде пытался торговать в своей лавке. Среди всего прочего там оказалось огромное количество жестянок с разноцветной краской. Билл зачем-то приволок ту краску домой, хотя на хрена она ему сдалась — ума не приложу! Потому как все дома у нас рублены из бревен и их никто никогда не красит. Ну разве кто-нибудь раз в сто лет белил свою хижину самой обыкновенной известью. Краска хранилась в сарае у Билла, и вот теперь его мальцы усердно раскрашивали ею безответного старину Джошуа.

Бедолага выглядел самым ужасным образом. Мальчишки провели широкую полосу вдоль хребта, ну прямо как у испанского мустанга; но только та полоса была не черной, а ядовито-зеленой, и в такой же цвет

они выкрасили уши. А еще они изобразили чертову прорву красно-бело-голубых полос и клякс вдоль ослиных ребер и на брюхе.

— За каким же чертом вы сотворили такое над несчастной животиной? — вновь сурово спросил я. — Если дядюшка Джеппард узнает, он заживо спустит с вас шкуру! Ведь он по сей день возлагает весьма большие надежды на этого самого осла!

— Ну-у, — хором заскулили мальчишки, — мы просто хотели повеселиться. А старику Джеппарду ни за что не догадаться, чьи это проделки. Правда?

— Начинайте немедленно соскребать краску! Прямо сейчас! — грозно приказал я мальчикам. — Иначе Джошуа проснется, начнет слизывать ее и тут же помрет от отравления!

— Да ничего с ним не будет! — поспешили заверить меня пацаны. — Этот дурень сам забрел к нам в сарай, еще вчера; и он сожрал всю краску из нескольких жестянок, а потом вылакал целый бочонок жидкой известки, и хоть бы хны! А Джошуа завсегда мог жрать что ни попадя. Другого такого прожорливого осла не найти на всем белом свете. Хоть сто лет ищи!

— Хи-хи-хи! — вдруг прыснул один из мальчишек. — Здорово у нас получилось! Чистый кошмар алкаша!

И тут меня осенило.

— Отдайте на время этого осла мне, — попросил я. — Мне сейчас нужно именно что-нибудь подобное, чтобы навеки излечить дядюшку Поляха от его пристрастия к кукурузному пойлу. Стоит ему, в его нынешнем состоянии, один лишь разок глянуть на такое чудо природы, как дядюшка тут же решит, что он наконец допился до белой горячки, и, не сходя с места, даст зарок не прикасаться к спиртному на всю оставшуюся жизнь!

— Ну, ежели ты собрался тащить нашего Джошуа к Джоэлю в поводу, — отвечали мальчишки, — так ты начисто ухлопаешь целый день, покуда туда доберешь-

ся. Потому как даже твой Капитан Кидд не сможет заставить Джошуа ползти быстрее улитки.

— Но в мои намерения вовсе не входит таскать его за собой на привязи! — веско возразил я. — Ступайте, запрягите пару мулов в ваш фургон. А Капитана Кидда я оставляю здесь, до моего возвращения!

— Тогда мы запустим его в кораль позади сарая, — предложили пацаны. — Там столбы на целых четыре фута залиты бетоном, а сама загородка сделана из старых железнодорожных рельсов, и потому кораль, очень даже может быть, устоит до самого твоего возвращения. Ежели, конечно, ты не задержишься слишком долго!

* * *

К тому времени, как мальчишки запрягли мулов, мне удалось связать ноги Джошуа и забросить его на тюфяк внутри фургона, где он немедленно снова уснул. А я залез на козлы, щелкнул кнутом и тронулся в сторону селения Горный Алач. Но не успели мы проехать даже мили, как колесо наскочило на здоровенный булыжник, отчего Джошуа проснулся и принялся обиженно реветь. Ревел он до тех пор, покуда я не остановил повозку и не засунул ему в пасть большущий початок кукурузы, после чего он принялся задумчиво жевать его и на время заткнулся.

Но едва я снова тронулся вперед, как вдруг заметил в кустах младшую дочку Дика Граймса, которая во все глаза таращилась на нашу процессию; а когда я окликнул ее, она опрометью бросилась прочь. Оставалось только надеяться, что она не слышала рева Джошуа. Видеть-то его она, понятное дело, не могла, но дело в том, что рев этого осла ни с чем нельзя было спутать. И все же мне очень хотелось верить, что эта пигалица не сообразила про валявшегося внутри фургона Джошуа, потому как, несмотря на юные годы, она была самой отчаянной сплетницей во всей долине

Медвежьего Ручья, а ейный дядюшка Джеппард, в свою очередь, самым несговорчивым, самым упрямым старым хрычом в наших местах, объяснить которому никто никогда ничего не мог, поскольку дядюшка Джеппард уже на свет Божий появился с твердым убеждением, будто весь мир без устали плетет против него сети гнусных интриг и самых черных заговоров.

Еще до полудня я заметил вдалеке домишки Горного Апача. Приблизившись к селению, которое состояло из нескольких домиков, разбросанных тут и там по берегу заросшего кустарником ручья, я решительно свернул с наезженной колеи и пустился в обход, поскольку вовсе не хотел, чтобы кто-нибудь раньше времени увидел меня. Двигаться пришлось по самой обычной, протоптанной людьми и скотом тропинке, и это оказалось куда как непросто, потому что она была совсем узкой, и я каждые два шага останавливался и выдира с корнем молодые деревца, чтобы расчистить проезд для фургона. К тому же я немного побаивался, что производимый мною шум разбудит Джошуа и тот опять заревет. Но этого чертова осла не смогла бы разбудить даже пушечная канонада, покуда какое-нибудь шальное ядро не угодило бы персонально в него.

Я уже был почти на окраине селения, когда мне в очередной раз пришлось прыгнуть на землю и, пройдя вперед, оборвать нижние ветки кустов, которые намотались на колеса. Но едва я ухватился за ветки, как из-за куста вдруг навстречу мне метнулись две тени. Одной из них была Кейт, дочка моего двоюродного брата Бакнера Кирби, а вот другой тенью оказался молодой Гарри Брекстон, который проживал по ту сторону гор и никому из нас родней не приходился.

— Ой! — слегка задышавшись, вскрикнула Кейт.

— Что это вы такое сейчас делали там, по ту сторону куста? — сурово спросил я, буравя Гарри взглядом, от которого он задрожал и начал судорожно хвататься за свой оружейный пояс. — И являются ли твои намерения подлинно честными, Брекстон?

— Это совсем тебя не касается, дядя Брекенридж! — вздернув носик, произнесла Кейт.

— Теперь касается! — заверил я ее. — И ежели этот молодой бычок не сумел найти более подходящего времени и места, дабы оказывать тебе знаки внимания, соблюдая должные приличия, как подобает истинному джентльмену, тогда что ж! Тогда, пожалуй...

— Ваши слова весьма невежливы и намеренно оскорбительны! — внезапно покрывшись крупными каплями пота, но тем не менее вполне героически отвечал мне Гарри. — Я уже давным-давно с удовольствием бы назвал эту молодую леди своей женой, ежели бы самый закоренелый из всех возможных в этом мире моих будущих родичей не растоптал бы сладкие грезы юной любви, пройдясь своим ужасным сапогом двенадцатого размера по задней части моих наилучших штанов для верховой езды!

— А ежели попроще, дядя Брекенридж, — добавила Кейт, — так, чтоб даже ты понял, то Гарри хочет жениться на мне, а мой папаша настолько вздорен и упрям, что никак не дает своего согласия. Он, видишь ли, на дух не переносит Брекстонов! И только потому, что тридцать лет назад один, теперь уже давно покойный, ихний родич сумел-таки надуть его, предложив не глядя махнутья лошадьми!

— Мне Брекстоны тоже не особо по душе, — проворчал я, — так что дальше, я слушаю!

— А что дальше? — горько спросила Кейт. — После того как папаша пять или шесть раз подряд пинками вышиб Гарри вон из нашего дома, а в самый последний раз полностью превратил его лучшие бриджи птичьей дробью в настоящее решето, нас наконец вроде как осенило, что мой старик заранее предубежден против любого родства с Брекстонами. Но мы с Гарри любим друг друга и все равно встречаемся, пускай тайком.

— Тогда почему же вы до сих пор не дали отскудова деру и не обвенчались где-нибудь на стороне? — недоуменно спросил я.

— Что ты, дядя Брекенридж! — задрожала Кейт. — Мы о таком и думать даже не осмеливаемся! Папаша наверняка погонится за нами, да ежели догонит — как пить дать пристрелит Гарри прямо на месте! Вот, например, сегодня у меня вроде как появился неплохой шанс ускользнуть, ведь мать с младшими детишками поехала на несколько дней погостить к тетушке Оачите... Но папаша меня даже с ними не отпустил, опасаясь, что я где-нибудь по дороге встречу с Гарри. Мне и сюда-то удалось выбраться едва на несколько минут — отец думает, я пошла в огород нарвать зелени к обеду, — но ежели я прямо сейчас не поспешу домой, он надерет возле дома ореховых прутьев и отправится меня искать!

— Вот дьявол! — промолвил я. — И когда только молодежь научится с толком использовать собственные мозги? К примеру, хотя бы вполосину так ловко, как это умею делать я! Нет, ну что с вами будешь делать! Ладно уж. Положитесь на меня! Нынешней же ночью я постараюсь вывести вашего старика из строя, а уж ваше дело не упустить свой шанс и вовремя смыться!

— И как же ты намерен это сделать? — несколько скептически поинтересовалась Кейт.

— Не бери в голову! — успокоил ее я, не имея ни малейшего представления, как приступить к столь многотрудной задаче. — Раз уж за дело взялся я, значит, все будет в полном порядке! Лучше приготовь все свои вещички, а ты, Гарри, добудь коляску и подъезжай сюда сразу, как взойдет луна. Кейт уже будет тебя ждать. Поедете вместе в Орлиное Перо, там вас и окрутят в два счета. А уж после того, как вы поженитесь, братец Кирби ничего больше не сможет поделывать!

— А вы наверняка знаете, что так оно все и будет? — просиял Гарри.

— Ну еще бы! — заверил его я. — Ну а теперь проваливай отсюда и доставай ту коляску хоть из-под земли!

Парень поспешил прочь, а я повернулся к Кейт:

— Залезай-ка в фургон, поедешь в поселок вместе со мной. Завтра, в это самое время, ты уже будешь счастливой женой, или я не Брекенридж Элкинс!

— Хотелось бы верить, — как-то немного грустно отозвалась она. — Да только я готова побиться об заклад, что в самую последнюю минуту все пойдет наперекосяк, мой папаша зацапает нас обоих, и всю следующую неделю мне придется в обед хлебать свой супчик с полочки над камином. Потому как сидеть за столом я не смогу довольно долго.

— Глупости! — подбодрил я ее, помогая залезть в фургон. — Доверься мне и ни о чем не беспокойся!

Нельзя сказать, чтобы Кейт сильно удивилась, когда, глянув на тюфяк, увидела на нем громко храпящего во сне Джошуа, со связанными ногами и разризованного, словно елочная игрушка. У нас, на Верхнем Гумбольте, все давным-давно привыкли, что я порой могу отмочить самый неожиданный фокус.

— Не надо смотреть на меня так, словно у меня совсем чердак съехал! — несколько раздраженно сказал я. — Эта животиная привезена мною сюда исключительно для укрепления здоровья дядюшки Поляха!

— Но... ежели дядюшка Чадраш неожиданно увидит перед собой такую штуку, — пробормотала Кейт, — он ужасно испугается!

— Моя цель состоит как раз в этом! — заявил я. — А у кого он остановился?

— У нас, — коротко ответила Кейт.

— Вот как? — слегка растерялся я. — Жаль. Это малость осложнит наши дела. А где он спит?

— На втором этаже.

— Отлично! — воскликнул я. — В таком случае он никак не может оказаться помехой моему предприятию с твоим бегством и вашей последующей женить-

бой! Ну а теперь вылезай отсюда, ступай домой, да смотри, чтобы отец ничего не заподозрил!

— За кого ты меня принимаешь? — обидчиво сказала Кейт, спрыгнула на землю и скрылась в кустах.

Я остановил фургон почти на самом краю поселка, в густых зарослях, откуда мне хорошо была видна крыша бакнеровского дома. Вскоре с той стороны послышался зычный рев моего двоюродного братца:

— Кейт! Кейт! Где ты? Я же отлично знаю, что в саду тебя нет! Смотри у меня! Ежели мне сейчас придется выходить на поиски, то тебе несдобровать! Тогда, клянусь всем святым, я...

— Да не ори ты так! А не то штаны лопнут! — донесся до меня ответный крик Кейт. — Я здесь! Уже иду!

Братец Кирби прекратил орать, но до меня некоторое время еще доносилось постепенно стихающее ворчание и урчание, будто где-то там, около дома, разговаривал сам с собой здоровенный гризли. Я прикинул так, что мой родич сейчас стоит прямо на дороге, которая проходит мимо его дома, но увидеть Кирби мне не удалось. Зато меня тоже наверняка никто не мог увидеть: ни сам Кирби, ни кто-нибудь другой, кому вдруг случайно вздумалось бы прогуляться по дороге. Я распряг мулов и привязал их в таком месте, где они могли и попастись малость, и попить водички. После чего вытащил из фургона храпящего Джошуа, снял путы с его ног и, привязав его к дереву, разбудил. Затем я начал пробираться сквозь заросли вдоль ручья к заведению Джоэля Гарфильда, примерно полумилю вверх по течению ручья. Дорогой мне не встретилось ни единой живой души.

Как ни странно, но и Джоэль пребывал в полном одиночестве. Он возмещал временно наступивший упадок в торговле повышенным вниманием к своим запасам спиртного.

— А что, разве моего дядюшки Чадраша Поляха нигде поблизости нету? — спросил я, и Джоэлю пришлось ненадолго оторваться от бутылки с кукурузной самогонкой, чтобы дать мне вразумительный ответ.

— Не-а,— протянул он.— Наверно, все еще отсыпается после вчерашней попойки. Он засиделся тут чуть не до утра,— добавил Джоэль, сделав еще один приличный глоток из бутылки.— Как пришел, так сразу и пустился во все тяжкие. А притащился он сюда сразу после полудня и к уходу до того налил глаза, что едва сумел потом доковылять до дома Бакнера Кирби. Готов побиться об заклад, он там с большой приятностью провел часок-другой, прокладывая курс на второй этаж. Лично я всегда боюсь заблудиться на тех ступеньках даже тогда, когда бываю трезв как стеклышко! Нет уж! Когда я желаю взобраться на второй этаж, все, что мне нужно,— это старая добрая приставная лестница. Но Бакнеру вечно приходят в голову какие-то ужасно помпезные идеи по поводу самых простых вещей! К примеру, не далее как вчера он устроил тут с твоим дядюшкой целый диспут о вреде пьянства. И конечно же, выбрал для своих словопрений именно такой момент, когда несчастный Полях уже и на бровях-то стоял с колоссальным трудом!

— Да, кстати,— я задумчиво почесал в затылке,— как насчет моего двоюродного братца Кирби? Он уже заглядывал сюда за своей обычной порцией?

— Нет пока,— ответил Джоэль, нетерпеливо поглядывая на бутылку.— Думаю, он придет как обычно, сразу после обеда.

— Не придет, ежели ему станет известно то, что случайно стало известно мне! — позволил я себе высказать свое веское сомнение. В моей голове уже полностью сложился план, как вчистую избавиться от Бакнера Кирби на всю нынешнюю ночь, а заодно и на несколько последующих.— Потому как в таком разе он немедля поспешит в Волчий каньон. Ежели, конечно, сумеет после вчерашнего диспута не слишком часто вываливаться из седла. Ведь мне только что попался навстречу Гарри Брекстон, с парой выючных мулов, торопившийся как раз в ту сторону.

— Уж не желаешь ли ты намекнуть, будто кто-то напал в Волчьем каньоне на золотую жилу? — навос-

трил уши Джозель, разом позабыв о вожаденной бутылке.

— Желая! — твердо произнес я. — Причем на такую, перед какой стыдливо бледнеют все рассказы о тех золотых россыпях, какие когда-то обнаружались в Ольховом ущелье!

— Хм-м!.. — задумчиво пробормотал Джозель, в рассеянности чувств вновь инстинктивно схватившись за бутылку, откуда как бы сама собой тут же налилась в большую жестяную кружку примерно кварта кукурузной самогонки.

— Дельце верняк! — громким шепотом вскричал я. Разжав судорожно стиснутые пальцы Джозеля, я отнял у него кружку и опорожнил одним глотком. — Или можешь навеки считать меня компанчем!

После чего я поспешил покинуть заведение, вернулся назад, залег в кустах и принялся терпеливо наблюдать за домом Кирби. Я был очень доволен, нет, я прям-таки гордился собой, поскольку отлично знал, каким зверем становится Бакнер Кирби, стоит ему услыхать о вожаденном золоте. Ежели что сейчас могло погнать этого дурня прочь от дома и от ненаглядной дочки, так только надежная весть о вновь открытом золотом месторождении. Я был готов поставить оба мои револьвера против какого-нибудь паршивого кактуса, что едва Джозель обмолвится при нем о столь горячих новостях, как братец Кирби тут же сорвется с места и сломя голову помчится в Волчий каньон. Тем более, он будет уверен, что идет по следам Гарри Брекстона, а значит, у Кейт нету ни малейшей возможности куда-либо улизнуть с этим парнем, покуда ее старик находится в отсутствии.

* * *

Вскоре я увидел, как Бакнер Кирби вышел из дому и направился по дороге в сторону заведения Джозеля. А чуть погодя из дверей, малость пошатываясь, выва-

лился дядюшка Чадраш Полях, немедленно взявший курс в том же направлении. Вдосталь насладившись плодами своей находчивости, я пошел туда, где оставил фургон Билла Гордона. Зажарив на костре пять или шесть фунтов оленины, я с большим аппетитом уплел их за какую-то пару минут и утолил жажду водой из ручья. Затем прикорнул в тени дерева и с чистой совестью продрях несколько часов.

И проснулся, когда солнце уже было готово нырнуть за край горизонта. Я сразу же двинулся сквозь заросли в сторону дома Кирби, покуда не оказался совсем рядом с коровьим загонем, где увидел Кейт. Девушка доила корову. Я спросил у нее, остался ли кто сейчас в доме.

— Никого, кроме меня, — ответила она. — А ежели вы про сейчас, так и меня там нету. Потому как сейчас я здесь с вами разговариваю. Ни папашу, ни дядюшку нигде не видать; оба ушли сразу после обеда и словно в воду канули. Неужто ваш план все-таки сработал?

— А как же еще? — самодовольно усмехнулся я. — Дядюшка Чардаш счас лакает кукурузное пойло у Джозля и будет лакать его аж до полуночи, а твой папаша, вне всякого сомнения, уже летит на всех парах по направлению к Волчьему каньону! Так что заканчивай побыстрее все свои домашние дела, чисти перышки и готовься к побегу. Но света в комнате все же не зажигай! Очень даже возможно, что мой братец попросил кого-нибудь из родичей залечь в зарослях и наблюдать за домом — ведь старина Бакнер с самого рождения отличался ужасно мелочной подозрительностью! А нам совсем не с руки омрачать родственным кровопролитием самый светлый день в твоей жизни. Как только я услышу, что Гарри подъезжает на коляске, сразу прибегу за тобой. Да, кстати! Ежели вдруг услышишь в доме слегка необычные звуки, не пугайся. Они будут всего-навсего означать, что я тащу Джошуа на второй этаж по вашей роскошной лестнице.

— Но ведь ежели эта тварь вдруг заревет, то все мертвецы на сто миль вокруг разом восстанут из могил! — попробовала возразить Кейт.

— Не заревет, — уверенно произнес я. — Он недавно нажрался до отвала. Теперь его несколько часов из пушки не разбудишь. А потому дядюшка Чадраш так ничегошеньки и не заподозрит, покуда не зажжет свечу, чтобы залезть в постель. Ну а ежели старик надрыгается так, что даже свечу зажечь не сумеет и просто рухнет не раздеваясь в темноте на кровать, тогда он проснется через пару часов, чтобы хлебнуть глоточек холодной воды. Так или иначе, но где-то между полуночью и рассветом он обязательно увидит Джошуа. Нам остается только надеяться, что эта встреча не повлечет за собой фатального исхода! Ну да ладно. Теперь ступай в дом и будь наготове!

Я вернулся к фургону, где поджарил себе еще капелку оленины, слегка скрасив свой скудный ужин корзинкой кукурузных лепешек, дюжиной яиц и галлоном сливок, которые дала мне Кейт. Быстро покончив с этой легкой закуской, я запряг мулов в фургон, снова погрузил туда Джошуа и, едва стемнело, медленно и осторожно тронулся по дороге к дому Кирби. Поставив повозку позади корраля, я привязал мулов, взял Джошуа на руки, втащил его в темный тихий дом и начал осторожно подниматься с ним по лестнице. Я слышал, как Кейт весело копошится в своей комнате, но, кроме нее, в доме действительно никого не было.

* * *

В доме Бакнера Кирби наверх вела самая настоящая лестница с широкими ступенями, вроде тех, какие обычно устраивают лишь в таких больших городах, как Орлиное Перо или, скажем, Вашингтон. Большинство же обитателей долины Медвежьего Ручья и близлежащих окрестностей издавна привыкло скромно довольствоваться простой приставной лестницей да люком в

потолке, а потому некоторые из них поговаривали, что Кирби рано или поздно навлечет на себя гнев Божий, потому как бессовестно потакает своей тщеславной, греховной и срамной страстишке: любви к ничем не оправданной роскоши. Но все же скрепя сердце я вынужден честно признать: втаскивать связанного осла на второй этаж по такой вот лестнице куда как легче, нежели чем по приставной.

Джошуа проснулся, приоткрыл один глаз и с укором взглянул на меня. Но ни реветь, ни лгаться он явно не собирался. Мне кажется, его вообще очень мало интересовало, что же такое вокруг делается; разумеется, только до тех пор, покуда происходящее не требовало от него никаких личных усилий. Я распутал ему ноги, один конец веревки завязал у него на шее, а другой примотал прямо к изголовью койки дядюшки, после чего вручил ослу шляпу, которую обнаружил на вешалке. Надо же бедняге чего-нибудь пожевать, покуда он снова не погрузится в сон. Я был уверен, что мне не придется долго ждать, когда Джошуа соизволит вновь заснуть. Так оно и вышло.

Затем я осторожно спустился по лестнице и снова услышал, как Кейт возится в своей комнатушке. Но поскольку до появления Гарри еще оставалось время, я вышел наружу, свернул за угол, присел прямо на землю около кораля, прислонился спиной к изгороди и, как я теперь понимаю, малость задремал. Что поделаешь: любовью, кто хоть недолго имел дело с Джошуа, быстро приобретает стойкую привычку засыпать где и когда попало.

Разбудил меня грохот колес проезжавшей по мосту над ручьем коляски. То оказался Гарри — раздираемый страхами и сомнениями, но тем не менее твердо намеренный предъявить права на свою возлюбленную. Луна еще не взошла, но над вершинами деревьев, покрывавших гряду холмов на востоке, уже разлилось мягкое серебристое сияние.

Я встряхнулся, вскочил на ноги, быстро и неслышно — ведь, несмотря на свои размеры, я, ежели захо-

чу, могу ступать по земле мягче, чем любой кутуар, — подбежал к окну Кейт и тихонько позвал:

— Кейт! Кейт, ты готова?

— Готова! — прошептала она в ответ дрожащим голосом. — Не кричи так громко, дядя Брекенридж! Всю округу перебудишь!

— Но ведь нам совершенно нечего бояться! — удивился я, но тоже перешел на шепот, лишь бы успокоить девушку. — Твой папаша, как я полагаю, сейчас как раз добрался до Волчьего каньона, и в доме никого, кроме нас, нету. К тому же я все время сидел в засаде около коралла, очень внимательно следя за происходящим!

— Как же, как же! — презрительно фыркнула Кейт. — Конечно, сидел в засаде! А разве не твои шаги я совсем недавно слышала в большой комнате?

— Тебе почудилось! — уверил я девушку. — Ну давай же, поторопись! Гарри с повозкой уже совсем рядом!

— Сейчас! Вот только прихвачу еще несколько вещичек! — прошептала она, снова принимаясь что-то искать на ощупь в темноте.

Таковы все женщины, скажу я вам. Будь у них на сборы даже целая вечность, они все равно найдут себе еще какое-нибудь занятие в самую последнюю минуту!

Я продолжал терпеливо ждать, стоя у окна, а Гарри с разгону проскочил мимо дома ярдов на пятьдесят, остановился, привязал своих лошадок к дереву и быстро вернулся, осторожно ступая по земле. Его лицо показалось мне ужасно бледным при свете звезд.

— Иди же наконец! — сказал я Кейт. — Иди, он уже ждет тебя у дверей! Хотя нет, погоди! — вдруг насторожился я.

Потому как именно в этот момент Гарри метнулся прочь с дороги, одним махом перепрыгнул изгородь и оказался рядом со мной у окна. Бедняга трясся, что твой осиновый листок.

— Кто-то идет по дороге! — пролепетал он. — Пешком! И в нашу сторону!

— Отец! — в ужасе выдохнула Кейт. Они с Гарри буквально до судорог боялись старика, а потому перешептывались так тихо, что даже индеец ничего не расслышал бы с расстояния более чем в три ярда.

— Бросьте! — Я также невольно понизил голос. — Такого просто не может быть! Он в Волчьем каньоне. А сюда топают дядюшка Полях, в надежде проспаться после очередной пьянки. Правда, он почему-то явился гораздо раньше, чем я рассчитывал, но это неважно. Он ничуть не помешает, хотя нам все же следует поторопиться. Ну же, Кейт! Давай сюда свою сумку. Вот так! Счас я помогу тебе выбраться через окно. Отлично! Теперь — проваливайтесь отсюда! А я остаюсь. Залезу вон на то дерево, откуда удобнее всего наблюдать за предстоящей потехой. Ну, ступайте, ступайте же!

Они успели-таки крадучись выскользнуть через боковую калитку как раз тогда, когда дядюшка Чадраш ввалился с дороги во двор.

Заметить беглецов он никак не мог, потому что их загораживал дом. К тому же они двигались так бесшумно, что даже Бакнер Кирби ни за что бы не проснулся, если б он сейчас каким-то чудом оказался в доме. Они уже подбегали к коляске, когда дядюшка протопал по ступенькам крыльца и прошел через веранду в большую комнату. Мне было хорошо слышно, как он, побряхтывая, карабкается по лестнице к себе наверх. Я бы даже смог увидеть его, если б было чуть посветлее, потому как с того дерева, на котором я засел, открывался превосходный вид на все передние окна дома.

Но вот он вошел в свою комнату, и в окне мелькнул огонек зажженной спички. Никакой прихожей наверху, конечно, не было; ступеньки лестницы заканчивались у дверей комнаты. Дядюшка малость помедлил на пороге, зажигая свечу, что стояла на полочке сразу за дверьми. Свеча разгорелась, и я смог разглядеть Джошуа, который, повесив голову, спал стоя на дядюшкиной койке. Может, его разбудил шум, производимый Чадрашем, а может — свет от свечи, судить не берусь. Но только

чертов осел вдруг вскинул голову и немедленно потряс все окрестности горы Апач поистине громовым ревом.

И тогда дядюшка Полях обернулся, и увидел на своей койке раскрашенного в патриотические цвета Джошуа, и завизжал от ужаса, и впереди собственно-го визга скатился по лестнице обратно вниз...

* * *

Неровный, метущийся огонек свечи осветил большую комнату, и тут я испытал едва ли не самое сильное потрясение в своей жизни. Потому как, стоило дядюшке, отчаянно оглашавшему всю округу призывами о помощи, прогромыхать по лестнице вниз, ему в ответ тут же раздался взбешенный бычий рев. Дверь под лестницей распахнулась, и из нее в большую комнату вывалилась чья-то громадная фигура, размахивавшая дробовиком, зажатым в одной руке, а другой рукой отчаянно пытавшаяся натянуть на себя штаны. Я узнал своего двоюродного брата Бакнера Кирби, каковой, по моему разумению, в этот самый момент должен был спать сном праведника у походного костра в Волчьем каньоне! Наверное, именно он потревожил Кейт звуком своих шагов, когда, вернувшись домой, укладывался спать буквально за несколько минут до появления Гарри.

— Какого дьявола?! — яростно ревел он. — Что там такое стряслось, Чадраш?! Куда ты?!

— Изыди! Прочь с моей дороги! — провизжал в ответ дядюшка — Мне только что явился сам сатана! В образе звездно-полосатого осла! Пусти! Я хочу на волю! Мне душно!

Вышибив пинком наружную дверь, он скатился с крыльца, одним прыжком перемахнул через изгородь и, быстрее любого иноходца, помчался по дороге прочь от дома.

Бакнер Кирби наконец справился со штанами и выскочил на двор следом за дядюшкой Чадрашем. К этому времени луна уже взошла, и коляска с влюблен-

ными беглецами как раз тронулась в сторону Орлиного Пера. Оглянувшись на шум, Кейт увидела отца и испуганно вскрикнула. Братец Кирби услышал этот неосторожный вскрик, и круто обернулся, и увидел громыхавшую по ухабам коляску, и сразу сообразил, что к чему, и взревел еще ужаснее, чем прежде, и выпалил вслед беглецам из дробовика. Но коляска уже скрылась за поворотом дороги.

— Где моя лошадь?! — яростно заорал оскорбленный отец, рванувшись в сторону коралая.

Мне было ясно, что ежели позволить Бакнеру Кирби добраться до его проклятущего, чудовищно длинноногого гнедого мерина, то он в два счета настигнет бедных незащитных детей. Я спрыгнул с дерева и окликнул взбесившегося папашу:

— Послушай-ка, что я скажу, братец Кирби! У меня...

Бакнер Кирби резко обернулся и тут же, даже не разглядев толком, с кем он имеет дело, начисто отстрелил хвост с моей любимой енотовой шапки.

— Что ты имел в виду, сваливаясь мне на голову? — проревел Кирби. — И что ты там делал, на дереве? И вообще, откуда ты взялся?!

— Сейчас это не имеет никакого значения, — рассудительно отвечал я. — Ведь ты, перво-наперво, желаешь спалать Гарри Брекстона, покуда он безвозвратно не удрал с твоей девчонкой, разве не так? Тогда не трать время, чтобы седлать лошадь. С той стороны коралая стоит мой фургон. На нем мы настигнем их без всякого труда!

— Тогда пошли! — загремел Кирби. Лично мне показалось, что мы рванулись в погоню почти мгновенно. Я правил, а братец стоял за моей спиной, рутался на чем свет стоит и угрожающе размахивал дробовиком.

— Я заживо сдеру с него скальп! — неистово ревел Кирби. — Я вырву евовное подлое сердце, засолою его и скормлю зимой своим охотничьим псам! Чего плетешься?! Гони во весь дух!

Проклятые мулы оказались куда более резвыми, чем я предполагал. К тому же, зная подозрительность, свойственную моему братцу, я побаивался придерживать их слишком явно. Вскоре я понял, что мы, ярд за ярдом, начинаем настигать коляску. Лошадки у Гарри оказались так себе, а вот мулы Билла Гордона неслись вихрем, едва не пластаясь брюхом по земле.

До сих пор не знаю, о чем подумала Кейт, когда оглянулась и увидела меня в фургоне с ее отцом. Но уж Гарри-то точно решил, что я их подло предал. Ведь иначе он не принялся бы палить в меня из револьвера. Но ему единственно удалось отколоть пару щепок от фургона да разок зацепить мое плечо. Старица Кирби в нетерпении приплясывал за моей спиной, стораю от желания открыть ответный огонь, но все же пока не стрелял. Он опасался, что может ненароком попасть в Кейт, поскольку повозки, подскакивая и громыхая, продолжали бешено нестись вперед и таковое досадное обстоятельство мешало моему братцу сделать прицельный выстрел.

И тут, как-то вдруг, мы оказались у развилки. Кейт с Гарри повернули направо. А я, как бы ненароком, налево.

— Ты что, с ума сошел, дурак проклятый?! — взревел братец Кирби. — А ну, вертай взад, на ту дорогу!

— Никак невозможно! — твердо возразил я. — Мулы понесли!

— Черти тебя понесли! — волком взвыл Бакнер Кирби. — Ты лжешь! Прекрати хлестать их кнутом! Прекрати ты... и счас же вертай взад! Вертай взад, будь ты проклят!

И с этими словами мой родич принялся иступленно колотить меня по голове прикладом своего дробовика.

* * *

Мы мчались по дороге, которая петляла по краю крутого откоса. Когда братец Кирби очередной раз

шарахнул меня по голове прикладом, дробовик случайно выстрелил, и мулы на этот раз действительно перепугались и действительно понесли. Причем как раз в тот момент, когда я, бросив вожжи, обернулся, чтобы забрать у Бакнера Кирби евонную пушку. Потому как мне в конце концов надоела эта весьма монотонная долбежка прикладом, каковой мой братец занимался, словно заведенный, на протяжении всей последней полумили.

Но едва я успел выдернуть дробовик из его руки, как левое заднее колесо наскочило на здоровенный пенёк, задок фургона подпрыгнул высоко в воздух, а чертово дышло зацепилось за землю и сломалось. Мулы вырвались из лопнувшей упряжи и понеслись дальше, а мы, вместе с фургоном и с братцем Кирби, перевалили за край и покатались вниз с крутого откоса, мигом превратившись в туго перекрученный пыльный клубок рук, ног, колес, остатков упряжи и поистине ужасных проклятий.

Этот клубок благополучно докатился донизу и остановился, с размаху налетев на ствол большущего дерева.

Я кое-как поднялся на ноги и изрыгнул парочку раскаленных добела богохульств, прикинув на глазок, какую чертову прорву денег мне теперь придется заплатить моему двоюродному братцу Биллу Гордону за трижды проклятый фургон. Однако Бакнер Кирби предоставил мне не так уж много времени на мои скорбные раздумья. Вскоре ему удалось стащить с себя заднее колесо, сквозь которое он очень странным образом проделся во время нашего путешествия к подножию холма, и теперь он, воздевая руки к небу под призрачным лунным светом, с пеной у рта, вдохновенно и яростно исполнял боевой танец апачей.

— Ты мне все это подстроил! — неистовствовал он. — Ты с самого начала вовсе не собирался ловить этих юных негодников! Ты нарочно свернул на неправильную дорогу! Ты специально перевернул фургон! И теперь мне уже никогда — слышишь, никогда! — не суждено отловить и примерно наказать мерзавца,

умыкнувшего мою доченьку, мою несчастную, глупенькую, доверчивую и... пока еще совершенно невинную дочурку!

— Да не волнуйся ты так, братец Кирби! — пытался я успокоить безутешного отца. — Все хорошо, что хорошо кончается. У твоей малышки теперь будет прекрасный муж. Сейчас молодым предстоит приятная прогулка в Орлиное Перо, а вслед за ней — счастливая семейная жизнь. Поверь мне, братец, самое лучшее, что ты можешь придумать, так это простить своих детей и дать им свое отеческое благословение!

— Ладно! — злобно прорычал Бакнер Кирби. — Хотя ты, по счастью, не приходишься мне ни зятем, ни дочерью, у меня найдется чем благословить и тебя! Получай!

Никак нельзя назвать достойным то вознаграждение, которое воспоследовало мне за все хорошее, что я уже успел сделать для братца Кирби. Он отблагодарил меня, усадив с размаху на ужасно колючий кактус, а вдобавок расколол об мою голову булыжник размером с довольно-таки приличный арбуз. Однако, принимая во внимание явное нервное переутомление моего родича, как и то, что он вообще был несколько не в себе, мне все же удалось сдержаться. А потому я просто проигнорировал столь явное проявление неучтивости с его стороны и ограничился лишь тем, что малость успокоил двоюродного братца, разнеся вдребезги об его черепушку пару спиц от сломанного им же самим колеса.

После этого я полез вверх по откосу, с достоинством пропуская мимо ушей чрезвычайно несдержанные и даже слегка оскорбительные замечания, какими меня напутствовал поверженный родственник. Выбравшись на дорогу, я покрутил головой, выглядывая, куда удрали мулы. Оказалось, они убежали совсем недалеко и теперь мирно паслись чуть поодаль от дороги. Я уже было двинулся в ту сторону, как вдруг услышал быстро приближавшийся топот копыт, и из-за поворота показался дядюшка Джейспард Граймс во главе цело-

го отряда. Человек девять или десять его сыновей скакали вплотную за своим предводителем, бакенбарды которого в лунном свете сверкали точно серебряные.

— Вот он! — кровожадно взвыл дядюшка Джеппард, непроизвольно разрядив в мою сторону оба своих шестизарядных. — Вот он, изверг рода людского! Гиена огненная в человеческом обличье! Вот он, злобный похититель беззащитных ослов! Делайте ваше дело, мальчики!

Молодые Граймсы быстро окружили меня плотным кольцом и начали спрыгивать с лошадей, блистая налитыми кровью глазами, угрожающе размахивая револьверами и винчестерами.

— Попридержите руки, парни! — строго указал им я. — Ежели вы устроили весь этот дурацкий сырбор из-за Джошуа...

— Ага! Вот! — снова волком взвыл дядюшка Джеппард. — Он сам сознался в своем преступлении! Ежели из-за Джошуа, сказал ты? Конечно из-за него, из-за кого же еще? И ты сам это отлично знаешь! Ведь мы прочесываем все окрестные холмы с тех самых пор, как моя любимая внучка принесла мне поистине ужасную весть! Признавайся, мерзавец, что ты с ним сотворил!

— Ну-у... — неохотно начал я. — В общем-то, с ним все в порядке. Просто я собирался с его помощью...

— Он уклоняется от честных ответов на простые вопросы! — брызжа слюной, завопил дядюшка Джеппард. — Мальчики, вперед! Скальп! Скальп! Сдерите с него скальп!

— Сказано же вам: ваш проклятый ишак в полном порядке! — взревел я, приходя в неопишемую ярость.

Но эти парни не дали мне ни малейшего шанса объясниться. С Граймсами, с ними всегда так. Еще никому не удавалось спокойно втолковать им даже какую-

нибудь совсем простую вещь. Им вообще ничего нельзя втолковывать, можно только вколотить силой.

Они налетели на меня со всех сторон разом, орудуя жердями от изгороди, спицами от колес, булыжниками, рукоятками арапников, ружейными прикладами и Бог знает чем еще. Причем от их ужасной настырности могло бы лопнуть терпение даже у святого. Но лично я всегда стараюсь быть со своими родичами терпеливым настолько, насколько такое вообще возможно. Вот и в тот раз я всего-навсего поотбирал у молодых Граймсов все ихние цацки, а потом вроде как слегка оттолкнул их от себя, и больше ничего, честное слово! И ежели бы они повнимательнее смотрели, куда падают, то Джим, Джо и Эзра не переломали бы себе руки и ноги, свалившись с обрыва, а Билл ни за что не повредил бы череп об то самое дерево, рядом с которым все еще отдыхал от трудов праведных мой двоюродный братец Кирби.

Одним словом, я не только раз за разом расшвыривал молодых Граймсов в разные стороны, словно малых детишек, но и сумел полностью сохранить присутствие духа, несмотря на то, что дядюшка Джеппард гарцевал вокруг нашей кучи-малы на лошади и пронзительно вопил:

— А ну, навалитесь на него, ребятушки! Да не бойтесь вы этого здоровенного гризли! Один хрен, победа наша!

Притом дядюшка умудрялся еще и стрелять в меня всякий раз, когда ему казалось, будто он может это сделать, не зацепив случайной пулей кого-нибудь из сыновей. И разумеется, он таки малость подстрелил двоих, а может — троих своих отпрысков, и, конечно же, он потом винил в собственной непроходимой глупости именно меня, старый осел!

А ведь никто в целом мире не стал бы реагировать так аккуратно, почти нежно, как это сделала я, когда Дик Граймс сломал лезвие своего тесака об мою большую берцовую кость! А те семь ребер, которые я слегка попортил его братцу Якову, разве могли они хоть в

малой степени возместить тот моральный ущерб, какой я понес из-за напрочь изжеванного им моего уха?! Но больше всех других меня огорчил Исайя Граймс. Не иначе как дьявол внул ему безумную мысль воткнуть вилы с железной ручкой в мои лучшие штаны для верховой езды именно в тот момент, когда внутри этих штанов находился я сам! Ни один другой поступок не смог бы так пошатнуть столь свойственную мне гуманность и прирожденную доброту.

От моего рева на милю вокруг со всех дубов разом попадали желуди. Я повернулся к безумному Исайе так резко, что он не сумел удержать вилы в руках, и они так и остались торчать из меня. Я сумел извернуться и, вцепившись в ручку, выдернул их рывком. Вторым же рывком повязал ту железную ручку Исайе на шею вместо галстука. А потом я покрепче ухватил глупого Исайю за лодыжки и начал с его помощью усовершенствовать местный, недостаточно ухоженный ландшафт.

Сперва я выкосил его телом весь лишний чапаль, потом подровнял с его помощью все близлежащие заросли кактусов, придав им вид изящных садовых клумб, затем аккуратно расчистил им от пыли довольно большой участок дороги, а когда остальные Граймсы робко попытались спасти своего братика, я принялся нещадно лупцевать Исайевым телом по их головам и довел их до такого состояния, что они ничего уже не могли, кроме как бессмысленно бегать кругами. Тут дядюшка Джеппард пришпорил свою лошадку и попытался сбить меня с ног и, разумеется, растоптать, а проклятый Исайя к тому времени почему-то сделался таким мягким, что его уже никак нельзя было дальше использовать в качестве дубинки. Тогда я поднял его над головой, и хорошенько раскрутил, и метнул его прямо в дядюшку. Все это, вместе с лошадью, на свежеподметенной дороге образовало большую кучу нового мусора. А дядюшка Джеппард вопил так, что случайный человек мог бы даже подумать, будто здесь кто-то и в самом деле хочет причинить моему люби-

мому родственнику тяжкие телесные повреждения. Нет, эти вопли звучали поистине отвратительно! Честное слово!

Как раз к этому времени пятеро или шестеро его парней уже очухались настолько, что прекратили бегать кругами и снова ринулись на меня.

Я по очереди легонько стучал каждого из них кулаком по голове и затем бросал поверх той кучи мусора, которая состояла из дядюшкиного коня, Исайи и самого дядюшки.

Коню в конце концов сделалось неважно, и он попытался выбраться наружу. Его копыта начали выбивать звонкую дробь по черепам и зубам семейки Граймсов, и дядюшка Джеппард снова завопил, да так громко, что я не на шутку испугался и подумал: а вдруг мой горячо любимый дядюшка на самом деле серьезно пострадал или случилось еще что-нибудь в таком роде. Пришлось мне порыться в той куче, осторожно схватить дядюшку Джеппарда за бакенбарды и очень аккуратно выдернуть на свет Божий из-под лошади и из-под тел его глупых сыновей.

— Ты не очень пострадал, дядюшка Джеппард? — участливо спросил его я.

— Ах ты!.. — запальчиво отвечал дядюшка, пытаюсь вознаградить меня за мою трогательную заботу ударом охотничьего ножа.

Подобная черная неблагодарность настолько уязвила меня, что я обиделся и раздраженно отшвырнул дядюшку Джеппарда в сторону. И тут, выдираясь из колючих объятий большого кактуса, на который он совершенно случайно свалился, дядюшка внезапно испустил такой вопль, по сравнению с которым все его предыдущие крики показались мне тихим журчанием лесного ручейка.

Где-то совсем рядом послышался легкий топот копыт, и из-за поворота дороги вдруг показался глупенький дядюшкин любимец Джошуа, который, судя по всему, окончательно сжевал канат, каким я привязывал его

к койке Чадраша Поляха, а заодно и шляпу, и теперь устремился в родные края, в поисках занятия для своих челюстей. В потоках лунного света чертов осел выглядел как воплощенный четырехногий ночной кошмар безумца, но дядюшка Джеппард был дальтоником, а потому патриотическо-боевая раскраска Джошуа представилась ему исключительно в красном цвете.

— Все сюда! — отчаянно взывал дядюшка Джеппард. — Караул! На помощь! Они смертельно ранили это беззащитное, робкое создание! Еще немного, и мой милый Джошуа скончается от потери крови! Ему надо немедленно сделать перевязку!

Повинуясь приказу своего патриарха, те из молодых Граймсов, кто еще был в состоянии как-то ковылять, послушно покинули поле боя и бросились ловить Джошуа, дабы немедленно повернуть вспять льющуюся из него реки крови. Но стоило глупому ослу завидеть мчавшееся ему наперерез стадо сильно помятых и изрядно взъерошенных Граймсов, как он перепугался до смерти и, проявив несвойственную ему прыть, с диким ревом ломанулся в самую гущу колючих зарослей. Граймсы неотступно преследовали его по пятам. Перед тем как шум погони окончательно затих вдали, я услышал умоляющие вопли дядюшки Джеппарда:

— Джошуа! Да остановись же ты наконец, будь ты проклят! Ведь все мы тут — твои верные друзья! Вернись к нам, Джошуа, чтоб ты лопнул! Мы всего лишь жаждем излечить тебя от смертельной опасности, чертов дурень!

Я пожал плечами и вернулся назад, чтобы посмотреть, нельзя ли оказать какую посильную помощь тем жертвам великой битвы, которые во множестве валялись на дороге и у подножия откоса, оглашая окрестности весьма болезненными стонами. Но эти идиоты в один голос заявили, будто бы воспитание никак не позволяет им принимать помощь от закланного врага, под каковым врагом они, как мне показалось, подразумевали меня — меня! — своего кровного родича! Во всяком

случае, все молодые Граймсы вместе и каждый по отдельности заверили меня, что, как только им будет позволено передвигаться на костылях, они сразу же вырвут сердце из моей груди, хорошенько замаринуют его, разделят по-братски, а потом будут съедать по малюсенькому кусочку перед каждой воскресной проповедью. Наконец, осознав всю тщету моих любящих родственных усилий, я еще раз пожал плечами и обратил свои взоры обратно, в сторону селения Горный Апах.

* * *

Гром великого сражения изрядно перепугал мулов, и они отбежали довольно далеко, но все же мне удалось изловить их, после чего, пожертвовав одной из своих подтяжек, я изготовил некое подобие уздечек и сел на одного мула верхом, а другого повел за собой в поводу. Чертово селение Горный Апах уже сидело у меня в печенках, поэтому я сперва намеревался направиться напрямик домой, на Медвежий Ручей, но потом любопытство все же пересилило и заставило меня свернуть к Джозэлю: хотелось узнать, отчего это мой двоюродный братец Бакнер Кирби так и не поехал в Волчий каньон.

Оказавшись наконец рядом с домом, я не обнаружил там никаких признаков жизни. Окна были темны, а дверь — заколочена наглухо. Впрочем, к двери была приколота записка. Как всякий культурный человек, я, разумеется, умел немного читать по складам. Записка гласила:

Временно отбыл в Волчий каньон.

Джозэль Гарфильд

Вот дьявол, подумал я. Выходит, этот проклятый сукин сын просто не обмолвился ни словечком ни братцу Кирби, ни кому-либо еще об открытой мною специально для них новой золотой жиле! Он просто потихоньку раздобыл вьючного мула и в одиночку рва-

нул в Волчий канон! Нечего сказать! Ведь он посмел отказать бедняге Бакнеру Кирби в тех самых надеждах на лучшее будущее, какие он сам получил возможность питать некоторое время лишь благодаря моей бескорыстной любви к кровным родственникам!

Примерно в миле от поселка мне повстречался Джек Гордон, возвращавшийся с танцулек откуда-то с той стороны горы, Джек сообщил мне, что видел издали дядюшку Чадраша Поляха, который изо всех сил пылил вниз по тропе верхом на неоседланном муле, и даже без уздечки! Отлично, подумал я. Во всяком случае, сработала хотя бы часть моего плана, направленная на то, чтобы дядюшка Чадраш навеки позабыл вкус спиртного!

До ранчо Билла Гордона мне удалось добраться, лишь когда совсем рассвело. Я вернул Биллу его мулов и расплатился за разбитый фургон, а заодно за опустошительный урон, нанесенный Капитаном Киддом здешнему коралю. Урон оказался настолько велик, что Биллу теперь было куда как проще построить совсем новый кораль. Вдобавок Капитан Кидд загнал далеко в горы лучшего призового жеребца, в клочья изжевал оба уха длиннорогому племенному быку, а притомившись после своих подвигов, вломился в амбар, где сожрал почти на двадцать долларов семенного овса.

Одним словом, я вновь тронулся в путь к Медвежьему Ручью далеко не в самом благодушном настроении; но все же не уставал напоминать сам себе: может, овчинка и стоила выделки, ежели вся эта история помогла наконец превратить дядюшку Чадраша в стоцентного водохлеба.

Солнце стояло почти в зените, когда я остановился у дверей дома и окликнул тетушку Таскоцию. Почти невозможно представить себе охватившие меня негодование и удивление, когда вместо ответного приветствия меня вдруг накрыл целый потоп хлынувшего из окна крутого кипятка! А следом в окно просунулась голова взбешенной тетушки, и эта голова сказала:

— И у тебя еще хватает наглости разгуливать под моими окнами, выпятив грудь, словно глупый индюк?! Ах, ежели б только я не была подлинной леди, я не постеснялась бы сказать все, что о тебе думаю, дурень ты...! А ну, проваливай отсюдова, куда я не успела сходить за дробовиком!

— Что-то не пойму, о чем это вы таком толкуете, тетушка Таскоция! — вежливо осведомился я, потряхивая шевелюрой, чтобы избавиться от остатков слегка подостывшей воды.

— И он еще осмеливается задавать какие-то вопросы! — воздела руки к небу тетушка. — Каков нахал! Да разве не ты, всего лишь вчера поутру, пообещал мне излечить моего муженька от любви к рому? Или это был кто-то другой? Ну а теперь зайди в дом, взгляни на своего пациента! Бедняга примчался домой на рассвете, едва не насмерть загнав одного из мулов Бакнера Кирби. И с тех самых пор он сражается с большущим кувшином рома, который был у него где-то припрятан. Может, он хоть тебе расскажет, что там такое стряслось? Потому как мне до сих пор не удалось добиться от него никаких вразумительных объяснений!

Я зашел в дом и обнаружил дядюшку Чадраша в кухне, где он сидел на табуретке у задней двери, нежно прижимая к груди тот самый кувшин с ромом. Побелевшие дрожащие пальцы удерживали ручку этого кувшина куда крепче, нежели сведенная судорогой рука утопленника цепляется за соломинку.

— Ты меня удивляешь, дядюшка! — укоризненно покачал я головой. — Какого такого дьявола ты...

— Прикрой-ка дверь, о, друг мой Брекенридж! — прохрипел он. — Да как можно плотнее! И больше никогда не поминай ты всуе ни имени, ни кличек Князя Тьмы! Вчера я спасся чудом, Брекенридж! — Тут дядюшка прервался, чтобы сделать добрый глоток из кувшина, после чего продолжал уже более спокойно:

— Я был обманут, страшно обманут, Брекенридж! Я позволил себе прислушаться к аргументам Бакнера

Кирби, этого сладкоголосого сына Велиала; я позволил ему победить меня в великом споре о вреде пьянства! Не далее как вчера, утомленный домогательствами, я сказал ему: ладно, разок попробую. Я как бы пошутил, Брекенридж, просто чтобы отделаться от него. И, верный своему слову джентльмена, я за целый день не пропустил ни глоточка, Брекенридж! Я пил одну только гнусную, мерзкую, отвратительную воду!

Не в силах справиться с охватившим его волнением, дядюшка Чадраш снова как следует приложился к горлышку кувшина.

— И ты знаешь, Брекенридж, хочешь верь, хочешь — нет, но клянусь честью всех Поляхов, когда я ночью вернулся в дом этого Кирби, чтобы лечь спать, я узрел стоящего прямо на моей кровати красно-белосинего звездно-полосатого осла с изумрудно-зелеными ушами, громко распевавшего наш славный гимн! Клянусь тебе, я видел его так же ясно, как вижу сейчас тебя, Брекенридж! Это вода, Брекенридж! Все это со мной сделала вода! — Дядюшка на мгновение разжал судорожно скрюченные пальцы и любовно погладил рукой пузатый бок кувшина. — Вода манит благочестивых людей бесплодными миражами и расставляет на их пути коварные ловушки! Никогда не унижайся до воды, мой мальчик! Вчера целый день я пил одну только воду, и посмотри, к какому ужасному состоянию это меня привело! Отныне я больше никогда не выпью ни единой капли этой отравы! Да! Отныне я больше никогда, нигде и ни за какие коврижки даже одним глазком не позволю себе взглянуть на столь коварную жидкость!

— Ну, это вряд ли, дядюшка Чадраш! — сказала я, будучи окончательно выведенным из себя в результате катастрофического провала всех моих хитроумных планов. — Ведь ежели я швырну тебя вон в то лошадиное корыто на заднем дворе, то, ей-богу, тебе все же придется разок-другой хлебнуть водички!

Так я и поступил.

Но именно в результате этого жеста отчаяния по всему Верхнему Гумбольту пополз гадкий слухок о том, что будто бы я пытался утопить в лошадиной поилке своего родного двоюродного дядюшку Чадраша Поляха всего лишь за его категорическое нежелание отказаться от лишнего стаканчика кукурузного пойла.

А ответственным за повсеместное распространение столь низких, откровенно порочащих меня наветов оказался конечно же не кто иной, как тетушка Таскоция. Именно таким бесчестным образом она отплатила мне за все те добрые дела, какие я ради нее совершил.

Ну да ладно.

Ведь меня уже давным-давно ни за что не удивить подобными проявлениями самой черной людской неблагодарности!

ГЛАВА ПЯТАЯ

ШЕСТИЗАРЯДНАЯ ПОЛИТИКА

Политика и оторванная от жизни книжная ученость — вещи достаточно скверные сами по себе, даже ежели их брать по отдельности. Но всякая попытка их совместить поистине пагубна; она таит в себе семена гибели и должна быть предана вечному проклятию. Взять хотя бы историю, случившуюся в Брехливой Собаке, лагере золотоискателей в долине Индейской реки.

Брехливая Собака слыла вполне уютным, мирным местечком до тех самых пор, покуда политика не подняла там свою змеиную голову, а по пятам за нею в нашу дружную общину не проскользнула стоглавая гидра культуры и образования. А ведь еще совсем недавно виски в этом поселке старателей было совсем неплохим на вкус и стоило не так уж чтобы очень дорого, а игра в покер и фараон велась очень даже честно, если вы были в состоянии достаточно внимательно присматривать за своими партнерами. За ночь в лагере обычно происходило не больше трех-четырёх совсем пустячных пота-

совок, и, насколько мне теперь припоминается, частенько выпадала неделька-другая, когда ни единая живая душа в поселке не получала смертельных огнестрельных ранений. И вдруг, как сказала бы моя тетушка Таскоция Полях, грянул всемирный потоп.

Все началось в тот день, когда Винчестер Харриган решил перенести свое игорное заведение в Олдервиль, отчего в Брехливой Собаке (а она была по большей части палаточным лагерем) освободилось одно из немногих бревенчатых строений. И тогда один умник, Гусак Уилкерсон, предложил передать тот дом под мэрию. Но разве кто-нибудь когда-нибудь видал мэрию без мэра? Нет, сказал Уилкерсон, никто не видал. Потому как такого просто не бывает! После чего тут же объявил, что ради всеобщего блага он согласен претендовать на столь многотрудную и ответственную должность. Бык Хокинс, еще один весьма влиятельный гражданин Брехливой Собаки, также не замедлил выставить свою кандидатуру. Дата выборов была назначена на одиннадцатое апреля. В качестве штаб-квартиры Гусак избрал салун «Серебряное седло», а Бык со своей командой разместился на другой стороне улицы, в заведении под названием «Красный томагавк». Остальные граждане поселка мигом разделились на две враждующие партии. Таким образом, никто и охнуть не успел, как Брехливая Собака уже по самые... эти... ну, одним словом, по уши погрязла в пучине политики.

Избирательная кампания стремительно набирала силу; потери, понесенные сторонниками обеих партий, множились с каждым днем, по мере того как нездоровый интерес общественности все возрастал, катастрофически приближаясь к точке кипения. Девятого апреля, во второй половине дня, Гусак появился в своей штаб-квартире и заявил:

— Парни! Нам придется перейти в сокрушительное наступление по всем фронтам! Потому как Бык Хокинс оказался неплохим стратегом и вот-вот положит нас на обе лопатки! Вчерашнее соревнование по

стрельбе, где он раздавал в качестве призов парное мясо только что забитого бычка, имело весьма большой успех среди тупых обывателей. Хокинс изо всех сил пытается убедить граждан Брехливой Собаки, что после избрания он сумеет обеспечить их куда более первосортными развлечениями, чем это смог бы сделать я. Брек Элкинс! Ты можешь хоть на минутку оторваться от своей соски и послушать, что я говорю? В конце концов, я просто требую твоего внимания! Как глава вот этой самой политической организации!

— Я не глухой! — с достоинством ответил я, отставляя в сторону пустую бутылку. — И отлично все слышу! Кроме того, я сам участвовал в том соревновании, и, ежели бы они не успели снять меня с дистанции перед самым концом, придравшись к какой-то там пустяковой формальности, мне бы наверняка достался весь бычок целиком. Но назвать первосортным то увеселение у меня язык не поворачивается. Я очень сильно скучал! Ведь там за весь день подстрелили всего лишь одного парня.

— Который к тому же собирался голосовать за меня! — хмуро проворчал Гусак. — А ведь в наше суровое время каждый избиратель на счету! И теперь нам тем более необходимо побить Быка Хокинса евоным же собственным оружием! Я имею в виду — превзойти его по всем статьям в умении увеселять толпу, потакая ее низменным вкусам. К тому же в последние дни Бык все чаще прибегает к недостойным, подлым и коварным закулисным интригам, откровенно покупая голоса избирателей. Тогда как я просто не могу себе позволить унижаться до подобных грязных методов, поскольку и так уже скупил все голоса, за какие был в состоянии заплатить, да еще десятка два приобрел в долг под честное слово и будущие дивиденды! Значит, нам остается лишь устроить в Брехливой Собаке такое представление, какое начисто затмит то проклятое соревнование по стрельбе!

— Может, родео? — предложил Лошак Мак-Граф. — Или старые добрые тараканы бега?

— Да пошел ты! — нетерпеливо оборвал его Гусак. — Ни в коем случае! Мое шоу должно предстать перед общественностью в виде ослепительного символа культуры и прогресса! Нет, мы должны не позднее чем завтра вечером устроить в новой мэрии состязание по устной орфографии!

— Чиво, чиво? — ошарашенно переспросил Лошак.

— Да ничаво! — ответил Гусак. — Все очень просто. — Судья будет называть какое-нибудь длинное и заковыристое слово, а участники должны правильно произнести те буквы, из которых оно составлено, вот и все! А на следующее утро, когда откроется доступ к урнам для голосования, наши славные избиратели наверняка еще будут пребывать под впечатлением от этого грандиозного увеселения, и моя кандидатура пройдет на пост мэра подавляющим преимуществом голосов!

— Интересно, — пробормотал я, глядя в потолок, — сколько тут у нас сыщется народу, способного правильно произнести по буквам хотя бы свое собственное имя?

— Убежден, что в нашем лагере наберется никак не меньше трех дюжин человек, какие очень даже умеют читать и писать! — несколько раздраженно ответил Гусак. — А этого больше чем достаточно! Но нам будет нужен судья, который станет диктовать слова. Сам я этим заняться не могу, поскольку это не пойдет на пользу моему положению в обществе. Кто еще у нас достаточно образован, чтобы справиться со столь ответственным поручением?

— Я! — одновременно сказали Джерри Бреннон и Билл Гаррисон.

После чего, угрожающе оскалась, они злобно уставились друг на друга. Этих двоих можно было обвинить в чем угодно, но только не в том, что они испытывают друг к другу дружеские чувства.

— Но судьей может стать лишь кто-то один! — авторитетно заявил Гусак. — Придется подвергнуть

проверке ваши способности. Кто из вас правильно скажет, как пишется Константинополь?

— К-у-н-с-т-к-а... — начал было Гаррисон. Но Бреннон тут же разразился громогласным издевательским и весьма обидным хохотом, а отсмеявшись, добавил несколько нравоучительных фраз о невежественных выскочках.

— Сам ты невежда! — довольно-таки кровожадно возразил ему Гаррисон.

— Джентльмены! — пронзительно выкрикнул Гусак. Развить свою мысль ему уже не удалось, поскольку он и так едва успел нырнуть под стол, когда спорщики одновременно потянулись за револьверами. Стрелять они начали тоже одновременно.

Когда пороховой дым наконец слегка рассеялся, Гусак вылез из-под стола для игры в рулетку и принялся ругаться.

— Вот и еще два моих самых надежных избирателя навеки увенчали себя посмертной славой! Хорошенькую же свинью они мне подложили! — неистовствовал он. — Какого черта ты не остановил их, Брекенридж?

— Мой отец приучил меня никогда без спросу не лезть в чужие дела, — вежливо объяснил я. — А оба покойных были взрослыми, очень даже совершеннолетними людьми, вполне способными отвечать за свои поступки. Что они, собственно говоря, и сделали.

Я потянулся за новой выпивкой, поскольку шальная пуля вышибла стакан из моей руки, и при этом случайно увидел нечто, уязвившее меня до глубины души.

— Эй ты! — окликнул я бармена. — Ты зачем записал на мой кредит разбитую выпивку? Перепиши ее сейчас же на Джерри Бреннона, ведь это его пуля разнесла вдребезги мой стаканчик!

— И не подумаю! — резко отозвался бармен, но, взглянув на мое потемневшее лицо, торопливо снизошел до объяснений: — Видишь ли, Брек, все дело в том, что я уже довольно давно подметил: мертвецы почему-то никогда не платят по счетам!

— Прекратите сейчас же ваши ничтожные, жалкие препирательства по поводу пустых и бессмысленных пустяков! — зашипел Гусак Уилкерсон. — Вам только дай волю, и вы уже готовы битый час препираться из-за стаканчика дрянного пойла, тогда как я только что навеки потерял два отличных голоса! А ну-ка, парни, вытащите их отсюда куда-нибудь! — указав на тела, велел он остальным членам нашей предвыборной команды. Они уже слегка пришли в себя и начали осторожно выглядывать из-под стойки бара и из-за бочонков с пивом, за которыми благоразумно попрятались, едва началась пальба. — Черт возьми! — с горечью в голосе продолжал Гусак. — И за какие только грехи судьба решила в самый последний момент нанести поистине смертельный удар по моей избирательной кампании?! Ведь я потерял не просто два надежных голоса, но и вся общественность Брехливой Собаки только что понесла тяжелейшую утрату, разом лишившись двух самых образованнейших своих граждан! Ежели, конечно, не считать меня. Кого же, спрашивается, мы можем назначить теперь судьей для проведения нашего замечательного соревнования?

— Да кого угодно! Сойдет всякий, кто хоть немного умеет читать! — лениво ковыряя ножом в зубах, сказал известный конокрад Волк Гаррисон, имевший на редкость мерзкую физиономию и крайне извращенные вкусы. Он всегда был готов дать лишних три мили крюку только для того, чтобы пнуть ногой какого-нибудь шелудивого пса. — Даже Элкинс и тот сойдет!

— Разумеется! — презрительно фыркнул Гусак. — Но лишь в том случае, ежели у него будет откуда прочесть длинное слово! А у нас в лагере ни у кого даже Библии нету! У нас тут вообще нету никакой прессы, кроме этикеток на бутылках из-под виски! Нам срочно нужен грамотей, у которого имеется целая куча длинных слов прямо в голове! Черт бы тебя побрал, Брекенридж! Если я даже и попросил хозяина бара списывать всю поглощаемую моими парнями выпивку на издер-

жки предвыборной борьбы, это вовсе не означает, что ты должен непрерывно торчать у стойки бара до скончания своих дней! Немедля езжай в Олдервиль и добудь там для нас самого образованного человека!

— А откуда же ему знать, кто образованный, а кто — нет? — презрительно и криво ухмыльнулся Волк Гаррисон, который, имея на то веские причины, питал ко мне самую жгучую ненависть.

— Все очень просто, — ответил Гусак. — Пускай Брек заставит нашего претендента произнести по буквам, как пишется Константинополь!

— Но Брек не может ехать в Олдервиль! — заметил Проньера Джексон. — Тамошние парни спят и видят, как бы линчевать его за то, что он оставил ихнего шерифа калеккой на всю жизнь!

— У меня и в мыслях не было калечить того придурка-шерифа! — возмущенно произнес я. — Он искалечил себя сам, когда так неловко пролетел сквозь колесо от фургона после того, как я его малость от себя оттолкнул. Притом совсем легонько! Да ну его к черту! Давай, Гусак! Учи меня, как правильно писать по буквам эту самую Констанцию Ноппль!

После того как Хокинс раз тридцать или сорок повторил мне буквы, я таки зазубрил назубок это мудреное слово, погрузился на Капитана Кидда и отчалил в Олдервиль.

Когда я туда прибыл, граждане Олдервиля встретили меня довольно-таки холодно. Более того, они тут же принялись собираться в кучки на всех углах и перешептываться, то и дело бросая на меня угрожающие взгляды. Но я решил не придавать этому никакого значения. А ихний шериф вообще ни разу не попался мне на глаза, ежели, конечно, его не было среди тех трех парней, которые, как только я въехал в город, тут же вскарабкались на самый высокий в округе дуб и навсегда скрылись среди его могучих ветвей.

Спешившись у дверей салуна «Белый орел», я зашел внутрь, заказал себе выпивку и спросил у бармена:

— Кто у вас в Олдервиле самый образованный человек?

— Пожалуй что Змеюка Мургатройд, — почесав за ухом, ответил бармен. — Он как раз сейчас играет в карты в «Элит-паласе».

Тогда я двинулся напрямик в «Элит-палас», но, только уже войдя внутрь, вдруг вспомнил, что не кто иной, как Мургатройд (в связи с некоторыми разногласиями, возникшими у него со мной во время одной карточной игры), поклялся продырявить меня без предупреждения при первой же нашей следующей встрече. Однако я никогда не позволял себе чересчур беспокоиться из-за подобных незначительных пустяков. Подойдя к столу, за которым играл Мургатройд, я сказал:

— Привет!

— Привет, привет! — не поднимая головы, отозвался Змеюка. — Садись и делай свою ставку! — Но тут, видимо узнав мой голос, быстро взглянул на меня. — Черт! Вечно ты путаешься у меня под ногами! — процедил он сквозь зубы и потянулся за револьвером, но я успел первым предъявить ему свою пушку, решительно сунув дуло Мургатройду прямо под нос.

— А ну-ка, тварь, произнеси по буквам слово Константинополь! — вежливо попросил я. — Да поживее!

Змеюка вдруг переменился в лице и страшно побледнел.

— Ты что, рехнулся? — прошептал он дрожащими губами.

— Кому было сказано?! — проревел я так, что на стойке бара разом лопнуло штук шесть стаканов. — По буквам! Или ты оглох?!

— К-о-н-с-т-а-н-т-и-н-о-п-о-л-ь! — пролепетал он. — Что с тобой, Элкинс? Какого черта?..

— Отлично! — сказал я, отшвырнув пистолет Мургатройда в дальний угол, дабы уберечь малого от ненужных соблазнов. — Назавтра в твоих услугах крайне нуждается весь свобододолюбивый народ Брехливой Собаки.

Тебе выпала великая честь стать судьей на нашем состязании по устной фотোগрафии!

Все, кто находился в игорном зале, затаили дыхание, а у Мургатройда, вроде как от волнения, вдруг так сильно затряслись руки, что он зацепил рукавом бубнового валета и сбросил его со стола на пол. И тогда он полез под стол за тем валетом, но вместо того, чтобы поднять с пола карту, вдруг выхватил из-за голенища охотничий нож и довольно шустро попытался пырнуть этим ножиком меня в брюхо. Из-за опасения сорвать завтрашний матч мне пришлось отказать себе в удовольствии пристрелить мерзавца на месте и на самых что ни на есть законных основаниях. Вот почему я просто отнял у него эту цацку, а затем взял его за лодыжки, перевернул вниз головой и хорошенько потряс, чтобы вытряхнуть из подлеца все орудия убийства, какие еще могли при нем находиться.

Должен сказать, куча барахла получилась довольно внушительной.

— Караул! На помощь! Элкинс хочет меня прикончить заживо! — истошно завизжал Мургатройд.

— Вперед, парни! Дадим достойный отпор коварным обитателям Брехливой Собаки! — словно очнувшись, взвыл кто-то из игроков.

И уже в следующее мгновение воздух в игорном зале буквально загудел, разом наполнившись разнообразными летающими предметами: тарелками, ложками, пивными кружками, плевательницами и канделябрами. Причем некоторые из тех плевательниц были на удивление тяжелыми, и, когда один такой сосуд с тяжким звоном отскочил от головы Мургатройда, тот жалобно пискнул и начал лихорадочно извиваться в моих руках, словно червяк, которого только что насадили на крючок.

— Смотрите, смотрите туда! — хором завопили сразу несколько подстрекателей с таким жаром, будто черепушка Змеюки была ихней собственностью и пострадала исключительно по моей вине. — Он уже совсем почти убил нашего бедного Мургатройда! Вперед, парни! Свернем шею этому мордовороту!

И толпа завсегдатаев обрушилась на меня со всех сторон, так яростно орудуя бильярдными киями и ножками от стульев, что в моей груди невольно зародилось сомнение: а слышали ли они вообще когда-нибудь в своем долбаном Олдервиле о правилах цивилизованного гостеприимства?

Сообразив наконец, что словесные аргументы тут заведомо бесполезны, я покрепче ухватил Змеюку левой рукой, а правым кулаком принялся направо и налево вколачивать священные принципы вежливости в тупоумные головы нападавших. Подозреваю, что именно тогда превратился в руины роскошный бар «Элит-паласа». На поверку тот дурацкий бар оказался на редкость непрочным. За всю свою предыдущую жизнь мне еще не приходилось видеть, чтобы люди пробивали своими головами стены так легко, будто чертово сооружение было целиком возведено из папиросной бумаги. Не прошло и двух минут, как около дюжины чудом уцелевших забияк позорно бежали с поля боя, высыпав на улицы городка с истошными воплями:

— На помощь! Убивают! Поднимайтесь, граждане Олдервиля! Брехливая Собака вот-вот вцепится в наши глотки! Грудью встаньте на защиту ваших домов, ваших любимых чад и домочадцев!

Случайный человек мог бы даже подумать, будто на Олдервиль напали апачи, которые намерены спалить весь город дотла, — с таким остервенением вопили разобиженные граждане, обзывая меня разными нехорошими словами и осыпая градом свинца из всех видов оружия, когда я, взобравшись на Капитана Кидда, с достоинством направился в сторону Брехливой Собаки.

Выехав из городка, я на всякий случай свернул с главной дороги и двинулся сквозь густые заросли по едва приметной, мало кому известной старой тропе, поскольку знал, что целая толпа жителей Олдервиля уже отправилась в погоню за мной. И хотя я был уверен, что Капитан Кидд с легкостью уйдет от любых преследователей, но все же малость опасался за жизнь

Змеюки. Ведь тот легко мог оказаться жертвой шальной пули, ежели кому-нибудь из оддервильцев удалось бы случайно оказаться от нас на расстоянии револьверного выстрела. Местами заросли становились почти непролазными, и, как мне теперь кажется, Мургатройда привели в чувство колющие ветки молодых деревьев, непрерывно хлеставшие его по лицу. А придя в себя, он немедленно принялся за старое.

— На помощь! — вопил он так, будто его резали. — Негодяй! Ты везешь меня вовсе не в Брехливую Собаку! О нет! Ты хочешь обманом умыкнуть меня в глухие холмы, чтобы там, без лишних помех, насладиться зрелищем моей агонии! На помощь, люди добрые! Спасите! Спасите!

— Заткнись! — презрительно фыркнул я. — Раз совсем ничего не соображаешь, так уж лучше бы помолчал! Просто мы едем более короткой дорогой!

— Но ведь никакой другой дороги, кроме как по мосту через Индейскую реку, отсюда в Брехливую Собаку нету! — От удивления Змеюка даже на секунду прекратил свои отчаянные вопли.

— Почему же нету? — в свою очередь удивился я. — Очень даже есть. Мы прекрасно переправимся по пешеходному мосту!

— Что? — испуганно взвизгнул Мургатройда. — Как?!

И, продолжая непрерывно завывать от ужаса, он принялся конвульсивно дергаться. В конце концов он порвал на части свою куртку, за которую я его держал. Мне не сразу удалось сообразить, что я сжимаю в руке одну только эту драную куртку, а сам Змеюка вывалился из нее на землю и, негромко подвывая, уже со страшной скоростью удаляется от меня на четвереньках... Страхнув оцепенение, я пустился в погоню, но негодяй так хитро и замысловато петлял между высокими пнями и деревьями, что мне все никак не удавалось его догнать, и я уже начинал подумывать, не упростить ли процесс поимки, подстрелив его в левую ногу. Все же

он допустил непростительную ошибку, попытавшись вскарабкаться на высоченное дерево. Капитан Кидд подскакал к тому дереву прежде, чем Мургатройд успел оказаться вне пределов моей досягаемости, и я привстал на стременах, и сумел вовремя схватить беглеца за левую ногу, и стащил его вниз. Больно было слышать из уст образованного человека столь ужасные, поистине кошмарные выражения!

К тому же он так неистово лягался, что умудрился-таки снова выскользнуть у меня из рук. И уж конечно, то была его собственная ошибка! И нечего ему теперь кричать на всех углах, будто бы я специально выпустил его ногу с таким расчетом, чтобы он рухнул головой прямо на камень!

Я уже было нагнулся, чтобы снова поднять Змеюку, но тут вдруг услышал невдалеке бешеный топот лошадиных копыт и посмотрел в ту сторону. Сквозь чащу неслась чертова погоня, снаряженная доблестными гражданами Олдервиля. Дьявол! Оказывается, я потратил чертову прорву времени, гоняясь за Мургатройдом по кустам, и позволил преследователям приблизиться к нам почти вплотную! Поэтому я одним рывком поднял его с земли, перебросил бессознательное обмякшее тело через луку седла и помчался в сторону Индейской реки. Капитан Кидд снова оторвался от погони с такой легкостью, будто у тех идиотов все лошади в одночасье охромели. А когда Кэп вынес нас на восточный берег реки, олдервильцы уже находились так далеко, что их пули не могли достать нас.

За прошедшие несколько часов вода в реке заметно поднялась, она бурлила, кипела, плевалась клочьями пены; а пешеходный мостик был всего-навсего простым, хотя и толстым бревном, переброшенным с берега на берег.

Но мой Капитан Кидд смог бы перейти на ту сторону даже по жердочке! Так что мы уверенно двинулись вперед, и все шло отлично, но как раз на самой середине бревна Змеюка вдруг очнулся и увидел пря-

мо под собой грохочущий седой водоворот. Он опять начал дергаться, лягаться, завывать от ужаса и, неистово дрыгая ногами, оцарапал Капитану Кидду шкуру своими дурацкими шпорами. Тогда Кэп страшно обиделся и повернул голову, чтобы укусить меня за бедро, поскольку во всех наших неприятностях привык винить одного меня. Так или иначе, он потерял равновесие, и все мы с громким плеском свалились в ревущий поток. Едва нам удалось вынырнуть, как я тут же ухватил одной рукой Капитана Кидда за хвост, а другой успел сцапать за шкуру Мургатройда, и Кэп бодро устремился по направлению к западному берегу. Я вообще иногда сомневаюсь, найдется ли в мире такая река, какую не сумел бы переплыть мой Кэп! Мы были уже недалеко от цели, когда позади нас раздалась пальба: это погоня наконец-то добралась до берега реки. Тем идиотам из Олдервиля очень уж хотелось меня подстрелить! Но, по-видимому, они не могли толком разобрать издали, какая голова кому принадлежит, и потому часть народу стреляла и в Змеюку тоже. Просто так, на всякий случай. Для гарантии. Умник Мургатройд не выдержал и разинул пасть, чтобы объяснить тем дурням, что к чему, но тут же наклебался воды и, черт его побери, чуть не утонул!

А затем из зарослей на западном берегу вдруг отрывисто зарявкали винчестер и кто-то из преследователей отчаянно завопил:

— Стой, ребята! Это ловушка! Проклятый Элкинс заманил нас в засаду!

И эти придурки разом повернули своих лошадок и галопом умчались обратно в свой долбаный Олдервиль.

* * *

И что б вы думали? С перепуганным пальбой и нахлебавшимся воды Змеюкой сделался самый настоящий припадок. Он опять принялся отчаянно брыкать-

ся, выкручиваться и выкрутился-таки из своей нижней рубашки, оставив ее у меня в руках; и как раз в тот момент, когда я уже нащупал ногами твердое дно, чертов дурень окончательно вырвался из моих объятий. Река закрутила его в водовороте и помчала вниз по течению.

Я одним прыжком выскочил из воды на берег и, не обращая внимания на Капитана Кидда, который на радостях от души лягнул меня, схватил с седла свое лассо. Тут из зарослей на берег выбежал Гусак Уилкерсон. Он размахивал над головой винчестером, нелепо приплясывал и вопил:

— Не вздумай дать ему утонуть, чтоб ты лопнул! Вся моя предвыборная кампания поставлена на кон из-за соревнования по орфографии! Сделай же что-нибудь!

Тогда я шустро пробежал по берегу несколько сот ярдов, хорошенько раскрутил лассо и набросил его на Змеюку. Петля, правда, затянулась прямо у него на голове, чуть пониже ушей. Такой бросок при всем желании трудно назвать удачным, но на большее в тех условиях я оказался просто не способен, а в природе мало какая вещь умеет отрастать заново так же быстро, как кожа на человеческих ушах!

Но я все же вытащил парня из реки; и ни один непредвзятый человек не назовет иначе как самой черной неблагодарностью те обвинения Змеюки, какие он позже постоянно выдвигал в мой адрес! Подумать только, мерзавец имел наглость утверждать, будто бы я намеренно протащил его по самым острым камням, сколько их нашлось на дне Индейской реки. Это подлая ложь! Хотел бы я знать, как можно вытащить человека из Индейской реки, не ободрав, хотя бы малость, евовную шкуру об тамошние камни! А ведь Мургатройд, ко всему прочему, так нахлебался воды, что вообще едва не испустил дух!

Едва он оказался на берегу, как к нему тут же подскочил Гусак Уилкерсон, перевернул его на живот и начал плясать у него на спине, стараясь посильнее при-

топтывать обеими ногами. Позже Гусак несколько туманно объяснял мне, будто именно так следует делать искусственное дыхание утопленникам. Честно говоря, не думаю! Ежели судить по тому, как ужасно вопил при этом Змеюка, эта процедура нанесла ему куда больше вреда, нежели пользы.

Так или иначе, но всячески поощряемый Гусаком Мургатройд изрыгнул никак не меньше трех галлонов воды. Когда он вновь обрел дар речи, то сразу же начал использовать этот бесценный дар не по назначению, перемежая свои жалкие угрозы весьма невнятными богохульствами. Гусак наконец оставил его в покое и сказал мне:

— Забрось его на спину своему зверю, и поспеши обратно, в Брехливую Собаку! Моя лошадка сбегала, едва началась пальба. Мне почему-то с самого начала казалось, что те придурки из Олдервиля погонятся за тобой, а ты станешь уходить от них короткой дорогой. Потому-то я и встречал тебя здесь. Поторавливайся! Ведь нам еще придется оказывать Змеюке определенные знаки медицинского внимания. Потому как в своем нынешнем плачевном состоянии он вряд ли сможет быть хорошим судьей на нашем празднике орфографии!

Мургатройд был еще слишком слаб, чтобы твердо сидеть в седле; поэтому мы просто повесили его поперек, словно коровью шкуру на заборе, и двинулись вперед. Я вел Капитана Кидда в поводу, а надо сказать, что мой Кэп начинает буквально сходить с ума, ежели на его спине оказывается еще кто-то кроме меня. Вот почему мы не успели пройти даже мили, когда Капитан Кидд вдруг резко извернулся и сладострастно вонзил зубы прямо в заднюю часть мургатройдских штанов. До этого самого момента Змеюка лишь слабо, болезненно стонал, да еще время от времени униженно умолял остановиться и спустить его на землю, дабы он мог сообщить нам свое самое заветное, последнее предсмертное желание. Но, познакомив-

шись поближе с зубами Кэпа, он испустил поразительно громкий вопль и разразился выражениями, совершенно неуместными в устах умирающего.

— Какого дьявола?! Да неужто, ради одного лишь сиюминутного увеселения самых низменных орфографических вкусов подлой черни из Брехливой Собаки, столь истинный джентльмен, как я, должен так бесславно окончить свои дни, пойдя на корм для этой хищной жвачной твари? Ни за что и еще раз ни за что! — такими пылающими подлинной страстью словами Мургатройд проникновенно закруглил свой яростный экспромт.

Мы все еще продолжали с ним препираться, когда совсем рядом вдруг затрещали кусты и на тропу из взрослых тяжело вывалился старик Джейк Хансон. Несмотря на почтенный возраст, его широченная спина только боком позволяла ему протискиваться в амбарную дверь, а громадная борода лопатой была способна на долгие годы поразить воображение случайного зрителя.

— Что за возмутительный шум вы устроили здесь, вблизи от моего мирного жилища, негодяи? — свирепо спросил он. — И кто тут кричал караул?

— Я кричал! — вызывающе ответил Змеюка. — Ибо аз есмь тот агнец Божий, какого эти злодеи вознамерились обречь на заклание во имя нелепых прихотей жестокой толпы!

— Заткнись! — злобно прошипел Гусак. — Не верь ему, Джейк! Этот джентльмен уже неоднократно давал нам свое молчаливое согласие стать судьей на завтрашнем соревновании по устной орфографии!

— Вот как? — внезапно заинтересовался Джейк. — Значит, передо мною — образованный человек, да? Ни за что бы ни подумал! Ведь ежели поменять его лохмотья на нормальную человеческую одежду, да хорошенько помыть, да еще обтереть кровь с лица, его будет почти невозможно отличить от нас, простых смертных! Послушайте, парни! Давайте-ка пока затащим этого малого ко мне в дом! Там я обработаю ему раны, на-

кормлю, уложу спать и вообще позабочусь о нем, а завтра к вечеру доставлю в поселок для участия в вашем соревновании по этой, как ее там... ну, по той самой вашей фотোগрафии, причем в целости и сохранности. А за это пусть он малость подучит мою младшенькую, Саломею, как половчее складывать буквы.

— Я решительно отказываюсь преподавать мое столь высокое искусство всяким там деревенским сопливым пигалицам!.. — заносчиво задрав нос, начал было Змеюка, но вдруг резко остановился, приметив некое весьма миловидное личико, с жадным любопытством поглядывавшее на нас из тех самых зарослей, откуда появился Джейк Хансон. — А кто это там прячется? — странно изменившимся голосом поинтересовался Мургатройд.

— Моя младшая дочь, Саломея! — с гордостью заявил старина Джейк. — Ей совсем недавно исполнилось девятнадцать, но бедняжка не умеет ни читать, ни писать. Впрочем, честно говоря, в нашем роду никто никогда и не умел, ежели верить семейным преданиям. Но мне бы очень хотелось предоставить моей любимой доченьке хотя бы малость этого самого вашего образования!

— Конечно! — вдруг с неожиданным энтузиазмом воскликнул Змеюка. — Обязательно! Я сделаю это с удовольствием! Ведь неуклонно нести в народ неугасимый светоч знаний — есть первейший долг всякого поистине образованного человека!

Вот так оно и вышло, что мы оставили Мургатройда в хижине старика Джейка Хансона, где он, подоткнутый со всех сторон одеялами, расположился полулежа на койке, а Саломея сразу же принялась кормить этого бездельника с ложечки и отпаивать его первосортным виски! Ну а мы с Гусаком Уилкерсоном поспешили в Брехливую Собаку, до которой от дома старины Джейка оставалось чуть больше мили.

— Имей в виду! — втолковывал мне по дороге Гусак. — Нам даже словом нельзя обмолвиться о том, что Змеюка остался в хижине Джейка! Потому как Бык

Хокинс уже давно положил глаз на Саломею, а он настолько ревнив, что начинает сходить с ума, когда какой-нибудь другой мужчина всего лишь на минутку позволит себе задержаться возле ее дома, чтобы переброситься парой словечек с кем-нибудь из Хансонов. Мы просто не можем допустить, чтобы подобная ерунда вдруг помешала нашему замечательному шоу!

— Ты ведешь себя так, будто заранее уверен в успехе своей сомнительной затеи! — предостерегающе заметил я.

— Все, что у меня было, есть и будет, я смело поставил на эту одну-единственную карту! — проникновенно ответил мне Гусак. — Потому как орфография есть главный и подлинный символ нашей великой цивилизации!

Ладно. Хрен с тобой. Пусть будет символ, подумал я.

На самой окраине поселка нам навстречу попался Лошак Мак-Граф; сильнейший запах кукурузного виски клубился вокруг него подобно грозовой туче.

— Послушай меня, Гусак! — потребовал он. — Мне только что стало известно об ужасно коварном заговоре, каковой доподлинно злоумышляет Бык Хокинс, войдя в роковой сговор с Джеком Клинтонном. Они собираются в день выборов, прямо с раннего утра, так подпоить большинство наших сторонников, чтобы те даже ползком не смогли бы добраться до избирательных урн! Я предлагаю прямо сейчас отменить матч по той твоей фототграфии и немедленно атаковать «Красный томагавк», дабы каленым железом выжечь ихнее поганое крысиное гнездо!

— Не-а! — решительно ответил Гусак. — Не пойдет! Мы должны показать, что умеем держать свое слово! Но ты не беспокойся, мой верный Лошак, мы сумеем найти способ, как разрушить злокозненные замыслы этих гнусных политических варваров!

Лошак пожал плечами и, неодобрительно покачивая головой, деловито устремился ко входу в «Серебряное седло», а Гусак присел на край лошадиного ко-

рыта и глубоко задумался. Я уже совсем было решил, что он заснул, но тут Гусак вдруг тряхнул головой, вскочил на ноги и сказал:

— Вот что, Брекенридж! Ступай-ка найди Подлизу Джексона и вели ему пока убраться из лагеря, а вернуться назад только утром одиннадцатого числа. А одиннадцатого, еще до того, как начнется голосование, он должен прискакать в лагерь на взмыленном коне и начать распространять слухи о чудовищно богатой золотой жиле, только что разведанной в ущелье Диких Лошадей. Готов побиться об заклад на что угодно: большинство парней сразу же рванет в то ущелье, начисто позабыв об избирательных урнах. А ты, еще с вечера, начинай крутиться среди тех, о ком наверняка известно, что они согласны проголосовать за меня. Будешь потихоньку объяснять им глубинный смысл нашей новой избирательной стратегии. И ежели все мои сторонники останутся в лагере, а большинство подпевал Быка Хокинса умчится за тридевять земель, в ущелье Диких Лошадей, тогда справедливость и законность всенепременно восторжествуют. А следовательно, я буду избран сокрушительным большинством голосов!

Ну ладно. Я побродил по поселку и нашел Подлизу, после чего в точности передал ему слова Гусака, а Подлиза, осознав всю важность поручения, немедленно отправился в «Серебряное седло» и начал там хлопать один стаканчик за другим, пользуясь кредитом, предоставленным всем членам нашей избирательной команды. А я счел своим долгом отправиться вместе с ним и проследить, чтобы он не накачался чересчур сильно и не позабыл те указания Гусака, какие ему надлежало исполнить.

Мы уже успели опрокинуть по шесть стаканчиков каждый, когда в салун ввалились Джек Мак-Дональд, Джим О'Лири и Тарангула Алисон, все трое из команды Хокинса. Тогда Подлиза напрягся, кое-как собрал в кучку свои разбегающиеся глаза и спросил:

— К-х... К-кто тут смеет извращать своей персоной столь замечательный пейзаж? П-по-чему с-сним

сункам не с-сидится там, в «Красном томагавке», где им и надлежит б-быть!

— По-моему, у нас свободная страна! — с несколько излишним апломбом ответил Джек Мак-Дональд. — Что вы скажете насчет того проклятого соревнования по орфографии, о котором ваш Гусак успел раззвонить по всему городу?

— А что вы, собственно, изволите иметь в виду? — угрожающе спросил я, поправив оружейный пояс.

Должен заметить, что политические противники Элкинсов, посмеявшие потревожить кого-либо из них в их собственной берлоге, обычно живут очень недолго.

— Мы требуем, чтобы нас оповестили, кто будет судить этот матч! — нагло заявил О'Лири. — Мы требуем честной игры!

— Для судейства нами приглашен некий весьма образованный джентльмен из другого города, — ледяным тоном отвечал я на эти крайне неблагоприятные домогательства.

— Кто именно? — с нажимом спросил Алисон.

— Не ваше собачье дело! — вдруг проревел Подлиза, в груди которого кварта-другая кукурузного пойла, как всегда, возбудила небывалую доблесть, круто замешанную на мании величия. — Являясь светочем прогресса и кладезем гражданской совести, я бросаю свой вызов всем коррумпированным политическим скусам, сколько их есть в Брехливой Собаке и во всем мире, и...

Бум! Бильярдный шар, метко пущенный Мак-Дональдом, угодил точно в цель; и бедный Подлиза, так и не успев закончить свою обличительную речь, рухнул лицом в блюдо с закуской.

— Полюбуйтесь, что вы наделали! — возмущенно указал я непрошеным визитерам. — Раз уж вы, подлые койоты, не желаете вести себя в приличном обществе, как подобает истинным джентльменам, я вынужден просить вас немедленно удалиться отсюда к чертовой матери!

— Ежели тебе так не нравится наша компания, то, может быть, ты наберешься смелости вышвырнуть нас? — вызывающе захохотали эти идиоты.

Вот единственная причина, по которой, допив свой последний стаканчик, я был вынужден отобрать у чудаков все ихние пушки, а их самих по очереди вышибить из салуна сквозь боковую дверь! Но дверь-то была закрыта! Так откуда же мне было знать, что прямо за той дверью именно в тот день какой-то придурок установил новомодную чугунную кормушку для лошадей!

Друзья троих павших героев с трудом выковыряли их из ребер той кормушки, после чего повлекли в «Красный томагавк», дабы там наспех заштопать изрядно пострадавшие скальпы. А я вернулся в «Серебряное седло», чтобы посмотреть, как себя чувствует Подлиза. Я уже собирался войти в зал, когда он самостоятельно возник в дверях, слегка пошатываясь, бормоча под нос невинные ругательства и бестолково размахивая громадным револьвером.

— Ты хоть помнишь, о чем мы с тобой толковали? — строго поинтересовался я.

— К-кх... К-кхое што вроде бы помню! — сознался Джексон, старательно тараща разбегавшиеся в разные стороны глаза.

— Тогда проваливай! — поторопил я его, помогая ему влезть в седло, после чего стрельнул разок под ноги его лошадке.

И Подлиза Джексон на приличной скорости покинул пределы поселка, не будучи в силах нащупать стремена и уздечку, а потому нелепо болтая ногами и крепко-накрепко обхватив руками шею своего скакуна.

— Пьянство есть ужасная мания и сущее проклятие всего рода человеческого! — с отвращением и скорбью известил я бармена. — Взгляни на сей поистине ужасный пример, и да послужит он тебе впредь самым суровым предупреждением! Посмотрел? А теперь вот что: подай-ка ты мне вон ту бутылочку ржаной водки!

Должен признать, Гусак Уилкерсон потрудился на славу, афишируя свое грандиозное шоу. На следующий день в городок начали стекаться старатели со всех заявок, расположенных как вверх, так и вниз по ручью. Уже за полтора часа до начала великого матча в зале было яблоку негде упасть. Все скамьи сдвинули к стенам, освободив в центре зала свободное место. Потом начались жаркие споры о том, кто должен принять участие в соревновании и кому предстоит возглавить команды. Но в конце концов, после небольшой стрельбы, без которой в Брехливой Собаке отродясь не обходилось ни одно новое начинание, все было кое-как улажено: в команды отобрали ровно двадцать человек, а капитанами были выбраны Волк Харрисон и Джек Клинтон.

Но, по странному стечению обстоятельств, ровно половину из тех двадцати человек почему-то составляли люди Быка Хокинса, а во второй команде оказались одни лишь сторонники Гусака Уилкерсона. Ну и ясное дело, Джек решил возглавить своих ребят, а Волк — своих.

— Мне это совсем не нравится! — прошептал Гусак. — Я бы предпочел перемешать команды. Потому как теперь выходит что-то вроде состязания между моими людьми и людьми Быка. Ежели они выиграют, вся моя затея обернется против меня! Что за черт? Куда подевался проклятый Змеюка?

— Лично мне он сегодня на глаза не попадался, — ответил я. — Послушай, надо бы перед началом отобрать у всех игроков револьверы, а то так и до беды недалеко!

— Типун тебе на язык! — прошипел Гусак Уилкерсон. — Вечно ты пытаешься накликать неприятности! Ну что может случиться во время столь мирного, почти что дамского развлечения, как невинное соревнование по устному правописанию? Нет, ну куда же подевался проклятый Змеюка? Ведь старина Джейк клятвенно пообещал доставить его сюда минута в минуту!

— Эй, Гусак!— вдруг заорал Бык Хокинс, не поднимаясь со скамейки, на которой он сидел в окружении самых ярых своих сторонников.— Какого черта ты не начинаешь свое долбаное шоу?!

Бык был довольно-таки высокорослым — всего лишь на полголовы ниже меня — и весьма широкоплечим детиной с длинными, черными, свисающими словно у старого моржа усами. Взбудораженная провокационным воплем толпа тут же принялась орать, ругаться самыми черными словами и оглушительно топать ногами, чем доставила подлому Хокинсу изрядное удовольствие.

— Ну отвлеки же их чем-нибудь на время, Брек! — умоляюще прошептал Уилкерсон.— А я пока пойду, попытаюсь узнать, куда запропастился чертов Мурга-ройд!

Он выскользнул через боковую дверь, а я встал и обратился с речью к переполненному залу.

— Джентльмены,— сказала я.— Получилась небольшая заминка. Но долго она не продлится. А тем временем я продемонстрирую свои таланты, дабы слегка развлечь вас. Полагаю, никто из присутствующих не станет возражать, ежели я спою вам песенку «Барбара Аллен»?

— О нет! — хором взвыли все присутствовавшие.

— И все-таки вам придется ее выслушать! — взревел я, взбешенный столь прискорбным отсутствием нежных чувств в огрубелых сердцах так называемой публики.— Приступаю к исполнению,— добавил я, вытаскивая свой любимый сорок пятый,— и клянусь, что немедля вышибу мозги из любого койота, какой посмеет меня прервать!

Вслед за тем я спел без каких-либо помех и, по окончании номера, отвесил глубокий поклон, после чего стал ждать аплодисментов. Но увы, единственным, чего я дождался, было прозвучавшее в гробовой тишине крайне невоспитанное замечание Харрисона:

— Боже мой, с каким ужасом приходится мириться бедным, ни в чем не повинным волкам, обитающим в окрестностях Медвежьего Ручья!

Подлецу удалось-таки задеть меня за живое, но не успел я подыскать хоть сколько-нибудь подходящий ответ, как через дверь снова, уже в обратном направлении, проскользнул Гусак.

— Мне так и не удалось нигде найти Змеюку! — громко прошептал он мне на ухо. — Но зато бармен дал мне книжку, которую случайно где-то откопал. Правда, там не хватает большей части страниц — наверно, пошли на самокрутки, — но и осталось тоже немало. Я отметил там некоторые самые длинные слова. Брекенридж, ты читаешь достаточно хорошо и сумеешь прочесть их вслух. В конце концов, ты просто должен это для меня сделать! Ведь ежели мы не начнем обещанное представление прямо сейчас, толпа сперва растерзает нас, а потом разнесет по бревнышку здание нашей замечательной будущей мэрии! А ты — единственный человек в лагере, не считая меня и Быка, кто хоть чуть-чуть умеет читать, но не участвует в соревновании. Думаю, будет не совсем правильно, ежели за судейство возьмусь я, чтоб мне лопнуть, ежели я позволю взяться за это Быку!

В общем, как и следовало ожидать, я влип.

— Ах, черт! — с отвращением сказал я. — Ну да ладно. Мне следовало бы заранее знать, что козлом отпущения окажусь именно я. Давай сюда свою проклятую книгу!

— Держи! — Гусак протянул мне тощую пачку разрозненных засаленных листков. — Она называется «Похождения французской графини». Но смотри, не вздумай читать какие-нибудь слова кроме тех, какие я подчеркнул!

— Эй вы там! — вдруг заорал Джек Клинтон. — Мы уже устали ждать! Пора переходить к делу!

— Уже! — с достоинством отвечал я. — Мы начинаем!

— Ха! — заявил Билл Хокинс. — Нас никто не предупреждал, что парадом будет командовать Элкинс! Мы так не договаривались. Нам был обещан некий образованный джентльмен из другого города!

— А я, по-вашему, откуда? — несколько раздраженно спросил я. — Да будет вам известно, что мы, Элкинсы, родом вовсе не из Брехливой Собаки, а спокон веку обитали в окрестностях Медвежьего Ручья. Кроме того, все мои родичи не менее образованны, чем любая прозябающая здесь змеиная душа. А ежели кто из присутствующих полагает себя более культурным человеком, нежели я, пусть он сделает два шага вперед, чтобы я знал, кому мне следует оборвать уши!

Желающих почему-то не нашлось, поэтому я продолжил:

— Отлично! Бросаю доллар! Пусть случай решит, кто будет произносить по буквам первое слово!

Выпала решка, а значит, первыми должны были начинать парни Гусака Харрисона. Я заглянул в книжку, и первым подчеркнутым словом оказалось женское имя.

— Екатерина! — произнес я. Ответом мне было глухое, мрачное молчание.

— Екатерина! — заревел я, свирепо уставившись на Волка Гаррисона.

— Какого черта ты на меня вылупился?! — вспылал Волк. — Я и знать не знаю девушки с таким именем!

— Это никакая не девушка! — произнес я с чувством. Это — слово, какое я только что вычитал в книжке. А ты, дубина стоеросовая, должен произнести его по буквам! А ну, давай, чтоб ты лопнул!

— А-а, — пробормотал он. — Вот оно что! Ну тогда ладно. Тогда слушай: К-а-т-и-р-и-н-а! Вот!

— Неверно! — поглядев еще разок в книжку, рассудил я.

— Это как — неверно?! — обиженно взревел Волк. — Еще как верно! Верней быть не может!

— В книжке записано не так! — сурово ответил я.

— Да пошла она знаешь куда твоя книжка! — зловеще прошипел Гаррисон. — Мне прекрасно известны все мои права, и я не позволю так вот запросто

облапошить меня какому-то там невежественному гризли с никому не известного Медвежьего Ручья!

— Это кого ты позволил себе поименовать невежественным и никому не известным?! — Мерзавцу удалось-таки уязвить самые чувствительные струны моей нежной души. — Сядь сейчас же! Ты перевернул слово!

— Ты лжешь! — взвыл Гаррисон и потянулся за своей пушкой. Но разумеется, я начал стрелять первым.

Когда дым слегка рассеялся, я увидел, что половина зрителей толпится у дверей, явно готовясь удрать на улицу. А другая половина отчаянно сражается, пытаясь отвоевать себе уютное местечко под дубовыми скамейками. Поэтому я еще разок выпалил в потолок и сурово воззвал:

— А ну-ка немедленно садьте! Никаких причин для вашего волнения нету! Состязание по устной фототграфии только начинается! И я лично пристрелю каждого негодяя, какой попытается ускользнуть отсюда, куда наше увеселение само собой не подойдет к надлежащему концу!

— Чтоб тебя черти разорвали! — жарко зашептал мне на ухо Гусак. — В конце концов, смотри внимательней, в кого стреляешь! Ведь из-за тебя я только что лишился еще одного голоса!

— Выволоките вон этого самонадеянного пустозвона! — строго указал я, утирая кровь, струившуюся из простреленной Волком Гаррисоном мочки левого уха. — Наше соревнование по устной фототграфии продолжается!

Ответом мне было повисшее в воздухе напряженное молчание. Люди как-то неопределенно шаркали ногами, со значительным видом подкручивали кончики усов, подтягивали и поправляли оружейные пояса, но я решил не обращать на все их телодвижения никакого внимания и сурово обратился к Джеку Клинтону:

— Теперь ты! Можешь произнести по буквам слово «Екатерина»?

— Е-к-а-т-е-р-и-н-а! — дрожащим голосом сказал Джек.

— Клянусь всем святым, ты прав! — провозгласил я, сверившись с книжкой. Часть публики тут же разразилась дикими воплями восторга и принялась почем зря палить в потолок.

— Эй! — вдруг опомнился игрок другой команды, Билл Старк. — Вели ему счас же сесть! Он ошибся! Ведь «Катерина» всю жисть начиналась с буквы «К»!

— Но он прочел в точности так, как написано в книге! — с достоинством ответил я. — Можешь поглядеть сам!

— И не подумаю никуда глядеть! — в бешенстве заорал Билл, ловко вышибив ногой из моих рук «Французскую графиню». — Это подлая опечатка! Вы все счас же должны признать, что «Катерина» начинается с буквы «К», или на полу появится еще одна лужа крови! Клинтон произнес слово неправильно и должен немедленно сесть на место! А ежели он не сядет добровольно, так уж наверняка ляжет! Потому как я пристрелю его на месте!

— Что-то никак не возьму в толк, кто тут у нас судья! — заревел я, начиная понемногу выходить из себя. — Прежде чем застрелить кого-нибудь еще, подлая гиена, тебе сначала придется пристрелить меня!

— С превеликим удовольствием! — яростно зарычал Старк и потянулся за револьвером...

Сами понимаете, дурень поставил меня просто в безвыходное положение. Пришлось хорошенько врезать ему по челюсти, после чего он, рухнув на составленные вместе скамейки, тут же мирно задремал среди кучи ихних обломков. Увидав такое дело, Гусь Уилкерсон пронзительно взвизгнул и принялся изо всех сил колотить меня по спине своими жалкими кулачками.

— Да чтобы черти на семнадцать с половиной частей разодрали твою бессмертную душу, Брек! — истошно вопил он. — Счас же прекрати гнусное избие-

ние моих сторонников! В конце концов, на кого ты работаешь, на меня или на этого подлого Хокинса!

— Хо-хо-хо! — зашелся в приступе громового хохота Хокинс. — Уах-ха-ха! Я настаиваю на незамедлительном продолжении столь замечательного представления! Настолько потешного шоу мне еще не случилось видеть за всю мою жизнь!

— Бум-мм! — с треском отворилась входная дверь будущей мэрии, и на пороге возник неистово размахивавший обрезом старина Джейк Хансон.

— Добро пожаловать на наш замечательный фестиваль, Джейк! — приветствовал я достойного патриарха. — А куда же ты подевал подлого Мургатройда?

— Ты скунс и сын вонючего скунса! — неожиданно заявил Джейк, импульсивно разрядив в моем направлении оба ствола.

Дробь из старенького ружьишка почти равномерно рассеялась по всему помещению. Не думаю, чтобы на мою долю пришлось больше пяти или шести картечин. Все остальное щедро распределилось среди зрителей.

Трудно даже представить себе, какой тогда поднялся в зале вой!

— Какого дьявола?! — взвизгнул первым пришедший в себя Гусак Уилкерсон. — Ты что, рехнулся? И куда ты подевал нашего Змеюку?

— Он удрал! — обливаясь горячими слезами, завопил не своим голосом старик Хансон. — Смылся Сбежал с моей ненаглядной дочуркой!

Тут с дубовой скамьи вскочил Хокинс и, выдирая крупные клочки из своей бороды, потряс стены зал нечеловеческим ревом.

— Саломея?! — громоподобно завывал он. — Сбежала?!

— Да! — проорал ему в ответ старина Джейк. — Сбежала! Вместе с тем проклятым шулером-грамотеем, с тем чертовым весельчаком-аферистом, какого они поутру приволокли ко мне из Олдервиля! — Ста

рина Джейк мычал, блеял и исполнял некое уродливое подобие боевой пляски апачей. — Эти подлые Элкинс и Уилкерсон обманом уговорили меня пригреть на своей груди гремучую змею! Несмотря на все мои самые униженные мольбы и протесты, они силком заставили меня принять того изверга в мирный круг моих.... беззащитных домочадцев! И злодей сумел-таки обольстить неискушенное сердце моего невинного глупенького ягнечка своей образованностью, якобы культурным поведением и гладкими, льстивыми речами! И вот теперь они удрали незнамо куда, чтобы пожениться!

— Это есть хитрое политическое злоумышление! — брызгая слюной, завизжал Хокинс, хватаясь за свой громадный револьвер. — Уилкерсон нарочно подстроил мне эту западню!

Я метко вышиб из рук Быка его пушку, но в тот же самый момент Джек Клинтон с треском обрушил одну из уцелевших скамей на голову Гусаку Уилкерсону, после чего Гусак принялся целоваться с какими-то грязными ошметками на полу. Впрочем, Джек тут же распростерся поверх Гусака, поскольку Лошак Мак-Граф испробовал на его черепе крепость рукоятки своего револьвера, а мгновение спустя в голову Лошаку со всего размаха угодил метко пущенный кем-то обломок кирпича, и он с тихим вздохом рухнул поперек тела Клинтона. После чего разгоревшуюся битву не смогло бы предотвратить даже немедленное вмешательство потусторонних сил. Зрители в мгновение ока разделились на две враждующие политических группировки, и эти две волны тут же грозно сшиблись, осыпаемые щепками от разбитых вдребезги скамеек, в пистолетном дыму и в ревушем гуле проклятий.

* * *

При подобном стечении обстоятельств я всегда полагал, что самое лучшее — не давать воли своим чувствам. Только поэтому в течение нескольких бесконеч-

ных минут мне удавалось одерживать яростный напор девяти или десяти сторонников Быка Хокинса. Я даже не подстрелил ни одного из них, а сохраняя полное хладнокровие, всего лишь лупил по ихним глупым головам вырванной из пола толстой доской. Я почти совсем не топтал ногами этих дурней. А зря!

Потому как они ошибочно приняли мою природную доброту за слабость и продолжали наседать с удвоенной силой, а Джеку Мак-Дональду вообще втемяшилась в голову навязчивая идея, будто бы ему удастся повалить меня на пол, ежели он с разбегу запрыгнет мне верхом на шею. А когда он таки претворил свою дурацкую идею в жизнь и обнаружил, что ошибочно находился во власти бесплодных иллюзий, то принялся изо всех сил лгать меня ногами по груди, вслед за чем накрутил на левую руку изрядное количество моих изящных локонов, а правой принялся заунывно молотить меня по голове рукояткой громадного револьвера.

Черт возьми! Это монотонное постукивание меня дьявольски раздражало! К тому же, почти одновременно, несколько других отъявленных дурней вцепились в обе мои ноги, пытаясь любой ценой завалить меня на пол. Все бы ничего, да только один из этих недоумков, навеки проклятый Небом сын Велиала, жестоко отдал мне мою любимую мозоль на большом пальце левой ноги! И ежели до тех пор я сносил все причиняемые мне невзгоды не менее терпеливо, нежели Иов ниспосланные ему Господом язвы, то поистине ужасные муки в большом пальце моей левой ноги буквально свели меня с ума!

И тогда я огласил всю округу безумным ревом, от которого на землю с крыши горохом сыпалась дранка, и, изнывая от полноты чувств, так пнул прямо в брюхо злокозненного мерзавца, посмеявшегося отдалить мне любимую мозоль, что он, издав совершенно кошмарный стон, без чувств повалился на пол и до самого конца битвы уже не проявлял ни малейшего интереса к происходящим историческим событиям. А потом я,

изогнувшись, поймал за шкурку Мак-Дональда, отодрал этого клеца от моей шеи, словно наклейку от бычьей шкуры, и вышвырнул в ближайшее окно.

Тем не менее его наветы, будто бы я специально бросил его в ту здоровенную бадью для дождевой воды, есть не что иное, как самая гнусная ложь! Я даже понятия не имел, что за окном стоит эта самая бадья, пока своими ушами не услышал, как Мак-Дональд крушит своей умной головой бочарные клепки!

Затем я стряхнул со спины человек девять или десять идиотов, утер рукавом кровь, малость заливавшую мне глаза, окинул орлиным взором поле боя и с горечью убедился, что сторонники Гусака Уилкерсона, включая самого Гусака, подверглись сокрушительному разгрому. Тогда я взревел с новой силой и уже приготовился разделаться с уцелевшими сторонниками Хокинса подобно тому, как матерый гризли расправляется со сворой второсортных охотничьих псов; но тут вдруг обнаружилось, что один из этих негодяев под шумок крайне предательски запутал мою шпору в своей бороде.

И тогда я нагнулся, чтобы выпутать драгоценную шпору, и сделал это очень вовремя, поскольку заряд картечи просвистел в воздухе как раз там, где только что находилась моя голова. Тем временем три или четыре мерзавца атаковали меня одновременно, бестолково размахивая своими охотничьими ножами. Уворачиваясь от тех олухов, я дернулся изо всех сил и наконец высвободил застрявшую ногу. И разве можно меня теперь обвинять в том, что одновременно почему-то выдернулась целая половина бороды у того подлеца? Ну а я, не теряя времени, ухватил последнюю уцелевшую дубовую скамью и одним ударом начисто смахнул всю первую шеренгу нападавших. Этот маневр ужасно пришелся мне по душе, и я уже как следует размахнулся, чтобы покончить с остатками армии Хокинса, как вдруг чей-то вопль начисто перекрыл шум сражения.

— Золото! — истошно визжал вновь прибывший. — Зо-ло-то!

Все участники битвы словно окаменели в том самом положении, в каком их застал этот вопль. Даже Бык Хокинс, стоя на коленях на груди Гусака, запус- тив одну руку в шевелюру поверженного политиче- ского противника, а другой — сжимая здоровенный мясницкий нож, и тот поднял голову. Все остальные тоже мгновенно перестали размахивать кулаками и вперили свои взоры в дверь. А там, на пороге, хвата- ясь руками за воздух и размахивая опустевшей бутыл- кой, пошатывался Подлиза Джексон, продолжая вы- кликать новости.

— Большая руда в ущелье Диких Лошадей! — то- ропливо сыпал он словами. — Коренная порода! Зале- жи, каких еще веки не видел наш благословенный Запад! Самородки размером со страусиные яйца! Гульп?

Бедный пьяница бесследно исчез, разом погребенный под девятым валом людской толпы, состояв- шей из напрочь обезумевшего населения Брехливой Собаки, стремительно покидавшего поле недавней битвы. И даже Билл Хокинс, с явным сожалением от- казавшись от кровожадного намерения заживо ос- кальпировать своего поверженного политического соперника, в числе первых присоединился к поисти- не великому исходу.

Людские волны, не найдя себе выхода сквозь до- вольно-таки узкие двери, в героическом порыве начи- сто вынесли наружу весь фронтон бывшего здания будущей мэрии. Те из бойцов, кто оказался сбитым с ног и затоптанным почти что насмерть, находили в себе достаточно сил, чтобы кое-как подняться и, пошаты- ваясь, из последних сил устремиться вслед за быстро удалявшейся толпой.

Когда пыль слегка осела, а топот людей и цокот лошадиных подков постепенно затих вдали, единст- венными представителями рода человеческого в Брех- ливой Собаке остались мы с Гусаксом Уилкерсоном да еще весьма неустойчиво стоявший на карачках Подли- за Джексон, недоуменно повернувший в нашу сторону

свою довольно-таки невзрачную физиономию, которая не стала ничуть краше, будучи испещренной четкими отпечаткам множества сапожных гвоздей с большими шляпками, какими граждане Брехливой Собаки при-
выкли подбивать отстающие подметки своих сапог.

Уилкерсон, пошатываясь, подошел к Подлизе и дико уставился на него.

Затем с нашим Гусаком сделались самые настоящие конвульсии, и сперва он даже не мог произнести ни единого слова, только изо рта у него бешено летели во все стороны брызги слюны. Когда же он наконец обрел дар речи, слова его были оскорбительны для слуха любого истинного джентльмена.

— Какого х...хрена ты объявился здесь именно сейчас?! — Гусак выл так, что даже у меня мороз по коже подирал. — Брекенридж! Ведь говорил же я тебе, чтобы этот х...хрен появился в поселке утром, а вовсе не вечером?! Или не говорил?

— Говорил, — с достоинством подтвердил я. — И я самолично пару раз ему об этом напомнил!

— Вот оно! — вдруг радостно воскликнул Подлиза. — Это как раз и есть то самое оно, какое я давеча никак не мог припомнить! Мерзавец Мак-Дональд так крепко приварил мне по мозгам, что они совсем протухли. И я хоть и чувствовал, будто бы обязательно должен припомнить нечто очень важное, но вот только никак не мог сообразить, что же именно!

— О Господи! — простонал Гусак, после чего добавил еще несколько слов для дополнительного эффекта.

— Ну чего ты так расстраиваешься? — несколько раздраженно спросил я, к прискорбию своему обнаружив, что во время драки кто-то пырнул меня ножом в ногу. И теперь в моем левом сапоге хлюпала кровь, а ведь я сдуру надел на праздник совершенно новую пару сапог! — В конце концов все вышло как нельзя лучше, верно? Все дурни умчались в уцелые Диких Лошадей, причем Хокинс — в числе первых. И раньше чем послезавтра нам их обратно не видеть!

— Да! — вдруг принялся неистовствовать Гусак Уилкерсон. — Ты абсолютно прав, чтоб ты лопнул! Они все умчались туда! Включая и моих собственных людей! Проклятый лагерь пуст, словно выжженное крысиное гнездо! Как ты мыслишь себе мои победные выборы, когда тут не осталось ни одного человека, способного провести эти самые выборы или даже просто б-бросить в урну б-бюллетень!

— Вот черт! — сказал я. — А ведь ты прав! Об этом я как-то совершенно не подумал!

Тут Гусак вдруг вперил в меня пылающий, поистине ужасный взор.

— А предупредил ли ты, — начал он тихим, но до мозга костей леденящим кровь голосом, — предупредил ли ты моих дорогих избирателей, что весть, какую должен принести Подлиза, всего только пункт нашего стратегического плана?

— Вот дьявол! — смущенно пробормотал я. — Понимаешь ли, такая незначительная подробность как-то совершенно выпала из моей головы! Похоже, на этот раз я остался в дураках!

— Не-ет! — истошно завопил Гусак Уилкерсон, вытаскивая револьвер. — Нет! Это я остался в дураках! Но теперь я исправлю ужасную ошибку и навсегда вычеркну тебя из своей прискорбной жизни!

Ничего не скажешь, всадить пулю в человека — вот поистине благородный способ, какой избрал Гусак, чтобы воздать мне по заслугам за всю мою самоотверженную деятельность, направленную исключительно ему во благо! Клянусь, я отбирал пистолет у бедного безумца со всеми предосторожностями, на какие только был способен. А потому этот глупый Уилкерсон должен винить лишь одного себя в том, что у него, совершенно случайно, одновременно вывихнулись обе руки.

И знаете ли, у меня вдруг сделалось так муторно на душе, что я немедленно оседлал Капитана Кидда и навсегда отряхнул со своих ног прах того проклятого лагеря, поскольку осознал, что Брехливая Собака, как

таковая, абсолютно чужда примитивной признательности за добрые поступки.

К тому же я раз и навсегда понял, что не создан для того, чтобы погружаться в глубинные хитросплетения высокой политики. И что мне, как я теперь полагаю, давным-давно следовало вовремя прислушаться к мудрым словам моего папаши.

— Единственный закон, какой действительно необходим каждому человеку, — не раз говаривал он, — так это надежный револьвер в кармане и доброе ружье, постукивающее по его спине на каждом шагу. А вся подлинная, глубинная суть образования, в котором действительно нуждается этот самый человек, должна сводиться к тому, чтобы он твердо осознавал, из какого конца евонного оружия имеет обыкновение вылетать пуля!

А то отношение к жизни, что вполне устраивает моего отца, джентльмены, оно, смею вам доложить, очень даже устраивает и меня!

ГЛАВА ШЕСТАЯ НЕПОБЕДИМЫЙ ГЕРОЙ ИЗ ВЕРХНЕГО ГУМБОЛЬТА

Возвратясь из утомительной поездки в Цимаррон, я расслабился и позволил себе малость передохнуть. Вот тут-то меня настигло письмоцо от Абеда Рэкстона, в котором тот изъяснялся так:

Дорогой Брекенридж!

Мне страсть как неловко напоминать тебе о том давно прошедшем случае, когда я с великой гордостью уплатил причитающуюся с тебя пеню за переломанную ногу того очень глупого письмоводителя из Таксона. И ты великодушно пообещал мне протянуть руку помощи ежели я вдруг буду в таковой нуждаться. И вот Брекенридж этот прискорбный миг настал. Слышишь Брекенридж я нуждаюсь в ней именно сейчас когда злодеи угон-

щики скота обобрали меня почти до нитки низведя до столь жалкого состояния когда мне вот-вот придется на ночь приколачивать свое постельное барахло гвоздями к койке а иначе они стащут с меня мои одеяла прямо во сне. Но это не все Брекенридж. Некий мерзкий поглый камень преткновения на столбовой дороге прогресса по имени Тег Биссет учинил свое гнусное овцеводческое ранчо прямо рядом со мной и это гораздо больше того что может вынести простой трудящийся человек.

И вот теперь я прошу тебя бросить все и явиться в наши края прямо сейчас и помочь твоему груту мне наконец то узнать какой такой подлец угоняет мой скот и заодно вдребезги разнести башку этому Биссету за одно уже лишь то как он есть самый пошлый вонючий скунс.

Надеясь на то же самое с твоей стороны остаюсь как всегда в самом совершеннейшем почтении искренне преданный тебе,

Твой униженный и оскорбленный грут,
А. Рэккетом, эсквайр.

P.S. А шерифом в здешних краях обретается та самая дурья башка, всем известный негодяй Джонни Уиллогби какой прежде работал у меня на Зеленой Реке и он так и не в силах поймать ни одной самой завалающей мухи даже когда они все поголовно уже по самые глаза завязли в патоке.

* * *

Вот такие дела.

И хотя мне вовсе не улыбалось втягиваться в какие-то там дразги, которые могли случиться промеж скотоводом Абедом и овцеводами, покуда обе стороны действовали относительно честно, но вот подлецы, ворующие чужой скот, — это совсем другое дело! Мы, Элкинсы, на дух не переносим подобное подлое ворье! А потому, выдержав обычную очередную стычку с

Капитаном Киддом, я все же оседлал его и направился в сторону Унылой Клячи, городка, находившегося поблизости от ранчо моего знакомого приятеля.

Ближе к полудню раскаленного добела жаркого летнего дня я обнаружил, что до этой самой Унылой Клячи уже совсем недалеко. Оставалось лишь пересечь долину густо поросшего лесом ручья, как вдруг окружающая мирная тишина была внезапно нарушена отчаянным визгом и призывами о помощи. Вдобавок где-то совсем рядом дико заржала испуганная лошадь, и Капитан Кидд сразу же принялся рассерженно фыркать и грызть удила, как он делал всякий раз, когда где-либо поблизости от него случайно оказывался медведь или кутуар. Тогда я спешился и привязал его к дереву: ведь ежели мне предстояло вступить в схватку с какой-нибудь из вышеназванных тварей, то никак нельзя было допустить Кэпа к участию в подобной стычке. В подобных случаях он лягался без разбору, и еще неизвестно, кому досталось бы от него больше — мне или напавшему на нас хищнику.

Затем я, уже пешком, двинулся вперед, в том направлении, откуда доносились крики, с каждой минутой становившиеся все более отчаянными. Довольно скоро я оказался возле густых кустов, посреди которых росло большое дерево. Вот с этого-то дерева и разносились по всей округе те самые вопли. По ветвям дерева, забираясь все выше и выше, карабкалась одна из самых хорошеньких девушек, каких мне доводилось встречать в своей жизни, а следом за нею — здоровенный кутуар. Насмерть перепуганная девушка из последних сил зывала о помощи.

— Помогите! — дико выкрикнула она, едва увидев меня. — Подстрелите скорее эту кошмарную кошку!

— Должен сказать, мэм, — непринужденно начиная светскую беседу, я, разумеется, при этом не забыл почтительно сдернуть с головы свою стетсоновскую шляпу (ведь ни один из Элкинсов ни при каких обстоятельствах, никогда и ни за что не позволит себе за-

быть о хороших манерах), — мне ничего сейчас не хотелось бы так сильно, как чтобы под этим вот самым деревом каким-нибудь чудесным образом собрались все те изнеженные кабинетные бумагомаратели, какие имеют наглость именовать себя натуралистами. Ведь кое-кто из них не единожды пытался убедить меня в правоте и справедливости ихних домыслов. Причем одни утверждали, будто кутуары вообще не нападают на людей; другие говорили, что эти звери не умеют лазить по деревьям, а третьи втолковывали мне с пеной у рта, что представители кошачьих никогда не имеют обыкновения рыскать днем в поисках добычи. Готов побиться об заклад на целый доллар, мэм, что сегодняшнее зрелище доказало бы даже самому твердолобому из тех писаек, насколько глубоко их заблуждение. Помнится, как еще прошлым летом я говорил какому-то из этих чудаков, повстречавшись с ним в Орлином Пере, штат Невада: прислушайтесь-ка лучше к совету бывалого человека, потому как...

— Может, вы пока прекратите ваши умные речи и попытаетесь хоть что-нибудь предпринять? — слегка раздраженно сказала девушка. — Ой!

Последнее высказывание относилось к кутуару, поскольку тот тем временем вскарабкался еще выше и попытался цапнуть своей левой лапой за ногу прекрасную незнакомку.

Тут уж я и сам сообразил, что дело, пожалуй, зашло слишком далеко, и сурово велел тому коту слезти на землю, но он, пренебрежительно оглянувшись вниз, изволил лишь злобно зашипеть и плюнуть мне в лицо самым оскорбительным образом.

И тогда мне пришлось-таки дотянуться до него, схватить подлого кота за хвост, и сдернуть его с дерева, и раскрутить посильнее над головой, и хорошенько шарахнуть его телом об землю разочка три-четыре. И когда я наконец выпустил кутуара на волю, он, пошатываясь, отбежал на несколько ярдов в сторону и еще с минуту сидел там, нервно облизываясь и как-то

странно поглядывая на меня. Потом вдруг решительно встряхнул головой, с таким видом, будто все еще никак не мог поверить, что она по-прежнему сидит у него на шее, задрал хвост трубой и, завывая, ровной иноходью рванул на север. Причем с такой скоростью, будто уже завтра к вечеру намеревался обосноваться где-то неподалеку от Северного полюса.

— Но отчего же вы не пристрелили его? — недоуменно спросила девушка, слегка отодвигаясь от ствола дерева, чтобы лучше видеть удирающего кугуара.

— А зачем? Все равно назад он уже не вернется, — поспешил я успокоить ее. — Эй! Осторожнее там! Сук под вами вот-вот обломится!..

Но едва я успел высказать такое предположение, сук действительно треснул, и девушка, пронзительно вскрикнув от ужаса, кувырком полетела вниз. Тем не менее она зачем-то продолжала отчаянно цепляться за ту сломавшуюся толстенную ветку, вот почему мне довольно-таки здорово досталось по голове, когда я поймал их обеих на руки.

— Ой! — сказала девушка, выпустив ветку и судорожно вцепившись в меня. — Как вы думаете, я серьезно пострадала?

— Не знаю, — немного подумав, честно ответил я. — Но мне кажется, будет лучше, ежели вы позволите мне отнести вас в любое указанное вами место!

— Нет! — малость отдышавшись, произнесла она. — Пожалуй, не стоит. По-моему, со мной все в порядке. Будьте добры, поставьте меня на землю!

Так я и сделал, после чего девушка пустилась в объяснения.

— Позади вон той большой елки привязана моя лошадь. Я ехала домой из Унылой Клячи и остановилась тут, чтобы спугнуть белку — она при моем приближении нырнула в большущее дупло вон того дерева. Мне хотелось всего лишь немного позабавиться. Но оказывается, это был рыжий кончик хвоста кугуара! Если вы приведете сюда мою лошадь, я прямо сейчас

поеду дальше, домой. Ранчо моего папы — за гребнем вон той гряды холмов, к западу отсюда. А зовут меня Маргарет Брюстер.

— Ну, а я — Брекенридж Элкинс, с Медвежьего Ручья, из Невады, — поспешил представиться я. — Сейчас направляюсь по делам в Унылую Клячу, но вскоре вновь буду в здешних местах, проездом обратно. Вы не против, ежели я нанесу вам небольшой визит?

— Почему бы нет? — пожала плечами девушка. — По правде говоря, я помолвлена с одним парнем, но все это дело под большим вопросом. Понимаете, мне вдруг начало казаться, что он — жалкий неудачник, безвольный и бестолковый; тогда я дала ему от ворот поворот и прямо сказала, что ежели он не добьется удачи в том деле, которым сейчас занимается, пускай не вздумает возвращаться обратно. Терпеть не могу неудачников. Вот почему вы сразу же пришли мне по душе! — добавила она, одарив меня восхищенным взглядом. — Мужчина, который в состоянии голыми руками разделаться с горным львом, заслуживает внимания всякой уважающей себя девушки! Я непременно пришлю вам весточку в Унылую Клячу. Ну, а ежели мой жених, по своему обыкновению, опять все прошляпит, то буду счастлива принять вас у себя в доме!

— Буду ожидать вашей весточки с самым горячим нетерпением в сердце и с самыми честными намерениями в душе! — поклонившись, ответил я.

Девушка покраснела от смущения, быстро взобралась в седло и торопливо поскакала прочь.

Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась из вида, после чего испустил такой тяжкий вздох, что со всех окрестных дубов на землю градом посыпались желуди, и, словно бы окруженный каким-то розовым облаком, неуверенно направил свои стопы в ту сторону, где оставил Капитана Кидда.

Я был под таким впечатлением от случившегося, что далее попытался влезть на Кэпа не с того конца и не желал прекращать своих бесплодных попыток до

тех пор, пока Кэп не лягнул меня изо всей силы прямо в живот.

— Известно ли вам, о дражайший Капитан Кидд, — мечтательно сказал я ему, предварительно хорошенько врезав промеж ушей рукояткой револьвера, — что любовь есть наисладчайшая из всех грез юности?

Но Капитан Кидд ничего не ответил, а только нетерпеливо переступил ногами, ловко отдавив мне парочку любимых мозолей. Такая уж у него была натура — совершенно чуждая каким-либо нежным чувствам.

Тогда я вскочил в седло и направился в сторону Унылой Клячи, куда вполне благополучно прибыл примерно час спустя. Там я загнал Кэпа в тулатную конюшню, чьи стены на первый взгляд показались мне достаточно прочными, проследил, чтобы его напоили и задали корму, предупредил коннохов, что моей лошадке ни в коем случае ни в чем нельзя перечить, а затем со спокойной совестью направился в салун под названием «Краснокожий воин». Потому как прежде, чем навестить ранчо Абеда Рэкстона, мне явно следовало малость подкрепиться.

Заказав себе сразу несколько стаканчиков, я принялся толковать с парнями, собравшимися в баре. Почти все они были ковбоями; а что касается овцеводов, так те предпочитали тратить свои денежки в заведении «Шаловливый баран», находившемся на другой стороне улицы. В тот раз я был в штате Монтана впервые, и, ежели судить по поведению собравшихся в заведении людей, слава о моем добром имени еще не успела достигнуть здешних мест.

Как бы оно там ни было, но ребята вели себя достаточно вежливо, и, после того как мы опрокинули по несколько порций кукурузного пойла, один из них поинтересовался, откуда я прибыл; по такому его вопросу сразу стало ясно: парни считают меня честным человеком, которому нечего скрывать. Я ответил, и тогда другой малый сказал:

— Ей-богу, ежели судить по тебе, в Неваде умеют выращивать здоровенных парней! Пожалуй, ты — са-

мое громадное существо в человеческом обличье из тех, кого мне приходилось встречать за всю свою жизнь!

— Готов поклясться, он — такой же громила, как и Большой Джон. А может, даже того крепче! — заметил еще один ковбой.

— Такого просто не может быть! — сразу вступил в разговор его сосед. — Потому как этот джентльмен явно человек, а Большой Джон — нет!

Только я решил выяснить, что за гусь такой этот самый Большой Джон, как вдруг один из присутствовавших глянул в окно, сплюнул на пол и с отвращением произнес:

— Видать, верно говорят: стоит помянуть дьявола, как в воздухе тут же начинает вонять серой! Вон, Джон идет через улицу, и, по-моему, сюда. Наверно, увидел, как в наш салун вошел этот джентльмен, и теперь ему не терпится отколоть свой обычный номер — предложить померяться силами. Любой человек такого же роста, как он сам, действует на этого паразита как красная тряпка на быка!

Тогда я тоже посмотрел в окно и увидел типа размерами с хороший амбар, направлявшегося от «Шаловливого барана» напрямик к дверям нашего салуна. Его сопровождала целая толпа людей, заметно поменьше росточком.

— Это что за народ такой? — полюбопытствовал я. — Вроде не индейцы, но и не мексиканцы... Однако на белых людей они тоже совсем не похожи!

— А! — скривившись, сказал один маленький коротконогий ковбой. — Они — взнгры. Тед Биссет привез их сюда, чтобы они пасли его овец. Вон тот, самый здоровый, и есть Большой Джон. У него нету ни капли мозгов, но уверяю вас, такой горы мускулов вы не видели еще ни разу в жизни!

— Откуда же они такие взялись? — удивился я. — Из Канады, что ли?

— Не-а, — ответил ковбой. — Они все родом из какого-то местечка под названием Ивропа. По правде

говоря, я точно не знаю, где оно находится, но, по-моему, это где-то к востоку от Чикаго.

Но я чувствовал, что ковбой ошибается. Эти парни были родом вообще не с нашего континента. В грубой одежде, с засунутыми за пояса здоровенными ножами, они выглядели сущими дикарями и не походили ни на одно из индейских племен, какие мне случалось встречать прежде. Итак, они ввалились в бар и тот, которого все звали Джоном, сразу же принялся враждебно пиявить меня колючим взглядом крохотных, словно черные бусинки, глаз. Затем он выпятил грудь, чуть ли не на целый фут, и пару раз стукнул по ней кулачищем размером с приличную кувалду. Звук при этом получился такой, будто он колотил по большущему барабану.

— Ты — сильный человек! — заявил он. — Но я тоже сильный! Мы будем меряться силой, так?

— Не-а! — ответил я. — Не так. У меня нету ни малейшей охоты ни с кем меряться силой!

Тогда он фыркнул, да так, что разом посдувал пену со всех пивных кружек в баре, после чего победоносно огляделся вокруг. Тут на глаза ему попался толстый железный прут, валявшийся на полу. Похоже, то была длинная ручка от клейма, каким обычно клеймят скот. Джон сграбастал эту штуковину, одним рывком согнул ее почти пополам, а затем швырнул на стойку бара прямо перед моим носом. Вэнгры тут же восхищенно залопотали что-то неразборчивое.

Подобная хвастливая выходка малость разозлила меня, но я сдержался и спокойно опрокинул еще один стаканчик виски. А бармен перегнулся через стойку и прошептал:

— Поосторожнее с этим мерзавцем! Он хочет разозлить вас и втянуть в драку. Он уже чуть не придушил вот так человек девять или десять своими медвежьими лапами!

— Ну что ж. — Я швырнул на стойку доллар и повернулся, чтобы выйти вон. — В конце концов, у меня есть дела поважнее, чем устраивать глупую потасовку

в вашем баре с каким-то чудаком-иностранцем. Прежде всего мне надо как следует пообедать, а затем я отправлюсь на ранчо Рэкстона.

Но придурковатый Большой Джон снова распахнул свою дурацкую пасть. Бывают же на свете такие люди, которым вечно нейдет, когда вокруг них все чинно-благородно!

— Трус! — издевательски захохотал он. — В штаны наложил! Уах-ха-ха! Уох-хо-хо!

Его приятели также разразились воплями и взрывами хохота, а сидевшие в баре скотоводы разом помрачнели.

— Что это ты там вякнул такое насчет труса? И насчет штанов? — Я чувствовал себя скорее ошеломленным, нежели взбешенным.

Но меня можно было извинить. Ведь прошло так много времени с тех пор, как я в последний раз слышал от кого-либо подобные высказывания в свой адрес... И наконец до меня дошло: ведь я находился среди незнакомцев, которым пока еще была совершенно неизвестна моя ничем не запятнанная репутация! Малость подумав, я решил, что обязан немедленно устранить это огорчительное недоразумение, чтобы впредь в здешних краях никто не пострадал случайно, всего лишь в силу своей прискорбной невежественности. И тогда я сказал:

— Будь по-твоему, заморская баранья башка! Ладно, я стану с тобой бороться!

Но едва я сделал шаг в его сторону, как Большой Джон сжал кулаки и пару раз довольно чувствительно врезал мне по носу; а его дружки тут же снова зашлись громовым, ужасно грубым хохотом. Такое поведение ну никак нельзя было назвать благоразумным! Гораздо безопаснее попытаться связать зигзаги пары молний, чем вот так, без предупреждения, стукнуть Элкинса по носу! Я взревел от возмущения, сграбастал Большого Джона в охапку и наконец дал волю своим чувствам, с превеликим воодушевлением нанося ему одно тяжкое телесное повреждение за другим. Сначала я смел его телом все

бутылки и стаканы со стойки бара, после чего пошибал им все светильники, а затем принялся колотить этой тушей об пол, покуда она совсем не обмякла; и только потом я как следует размахнулся и швырнул его через весь салун. Вообще-то, я собирался вышвырнуть Джона наружу через окно, но малость промахнулся, и он, пробив головой толстенную заднюю дверь, частично остался лежать внутри. Тут взгры вышли из состояния окаменелости и с воплями ужаса бросились вон из салуна. Ну а я, чтобы немного успокоиться, подобрал с пола согнутую Джоном железную палку, разогнул ее, обернул кольцом вокруг евоной шеи, а концы завязал морским узлом. Как мне стало известно позже, когда этот чудак спустя несколько часов наконец пришел в себя и ту железку собрались снять, без кузнеца обойтись не удалось.

А ковбои, которые были в баре, так и остались сидеть, остолбенело выпучив глаза и совершенно утратив дар речи. Поэтому я лишь громко фыркнул, выразив таким образом свое глубокое отвращение к этому гадкому происшествию, и с гордым видом покинул салун, в надежде найти поблизости какое-нибудь другое местечко, где бы я мог спокойно пообедать. Напоследок, уже в дверях, я расслышал, как один малый, цеплявшийся за стойку бара с таким видом, будто у него подгибаются ноги, слабым голосом умолял так же еще не вполне пришедшего в себя бармена:

— Плесни-ка мне четыре порции в одну посудину, да поживее! Неужели я дожид до такого дня, когда просто-напросто не могу поверить в то, что происходит у меня прямо на глазах!

Парень был явно не в порядке и нес какую-то, совершенно непонятную мне, чепуху. Ну да ладно. Я пожал плечами и направился в поисках жратвы в кабачок при баре отеля «Монтана». Но недолго мне пришлось тешить себя надеждами на тихий, мирный обед. Едва я принялся за четвертый бифштекс, какой-то здоровенный тип в щегольских башмаках, одетый во все покульное, ворвался в харчевню с безумным воплем:

— Эй ты! Это тебя зовут Элкинс?!

— Меня,— согласился я.— Но только не надо так орать. Я не глухой и все отлично слышу.

— Так какого же черта ты позволяешь себе вмешиваться в мои дела?! — продолжал горланить этот тип, не обратив никакого внимания на мой мягкий упрек.

— Не имею ни малейшего понятия, о чем речь! — уже слегка раздраженно проворчал я, опорожнив сахарницу в свою чашку с кофе. Было очень похоже на то, в Унылой Кляче наблюдается явный избыток ненормальных.— Так или иначе, но кто вы такой?!

— Я?! Я — Тед Биссет, вот кто я такой! — взвыл этот чудак, судорожно хватаясь за рукоятку шестизарядного.— И я выведу тебя на чистую воду! Уж я-то знаю, что ты за птица! Ты не кто иной, как тот самый проклятый наемный бандит из Невады, которого старик Абед Рэкстон нанял специально, чтобы разорить меня и выжить из здешних краев! Он сам растрезвонил об этом по всему городу! И ты уже умудрился разогнать всех моих пастухов!

— О чем это вы? — изумленно переспросил я.— Каких таких ваших пастухов я разогнал? Никого я не разгонял!

— Разгонял, не разгонял! — чернея лицом, заскрежетал зубами этот грубиян.— Не придирайся к словам! Какая мне разница! Они сами разбежались кто куда после того, как ты изувечил Большого Джона! Ты их так перепугал, что теперь они не вернутся ко мне, ежели я не повышу их жалованье вдвое! Я не позволю так обращаться со мной, слышишь, ты, скотина!

Еще не родился тот человек, которому удалось бы так грязно обругать меня и притом остаться безнаказанным! Я тут же, причем совершенно инстинктивно, швырнул в его мерзкую рожу свой недожеванный бифштекс; тогда чудак истошно завизжал и выхватил из кобуры револьвер. Но горячий жир залил ему глаза, а потому первым выстрелом он всего-навсего вдребзи разнес кувшинчик с соусом возле моей тарел-

ки. Биссет взвел курок, но, прежде чем ему удалось выпалить в меня второй раз, я прострелил ему руку. Малый тут же выронил свою пушку, зажал другой рукой простреленное место и понес такое, что эти выражения я просто не решаюсь здесь повторять.

Тут, конечно, началась небольшая суматоха. Я орал, требуя, чтобы мне немедленно заменили бифштекс. Биссет орал, требуя, чтобы к нему немедленно привели доктора. А хозяин харчевни орал, требуя, чтобы кто-нибудь немедленно вызвал сюда шерифа...

Вышеупомянутая личность прибыла с большим запозданием. К тому времени уже появились доктор, а также новый бифштекс, и он — тут я конечно говорю о докторе, а вовсе не о том бифштексе, который трясущимися руками водрузил передо мной на стол перепуганный официант, — почти закончил вправлять руку Биссету.

Возле нас собралась приличная толпа зевак, они с большим интересом наблюдали за работой доктора, наперебой предлагая всякие ценные советы, и эти советы, по-видимому, приводили Биссета во все большее бешенство. Ежели, конечно, судить по тем весьма сильным выражениям, какие он себе позволял. Одновременно он с большим жаром пытался обсуждать с доктором серьезность полученной раны, но тот совсем не хотел тревожиться по такому пустячному поводу. Я вообще первый раз видел такого неунывающего костоправа. Он неизменно сохранял бодрость и веселость духа, несколько не обращая внимания на вопли своего пациента.

Зато приятели Биссета были вне себя от ярости. А его главный подручный, Джек Кемпбелл, даже начал бормотать насчет того, что пора бы им взять исполнение закона в свои руки, когда в харчевню наконец вприпрыжку влетел шериф. Он размахивал своим шестизарядным во все стороны и возбужденно кричал:

— А ну! Где он?! Подайте мне сюда этого негодяя!

— Да вот же он! — раздался в ответ нестройный хор голосов, после чего все присутствовавшие мигом

попрятались под столами, в ожидании неминуемой перестрелки.

Но я даже не шевельнулся, поскольку сразу же узнал шерифа, а он, едва разглядев меня, митом побуждал прыти и тут же выронил револьвер, будто у того вдруг докрасна раскалилась рукоятка.

— Брекенридж Элкинс! — оторопело констатировал он, после чего, обдумав ситуацию, приказал перетащить Биссета в бар и там влить в него хорошую порцию спиртного. Когда же вся публика повалила в бар, шериф подошел ко мне, уселся на краешек стола и сказал следующее:

— Послушай, Брек! Мне хочется, чтобы ты понял: я ничего не имею против тебя лично, но все же мне придется тебя арестовать. Стрелять в людей в нашем городе есть противозаконное дело!

— Но у меня совсем нету времени на всякие там аресты! — возразил я. — Потому как мне уже давно надо быть на ранчо старины Абеда Рэкстона!

— Но что подумают люди, Брек, — принялся урезонивать меня шериф (а шерифом тут действительно оказался Джонни Уиллогби, как и предупреждал в своем письме Рэкстон), — ежели я не засажу тебя в тюрьму за то, что ты подстрелил одного из самых видных наших граждан? Ведь на носу выборы! — добавил он, отхлебывая кофе из моей чашки.

— Биссет стрелял в меня первым! — снова возразил я. — Так почему бы тебе не арестовать его?

— Стрелял, да не попал! — заметил Джонни, рассеянно запихнув в рот разом половину моего слоеного пирога, после чего тут же принялся ковырять вилкой картошку на моей тарелке. — А ты попал! Так или иначе, но сейчас у него в руке здоровенная дыра, поэтому по состоянию здоровья я не могу отправить его в тюрьму прямо сейчас. А кроме того, мне позарез нужны голоса овцеводов!

— Вот черт! — раздраженно произнес я. — Терпеть не могу все эти ваши тюрьмы!

Тогда Джонни принялся хныкать. Даже слезу пустил.

— Если б ты был мне настоящим другом, — ныл он, — ты бы с радостью провел одну ночьку, всего-навсего одну ночьку, в тюрьме, чтобы только помочь мне переизбраться! А ведь когда-то я так много сделал для тебя! Меня и так уже склоняют на все лады из-за того, что мне никак не удастся поймать ни одного из тех проклятых угонщиков скота. А ежели, вдобавок ко всему, я еще не сумею и тебя арестовать, то на выборах у меня шансов будет не больше, чем у какого-нибудь китайца! Как ты можешь так со мной обращаться, после всего, что нам пришлось пережить вместе в былые деньки?..

— Да ну тебя совсем! — с отвращением сказал я. — Перестань канючить! Ладно, арестуй меня, если тебе так невмоготу. Какой с меня причитается штраф?

— Но я вовсе не хочу брать с тебя штраф, Брек! — воскликнул Джонни, вытирая наворачнувшиеся слезы краем клеенки, которой был накрыт стол. — Мне так кажется, что приговор к тюремному заключению куда сильнее повысит мой авторитет, чем какой-то там жалкий штраф. Ну а утром я отпущу тебя на все четыре стороны. Ты ведь не станешь ломать нашу тюрьму, Брекенридж? Покаянись!

Я пообещал, что не стану, и тогда чуть повеселевший Уиллогби захотел забрать у меня мои пистолеты, а я все никак не хотел их отдавать.

— Боже правый! Опомнись, Брек! — снова принялся умолять меня Джонни. — Ведь я же стану всеобщим посмешищем, ежели у меня в тюрьме будет сидеть вооруженный до зубов заключенный!

Ладно. Пришлось согласиться и отдать ему мои револьверы, лишь бы он заткнулся. Но не тут-то было! Ему сразу же захотелось нацепить на меня наручники, да только они оказались совсем крохотными и все никак не желали защелкиваться на моих запястьях. Тогда Джонни потребовал, чтобы я одолжил ему денег, а он тогда наймет кузнеца — выковать для меня спе-

циальные ножные кандалы. Тут уж я возмутился и отказался наотрез, для пущей убедительности изрыгнув парочку крепких богохульств. Тогда он начал бормотать, дескать, это он просто так, всего лишь дружеское предложение, никто никого здесь обижать не собирается... В общем, отправились мы в тюрьму.

Тюремщика поблизости не оказалось; наверно, отсыпался где-то с похмелья, а ключи он так и оставил болтаться в дверях, и мы вошли внутрь. Довольно-таки скоро явился помощник Джонни, по имени Байдж Гантри, а по прозвищу — Семафор. Этот Гантри был тот еще тип, длинный, расхлябанный, с каким-то странным блеском в глазах. Джонни послал его в салун «Краснокожий воин» за пивом, а пока тот ходил туда и обратно, принялся расхваливать мне этого парня на все лады.

— Черт возьми! — заявил он. — Мой Байдж — единственный в нашем графстве, кому когда-либо удалось приблизиться к тем проклятым бандитам на расстояние выстрела! К несчастью, тогда он был один. А ведь ежели бы рядом с ним в тот раз оказался я, то вдвоем мы, как пить дать, захватили бы мерзавцев врасплох и перебили бы их всех до единого!

Я спросил, есть ли у него хоть какие-нибудь подозрения, что за люди эти угонщики, а Джонни ответил, дескать, Байдж считает, что вся ихняя шайка пожаловала сюда из штата Вайоминг. Хорошо, ежели так, сказал ему я, ведь в таком случае у них обязательно должно быть логово где-то в холмах, а значит, их будет куда проще накрыть всех разом, чем жуликов, которые после каждого налета разбегаются в разные стороны.

Тут как раз вернулся Байдж и принес пиво, и Джонни сообщил ему по секрету, что, как только я выйду из тюрьмы, он сразу же назначит меня своим вторым помощником. Вместе мы учиним облаву на тех, кто ворует скот, и Байдж одобрил эту грандиозную идею. После чего мы уселись за стол — играть в покер и пить пиво. Ближе к вечеру наконец появился тюремщик, имевший весьма бледный и очень нездоров-

вый вид, и Джонни приказал ему что-нибудь для нас состряпать. Мы уже заканчивали, ужин, когда тюремщик заглянул к нам в камеру и сообщил:

— Там какой-то джентльмен жаждет немедленно видеть аудиенцию у мистера Элкина!

— Скажи ему, что заключенный в настоящий момент очень занят! — велел Джонни.

— Я говорил, — ответил тюремщик, — а он заорал, что ежели вы не намерены впустить его прямо счас, тогда он ворвется сюда сам и перережет вашу глотку. Сэр.

— Это наверняка старина Абед Рэкстон, — вздохнул Джонни. — Пожалуй, будет благоразумнее его впустить. Я рассчитываю на твое заступничество, Брек! На тот случай, ежели старый хрыч затаил против меня какую-нибудь грубость.

Полминуты спустя к нам в камеру, сверкая глазами и распространяя вокруг себя запах, свидетельствовавший о том, что он переполнен кукурузным пойлом, ворвался старина Рэкстон. Завидев меня, он начал воинственно вопить:

— Эх ты, дубина стоеросовая! Хорош помощник, нечего сказать! Когда я просил тебя приехать, то надеялся, что ты действительно поможешь мне разделаться с этой чертовой бандой овцеводов и утонщиков скота, а ты?! Едва явившись сюда ты не нашел ничего лучшего, как сразу же угодить в тюрьму!

— Моей вины тут нету, — возразил я. — Эти овцеводы сами начали меня задирать.

— А раз так, — сердито проворчал Рэкстон, — отчего же ты продырявил Биссету руку, а не сердце? Промахнулся, что ли?

— Я приехал сюда, чтобы перебить здесь всех утонщиков чужого скота, а вовсе не затем, чтобы стрелять в мирных овцеводов! — с достоинством ответил я.

— Не вижу разницы! — прорычал старина Абед.

— Разница такая, что у овцеводов, скорее всего, не меньше прав на здешние пастбища, чем у скотоводов, — пояснил я ему свою мысль.

— Счас же прекрати такие возмутительные, святотатственные речи! — потребовал Рэкстон. — Пока что ты просто окончательно запутал ситуацию! Одно хорошо: Биссету придется платить тем чертовым взнграм двойное жалованье, чтобы они снова согласились на него работать, а он скорее готов удавиться, чем потратить лишний доллар, жмот проклятый! Может, и в самом деле удавится? Ладно, какой штраф надо за тебя уплатить?

— Никакого, — покачал головой я. — Джонни хочет, чтобы я малость посидел в тюрьме.

Услышав такое, Абед судорожно схватился за свою пушку, а Джонни тут же спрятался у меня за спиной и жалобно закричал оттуда:

— Не смей! Тебе никто не давал никакого права стрелять в представителя закона!

— Он до сих пор злится на меня за то, что я его уволил! — брызгая слюной, заверещал старина Рэкстон. — После того как я вышвырнул его с моего ранчо, он выставил свою кандидатуру на должность шерифа, а в тот вечер, когда были выборы, весь народ перепился до изумления. Вот они и проголосовали за него, может по ошибке, может в шутку, а может просто сдуру! И с тех самых пор, как он засел в конторе шерифа, он позволяет проклятым овцеводам грабить меня и на пастбищах, и на моем ранчо, и чуть ли не в моей собственной постели!

— Это подлая ложь! — горячо возразил Джонни. — Я защищаю тебя точно так же, как и всех остальных, старый хрен! Просто мне пока не удалось поймать никого из той банды негодяев, вот и все! Но ты еще увидишь! Байдж уже почти выследил их, и все они окажутся за решеткой еще до того, как выпадет снег!

— Ты, наверно, хотел сказать: до того как он выпадет в Гватемале! — презрительно фыркнул Абед. — Черт с тобой, чтоб ты лопнул! Я уйду! Но я еще вернусь и в два счета вытащу Брекенриджа отсюда, даже ежели мне придется спалить твою проклятую тюрьму дотла! Рэкстоны никогда не прощают обид! — Сказав

так, Абед яростно сверкнул глазами и направился к выходу, но на пороге обернулся и язвительно добавил: — Шериф! Фу-ты ну-ты! Семь нераскрытых убийств в графстве с тех пор, как ты начал просиживать штаны в своей конторе! Ты спокойно позволяешь проклятым овцеводам резать нас в наших собственных постелях! Да что там говорить! С того времени как тебя избрали, у нас еще никого не повесили!

После того как хлопнула дверь, Джонни надолго погрузился в раздумья. Наконец он сказал:

— Насчет тех семи убийств старый волк прав. Однако он не желает замечать, что четверо из семерых были как раз овцеводами. Скотоводы и овцеводы сами убивают друг друга, и каждая сторона обвиняет другую в угоне скота. Я давно подозреваю тех и других, да только ничего не могу доказать. Вот ежели бы мне хоть разок действительно удалось кого-нибудь повесить, это мигом примирило бы меня с моими избирателями! — Тут Джонни как-то плотоядно взглянул на меня и мечтательно добавил: — Было бы совсем неплохо, если б кто-нибудь вдруг взял бы да и признался, прямо сейчас, в совершении хотя бы некоторых из этих убийств...

— Не смотри на меня так! — строго указал я ему. — Я еще никогда никого не убивал в Монтане. Я здесь вообще впервые!

— Ну и что? — пожал плечами Джонни. — Тем более! Значит, никто здесь не сможет доказать, что ты этого не делал! Ну а уж после того, как тебя повесят...

— Послушай-ка, ты! — Я чуть не задохнулся от возмущения. — Помочь другу переизбраться на должность — святое дело. Тут я с дорогой душой! Но ведь всему есть свои границы!

— Да ладно тебе, ладно! — разочарованно вздохнул Джонни. — Если честно, я не больно-то рассчитывал, что ты согласишься. В наше время люди стали так чертовски недальновидны, только о себе и думают! Но вот что я хочу тебе сказать: если б вдруг мне удалось разогнать толпу линчевателей, это было бы почти так же полезно

для моей предвыборной кампании, как самое настоящее законное повешение! Давай договоримся так. Сегодня ночью я соберу несколько своих друзей, они наденут маски, придут сюда, вытащат тебя из тюрьмы и притворятся, будто собираются вздернуть всерьез. А когда они уже начнут затягивать петлю на твоей шее, я вдруг выскочу из засады и примусь палить в воздух. Тогда они разбегутся, а я мгновенно приобрету репутацию надежного стража законности и правопорядка.

Джонни так мне надоед, что я махнул рукой: ладно, черт с тобой, согласен, и тогда он принялся объяснять мне, как себя вести, чтобы не изувечить случайно кого-нибудь из тех линчевателей, потому как все они — его друзья, а скоро станут и моими добрыми друзьями. Тогда я спросил у него, станут ли они ломать дверь и не надо ли мне им в этом помочь, а он сказал: нет, зачем же портить казенное имущество, просто его друзья попутно как бы ограбят тюремщика и заберут у него ключ от двери.

Вскоре Джонни ушел, чтобы договориться с нужными людьми и устроить все как надо, а вслед за ним убрался этот Байдж Гантри, зачем-то сообщив мне на прощание, что он уже прямо сейчас идет по горячему следу и совсем вот-вот найдет важную улику, с помощью которой раскроет всю шайку угонщиков скота. Тюремщик тут же принялся подмешивать себе в текилу какое-то чудодейственное средство для ухода за волосами, и это средство действительно оказалось чудодейственным, потому как меньше чем через час в стельку пьяный тюремщик уже валялся прямо под дверями тюрьмы словно куча мокрых грязных тряпок.

Ну да ладно.

Подстелив шерстяное одеяло, я, не снимая сапог, улегся спать на полу, а ближе к полуночи у тюрьмы собралась толпа в масках, и им даже не пришлось грабить тюремщика, поскольку еще никому не удавалось ограбить ворох ветоши, насквозь пропитанный средством для волос. Они просто порылись в этом мусоре,

выудили оттуда ключ, а заодно — немного мелочи и пару плиток жевательного табака, а потом открыли дверь. Я поинтересовался:

— Вы, случаем, не те джентльмены, которые должны меня вешать?

— Да, это мы! — ответили они.

Тогда я встал с пола и спросил, не найдется ли у них спиртного, и один из них позволил мне как следует приложиться к его карманной фляге, после чего я сказал:

— Отлично! Ну а теперь давайте поскорее покончим с этим делом, потому как я ужасно хочу спать!

Тот, который угощал меня кукурузным пойлом, был единственным, кто разговаривал со мной; все остальные не проронили ни слова. Я так решил, что они малость оробели.

— Надо связать вам руки за спиной, — предложил этот малый. — Чтобы все выглядело как взаправду!

Я не стал возражать, и они скрутили мне руки сыромятными ремнями, а затем мы вышли наружу. Там, неподалеку от тюрьмы, рос вполне приличный дуб, а рядом с ним начинались густые заросли кустарника. Наверно, где-то в тех кустах притаился Джонни, подумал я.

Они притащили с собой бочку, на которую я должен был встать, и я послушно влез на нее. Мне перекинули веревку через толстый дубовый сук, а потом надели на шею петлю, и тот малый спросил:

— Хочешь сказать несколько последних слов?

— Вот черт! — ответил я. — Все это как-то ужасно глупо! Вам не кажется, что Джонни малость запаздывает?..

Как раз тут они и вышибли из-под меня бочку.

Разумеется, я слегка удивился, но затем напряг свои шейные мускулы и стал ждать, когда же наконец Джонни выскочит из кустов и поспешит ко мне на выручку, но его все не было и не было, а проклятая петля прищемила мне сзади кожу на шее, и это мне сильно не понравилось, и тогда я заявил:

— Эй! Может, хватит? А ну спустите меня вниз!

И тут один из тех парней, что до того молчали, словно воды в рот набравши, вдруг выпалил:

— Боже правый! Первый раз в жизни слышу, чтобы человек разговаривал после того, как его уже удушили!

Я сразу узнал его по голосу. То был не кто иной, как Джек Кемпбелл, главный подручный Биссета! Что бы там ни говорил мой двоюродный братец, Медведь Бакнер, но уверяю вас, когда надо, я соображаю очень быстро, а потому до меня сразу дошло: тут что-то не так! Поэтому я напрягся, и ремни на моих запястьях с треском лопнули. Я схватился обеими руками за чертову веревку, на которой висел, и оборвал ее. А те мерзавцы настолько опешили, что даже не начали стрелять, покуда веревка еще не порвалась. Когда же они все-таки принялись палить, было поздно: я свалился на землю, а все пули просвистели у меня над головой. Услыхав выстрелы, я окончательно убедился, что передо мной не друзья, а злодеи, и в дальнейшем действовал соответствующим образом.

Я обрушился на всю толпу разом, сбив с ног троих, и в течение нескольких секунд малость придушил их, а затем отрубасил до бессознательного состояния. Остальные не решались стрелять из опасения угодить в своих же приятелей, покуда мы вчетвером плотным клубком катались по земле. Поэтому они просто сгрудились вокруг и принялись колотить меня по голове рукоятками револьверов, но я с ревом вскочил на ноги, словно медведь среди своры шелудивых псов, схватил еще четверых и сдавил их так, что у них затрещали ребра. Во время этого процесса с них посваливались маски, под которыми, разумеется, оказались физиономии подручных Биссета.

В этот момент кто-то ткнул в мою ногу охотничьим ножом; такое подлое поведение взбесило меня окончательно. Я швырнул тех четверых в толпу остальных и принялся месить кулаками направо и налево, каждым

ударом сшибая с ног одного или двоих, и так продолжалось до тех пор, покуда я не заметил валявшуюся на земле ось от фургона. Но едва я наклонился, чтобы поднять ее, как какой-то подлец накинул мне на голову толстую куртку, совершенно ослепив меня, после чего человек шесть или семь разом прыгнули мне на спину. Почти сразу же после этого я споткнулся об парня, которого сам только что сбил с ног, и лицом вниз шлепнулся на землю, после чего вся шайка с большим воодушевлением принялась прыгать у меня на спине, норовя повредить своими сапогами что-нибудь существенное.

Все еще ничего не видя, я на ощупь пошарил вокруг и схватил-таки одного из негодяев и подтащил его поближе, чтобы сподручнее вцепиться зубами в его ухо. И я бы наверняка откусил это мерзкое ухо с первой попытки, если б мне не помешала все еще находившаяся на моей голове куртка. Но все же, ежели судить по тем поистине душераздирающим воплям, какими оглашал округу подлый бандит, я потрудился на славу.

Предпринимая одно отчаянное усилие за другим, ему удалось-таки вырваться. Негодяй, завывая, отбежал в сторону и, к счастью, утащил с собой проклятую куртку. Тогда я наконец стряхнул с себя всех остальных и, несмотря на все жалкие потуги мне помешать, поднялся на ноги, крепко сжимая ось от фургона в своих руках.

Ось от фургона — отличное, очень удобное оружие; его всегда так приятно иметь под рукой во время доброй драки, а вдобавок ко всем своим остальным достоинствам оно полностью деморализует противника. И хотя та ось, которая досталась мне на сей раз, оказалась страшно непрочной и разлетелась вдребезги после четвертого или пятого удара, дело было уже сделано. Те из мерзавцев, какие еще были в состоянии двигаться, бросились врассыпную, да так, будто их черти кусали за пятки, полностью оставив за мной поле недавней битвы, сплошь усеянное стонущими и кошмарно ругающимися телами своих менее удачливых соучастников.

Некоторые высказывания этих жалких типов были поистине отвратительными, но я решил не обращать на них внимания. Весь во власти охватившего меня бешенства, я решительно направился к конторе шерифа, находившейся всего в нескольких сотнях ярдов от тюрьмы. Едва обогнув угол здания проклятой тюрьмы, я вдруг нос к носу столкнулся с какой-то смутно различимой в ночной тьме личностью, которая крадучись пробиралась сквозь заросли кустов, сопровождая свои движения странными звякающими и лязгающими звуками. Не успел я как следует разобраться, что к чему, этот чудак изо всей силы огрел меня здоровенным железным прутком, и я повалился на землю, увлекая за собой нападавшего. Слегка придушив очередного подлеца, я принялся колотить его головой об землю и колотил до тех пор, покуда из-за облаков не выглянула луна, осветив призрачным светом украшенную изрядно всклокоченной бородой физиономию старика Абеда Рэкстона!

— Какого дьявола?! — недоуменно сказал я, обращая свой вопрос разом ко всей Вселенной. — Что у вас тут, в Монтане, все разом рехнулись, что ли? Зачем вы нарушили мой сон, пытаетесь отправить меня на тот свет?

— Я ничего такого не делал, ослиная ты башка! — возмущенно зарычал Абед, едва к нему вернулся дар речи.

— А что ж ты тогда такое делал, когда лупил меня по голове железным ломом? — едко поинтересовался я.

— Но откуда мне было знать, что это ты? — ответил он, поднимаясь на ноги и отряхивая пыль и грязь со своих штанов. — Я подумал, что впотьмах налетел на здоровенного гризли. Что ж еще может подумать человек, когда на него из темноты ломится по кустам такая махина? Тебе как, здорово досталось? Ничего нигде не сломано?

— Не-а, — сказал я. — Пустяки. У меня никогда ничего не ломается. Слушай, я ведь уже говорил тебе, что согласился посидеть в тюрьме, решил оказать ус-

лугу этому недотепе Джонни. А как отплатил мне за добро этот сын Велиала? Подлец сговорился с друзьями Биссета устроить так, чтобы меня вздернули! Идем со мной. Я намерен прямо сейчас взять у этого воющего скунса небольшое интервью!

В общем, отправились мы с Рэкстоном к шерифу. Дверь оказалась открытой, на столе догорала свеча, но самого Джонни поблизости не оказалось.

Зато там был небольшой стальной сейф, где, как я прикинул, наверняка находились мои любимые револьверы; поэтому я взял увесистый булыжник и расколол тот сейф как гнилой орех. Мои пушки конечно же оказались там, как я и предполагал; а еще большая бутылка, в которой плескалось около галлона кукурузного пойла.

Но едва мы с Абедом развернули дискуссию о том, имеется ли у нас моральное право стрескать эту самогонку, как вдруг я услышал, что кто-то явно хочет вмешаться в обсуждение столь животрепещущей темы, издавая приглушенные и совершенно невнятные восклицания.

Тогда мы с Абедом принялись озиаться вокруг, и я заметил пару шпор, высовывавшихся из-под стоявшей в углу раскладной койки, и эти шпоры, разумеется, были приделаны к сапогам. Когда же я схватил те сапоги и вытащил их на свет Божий, то вместе с сапогами наружу извлеклось вставленное в них тело, чьим владельцем оказался не кто иной, как Джонни Уиллогби. Шериф Унылой Клячи был связан по рукам и ногам, во рту у него торчал кляп, а на его голове красовалась шишка размером с большое индюшечье яйцо.

Я вытащил кляп, и как вы думаете, что сразу прохрипел шериф? Правильно.

— Ежели вы, сыны Велиала, посмеете вылакать мою частную собственность, я на законном основании перегрызу ваши глотки!

— Грызи сколько угодно! Но сперва тебе придется дать кое-какие объяснения! — возмущенно прервал

его я. — Что ты имел в виду, когда натравил на меня тех прихвостней Биссета?!

— Но я ничего такого не делал! — горячо запротестовал он. — Я завернул к себе в контору и уже собирался позвать сюда своих приятелей, чтобы вместе с ними продумать план фальшивого линчевания. Вдруг кто-то вошел, кого я так и не увидел, и оглушил меня ударом по голове. Я даже не подумал обернуться, потому как посчитал, что это Байдж! Ну а потом меня спеленали как младенца и засунули под койку. Я вообще только что пришел в себя, а уж связали меня на совесть, как ты сам мог видеть!

— Ежели он говорит правду, — заметил старина Абед, — а похоже, так оно и есть, хотя я признаю это с очень большой неохотой, значит, выходит, кто-то из приятелей Биссета подслушал весь ваш разговор насчет тех дурацких планов фальшивого линчевания. Ну а дальше все просто. Тот человек вошел сюда следом за Джонни, убрал его на время с дороги, а затем собрал команду своих собственных линчевателей, заранее зная, что этот умник Брекенридж не окажет им никакого сопротивления, посчитав их едва ли не за своих лучших друзей. Говорил же я вам... а это еще кто такой?!

Мы разом выхватили свои пушки и наставили их на дверь. Спустя мгновение в контору ворвался Байдж Гантри, державшийся одной рукой за окровавленную голову.

— У меня только что была кровавая стычка с проклятыми преступниками! — закричал он. — Я преследовал их всю ночь! А потом они подстроили мне засаду всего в трех милях от города и почти начисто отстрелили ухо! Но и я не остался в долгу. Провалиться мне на этом самом месте, ежели я не уложил наповал парочку негодяев!

— В погоню! — взвыл Джонни, хватая винчестер и пояс с патронами. — Сперва веди нас обратно, Байдж, к тому самому месту, где ты влип в переделку, а уже оттуда мы...

— Одну минуточку! — прервал я его, стремительно хватая Байджа за плечо. — Сперва я хочу взглянуть на вот это ухо! — И, не обращая внимания на шпору, которую помощник шерифа воткнул мне в ногу, я отбросил в сторону его руку, прижатую к голове. — Точно, черт побери! Так я и знал! Это ухо не отстрелено. Оно изжевано, а изжевало его не кто иной, как я! Твой помощничек, Джонни, — один из тех самых сукиных сынов, которым нынче ночью взбрело в голову меня вздернуть!

Услыхав такое, Байдж мигом выхватил свою пушку, но я вышиб револьвер у него из руки, а затем врезал ему по челюсти так, что он вылетел из конторы через закрытую дверь. Тогда я пошел следом за ним, и забрал у него здоровенный охотничий тесак, которым он размахивал во все стороны, покачиваясь на подгибающихся ногах, и взял его за шиворот, и швырнул обратно в контору, после чего снова прошел внутрь, и снова взял его за шиворот, и снова выкинул наружу, и опять пошел за ним следом, и опять зашвырнул его внутрь.

— Как долго все это будет продолжаться? — сварливо спросил он, очередной раз вылетая наружу.

— Во всяком случае, до утра, — заверил я, швыряя его с улицы обратно. — Но вообще-то, у меня крайне скверное настроение, а потому очень возможно, что такое замечательное занятие не надоеет мне до завтрашнего вечера.

С этими словами я опять выдворил его подышать свежим воздухом.

— Прекрати счас же! — прохрипел он, вновь оказавшись в конторе. — Я тоже твердый орешек, но понимаю, когда игра проиграна. Признаюсь! Это сделал я!

— Сделал — что? — требовательно спросил я, снова ухватив его за шкирку.

— Как что? Шарахнул Джонни по башке, связал его и засунул под койку! Да прекрати же наконец! — дико взвыл он, предприняв отчаянную попытку ухватиться за косяк, когда в очередной раз пролетал сквозь дверной проем. Это я собрал подставную толпу лин-

чевателей! — прокричал он уже с улицы. — Я с самого начала был сообщником угонщиков чужого скота!

— А ну прекрати кидать его туда-сюда! — неожиданно заорал малость пришедший в себя старина Абед и вцепился сзади в мою рубашку. — Джонни, чтоб ты лопнул, на помощь! Да быстрее же! Шевелись, куда Брекенридж окончательно не прикончил столь ценного свидетеля!

Но я нетерпеливо отстранил старика, взял Гантри за шиворот и попытался поставить его. Однако он сразу же обмяк, поэтому мне пришлось поддерживать его за воротничок, пока мерзавец, задыхаясь, торопливо шептал:

— Я все лгал насчет той перестрелки с преступниками! Я с самого начала водил Джонни за нос. Эти угонщики и конокрады — вовсе никакая не шайка из Вайоминга; все они живут тут, в нашей округе. А ихний главарь — не кто иной, как Тед Биссет...

— Ага! — радостно завопил Абед, исполняя боевую пляску апачей, и, не помня себя от ликования, принялся пинать меня по ногам. — Тед Биссет! Что я тебе говорил? Теперь ты понял, дубина стоеросовая? А ведь ты питал такие нежные чувства по отношению к этим проклятым овцеводам! Всего-навсего прострелить Биссету руку! Это надо же! Будто он тебе родной брат или даже еще более близкий родственник! Просто удивительно, что ты не пригласил его отобедать с тобой, в знак вашей вечной дружбы! Да я ума не приложу, отчего ты его не расцеловал в обе...

— Ах, да заткнись же ты наконец! — раздраженно оборвал его я. — Давай, Гантри!

— Тед Биссет даже не думал заниматься законным овцеводством, — продолжил бывший помощник шерифа. — И разведение овец у него только для отвода глаз. Ни один из настоящих овцеводов никак не связан с этими делишками. А его шайка состоит сплошь из местных подонков, которые отсиживаются у него на ранчо, когда начинает пахнуть паленым. Когда же им удастся про-

вернуть очередное дельце втихую, они просто расходятся по своим домам. Именно они убивали честных овцеводов и скотоводов — пытались натравить тех на этих. Пока те ссорятся, им же легче красть скот и у одних, и у других. Вэнгры же вообще ни о чем не знали; Биссет просто нанял их приглядывать за своими овцами, потому как его собственные люди ничего такого делать не умели и не хотели, а связываться с местными пастухами он не желал, справедливо опасаясь, что те быстро выведут его на чистую воду.

Тут Гантри перевел дух, облизнул пересохшие губы и снова заговорил:

— Ну и естественно, мы решили убрать с дороги тебя, как только узнали, что ты должен появиться здесь, чтобы разделаться с шайкой угонщиков скота. То есть с нами. А сегодня, когда вы с Джонни начали обсуждать, как бы вам устроить это ваше представление с фальшивым линчеванием, я сразу понял, что мне подвернулся счастливый случай. Выйдя из тюрьмы, я пошел следом за Джонни, шарахнул его по башке, связал, засунул под койку, а сам отправился к Биссету и все ему рассказал. После чего мы быстренько собрали наших людей... Остальное вы знаете сами. Затея была — пальчики оближешь! И все прошло бы, как по маслу, ежели бы мы имели дело с обычным человеком, а не с каким-то кошмарным чудовищем! Вот и все. Теперь отправляйте меня в камеру. Отныне хорошая, добротная тюрьма с надежными замками и крепкими стенами, где моя жизнь больше не будет подвергаться никаким опасностям, есть предел моих мечтаний!

— Ну что ж, — сказал я Джонни, когда тот посадил Гантри под замок, — дело сделано. Теперь тебе остается только добраться до ранчо Биссета и арестовать мерзавца. Он наверняка лежит в постели с простреленной рукой, а большинство его людей искалечено. Кстати, ты можешь подобрать довольно много негодяев прямо под стенами тюрьмы. Думаю, вся эта история должна помочь твоему переизбранию.

— Еще бы! — ликующе воскликнул он, от радости исполнив тот же самый военный танец, какой недавно исполнял Абеб Рэкстон. Наверно, у них тут, в Монтане, такой обычай, подумал я. — Можно смело считать, что меня уже переизбрали! Но знаешь, Брек, все это время я думал не только о своих обязанностях. Бывают вещи и поважнее! Ведь если бы я проиграл предвыборную гонку, то навсегда потерял бы свою девушку. Но она твердо пообещала мне выйти за меня замуж, ежели я поймаю всех этих убийц и утонщиков скота и меня переизберут шерифом на новый срок. А она всегда верна своему слову!

— В самом деле? — вяло поинтересовался я, размышляя о своем собственном трепетном чувстве. — И как же ее зовут?

— Маргарет Брюстер! — с гордостью ответил Джонни.

— Как?! — взревел я таким громовым голосом, что старину Рэкстона повалило на спину и отшвырнуло далеко в сторону не хуже, чем ударом горного циклона.

Дело прошлое, но должен сказать: те, кто обвиняют меня теперь в ничем не оправданном применении насилия и ненормальном поведении, просто не могут понять мое тогдашнее состояние. Неужели мне пришлось испытать все те унижительные передраги только затем, чтобы помочь своему сопернику отбить у меня мою возлюбленную!

Что было, то было. Я действительно вышвырнул Джонни на улицу через окно его собственной конторы, а потом пару раз пнул по стенам этого богомерзкого заведения, и все здание рухнуло целиком. Но ведь я был вне себя от горя и выразил обуревавшие меня чувства самым достойным, самым кротким образом, на какой оказался способен при столь печальных обстоятельствах.

И вместо того чтобы по-дурацки обижаться, шериф Унылой Клячи должен был бы век благодарить

меня за то, что, горя о своей очередной растоптанной трепетной любви, я нашел-таки в себе силы и подавил свой вполне естественный порыв настолько хорошо, насколько сумел!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ТОРНАДО С РАЗБИТЫМ СЕРДЦЕМ

Тут на днях мне кто-то сказал, будто граждане Боевого Клича решили организовать комитет общественного спасения с единственной целью — защитить их глупый город от меня, Брекенриджа Элкинса. Подобные дурацкие выходки всегда вызывают мое раздражение, потому как из-за них человеку постороннему может показаться, что я вроде бы представляю собой угрозу общественному спокойствию.

Я чертовски устал от подлых наветов, распространяемых этими злостными клеветниками. Ну, прежде всего, я вовсе не превращал ихнюю проклятую тюрьму в развалины, а повинны в том одни лишь бизоньи браконьеры. Да я же просто не мог ничего подобного сделать, потому что как раз сидел в этой самой тюрьме! А о салуне «Серебряный сапог» и дансинг-холле и говорить нечего. Они тоже не превратились бы в решето, окажись у их хозяина хотя бы капля здравого смысла. В том, что нога Туза Миддлтона прострелена в трех местах, виноват лишь сам Миддлтон, и больше никто. А уж о глупом шефе городской полиции я вообще молчу. Ежели бы он занимался своими собственными делами вместо того, чтобы преследовать бедного беззащитного странника, ему не пришлось бы так долго выковыривать крупную дробь из некой части своего тела, которую не защитили бриджи. Утверждение, будто я приехал в Боевой Клич с заранее обдуманном намерением разгромить город, есть гнусная ложь! Во избежание кривотолков, скажу сразу: у меня и в мыслях не было посещать этот притон разврата. Ведь он находится в

стороне от железной дороги и кишмя кишит хвастливыми картежниками без гроша в кармане, браконьерами и прочими паразитами; а потому парням, честно зарабатывающим на жизнь перегонкой скота, в такую дыру соваться совершенно незачем.

Мой визит в это логовище порока начался так: я нанялся ехать в голове стада лонгхорнов, которое мы перегоняли от самого Нижнего Пекоса в Гошен, где проходила железная дорога. Оттуда старший гуртовщик с остальными парнями отправился на юг, а я задержался в городе — малость приударить за первой городской красавицей. Девушку звали Бетти Уилкинсон, и она была ослепительно прекрасна, ну прям что твой самый лучший новенький охотничий нож. Она относилась ко мне довольно-таки неплохо, но у меня под ногами все время путались соперники, в особенности же много неудобств проистекало от одного ковбоя, курносого увальня из Аризоны по имени Бизз Риджуэй.

В конце концов его постоянное присутствие рядом с Бетти сделалось для меня совершенно невыносимым, и однажды утром я неожиданно нагрянул в тот номер «Испанского мустанга», где он проживал, и сказал ему следующие слова:

— Послушай-ка ты, репейник, прилипший к штанам прогресса! Известно ли тебе, что я — очень миролюбивый, очень великодушный и безмерно застенчивый человек? Но даже мое, поистине сказочное, долготерпение все-таки имеет границы! Скажи честно, разве у вас в Аризоне уже совсем не осталось девушек? А ежели они все еще там есть, тогда какого черта ты докучаешь мне своим нехорошим поведением? И вообще, почему бы тебе не вернуться поскорее в родные края? В любом случае, я обращаюсь к тебе, как к истинному джентльмену, и убедительно умоляю держаться подальше от Бетти Уилкинсон, дабы, неровен час, с тобою не стряслась бы потом какая-нибудь пренеприятнейшая неожиданность!

Тут Бизз Риджуэй слегка попятился от меня и ответил так:

— Мне сдается, Брек, что я далеко не единственный истинный джентльмен, имеющий виды на Бетти. Почему же ты решил обратиться со столь воинственными речами именно ко мне, а, скажем, не к Радвеллу Шэпли-младшему?

— Шэпли — пустое место! — презрительно ответил я. — Зеленый молокосос, у которого недоваренная каша в голове. Я не могу рассматривать его глупые домогательства хоть в сколько-нибудь серьезном свете! Любая здравомыслящая девушка — а у Бетти здравого смысла с избытком — не обратит на такого щенка, как Шэпли, ни малейшего внимания. Но ты — совсем другое дело. Ты умеешь нравиться девушкам и говорить им сладкие речи, а значит, можешь перебежать мне дорогу. Вот почему я и решил объявить свое последнее предупреждение именно тебе!

Тут Риджуэй сделал резкое движение, и я сразу же перехватил покрепче свой охотничий нож, но Бизз вдруг рухнул обратно на стул и, к моему немалому удивлению, неожиданно разразился горячими слезами.

— Какого дьявола?! — спросил я, недоуменно почесав в затылке. — Что это с тобой такое стряслось?

— Горе мне! — простонал в ответ Риджуэй. — Ты совершенно прав, Брекенридж! Мне не следовало увиваться вокруг Бетти! Но откуда же мне было знать, что она — твоя девушка? Ведь на самом-то деле у меня даже в мыслях не было жениться на ней! Я всего лишь искал в ее обществе утешения после того, как жестокий рок разлучил меня с той, которую я преданно и трепетно люблю на всю свою оставшуюся жизнь!

— Вот как? — Я аккуратно поставил на место взведенный уже было курок револьвера и наострил уши. — Выходит, ты не испытываешь к Бетти нежных чувств? Значит, у тебя где-то есть другая девушка? И кто же она?

— О, эта девушка — подлинный сосуд самой неземной, поистине божественной красоты! — захлебываясь слезами, сообщил мне Бизз, раскачиваясь на стуле и утирая глаза моей банданой. — Ее зовут Глория ла Веннер, и она поет по вечерам в салуне «Серебряный сапог», самом большом заведении в Боевом Кличе. Мы с ней собирались пожениться, но...

* * *

Но тут чувства окончательно захлестнули Риджуэя, и он разрыдался в голос.

— И вот в нашу судьбу вмешался злой рок! — слегка успокоившись, простонал он. — Меня навеки изгнали из Боевого Клича, и у меня нету ни малейшей надежды когда-либо туда вернуться. Случилось так, что я вроде как невзначай слегка отпихнул тамошнего бармена гвоздодером, а его, совершенно некстати, потряхнул апоплексический удар или что-то вроде того. Одним словом, вскоре он помер, а во всем обвинили меня. Пришлось срочно бежать из ихнего городка, причем я даже не успел ни слова сказать своей возлюбленной о том, куда направляюсь! — Риджуэй снова утер глаза своей банданой. — И вот теперь, — всхлипывая продолжил он, — я не осмеливаюсь туда вернуться, ведь тамошние жители отчего-то настолько предубеждены против меня, что угрожают арестовать при первом же моем появлении и вздернуть на ближайшем дереве! А моя несчастная возлюбленная наверняка уже выплакала все глаза и надорвала свое сердце, ожидая, когда я наконец появлюсь, чтобы объявить о нашей помолвке! Я же тем временем вынужден влачить свои жалкие дни здесь, в изгнании! О, бедный я, несчастный!

С этими словами Бизз вдруг заплакал навзрыд, уткнувшись хлюпающим носом прямо в мое плечо. Я в некотором смущении, но довольно решительно отодвинул его от себя, и тогда он повалился лицом вниз на кровать, по-прежнему сотрясаясь в рыданиях.

— Тогда почему же ты до сих пор не написал ей письмо, проклятый дурень? — все еще с некоторой долей недоверчивости спросил я.

— Только потому, что, к стыду своему, я так и не научился ни читать, ни писать, — провыл Риджуэй. — А доверить столь деликатное дело кому-то другому я не решался. Моя Глория такая красавица; наверняка тот, кому бы я ни поручил отвезти весточку, сразу же забудет обо всем на свете и примется волочиться за моей ненаглядной! — Тут Бизз судорожно вцепился в мою руку и проговорил сквозь слезы: — Брекенридж! У тебя такое славное, честное лицо! И уж я-то, во всяком случае, никогда не верил во все те гадости, какие про тебя рассказывают! Так почему бы тебе не съездить в Боевой Клич, чтобы передать от меня весточку моей любимой?

— Я готов сделать гораздо больше, лишь бы ты не вертелся рядом с моей Бетти! — сгоряча заявил я. — Просто возьму и привезу твою Глорию сюда, в Гошен, и вся недолга!

— Ты настоящий джентльмен! — воскликнул Риджуэй, пылко трясая мою руку. — Никому другому я просто не осмелился бы доверить столь священную миссию! Думаю, лучше обойтись совсем без письма, ведь, поскольку мы с тобой оба не умеем толком писать, мне пришлось бы посвящать в свою сокровенную тайну кого-нибудь еще. Самое простое, ежели ты прямо сейчас отправишься в Боевой Клич, найдешь там в ихнем самом большом салуне «Серебряный сапог» малого по имени Туз Миддлтон и спросишь у него, как бы тебе увидеться с Глорией ла Веннер.

— Договорились! — кивнул я. — Пожалуй, придется нанять коляску, чтобы все выглядело прилично, когда мы с твоей девушкой вернемся обратно.

— А я останусь тут и буду считать мгновения, оставшиеся до той поры, пока ты не появишься на горизонте вместе с той, которую я так трепетно и нежно люблю! — с великим воодушевлением воскликнул Рид-

жуэй, потянувшись к стоявшей у него под кроватью бутылке виски.

Ну, раз так, значит, так. Я повернулся и, намереваясь побыстрее покончить с этим делом, поспешил прочь из комнаты; но не успел сделать даже нескольких шагов, как налетел на того самого жалкого карлика по имени Радвелл Шэпли-младший, о котором упомянул Риджуэй. Шэпли был одет в смехотворную куртку на обезьяньем меху, в непристойные обтягивающие штаны для верховой езды и в мягкие лакированные английские сапожки. Мы столкнулись с ним прямо в дверях «Испанского мустанга», и этот тип жалобно пискнул, и отшатнулся назад, и отчаянно закричал:

— Не надо! Не стреляй в меня, Брекенридж!

— А кто тут вообще говорит о стрельбе? — слегка раздраженно поинтересовался я.

Тут этот заморыш вроде как немного пришел в себя, и лицо его малость порозовело. Он окинул меня с ног до головы таким взглядом, будто перед ним был не я, а какой-то людоед из детской сказки или еще что-нибудь в том же духе. Впрочем, он всегда на меня так смотрел.

— Послушайте, мистер Элкинс! — решил он открыть рот. — Ведь ваши родные края находятся довольно далеко отсюда, не так ли?

— Ага, — кивнул я. — Совершенно верно. Я родом с того Медвежьего Ручья, что в Неваде.

— Вот как?! — воскликнул он с совершенно непонятной мне надеждой в голосе. — Надеюсь, вы вскоре будете иметь счастье вернуться к себе на вашу любимую родину?

— Не-а, — ответил я. — Конечно, грустно, но, вероятно, мне придется пробыть в здешних краях всю осень.

— Ах вот как! — пробормотал он с таким скорбным выражением лица, будто его только что лягнул в задницу мул.

Странно было видеть, насколько этот малый огорчился всего лишь только из-за того, что я так не скоро

попаду домой; он сделался вообще прямо как в воду опущенный!

Да и, собственно говоря, какого дьявола такой нелепый тип, как Радвелл Шэпли-младший, вообще пожаловал в Гошен? Однажды я спросил его об этом в лоб, и знаете, что ответил мне этот шут гороховый? Он, видите ли, вдруг почувствовал настоятельную необходимость попробовать жизнь, так сказать, в сыром виде, просто чтобы понять, какова она на вкус! Такой, говорит, у меня был порыв души. Ну сырая, так сырая. Я и решил, что это он про жратву. Мало ли на свете чудачков! Правда, повар из ресторанчика Ларами утверждает, что чертов сосунок ест такие же хорошо прожаренные бифштексы, как все нормальные люди!

Ну да ладно. Я быстро заседал Капитана Кидда и тронулся в сторону Боевого Клича, который находился в нескольких десятках миль к западу от Гошена. В мои намерения не входило тратить время попусту, поскольку чем быстрее я разобрался бы с этим делом, тем быстрее мог снова оказаться рядом с Бетти, получив наконец полную свободу действий. Разумеется, того же самого результата можно было бы добиться куда проще — всего лишь пристрелить Бизза. Но, к сожалению, я не мог предсказать заранее, как Бетти отнесется к такому повороту событий. Ведь женщины, они в этом смысле все какие-то малость чудные!

Я рассчитывал мирно пообедать в «Охотничьей хижине», кабачке, стоявшем прямо посреди прерии, примерно на полпути из Гошена в Боевой Клич. Но неподалеку от этого кабачка мне навстречу неожиданно попался очень странно выглядевший всадник. Сильно скособоचाсь в седле, он с большим трудом двигался мне навстречу, на восток.

Когда всадник подъехал поближе, я сразу признал в нем одного знакомого ковбоя, по имени Тамп Гаррисон, но сейчас этого малого словно только что пропустили через мельничные жернова. Поля шляпы были целиком оторваны от тульи и болтались на шее, словно

какой-то диковинный воротник, а одежда была начисто изодрана в клочья. Физиономия у парня представляла из себя одну сплошную ссадину; вдобавок ко всему левое ухо выглядело таким образом, будто его совсем недавно кто-то жевал. Причем очень долго и очень упорно.

— Угодил в торнадо? — подъехав поближе, поинтересовался я. — И как долго оно тебя крутило?

Тамп Гаррисон принялся крайне подозрительно разглядывать меня тем единственным глазом, каким еще мог смотреть на мир.

— А, это ты, Брекенридж! — после тягостного раздумья наконец произнес он. — Извини. Просто я сейчас очень туго соображаю, вот и не признал тебя сразу. По правде говоря, — добавил он, нежно поглаживая шишку на голове размером с хорошее индюшечье яйцо, — вряд ли прошло больше трех минут с тех пор, как мне с огромным трудом удалось припомнить свое собственное имя!

— Так что же с тобой все-таки стряслось? Расскажи! — сильно заинтригованный, попросил я.

* * *

Гаррисон боязливо развел руками, словно пытался убедиться, что они по-прежнему приделаны к его плечам.

— Видишь ли, я не совсем уверен, — начал он, сплунув на землю два или три зуба, мешавших ему говорить. — То есть, по крайней мере, я не совсем уверен в том, что случилось потом, уже после того, как об мою голову раскололась та ножка от стола. Потому как после этого момента многие вещи видятся мне как бы в тумане. Но что касается всего предыдущего, моя память безупречна. А ежели быть совсем кратким, Брекенридж, — пояснил Тамп, приподнимаясь на стременах, чтобы почесать свои штаны как раз в том месте, где на них виднелся большущий отпечаток подметки сапога, — я внезапно понял, что временно не являюсь желанным

гостем в «Охотничьей хижине». И хотя ты — здоровенный парень, я бы очень посоветовал тебе пока не соваться в это заведение. Ну, например, как если бы ты вдруг стал негром, китайцем и индейцем сразу!

— Это общественное заведение! — сурово сказала я.

— Как бы не так! — возразил Гаррисон, производя правой ногой такие движения, словно хотел удостовериться, что она по-прежнему присоединена к телу. — Да, возможно, оно таким и было. Но только до тех пор, как Лось Харрисом, бизоний браконьер, не вздумал остановиться там, намереваясь хорошо провести время! Видишь ли, Лось очень не любит домашнюю скотину, а заодно — всех тех, кто хоть как-то с ней связан. Он сам об этом сообщил, а затем шарахнул меня по голове той ужасной колотушкой, какой хозяин «Охотничьей хижины» обычно вышибает пробки из пивных бочек!

Гаррисон перевел дух, выплюнул еще один мешавший ему зуб и продолжил:

— А еще этот Лось добавил, что не потерпит, чтобы во время евовного отдыха ему докучали всякие там проклятые техасские ковбои, мешая малость расслабиться после трудов праведных. Сказав это, подлец надел мне на голову колесо от рулетки.

— Но ведь ты вовсе не из Техаса! — недоуменно возразил я. — Ты же откуда-то с Востока!

— Именно это я и пытался ему втолковать, когда он плясал у меня на животе; чуть грудную кость не сломал! — печально ответил Тамп. — Но он возразил, дескать, у него слишком широкий взгляд на проблему в целом, чтобы беспокоиться из-за таких мелких подробностей. По его словам, все ковбои есть не что иное, как пожирающая лучшие охотничьи уголья чума на теле матушки-земли, притом абсолютно вне зависимости от того, откуда они родом!

— Он что, в самом деле так сказал? — несколько раздраженно переспросил я. — Ну что ж, ему повезло! Поскольку у меня сейчас нету времени сводить счета с глупыми охотниками. Ведь я, из сострадания к ближ-

нему своему, занят весьма важным делом. Но пусть этот дурень не вздумает при мне трепать своим длинным языком! Потому как я твердо намерен пообедать в «Охотничьей хижине», даже если там соберутся разом все бизоньи браконьеры, сколько их ни есть в прериях к северу от Цимаррона!

— Я бы отдал последний доллар, чтобы посмотреть на эту потеху! — грустно вздохнул Тамп. — Но мой последний глаз закроется уже совсем скоро, и мне хотелось бы в этот момент находиться среди друзей. Желаю удачи!

Сказав так, он потрусил дальше, в Гошен, а я пришпорил Капитана Кидда и спустя несколько минут был уже около «Охотничьей хижины», где сразу заметил привязанного к коновязи большущего гнедого коня. Напоив Кэпа, я вошел внутрь помещения.

— Тссс! — шепнул метнувшийся мне навстречу бармен. — Уезжайте отсюда побыстрее! В гостевой комнате спит Лось Харрисом!

— Ну и что? — пожал плечами, я уселся за стол, который находился рядом со стойкой бара. — Я проголодался! Принесите мне бифштекс с картошкой и огурцами, а к нему — кварту кофе и банку консервированных персиков. Но чтобы обязательно без косточек! А куда готовят еду, подайте-ка сюда бутылочек девять или десять пива; мне необходимо срочно смыть дорожную пыль со своей глотки!

— Прислушайся к доброму совету, парень! — сказал бармен. — Поразмысли как следует, пораскинь, черт возьми, своими мозгами! Ведь ты так молод, а жизнь так прекрасна! Разве тебе не приходилось слышать, что Лось Харрисом готов бросаться на все, хоть немного напоминающее ковбоев, словно бык на красную тряпку? А уж когда он принимается кутить напропалую и хлестать виски ведрами, вот как сейчас, он вообще превращается в зверя, прям в пантеру какую-то. В нем не остается ничего человеческого! От его лап уже пало больше народу, чем в битве при Геттисберге!

— Не будете ли вы так добры перестать бляеть? — вежливо попросил я бармена. — Да поторопите своих на кухне!

— Хорошо, хорошо! — торопливо прошептал он, печально покачав головой. — В конце концов, парень, это ведь ты рискуешь собственной шкурой, а не я! Постарайся, по крайней мере, не поднимать шума. Лось поклялся, что вытряхнет душу из всякого, кто посмеет его разбудить!

Я ответил, что очень спешу и что у меня нет ни малейшего намерения ни с кем заводить ссору, и тогда бармен на цыпочках прокрался в кухню и там шепотом передал мой заказ повару, после чего притащил мне девять или десять бутылок пива, а затем совершенно бесшумно скользнул за стойку бара и притаился там, время от времени поглядывая в мою сторону с самым скорбным и меланхолическим выражением лица.

А я стал пить пиво, и, пока я его пил, мне не давала покоя одна мысль: с какой стати этот Лось Харрисом набрался такой ужасной наглости приказывать всему миру, чтобы, покуда он дрыхнет, все остальные вели себя тише воды ниже травы?! Но хочу сказать: те, кто утверждает, будто бы я нарочно швырнул опустевшие бутылки из-под пива в дверь задней комнаты только для того, чтобы разбудить этого самого Харрисома, — отъявленные лжецы! Ничего такого я не делал!

Просто-напросто, когда официант принес мне мою жратву, я захотел малость очистить стол, чтобы освободить место для тарелок и прочего; только поэтому я и отодвинул слегка те пустые бутылки в сторону. И почему-то они сами вдребезги разбились об дверь комнаты. Вдобавок ко всему откуда ж мне было знать, что Лось Харрисома может разбудить столь незначительное пустячное происшествие!

Грохот бьющегося стекла еще не стих, но бармен, застонав в отчаянии, уже нырнул под стойку. Официант, как испуганный кролик, метнулся в кухню, а уж оттуда выскочил наружу через заднюю дверь и пустил-

ся вдогонку за поваром, который к тому времени почти совсем исчез из виду, затерявшись на бескрайних просторах прерий. И тут из комнаты донесся в высшей степени примечательный, поистине нечеловеческий рев.

В следующее мгновение дверь с треском слетела с петель, и в помещение бара, размахивая кулаками, ворвался какой-то мерзкий тип в одежде из бизоньих шкур. Он и так был довольно большим, но от злобы раздулся чуть ли не вдвое. Борода и остальная растительность на голове были всклокочены, а глаза налились кровью не хуже, чем у вдрызг пьяного команча.

— Проклятье! — проскрежетал он голосом, от которого в заведении разом треснули все оконные стекла. — Какого дьявола?! Неужели меня подводит зрение, лопни мои глаза? Да неужто я на самом деле вижу здесь какого-то замухрышку-ковбоя, рассеявшегося в моем баре за лучшим столом и пожирающего бифштекс с таким видом, как будто он есть настоящий белый человек?!

— Попридержи язык или я заставлю тебя проглотить твои оскорбления! — взревел я, вскакивая из-за стола; и тут Харрисом малость выпучил глаза, разглядев наконец, что я выше его ростом дюйма на три. — У меня ничуть не меньше прав находиться здесь, нежели у тебя!

— А ну, выбирай оружие! — завыл Лось как ураган в печной трубе. К тому времени я уже разглядел у него за поясом огромный мясницкий нож да еще пару шестизарядных в расстегнутых кобурах.

— Выбирай сам! — презрительно фыркнул я. — Ну, а ежели, как я слышал, ты считаешь себя таким мастаком по части помахать кулаками, тогда снимай к чертям собачьим оружейный пояс, и я голыми руками оторву тебе уши!

— Вот это мне подходит! — прорычал он. — Счас я разукрашу весь бар гирляндами из твоих потрохов!

Сказав так, он взялся за оружейный пояс с таким видом, будто и впрямь собирался его расстегнуть, но

затем его рука быстрее молнии метнулась к рукоятке револьвера. Однако я ждал от него подобной бесчестной выходки, и шестизарядный в моей правой руке выпалил как раз в то мгновение, когда дуло его пушки уже смотрело мне в грудь.

Чуть погодя бармен осторожно высунул голову из-за стойки.

— Ни хрена себе! — заявил он, глядя на меня безумными глазами. — Ты успел-таки выхватить пушку раньше, чем Лось Харрисом, и уложил его на месте? А ведь у него было преимущество! Ежели бы я не видел этого сам, нипочем бы не поверил! Но теперь его друзья возьмутся за тебя. Да так, что только держись! Будут выслеживать днем и ночью.

— Но разве это не была чистая самозащита? — требовательно спросил я.

— Ясное дело! — торопливо подтвердил бармен. — Но для этих полубезумных, неотесанных и поросших дикой шерстью обдирателей бизоньих шкур совершенно неважно, кто прав, а кто виноват. У них свои понятия о справедливости. Возвращайся-ка ты лучше в Гошен, парень. Туда, где у тебя есть друзья!

— Не могу, — сказал я. — У меня в Боевом Кличе весьма важное дело. Черт возьми, мой кофе совсем остыл! Не будете ли вы так добры убрать отсюда эту тушу, а заодно подогреть мне кофе?

И тогда бармен начал вытаскивать тело Харрисома за дверь, проклиная покойника за неподъемный вес. У порога он остановился, чтобы перевести дух, и потребовал от меня помощи. Но я покачал головой — нет, это не мой салун, а также отказался платить за тот графин с виски: Харрисом разнес его вдребезги своим предсмертным выстрелом. Бармен почему-то пришел в ярость и заявил, что будет очень рад, когда бизоньи браконьеры поймают меня и вздернут. А я сказал: нет, это вряд ли, потому как им надо не просто поймать меня, а поймать меня без моих револьверов, а я не расстаюсь со своими любимыми пушками, даже когда сплю.

Ну а потом я все-таки как следует пообедал, после чего поспешил напрямиком в Боевой Клич.

Я добрался туда незадолго до заката и по дороге опять успел здорово проголодаться, но все же твердо решил сначала увидеться с девушкой Бизза. Поэтому я сразу поставил Капитана Кидда в платную конюшню, приглядел за тем, чтобы ему задали побольше корму, а затем, не мешкая, направился в «Серебряный сапог», который действительно оказался самым большим заведением во всем городке.

В салуне шло какое-то шумное веселье. Среди гуляк не оказалось ни одного ковбоя. Зато сплошь и рядом бизоньи браконьеры, всякого рода картежники, а также военные и торговцы. Кажется, я уже говорил, что скотогонов Боевой Клич мало привлекал, ведь в этом городке не было ни крупных покупателей, ни перевалочных загонов для скота. Да и в смысле развлечений этот глупый городишко Гошену даже в подметки не годился!

Войдя в заведение, я спросил у бармена, где мне найти Туза Миддлтона, и он указал мне на одного здорового малого с сильно напояженными усами и выпяченным пузом, едва прикрытым модным жилетом, по которому струилась золотая часовая цепочка, размерами скорее смахивавшая на колодезную. Еще я обратил внимание на отлично сшитый костюм и замысловатый галстук с бриллиантовой заколкой в виде лошадиного копыта.

Ну ладно, подошел я к нему, и он окинул меня взглядом, не сулившим ничего хорошего.

— Вот как? — сказал Миддлтон. — Значит, к нам пожаловал ковбой? Что ж, твои деньги ничуть не хуже, чем чьи-то другие. Ешь, пей, веселись, но помни свое место. И главное, смотри не вздумай затеять здесь ссору!

— Я никогда ни с кем не затеваю ссор! — с достоинством ответил ему я. — И вообще, я пришел сюда не веселиться. Мне нужно срочно повидаться с Глорией ла Веннер!

Стоило мне произнести такие слова, как он судорожно дернулся, подавившись своей сигарой. Смех и разговоры вокруг нас мгновенно стихли, а все находившиеся поблизости разом обернулись в мою сторону.

— Как?! — прохрипел Туз Миддлтон, наконец выплюнув свою сигару. — Неужели меня не подвел слух и ты действительно только что заявил, будто хочешь повидаться с Глорией ла Веннер?!

— Ну да, — недоуменно пожал плечами я. — А что тут такого? Я собираюсь забрать ее с собой в Гошен, чтобы она могла спокойно выйти там замуж за...

— Ах ты... — Он схватил ближайший столик, с корнем оторвал от него ножку и изо всей силы огрел меня этой ножкой по голове.

Клянусь, все случилось совершенно неожиданно, вот почему проклятому Миддлтону удалось-таки застать меня врасплох. Ведь я сперва понятия не имел, зачем ему понадобилось ломать стол, а потому просто не успел уклониться от удара. И ежели бы у меня на голове не было моей любимой стетсоновской шляпы, мерзавец как пить дать проломил бы мне череп.

Но, к счастью, шляпа оказалась на месте, и поэтому удар просто отбросил меня назад, на толпу зевак. Пока я пытался восстановить равновесие, трое или четверо вышибал успели схватить меня за руки и мигом выудили у меня из кобуры револьверы.

— Вышвырните его вон! — проревел Туз. Он вел себя, словно буйно помешанный дикарь, а его лицо так налилось кровью, что сделалось иссиня-багровым. — Нет! Погодите! Значит, ты хотел умыкнуть мою девушку, вот как?! Держите его, парни! Держите как следует, покуда я не разукрашу как следует евовное свиное рыло!

С этими словами он набросился на меня и, пользуясь тем, что вышибалы по-прежнему висли на моих руках, довольно чувствительно стукнул меня по носу. Должен признаться, до тех самых пор я не сопротивлялся, потому как был слишком изумлен всем происходящим. Но тут уж Туз зашел слишком далеко. Не-

позволительно далеко даже для такого ненормального психа, каким он несомненно оказался!

Поскольку никто не догадался держать меня еще и за ноги, я подогнул их и пнул Туза в живот со всей силы. Он, придушенно вскрикнув, отлетел далеко в сторону и повалился на пол, свернувшись в клубок. А я тем временем принялся втыкать свои шпоры в ноги вышибалам, и они завопили благим матом, отпустив наконец мои руки. Как раз в этот момент какой-то подлец огрел меня по уху дубинкой.

Тут уж я взбеленился окончательно и нагнулся, чтобы вытащить из-за голенища охотничий нож, но какой-то здоровенный рыжий сосунок изо всех сил пнул меня ногой в лицо, когда я нагибался. Его удар выпрямил меня как раз настолько, чтобы я смог от души врезать этому чудаку в челюсть, и тот, не издав ни звука, рухнул прямо на Туза, который все еще катался по полу, держась руками за живот, и слабым голосом призывал на помощь.

Пока я разбирался с тем рыжим, сзади мне на спину прыгнул еще один низкопробный мерзавец, который стал душить меня сзади за шею и одновременно лупцевать по голове медным пестиком. Такое дело мне очень сильно не понравилось, я резко нагнулся и перебросил подлеца через голову, а затем пару раз лягнулся, сбив со спины на пол еще парочку негодяев. Но тут ко мне сбоку подкрался какой-то бандит со шрамом на роже и со всего размаху ударил колотушкой, какой обычно вышибают затычки из бочек. Я рухнул на колени и начал сомневаться, уцелел ли мой череп и на сей раз. Воспользовавшись моей секундной нерешительностью, на меня с радостными воплями набросилось еще человек шесть или семь разом, и тут уж я увидел, что, несмотря на все мое прирожденное миролюбие, без насилия мне обойтись ну никак не удастся. Поэтому я вытащил-таки свой охотничий нож и принялся с его помощью пробивать себе дорогу сквозь жаждавшую моей крови толпу! Трудно поверить, но

они скатились с меня и бросились во все стороны даже быстрее, чем если б на моем месте был кутуар! Они рассыпались кто куда, окропляя пол салуна кровью, истошно вопя и призывая на помощь, и я наконец поднялся на ноги, вздохнул полной грудью и взревел, весь вне себя от охватившей меня буйной ярости!

* * *

Тут кто-то выстрелил в меня сзади, и тогда я круто обернулся, пытаюсь определить, откуда именно стрелял очередной подлец, но именно в этот момент через наружные двери вбежал человек с револьвером и навел этот револьвер на меня. Я уже шагнул в его сторону, имея самые серьезные намерения проткнуть чудака своим ножом насквозь, как вдруг он завопил:

— Брось оружие! Бросай его сейчас же, кому говорю! Я — шеф городской полиции, и отныне ты под арестом!

— За что? — резко спросил я. — Ведь я еще ничего такого не успел сделать!

— Ничего?! — свирепо заскрежетал зубами нетвердо державшийся на ногах Туз Миддлтон, которого поддерживали под руки его прихвостни. — Конечно ничего! Всего лишь отрезал по нескольку кусочков от пяти или шести самых видных граждан нашего города! А еще вот тут, прямо у меня под ногами, валяется без чувств, но зато со сломанной челюстью мой самый лучший вышибала, Рыжий Крохан! А уж о таких пустяках, как мой желудок, размазанный по моему собственному хребту, вообще говорить не приходится! Ох! Чтоб ты лопнул! Не иначе как среди твоих предков затесался на редкость здоровенный мул!

— Сантри! — малость переведа дух, приказал Туз Миддлтон шефу полиции. — Этот человек явился сюда пьяный, начал буйствовать и угрожать присутствовавшим, после чего затеял драку без малейшего к тому повода! Тебе надлежит выполнить свой долг и немедленно арестовать проклятого преступника!

Черт с вами, подумал я. Во-первых, отец вечно втолковывал мне, чтобы я никогда и ни при каких обстоятельствах не оказывал сопротивления представителям закона. Во-вторых, полицейский все равно уже забрал мой пистолет, а в-третьих, вокруг толпилась такая куча народу и все они так орали, ругались и галдели, что в результате я вроде как даже пришел в легкое замешательство. А когда мне надо как следует обдумать дальнейшие действия, я люблю шевелить мозгами где-нибудь в тихом, спокойном месте, и еще очень желательно, чтобы у меня имелось достаточно времени на эти самые размышления.

Ну а дальше Сантри первым делом защелкнул на моих запястьях наручники, после чего вытолкнул меня из салуна и повел по улице, причем следом за нами тащилась большая толпа зевак и они всю дорогу отпускали замечания, которые им самим наверняка казались весьма ехидными. Так мы дошли до бревенчатого барака с зарешеченным задним окном и толстой дверью. Тогда Сантри снял с меня наручники и втокнул внутрь, после чего запер дверной замок. В общем, оказался я в тюрьме, так и не сумев даже словечком перемолвиться с Глорией ла Веннер. Надо сказать, подобное положение дел расстроило меня до глубины души.

Тем временем толпа зевак, продолжая ругаться и толкаться, развернулась и валом повалила назад, в «Серебряный сапог», чтобы поглазеть, как там зашивают тех парней, что в недавней свалке ненароком наскочили на мой охотничий нож. Ушли все, кроме одного очень толстого малого, который, зевая, сообщил мне, что он — мой тюремщик. После чего этот толстяк тут же преспокойно уселся прямо под дверями тюрьмы, положив на колени двустольный дробовик, и мгновенно заснул.

Ну да ладно.

Внутри тюрьмы было совершенно пусто, ежели не считать койки, на которой сверху валялась старая шерстяная попона, да еще деревянной скамейки. Кой-

ка, конечно же, оказалась слишком короткой, чтобы на ней можно было спать хоть с какими-то удобствами, поскольку ее делали в расчете на человечка всего шести футов ростом. Поэтому я просто уселся на нее и стал ждать, когда кто-нибудь придет и принесет мне пожрать.

Немного погодя к тюрьме снова пришел шеф полиции, но никакой жратвы он не принес, а всего лишь заглянул внутрь через окно и снова принялся ругать меня на чем свет стоит, а потом заявил:

— Тебе еще повезло, что ты не зарезал никого из тех парней в салуне насмерть! Но раз уж так вышло, то мы, может быть, и не станем тебя вешать!

— Ежели мне не принесут чего-нибудь пожрать в самом скором времени, — сварливо ответил я, — то вы не сумеете повесить меня, даже если очень захотите! Вы что, вознамерились дожидаться, покуда я помру с голоду в вашей проклятой тюрьме?

— Мы не намерены поощрять преступность в нашем городе, обеспечивая преступников дармовым пропитанием! — ответил мне полицейский. — Так что, ежели хочешь жрать, дай мне денег, и я куплю тебе еду!

Тогда я сказал ему, что у меня нету никаких денег, кроме пяти баксов, какими я думал уплатить штраф, а он рассмеялся и заявил, дескать, эти пять баксов и близко не стоят к сумме моего штрафа, такой он будет большой. После подобных разъяснений я поскреб в затылке и отдал ему свои последние деньги на жратву, а он забрал их и ушел.

Я все ждал и ждал, а Сантри все не шел и не шел. Поэтому я стал кричать, пытаюсь разбудить своего тюремщика, но тот продолжал громко храпеть под дверью и даже не пошевелился. И тут я вдруг услышал, как рядом с окном кто-то довольно громко сказал мне:

— Тс-с-с!

Я подошел к окну, выглянул наружу и увидел у стены женщину. Над прериями висела яркая полная луна, от которой было светло почти как днем, а пото-

му я сумел разглядеть ее лицо. Незнакомка была чертовски хороша собой!

— Меня зовут Глория ла Веннер, — представилась она. — Я рискую жизнью, появившись здесь! Но мне ужасно хотелось посмотреть на человека, который осмелился подойти прямо к Тузу Миддлтоу и объявить ему, что ищет встречи со мной!

— А чего уж тут такого безумного? — спросил я.

— Как? Разве вы не знаете? Туз уже застрелил троих парней только за то, что они попытались ухаживать за мной! — воскликнула Глория ла Веннер. — Конечно, мужчина, который сумел одним ударом сломать челюсть Рыжему Крохану, силен как гризли, но все равно: сказать Тузу, будто вы хотите жениться на мне, — чистейшее безумие!

— А-а, — протянул я, — вот оно в чем дело! Значит, вышло небольшое недоразумение. Но ведь этот ваш Туз не дал мне и слова вставить! Жениться на вас хотел не я, а совсем другой человек. И все равно никак не пойму, кто дал Миддлтоу право вмешиваться? Ведь у нас — свободная страна!

— Вот и я так думала! — грустно вздохнула женщина. — До тех пор пока не начала работать на этого человека. А потом, к несчастью, он влюбился в меня. Тут-то все и началось. Туз оказался ревнивым до безумия, он даже не позволяет никому просто поговорить со мной. Я живу в Боевом Кличе практически на положении узницы; Миддлтон все время зорче ястреба следит за мной. У меня нет ни малейшей возможности бежать от него, потому что никто во всем городе не осмеливается помочь мне. Даже в платной конюшне отказываются предоставить мне лошадь во временное пользование за мои же собственные деньги!

Она немного помолчала, переводя дух, а потом продолжила:

— Вы, наверно, уже поняли, что Миддлтон подчинил себе почти весь город; большинство людей ходит у него в должниках. А остальные просто запуганы.

Я уже начинаю думать, что мне суждено провести остаток своих дней на положении его рабыни! — с неподдельным отчаянием воскликнула Глория.

— Ни в коем случае! — заверил ее я. — Как только мне удастся передать весточку своим друзьям в Гошен, чтобы они ссудили мне денег, а потом прислали сюда сумму, достаточную для уплаты штрафа, и вытащили меня из этой дурацкой тюрьмы, я сразу же заберу вас с собой в Гошен, где ваш возлюбленный сторает от нетерпения, считая часы в ожидании встречи с вами!

— Мой возлюбленный? — слегка удивившись, спросила Глория. — Но кого вы имеете в виду?

— Разумеется, Бизза Риджуэя, — ответил я. — Кого же еще? Он как раз сейчас в Гошене, но, поскольку в Боевой Клич ему путь заказан, он попросил съездить за вами меня.

Девушка некоторое время молчала, а затем снова заговорила, но уже более торопливо:

— Хорошо. Пусть будет так. Но теперь мне необходимо спешить назад, в «Серебряный сапог». Иначе Туз Миддлтон заметит мое отсутствие и примется повсюду искать. Сегодня же я найду Сантри и уплачу ему причитающийся с вас штраф. А когда он вас выпустит, приходите к задней двери «Серебряного сапога» и ждите меня там. Я выйду, как только мне снова удастся ускользнуть из-под надзора.

Ну, я, конечно, согласился, и девушка поспешно ушла. Тюремщик, продолжавший храпеть под дверями во время нашего разговора, даже ухом не повел. Зато минут через пятнадцать после того, как ушла Глория, он вдруг вскочил как ошпаренный. И было от чего: по улице, направляясь в сторону тюрьмы, двигалась целая толпа отчаянно ругавшихся и громко вопивших мужчин.

— Та-та-та! — воскликнул тюремщик. — В эту сторону прет не кто иной, как сам Брант Хансон, во главе целой кучи своих приятелей, бизоньих браконьеров. Они тащат с собой здоровенную веревку и направляются не иначе как напрямик к тюрьме!

— Как ты полагаешь, кто им тут нужен? — поинтересовался я.

— А чего тут полагать, ведь в тюрьме, кроме тебя, все равно никого нету! — язвительно ответил тюремщик. — А через минуту и рядом с ней никого не будет, кроме тебя и этих парней. Потому как я уношу ноги! Когда Хансон и его свора в стельку пьяные начинают колобродить вот таким вот образом, им все равно, в кого стрелять! Лишь бы пострелять. А мне жить еще пока не надоело!

С этими словами тюремщик аккуратно положил возле стены дробовик, быстро свернул за угол барака и рванул прочь от тюрьмы, да так, что только пятки засверкали.

А минуту спустя человек пятнадцать бизоньих браконьеров, все в одежде из кожи, со всклокоченными волосами, возбужденно толпились около тюрьмы, пытаясь вышибить дверь. Но дверь оказалась довольно-таки прочной и не поддавалась. Тогда они обошли бревенчатый барак вокруг и стали заглядывать в окно.

— Вон он сидит, — сказал один из них, — все в порядке, парни! Давайте просто пристрелим его, прямо через окно.

— Не-а, — отозвался другой. — Так не пойдет! Надо сделать все честь по чести!

Тут я решил поинтересоваться, чего они хотят.

— Повесить тебя! — с большим воодушевлением ответили они.

— Вы не можете так поступить! — возразил я. — Потому как это против закона!

— А нам плевать! — заявил самый здоровенный из браконьеров, которого все остальные звали Хансом. — Ты застрелил Лося Харрисома, и ты умрешь!

— Но все было честно! — возмутился я. — Этот ваш Лось первым напал на меня, и шансы у нас были равные!

— Достаточно словесных уверток! — проревел Хансон. — Я не желаю тебя больше слушать! Все рав-

но мы уже твердо решили тебя вздернуть, а потому всякие дальнейшие споры на эту тему излишни! Сюда, парни! — скомандовал он своим спутникам. — Вяжите веревку вон за те перекладыны, а затем мы подналяжем и выдернем всю решетку целиком! Так получится куда проще, чем ломать ту дурацкую дверь. И давайте покончим с этим поживее, потому как я тороплюсь назад, в «Ревущий бизон», где меня ждут партнеры по покеру!

Ну, значит, накинули они свою веревку на решетку, и навалились все вместе, и крикнули, и поднатужились; несколько перекладин выскочили из бревен с одной стороны окна. А я подобрал скамейку и стал ждать, полный решимости разбить головы всем тем идиотам, какие вздумают полезть внутрь, но тут, сильно запыхавшись, прибежал еще один малый.

— Пойдите, парни! — заорал он. — К чему тратить силы понапрасну! Я только что встретил Сантри в казино «Королева Тобеки», где он просаживает денежки, какие ему удалось выманить у этого дурня-ковбоя, и он, узнав о наших затруднениях, дал мне ключи от тюрьмы!

Тут браконьеры радостно завопили, бросили возиться с решеткой и беспорядочной толпой вновь побежали к входной двери. Я быстро заклинил ту дверь скамейкой, вернулся к окну и вырвал те перекладыны решетки, которые уже были расшатаны людьми Хансона. Мне было хорошо слышно, как они переговариваются и гремят ключами, а когда я уже вылезал в окно, один из линчевателей недоуменно сказал:

— Странно! Замок открылся, а дверь один черт не поддается. А ну-ка, навалимся на нее как следует, парни!

Одним словом, покуда они ломались в дверь, я успел обежать тюрьму вокруг и по дороге подобрал дробовик тюремщика. Тут как раз скамейка с треском сломалась, дверь распахнулась настежь, и эти чудачки попытались одновременно ворваться внутрь. Ну и конечно же, они всей толпой застряли в дверном проеме, свирепо ругаясь и проклиная друг друга.

— Прекратите пихаться! — заорал Хансон. — Черт возьми! Он удрал, клянусь кутуаром! Проклятая тюрьма пуста!

Тут я не торопясь навел дробовик и выпалил из обоих стволов по задницам этих дурней. Мне даже не пришлось особо целиться, потому как промахнуться по такой обширной мишени было просто невозможно. Дружный вопль, вырвавшийся из ихних глоток, потряс всю округу. А затем они дружно дернулись и всей гурьбой ввалились внутрь тюрьмы. Причем некоторые так и не сумели остановиться, пока не врезались своими глупыми головами в противоположную стену и не свалились без чувств. Остальные же, споткнувшись об этих бедолаг, тоже попадали на пол.

В результате на полу образовалась куча-мала, от которой неслись такие неистовые вопли и проклятия, что даже дьяволу, пожалуй, стало бы тошно. Ну а я быстренько запер дверь и опять побежал к окну, и успел туда как раз вовремя, потому как очень шустрый Хансон уже почти вылез через него наружу. Поэтому я шарахнул его по башке дробовиком; он свалился с окна внутрь и заорал благим матом.

— На помощь! — выл он. — Я получил ужасную, смертельную рану!

— Немедля прекрати свои непристойные вопли! — сурово велел ему я. — Никто из вас пока что серьезно не пострадал! А теперь выкиньте все ваши пушки из окна сюда ко мне и ложитесь на пол, лицом вниз, и лежите смирно. Да поторопитесь, иначе я еще разок хорошенько утощу вас!

Они понятия не имели, что дробовик у меня разряжен, а патронов к нему нету, а потому торопливо по-выкидывали наружу все свое оружие и покорно улеглись на пол. Но вот лежать смирно они никак не могли — птичья дробь, засевшая у каждого из них в мягком месте, причиняла довольно сильные и весьма унижительные неудобства; поэтому они вертелись и ерзали на полу, оглашая стены тюрьмы всякими нехо-

рошими громогласными высказываниями, слушать которые было в высшей степени неприятно. Я нагнулся, подобрал с земли пару револьверов и заткнул их за пояс.

— Ежели в течение ближайшего часа какой-нибудь умник решится высунуть свою башку в окно, — предупредил я этих мелких жуликов, — то он тут же с ней распрощается раз и навсегда!

* * *

Сказав так, я неслышно отошел в сторону и, стараясь держаться тех мест, где было потемнее, направился к платной конюшне.

Ее владелец сидел у стола и при свете фонаря читал газету. Увидев меня, он очень удивился и сообщил мне, что, по его мнению, я должен сейчас сидеть в тюрьме. Я пропустил мимо ушей столь глупое замечание и велел, покуда я седлаю Капитана Кидда, запрячь в коляску самую быструю лошадь.

— погоди-ка! — ответил он. — До меня дошел слух, парень, будто бы ты заявил Тузу Миддлону, что собираешься тайно бежать отсюда с Глорией ла Веннер. Не заказываешь ли ты эту коляску для нее?

— Какая уж тут тайна, ежели я сказал ему это при всех? — удивился я. — И не бежать, а уехать. А коляску я действительно заказываю для нее.

— Видишь ли, — продолжил владелец конюшни, — Туз Миддлон — мой друг! И я отказываюсь предоставить тебе мой экипаж с лошадыю!

— Тогда не вертись под ногами! — посоветовал я ему. — Так и быть, я сам выберу лошадь и запрягу ее тоже сам!

Тут он ни с того ни с сего вдруг выхватил свой охотничий нож, и мне, против моей воли, пришлось с ним немного сцепиться. Но во время нашей борьбы этот малый зачем-то стукнулся головой об дышло, которое в тот момент чисто случайно оказалось у меня в руке, после чего он, с каким-то булькающим звуком,

повалился на пол и на время успокоился. Тогда я аккуратно связал его и затолкал за ларь с овсом, после чего выкатил наружу коляску и запряг в нее самую лучшую лошадь, какую мне удалось найти в конюшне. Должен сразу сказать: люди, распространяющие повсюду сплетни о том, что я будто бы украл эту упряжку, — отъявленные лжецы! Ведь после тех событий даже года не прошло, как она была возвращена обратно!

Ну да ладно.

В общем, заседал я Капитана Кидда, привязал его сзади к коляске, сел на козлы и тронулся в сторону «Серебряного сапога», по дороге размышляя о том, как долго те глупые бизоньи браконьеры еще будут валяться на полу в тюрьме, прежде чем сообразят, что я их надул и ушел, а вовсе не прячусь позади тюрьмы с целью расправиться с ними, как только они начнут вылезать через окно.

Я свернул в проезд позади «Серебряного сапога», привязал лошадей к дереву, а потом подошел к задней двери, приоткрыл ее и осторожно заглянул внутрь. Глория ждала прямо за дверью. Женщина прям-таки вцепилась в меня, и я почувствовал, что она вся дрожит.

— Я уже думала, что вы никогда не придете! — прошептала она. — Осталось всего несколько минут до моего следующего выступления. Я жду вас здесь с того самого времени, как уплатила этому Сантри причитающийся с вас штраф. Отчего вы так сильно задержались? Ведь он ушел из «Серебряного сапога» сразу же, как я дала ему деньги! Он должен был выпустить вас давным-давно!

— Он вовсе не собирался меня выпускать, этот вонючий и бесчестный скунс! — проворчала я. — Он просто присвоил ваши деньги, а освободили меня другие люди; кое-кто из... м-м-м... ну, в общем, кое-кто из моих друзей. Что же вы стоите? Залезайте быстрее в коляску!

Я помог девушке взобраться на место кучера и передал ей вожжи.

— Мне придется малость подзадержаться в городе, — сказал я Глории. — Необходимо вернуть кое-какие долги. А вы поезжайте потихоньку вперед и ждите меня возле той тополиной рощицы, что растет чуть к востоку от городка. И не тревожьтесь, я скоро буду!

Дернув за вожжи, Глория поспешно покатила прочь от «Серебряного сапога», а я залез на Капитана Кидда, объехал вокруг салуна, спешил к передней двери и привязал своего коня возле кормушки. В «Серебряном сапоге» было полно людей. Среди них я разглядел Туза Миддлтона, который, словно индеек, с самодовольным видом расхаживал по своему заведению, перекачивая во рту большущую черную сигару. Он то и дело отпускал плоские шуточки и одобрительно хлопывал присутствовавших по спинам.

В салуне шло такое бурное веселье, что никто даже не обратил на меня внимания, когда я появился в дверях. Подобная неучтивость немного огорчила меня, и я решил исправить положение, пару раз выпалив в большое зеркало за баром из тех револьверов, какие я недавно одолжил у бизонных браконьеров возле тюрьмы.

Тогда меня наконец заметили, и бармен жалобно твякнул, уворачиваясь от града зеркальных осколков. Туз Миддлтон сперва чуть не подавился своей сигарой, а потом кое-как выплюнул ее изо рта и яростно взвыл:

— Чтоб я лопнул! Это опять тот проклятый ковбой! А ну, задайте ему жару, парни!

Но все его вышибалы сделали вид, будто не слышали Миддлтона. Все, кроме одного. Тот головорез со шрамом на роже, который в прошлый раз едва не оглушил меня деревянной колотушкой, быстро выхватил из-под куртки свою пушку. Но прежде, чем он успел выстрелить, я уже продырявил ему правое плечо, и он грохнулся прямо на столик для карточной игры.

Ну а затем я принялся щедро поливать толпу горячим свинцом, и все они сломя голову бросились кто куда. Одни начали выпрыгивать через окна и сквозь стеклянную витрину, другие ринулись к боковым две-

рям. Те, кто рванулся к задней двери, вдруг позабыли, в какую сторону она открывается, и, желая немедленно оказаться на свежем воздухе, разнесли ее вдребезги.

Ну а я, слегка возбужденный происходящим, изрешетил все зеркала в заведении, а затем посбивал почти все светильники, после чего расколошматил большинство бутылок на полках.

Туз Миддлтон нырнул за пивные бочки, составленные в одном из углов, и оттуда принялся было палить в меня, но позицию он выбрал крайне неудачно, не заметив, что оказался прямо под очередным светильником. Яшиб тот светильник одним выстрелом, и он рухнул на голову Миддлтону. Невозможно описать словами, как истошно завопил Туз, когда горящее масло потекло ему за шиворот! Он тут же выскочил из-за бочек на открытое место, подпрыгивая и вертясь, стряхивая масло с шеи одной рукой и пытаясь одновременно стрелять в меня другой. И тогда я продырявил ему левую ногу, после чего он рухнул на пол, заревев словно бык, прищемивший хвост в воротах загона.

— Проклятый убийца! За такие фокусы я однажды выпью твою кровь до последней капли!

— Заткнись, болван! — зарычал я в ответ. — Какие там еще фокусы! Я всего лишь вернул тебе должок за все те издевательства и унижения, какие мне пришлось претерпеть здесь, в вашем логове порока и беззакония!

* * *

Как раз в этот момент дурень-бармен слегка высунулся из-под бильярдного стола, попытался выстрелить в меня из обрезка, но я с первого же выстрела вышиб дробовик у него из рук. Придурок повалился обратно под стол с истошным воплем:

— Пощади! Я больше не буду!

А сразу вслед за тем раздался другой, почти такой же истошный крик:

— Именем закона, стой! Руки вверх!

И тогда я оглянулся и увидел в дверях жалкого пустозвона по имени Сантри, шефа полиции в этом ничтожном городишке.

— Я вынужден арестовать тебя снова! — заорал он. — Немедля положи на пол свое оружие!

— На этот раз я скорее положу на пол твой труп! — сурово ответил ему я. — Ты недостойн представлять закон. Ты подло проиграл в карты пять баксов, какие я уплатил тебе за еду, которой так и не дождался. И ты присвоил себе деньги, полученные от мисс Глории ла Веннер в качестве штрафа, но не выпустил меня, как обещал, а наоборот — отдал ключи от тюрьмы толпе пьяниц, жаждавших вздернуть меня на ближайшем дереве. Ты никакой не слуга закона! Ты есть самый гнусный преступник в вашем мерзком городишке! И вот теперь у тебя в руке такой же точно револьвер, как у меня. Игра равная. Либо начинай стрелять, либо бросай свою пушку на пол!

— погоди! — отчаянно завопил Сантри. — Не стреляй! — С этими словами он отшвырнул револьвер в сторону и поднял руки. Тут я увидел, что у него за пояс заткнуты мой охотничий нож и мой любимый револьвер, и я отобрал их у него, после чего швырнул на бильярдный стол те два сорок пятых, какими я только что пользовался, и сказал:

— Отдашь это барахло тем браконьерам. Мне чужого не надо!

И тут, улучив момент, когда я на мгновение отвлекся, Сантри выхватил тот тридцать восьмой, какой он таскал в наплечной кобуре, и выпалил в меня почти в упор и промахнулся, всего лишь сбив с меня шляпу. Так что и стрелком этот малый оказался совсем никудышным! Увидев, что промазал, он повернулся и побежал вдоль стойки бара, согнувшись так, чтобы его голова была мне не видна. Но придурок-полицейский совсем забыл про другую часть своего тела. А потому я схватил валявшийся рядом дробовик бармена и всадил добрую порцию дрови из обоих стволов в эту самую часть, куда она не успела тоже скрыться из виду!

Сантри истошно взвизгнул, рухнул у бара на пол и закатил самую настоящую истерику. В общем, махнул я на них на всех рукой, отшвырнул дробовик так, что он случайно пролетел сквозь колесо рулетки, и быстро вышел из салуна.

Я, по-видимому, застал врасплох нескольких чудачков, засевших с оружием за лошадиной поилкой в надежде подстрелить меня, когда я покажусь в дверях. Они испуганно засуетились, и их выстрелы оставили на мне всего несколько царапин. В ответ мой шестизарядный рывкнул несколько раз, обратив этих жалких типов в беспорядочное бегство.

Вскочив на Капитана Кидда, я направился по улице на восток, не обращая никакого внимания на прихвостней Миддлтона, стрелявших в меня из проездов и из окон. Впрочем, проезжая мимо них, я иногда для порядка отстреливался. Думаю, именно таким образом мэр Боевого Клича и лишился мочки уха. Во всяком случае, мне вроде как слышалось, что кто-то отчаянно взвыл за забором его дома, когда я выпалил в ту сторону из своего шестизарядного в ответ на просвистевшую мимо меня пулю.

В общем, довольно скоро мы с Кэпом добрались до тополиной рощицы, да только там уже не оказалось ни Глории, ни лошади, ни повозки. Зато там нашлась записка, приколотая к стволу одного из тополей. И вот что я прочел при свете луны:

Дорогой мой ковбой!

Ваш друг, наверно, просто хотел над вами пошутить. Я в жизни не встречала ни одного человека по имени Бизз Риджуэй. Но я решила воспользоваться подвернувшимся случаем, чтобы навсегда сбежать от Миддлтона. Поэтому я, не дожидаясь вас, направилась отсюда напрямик в Тревано-Спрингс, откуда обязательно вышлю вам назад коляску и лошадь. Благодарю вас за все, что вы для меня сделали.

Глория ла Веннер

Я гнал Кэпа со всей скоростью, на какую тот был способен, и оказался в Гошене на рассвете. Бизза Риджуэя я нашел легко: тот все еще торчал в баре «Испанского мустанга».

Увидев меня, Риджуэй смертельно побледнел и попытался было выпрыгнуть в окно, но я успел-таки схватить его за шиворот.

— Что ты имел в виду, когда скормил мне ту лживую басню про себя и про Глорию ла Веннер? — разъяренно спросил я. — Небось, просто хотел, чтобы меня прикончили?

— Ну-у, — протянул он, дернувшись пару раз и поняв, что я держу его крепко, — видишь ли, Брекенридж... Ежели честно, то да, хотел! Сам знаешь: в любви, как и на войне, все средства хороши. Мне надо было как-то убрать тебя с дороги, чтобы никто не мешал мне спокойно сделать предложение Бетти. Я краем уха слышал про ту историю с Тузом Миддатоном и Глорией, а потому прикинул так, что он очень даже может управиться с тобой раз и навсегда, если я pošлю тебя в Боевой Клич с таким поручением. Но тебе совершенно незачем так беситься! Ведь вся эта заваруха не принесла мне добра. Бетти уже замужем.

— Что-о?! — оглушительно взревел я.

Риджуэй непроизвольно присел и долго тряс головой.

— Вот именно! — сказал он наконец. — Все выгоды из твоего отсутствия извлек другой. Подлец тут же побежал к Бетти и сделал ей предложение, и она приняла его, и теперь они оба укатили в Канзас-Сити, чтобы провести там медовый месяц. Он никогда бы не осмелился сделать такое, покуда ты был в городе, потому как опасался, что ты его просто-напросто пристрелишь. Да он и сейчас тебя как огня боится, вот потому-то они и собираются обосноваться где-нибудь на Востоке, как можно дальше отсюда.

— Кто он?! — вскричала так яростно, что изо рта у меня даже полетели брызги слюны.

— Как это кто? — искренне удивился Риджуэй. — Конечно же, Радвелл Шэпли-младший, кто же еще? Но ведь ты сам во всем виноват, Брек! Ведь я же тебя предупреждал, что...

Точно не скажу, но, наверно, именно в этот момент у Бизза Риджуэя и вывихнулась случайно нога, которой он, вылетая в окно, так неловко зацепился за подоконник. Тем не менее я решительно отвергаю все упреки в мой адрес по поводу моего тогдашнего поведения, совершенно естественного в подобной ситуации.

Потому как Элкинс с разбитым от горя сердцем — совсем не тот человек, с чьими чувствами кому-либо позволительно шутить!

ЛИК СМЕРЧА

КОРДОВА КОВБОЕВ НЕ ЖАЛУЕТ

До меня тут дошел слух, будто на днях в одном из салунов Финт-сити собралась целая толпа браконьеров: судили-рядили, как бы им сохранить в целости собственные шкуры, покуда они охотятся за бизоньими. А потом один малый возьми да и брякни:

— Размычались тут чисто бычки годовалые! Прямо мутит от вашего бестолкового блеянья! То про солдат толкуете: не дают, подлецы, нам, беднягам, развернуться как следует, то о команчах и апачах у вас головы болят: как бы те не добрались до наших драгоценных скальпов. Битый час одну и ту же жвачку жуете. Планы дурацкие строите, хотя все эти пустяки того не стоят, чтобы здакий огород городить. И когда же в ваши головы садовые втемяшится наконец, что нам, честным браконьерам, куда меньше беспокойства от всех этих солдат и команчей с апачами, вместе взятых, чем от одного Брекенриджа Элкинса!

Вот она, людская предвзятость! Глядя на то, как браконьеры забиваются в щели, стоит мне появиться где-нибудь поблизости, иной сразу решит, что я дер-

жу на них зуб. А каких только мерзостей они не рассказывают про ту историю в Кордове?! Их послушать, так я себя там вел словно волк среди невинных ягнят. Тогда откуда, спрашивается, появились все эти дырки в стенах салуна «Алмаз», который послужил мне совсем неплохим фортом? По чьей милости мэр Кордовы пробил своей головой забор?

Кто хотел спалить лавку Джо Эмерсона только затем, чтобы выкурить меня оттуда? И вообще, кто первым затеял всю ту заваруху, развесив в общественных местах листовки оскорбительного содержания? А теперь те же самые парни корчат из себя невинно пострадавших. Нет, ну это надо же! Если вам попадется хоть один беспристрастный свидетель той истории, которому посчастливилось уцелеть, порасспросите его, и он наверняка подтвердит, что я вел себя достойно. Во всяком случае, настолько, насколько может быть достойным поведение человека, в которого со всех сторон палят из револьверов около полусотни этих рассвирепевших живодеров, этих обдирателей бизоньих шкур.

До того раза я ни одного бизоньего браконьера и в глаза не видывал. Потому что никогда прежде не забирался так далеко на восток. В Нью-Мехико мы оказались вместе с одним типом по прозвищу Ром-Баба.

Мы с ним встретились в Аризоне, потом я застрял в Альбукерке, а мой приятель отправился дальше, напрямик в Финт-Сити. Правда, из Альбукерка мне пришлось смотаться раньше, чем я рассчитывал, причем в кармане у меня катался всего один доллар — остальные ушли на похороны трех парней. Бедолаги сперва шибко критиковали демократическую партию, а потом, чисто случайно, по очереди наскочили на мой охотничий нож. Жаль денег, конечно, да только я не из тех, кто бросает тела своих оппонентов на попечение местных общин.

Ну вот, выбрался я кое-как из города и потрусил к лагерям ковбоев на Пекосе в надежде подыскать там

какую-никакую работенку. Но не успел я проехать и мили, как мне навстречу попался бродяга верхом на жуткой кляче. Парень пару раз перевел взгляд с меня на Капитана Кидда и обратно, а потом заявил:

— Ты — это он, не иначе. Никто другой просто не подойдет под то описание, какое он мне дал.

— Кто дал? — спросил я.

— Как кто? — удивился бродяга. — Ром-Баба, кто ж еще. Он вдобавок и письмо мне всучил. Для Брекенриджа Элкинса.

— Ладно, — сказал я. — Давай бумагу сюда! Парень так и сделал. Записка оказалась что надо:

Дарагой Брикинриж. Тарчу низашто втюряге Ягурьего Ключа а всивото перибросился ступтошним покойным шрифтом парой кусочкофф ржававо жалеза аткуда мне была знать что потом этот старый пень грабанется галавой обкаминь и расколит себе чирипушку Брикинриж. Атиперь они хатят сменя чистоганом Десить баксов штрафу аткуда уминя столько Брикинриж. Ностарик Гарнетт што с Аленьей пратоки задалжал мне какраз дусятку сдири снево далжок приизжай вызвалять миня изэтаво куриनावо загона. Жратва тут совсем паганая Брикинриж. Патарапись.

*Твой бизвины виноватый кампаньён,
Ром-Баба, Иксвайр.*

Ром-Баба вечно сам напрашивался на неприятности. У него просто не имелось такого врожденного чувства такта, как у меня. Но парень он был неплохой. А потому я завернул на Оленью протоку и взыскал должок со старика Гарнетта. Старый хрыч почему-то не желал расставаться с деньжатами. Он даже сильно прокусил мою левую заднюю ногу, пока я сидел на нем, выкручивая ему тот кулак, в котором были зажаты заветные десять монет. А когда я уже выезжал со двора, он вдруг бросился в свою лачуту, выскочил оттуда со здоровенным ружьем и принялся в меня палить. И палил не переставая, пока я не скрылся из виду.

Но я не стал обращать внимания на такое грубое нарушение правил гостеприимства. Все равно попасть в меня старый пенъ не сумел: наверно, у него слегка кружилась голова после того, как он наткнулся лбом на оглоблю, которая случайно оказалась у меня в руке, пока он поднимался с земли.

Я скрылся за поворотом, а Гарнетт все еще размахивал своим ружьем и изрыгал проклятья. Только отмахав с полдюжины миль по направлению к Ягуарьему Ключу, я заметил, что от моей рубашки остались одни лохмотья. Сильно огорчившись, я минуту-другую обдумывал, не повернуть ли обратно, чтобы требовать со старика Гарнетта денег на новую рубашку, ведь изодрал-то мне старую именно он. Но потом решил, что с таким старым упрямым будет слишком трудно договориться, проголосовал против такого предложения, подбодрил старину Кидда, и вскоре после полудня мы с ним прибыли в Ягуарий Ключ.

Первой навстречу мне попала самая хорошенькая девушка из всех, что я повстречал с тех пор, как сдох один мой знакомый старый енот. Красотка только что вышла из лавчонки и остановилась поболтать с молодым скотогоном, которого она называла Кучерявчиком. Я быстренько натянул поводья, заставив Капитана Кидда завернуть за кукурузный амбар, чтобы не испугать девушку видом такого чучела, как я. Чуть погодя она направилась вниз по улице и вскоре вошла в двери небольшого домика. Домик был обнесен забором; там даже веранда имела — выходит, семья не из бедных. Тогда я покинул свой пост за амбаром и заговорил с тем сосунком, что все еще глупо ухмылялся красотке вслед, пытаясь пригладить вихры растопыренной пятерней. Я сказал ему:

— Как зовут эту малышку? Ну, ту, с которой ты только что трепался?

— Юдит Грейнджер, — ответил малый. — Вообще-то, вся ее родня живет в Шебе, но папаша отослал ее сюда, потому как в Шебе все парни были готовы из-за

нее друг другу глотку перегрызть. Вот ее старик и решил — пускай она немного поторчит тут со своей теткой Генриеттой. Можешь на нее взглянуть, на тетку, если тебе еще никогда не доводилось видеть боевых гиппопотамов. Она так перепугала здешних парней, что никто из них даже не попытался подцепить Юдит. Кроме меня, конечно, — самодовольно добавил Кучерявичик. — Я уговорил старую курицу, и она разрешила мне познакомиться с Юдит. Иду сегодня к ним на ужин.

— Это ты так думаешь, — миролюбиво сказал я. — А на самом деле мисс Грейнджер ждет в гости меня.

— Но она мне ничего не сказала, — помрачнел малый.

— Только потому, что она пока сама об этом ничего не знает, — ласково успокоил его я. — Но не беспокойся, я передам ей твои глубокие сожаления по поводу того, что ты никак не смог прийти.

— Послушай, ты... — Малый с самым воинственным видом потянулся за пистолетом, но тут меня окликнул парень, следивший за нами из дверей лавки.

— Будь я проклят, если это не Брекенридж Элкинс! — радостно завопил он.

— Брекенридж Элкинс?! — тихо прошептал Кучерявичик, выронил пушку и повалился на нее со странным булькающим звуком.

— Что это с ним? — спросил я у окликнувшего меня парня. — Сердчишко пошаливает?

— Да нет, просто грохнулся в обморок, когда сообразил, на кого вытащил свою пукалку, — ответил тот. — А ну-ка, ребята, оттащите юношу на конюшню да полейте водой из лошадиного корыта! Авось прочухается. Послушай-ка, Брекенридж, я стал торговцем совсем недавно и еще хорошо помню, какая у тебя тяжелая рука. Сделай мне одолжение по старой дружбе, пообещай никого не убивать в моей лавчонке. Лады?

Куда деваться? Пришлось пообещать. Только тут я снова вспомнил, что в тех лохмотьях, какие болтались на моих плечах, никак нельзя пожаловать в гости к юной

леди. Вообще-то, их еще можно было бы привести в порядок, но времени оставалось мало, я мог опоздать на ужин к мисс Юдит. Пришлось зайти в лавку и купить себе новую рубашку. Никак не возьму в толк, отчего они не шьют рубашек на мужчин с нормальным телосложением. С таким как у меня, к примеру. Можно подумать, никто, кроме каких-то малохольных карликов, рубашек не носит. У самой большой, что нашлась в лавке, воротничок едва дотягивал до семнадцати с половиной дюймов. Впрочем, я все равно никогда не застегиваю воротнички. Попробайся я это сделать, через пару минут мне каюк, даже веревку намыливать не надо.

В общем, сунул я парню пять монет и натянул на себя новую рубашку. Она оказалась тесновата, но я прикинул, что все-таки смогу проносить ее пару дней, если постараюсь почти не дышать. Правда, пришлось потратить часть денег, которые я вышиб для Ром-Бабы, но, когда парень узнает, через какие мытарства мне пришлось пройти, чтобы вытащить его из тюрьмы, думаю, вряд ли он будет сильно возражать.

Капитан Кидд доставил меня по аллее на задворки тюрьмы. Там я подошел к зарешеченному окну и окликнул своего дружка.

Ром-Баба сразу выглянул наружу. Он слегка отошел и бледнул с лица, словно тюремная жратва действительно не шла ему впрок. Но стоило ему увидеть меня, как он просиял и воскликнул:

— Ур-р-раа! А то я тут уже состарился, тебя поджидаючи! Совсем до ручки дошел. Давай же, Брек, загребай с той стороны, к парадной двери, выкладывай этим койотам чертовы десять монет, и отвалим отсюда поскорее! Боже, да ведь помои, какими тут кормят, не выдержит даже волчий желудок!

— Видишь ли, Ром,— начал я,— у меня малость не хватает денег. Рубашка вот совсем изорвалась, пришлось купить новую...

Парень аж всхрипнул, словно раненый лось, и судорожно вцепился в решетку.

— Ты совсем рехнулся?! — завопил он. — Промотал мои деньги! Покупаешь шелковые сорочки и батистовые платочки, пока я тут чахну в темнице!

— Да не волнуйся ты так, — успокаивал я. — У меня еще есть пять твоих долларов да один мой. Всего-то делов осталось: дойти до игорного зала и умножить наши капиталы.

— Умножить?! — взвизгнул Ром-Баба. — Да чтоб ты лопнул! Ты хоть понимаешь, чем меня кормят с тех пор, как швырнули в этот застеночек? На завтрак, на обед, на ужин? Бобами! Бобами! Бобами!

Чувства настолько захлестнули беднягу, что слова застряли у него в горле.

— И ведь это даже не первосортные бобы! — печально продолжил Ром-Баба, когда к нему вернулся дар речи. — Вовсе нет! В них полно какого-то песку, они продырявлены жучками, а кухарка-мексиканка, я думаю, — о нет! я уверен! — перед тем, как их варить, моет в котле ноги. Чтобы дважды использовать воду!

— Что ж, — заметил я, — такую чистоплотность можно только приветствовать. Отродясь не слышал, чтобы кухарки-мексиканки вообще когда-либо мыли ноги. Однако пойду сыграю в покер. Да не дергайся ты так! Я выиграю достаточно, чтобы уплатить за тебя штраф, и еще останется немало.

— Да уж, выиграй, прошу тебя, — сказал Ром-Баба со слезой в голосе. — Выигрывай и постарайся вытащить меня отсюда до ужина. Уж так хочется бифштекса с чесночной подливкой, уж так хочется, что мне по ночам мерещится его сладостный аромат!

И я отправился в салон под названием «Золотой телец».

В тот раз там было не так уж много народу, но игра в покер шла вовсю. Когда я намекнул, что жажду присоединиться, игроки оглядели меня с ног до головы и молча подвинулись, освободив место. Метал один тип с густыми черными бакенбардами, зачем-то сообщивший мне, что он из Кордовы. Я сразу же заметил, что он пе-

редергивает, сдает себе с низа колоды, а всем остальным — сверху. Другие игроки, казалось, ничего не замечали, но только не я. У нас у всех, кто родился и вырос на Медвежьем Ручье, глаза как у ястребов, а иначе никому из нас не удалось бы дожить до зрелых лет.

— Не знаю, что тут у вас за правила в здешних краях, — кротко начал я, — но там, откуда я приехал, карты сдают всегда только с верха колоды.

— Что я слышу?! — с жаром воскликнул малый. — Уж не хочешь ли ты сказать, что я — шулер?! — Он судорожно схватился за свою пушку, от возбуждения не заметив, как при этом движении из его рукавов вывалились три или четыре туза сразу.

— Ну что ты, — ответил я, — ни о чем таком я даже и не помышлял. Наоборот, я уверен, что крапленые карты, торчащие из-за голенища твоего правого сапога, — всего-навсего твоя любимая сувенирная колода.

Отчего-то мои слова так взбеленили чудака, что он выхватил из другого голенища длиннющий охотничий нож. Деваться некуда, пришлось немедленно огреть его по голове бронзовым канделябром, после чего он уютно разлегся под столом и принялся глухо стонать.

Остальные парни повскакивали с мест, вытаращившись на торчавшие из-под стола сапоги малого с бакенбардами.

— Эй! — сказал один из них. — Я мировой судья. Тебе не стоило так поступать. У нас тут законопослушный город.

— А я — шериф, — вставил другой. — И поскольку ты явно нарушаешь общественное спокойствие, мне придется тебя арестовать.

Это было уже слишком даже для такого мягкого человека как я.

— Заткнись, дурья башка! — заревела, сжимая кулаки. — Я приехал в ваш мерзкий городишко, чтобы мирно и законно вызволить из тюрьмы Ром-Бабу, честь по чести уплатив за него штраф, для чего, как подобает истинному джентльмену, пытаюсь честно выиграть в по-

кер! Но если вы, паршивые гиены, не перестанете испытывать мое терпение, клянусь сарафаном моей бабушки, я разнесу по камушку вашу вонючую тюрьму и вытащу оттуда своего приятеля, не заплатив ни единого цента!

Мировой судья побелел. Тыча шерифа локтем в бок, он зашипел:

— Оставь его в покое! Я уже купил вот эти сапоги в кредит под ту десятку, что мы еще только собрались содрать с Ром-Бабы!

— Но... — начал шериф с сомнением в голосе.

— Заткнись! — еще с большей злобой зашипел мировой судья. — Я сам только сейчас сообразил. Это же Брекенридж Элкинс!

Шериф чуть было не подавился собственным адамовым яблоком, смертельно побледнел и срывающимся голосом пробормотал:

— О... извините меня... я, кажется, совсем неважно себя чувствую. Наверно, проглотил что-то не то нынче за обедом. Думаю, мне надо срочно взнуздать своего коня и съездить в соседнее графство за... за пилюлями!

Не думаю, чтобы шериф уж так плохо себя чувствовал. Особенно если судить по тому, с какой прытью он рванул за угол после того, как, шатаясь, вывалился из дверей салуна. И зачем только люди охотничьих собак держат? Ведь такой парень вполне бы мог самостоятельно загнать насмерть любого зайца!

Тут все внезапно засуетились, стали вытаскивать из-под стола того малого с бакенбардами и поливать его водой, а я вдруг сообразил, что уже наступило время ужина, вышел из салуна и двинул в сторону домика, где жила Юдит. У самых дверей домика я наткнулся на здоровенную, размером с хороший амбар, тетку с квадратной челюстью. Смерив меня подозрительным взглядом, она сказала:

— Вот так-так! А тебе-то чего тут надо?

— Хотел потолковать с вашей сестрой, с мисс Юдит, — ответил я, учтиво отстегивая от пояса кобуру со стетсоном.

— Как ты сказал? С моей сестрой? — переспросила она, все еще хмурясь, но уже куда более миролюбиво. — Ты ошибся. Она мне племянница.

— Не может быть! — воскликнул я, старательно прикидываясь изумленным. — Сперва мне вообще показалось, что вы — это она. Потом я решил, что такое сходство бывает только у близняшек. Но теперь-то мне ясно: молодость и красота просто свойственны всем членам вашей семьи.

— Не болтай ерунды, негодяй! — ухмыльнувшись, уже совсем мирно сказала тетка и дружески ткнула меня локтем в бок. Таким тычком кому-нибудь другому она проломила бы пару ребер. Но только не мне. — Ну что ж, раз ты сумел умаслить меня — входи. Сейчас я крикну Юдит. Как тебя зовут, парень?

— Брекенридж Элкинс, мэм, — отвечивал я.

— Вот как? — заметила она, вглядываясь в меня с новым интересом. — Приходилось, приходилось слышать о тебе всяческие рассказы. Однако ты посмышленее, чем о тебе говорят. Эй, Юдит! — вдруг громыхнула она. От ее голоса разом задребезжали все оконные стекла. — К тебе гости!

Появилась Юдит. Выглядела она преотлично. Но, увидев меня, отшатнулась, а глаза ее расширились от испуга.

— Кто... Кто это? — ошарашенно пролепетала она.

— Мистер Брекенридж Элкинс, невадец, — по всей форме представила меня тетка. — С Медвежьего Ручья. В этом дерьмовом городке он — пока единственный юноша, в котором мне удалось обнаружить хоть крупицу здравого смысла. Ну что ж, входи и усаживайся за стол. Ужин поспел. Мы тут как раз дожидались Кучерявчика Якобса, — пояснила тетка. — Но если этот шалопай не появится через пару минут, он рискует уйти отсюда несолоно хлебавши.

— Он очень сожалеет, — быстро ввернул я, — но просил меня передать, что ну никак не сможет заглянуть к вам сегодня.

— А вот я совсем не сожалею, — фыркнула тетка. — Я ему и прийти-то разрешила только потому, что даже такая отчаянная вертихвостка, как Юдит, не способна втюрииться в этого сосунка и олуха. Кроме того...

— Тетушка Генриетта! — запротестовала раскрасневшаяся Юдит.

— ...я на дух не переношу таких слабаков, — закончила тетушка Генриетта, осторожно опускаясь в обитое сыромятной кожей кресло, жалобно застонавшее под грузом ее необъятного тела. — Подвинь к столу вон ту табуретку, Брекенридж, — скомандовала она. — По-моему, только эта мебель у нас в доме способна выдержать твой вес. Если, конечно, не считать дивана в гостевой комнате. И не вздумай спорить со мной, Юдит! Если я сказала, что сопляк вроде Кучерявчика Якобса не подходит такой девушке, как ты, значит, так оно и есть. Да у него чуть станова яила не лопнула, когда он пытался приподнять бочку с солью, которую мне надо было занести в коптальню! Так и не смог; пришлось мне самой ее тащить. Кто виноват в том, что нынче все молодые парни такие худосочные, хотела бы я знать?

— Мой папаша всегда говорил, что виновата республиканская партия, — вставил я.

— Хо! Хо! Хо! — Громовой хохот тетушки Генриетты потряс весь дом, до судорог напугав случившуюся рядом кошку. — А у вас превосходное чувство юмора, молодой человек. Разве не так, Юдит? — спросила она и начала аппетитно, словно чипсами, похрустывать телячьей берцовой косточкой.

Слегка побледневшая Юдит поспешно согласилась. За ужином она все время украдкой нервно поглядывала на меня, словно ждала, что я вот-вот начну исполнять индейский боевой танец или что-то вроде того. Наконец с едой было покончено. Тетушка Генриетта, поглотившая такое количество съестного, какого с лихвой хватило бы племени сиуксов, чтобы пережить суровую зиму, поднялась с кресла и сказала:

— А теперь выметайтесь из кухни. Я буду мыть тарелки.

— Но я должна остаться и помочь вам,— возразила Юдит.

— С чего бы это вдруг такое желание потрудиться? — фыркнула тетушка Генриетта. — Хочешь, чтобы гость подумал, что тебе неприятна его компания? А ну, брысь отсюда!

Юдит молча вышла, а я чуток задержался и выложил тетушке Генриетте свои сомнения:

— Сдается мне, что я не приглянулся вашей племяннице.

— А ты не обращай внимания на ее капризы,— посоветовала тетушка, выплескивая здоровенную бочку воды в корыто для мытья посуды. — Она просто малолетняя кокетка и вертихвостка. Главное — ты приглянулся мне. А если уж я решила, что ты ей подходишь, значит, так оно и есть. С Юдит давно никто ничего не мог поделаться, кроме меня, но уж я-то показала ей, кто тут главный. Она это быстро усвоила после того, как пару дней поголодала. Так что вали отсюда, начинай ухаживать за ней, не трусь и не тушуйся.

Я пошел в гостиную. Юдит, похоже, слегка оттаяла. Она задала мне кучу вопросов про Неваду, а потом добавила:

— Говорят, вы ужасный задира. Надеюсь, в Ягуарьем Ключе у вас не было никаких неприятностей?

— Да нет,— простодушно ответил я. — Если не считать сущей пустяковины. Пришлось тут въехать канделябром по мозгам одному жулику из Кордовы. Такой мордастый, с черными бакенбардами.

Юдит вдруг аж подпрыгнула, словно ее ткнули иголкой в одно место.

— Так это же был мой дядюшка, Джабез Грейнджер! — завопила она. — Как ты мог! Ты, здоровенный бык! Позор! Такой громила, а связался с заморышем, в котором едва-едва наберется двести двадцать фунтов весу!

— Вот дьявол! — растерянно сказала. — Мне очень жаль, Юдит.

— И как раз тогда, когда ты мне начал нравиться! — со слезой в голосе произнесла девушка. — А теперь он напишет папе и настроит его против тебя! Ты должен немедленно найти дядюшку Джабеза и извиниться перед ним. Я хочу, чтобы вы стали друзьями!

— Вот черт! — сказал я.

Но Юдит больше ничего не хотела слышать, а потому мне пришлось выйти на улицу, где я взгромоздился на Капитана Кидда и снова направился в «Золотой телец». Когда я вошел в салун, все посетители почему-то быстренько попрятались под столы.

— Да что с вами сегодня со всеми такое? — раздраженно спросил я. — Мне нужен только Джабез Грейнджер.

— А он, едва очухался, сразу умотал в Кордову, — опасливо сообщил мне бармен, примерно на дюйм высунувшись из-под стойки.

Выходит, придется отправиться следом за дядюшкой, подумал я. Тут уж ничего не поделаешь.

По дороге мне пришлось опять проехать мимо тюрьмы. На звук подков Капитана Кидда из окошка нетерпеливо выглянул Ром-Баба.

— Ты уже выиграл достаточно, чтобы меня выкупить? — с надеждой спросил он.

— Имей терпение, — ответил я. — Пока монеты маловато, но я непременно добуду еще. Как только вернусь из Кордовы.

— Откуда?! — взвизгнул Ром-Баба.

— Успокойся, — посоветовал я ему. — Бери пример с меня. Разве ты видел, чтобы я когда-нибудь вот так нервничал? А ведь мне придется отлавливать Джабеза, дядюшку Юдит Грейнджер, да еще извиняться перед этим старым жуликом за то, что я вполне справедливо огрел его по кумполу канделябром. Постараюсь вернуться завтра. Ну, на крайний случай — послезавтра.

Хотя ответ Ром-Бабы оказался довольно-таки оскорбительным, если учесть, сколько хлопот мне уже причинило его вызволение из тюрьмы, я решил не таить на него в душе грубость. Тронув коня, я продефилировал мимо домика Грейнджеров, с веранды которого на меня с самым суровым видом взирала Юдит.

Тетушки Генриетты на веранде не было: она все еще мыла посуду на кухне, распевая какую-то задорную песенку. От звуков ее голоса на крыше домика весело потрескивала черепица. Я сообщил Юдит, куда направляюсь, а заодно попросил ее провести Ром-Бабу, снести парню в тюрьму какой-нибудь человеческой жратвы, а то тюремные бобы и впрямь могут вконец сокрушить бедняге его нежный желудок. Юдит согласилась, после чего я со спокойной душой намылился в Кордову.

Путь до Кордовы лежал на восток. Он был неблизким, так что я рассчитывал перехватить дядюшку Джабеза где-нибудь по дороге, но у него оказалась приличная фора, да и лошадка, думаю, у подлеца была что надо. К тому же Капитану Кидду словно какая вожжа под хвост попала; он каждую пару миль останавливался и начинал брыкаться, пока мне вконец не обрыдло его ослиное упрямство. Тогда я врезал ему рукояткой пистолета промеж ушей, после чего он немного успокоился. Но времени мы потеряли столько, что перехватить дядюшку Джабеза теперь нечего было даже надеяться. Уже совсем рассвело, а до Кордовы оставалось еще хрен знает сколько.

Когда взошло солнце, мне навстречу попался один старикан со своей женой, в жутко задрипанном фургоне, запряженном парой совсем отощавших мулов. Одно из колес фургона засело в какой-то промоине, а мулы настолько никуда не годились, что никак не могли стронуться с места. Я спешил, подошел к фургону, чтобы помочь. Тут старик мне и говорит:

— Погодите минутку, молодой человек, сейчас мы с моей старухой слезем да малость разгрузим повозку. Все же будет полегче.

— Это еще зачем? — не поняла. — Лучше держитесь покрепче!

С этими словами я выдернул колесо из промояны. Правда, если б оно засело чуть сильнее, мне бы пришлось вынуть из кармана вторую руку.

— Боже мой! — сказал старик. — Я-то думал, что на такие штуки способен только Брекенридж Элкинс.

— А я — он самый и есть, — пришлось признаться мне. Старики начали рассыпаться в благодарностях. Чтобы они заткнулись, я поинтересовался, не в Ягуарий ли Ключ они собрались.

— Туда, туда, — кивнув головой, как-то безнадежно сказала старуха. — Хотя какая разница? Для старых людей, ограбленных до нитки, одно место ничуть не лучше другого.

— Неужто вас посмели ограбить? — Я был потрясен.

— Эх-ма! — тряхнул головой старик. — Нету у меня привычки докучать незнакомцам своими бедами, но уж скажу. Еще как посмели! Меня зовут Хопкинс. У нас было малюсенькое ранчо вниз по Пекосу, да засуха заставила его бросить. Тогда мы, собрав все, что удалось сберечь, перебрались в Ягуарий Ключ. В один недобрый час я решил подзаработать на бизоньих шкурах. Вложил на Льяно Эстакадо все свои наличные в товар; хотел доставить его в Санта-Фе, чтобы продать там с выгодой — случайно узнал, что именно сейчас цены там гораздо выше, чем в Финт-сити. А прошлой ночью весь этот чертов груз растворился в воздухе, будто его никогда и в помине не было.

На ночь мы остановились в Кордове. Моя старуха — в гостинице, а я пристроился на окраине, прямо в фургоне. Какая-то гнида подкралась к фургону и оглушила меня ударом по голове. Пришел в себя только к утру. Шкуры, фургон, упряжка — все исчезло бесследно. Я пошел жаловаться к городскому шерифу, так он только в лицо смеется. Как, говорит, прикажешь искать бизоньи шкуры в городе, набитом этим добром под за-

вязку? Чтоб ему повылазило! Да ведь мои-то шкуры упакованы в аккуратные тюки, и на каждой я не поленился проставить свое старое клеймо: красный кружок с буквой «А» в середине. — Вздыхнув, старик продолжил: — Джо Эмерсон, которому принадлежит салун, а в придачу половина города, одолжил мне под залог нашей лачуги в Ягуарьем Ключе денег, которых едва хватило на вот эту дрянную упряжку вместе с никуда не годным фургоном. Если мы доберемся до Ягуарьего Ключа, то может мне удастся там подрядиться что-нибудь перевозить. Тогда мы со старухой еще как-то переберемся...

— Ладно, — сказал я. История Хопкинса меня взволновала. — Мне все равно надо в Кордову. По делам. Попробую заодно поискать там ваши бизоньи шкуры.

— Спасибо на добром слове, Брекенридж, — покачал головой старик. — Только мне кажется, те шкуры уже на подороге в Финт-сити. Но ты езжай, парень. И пусть тебе повезет в Кордове больше, чем нам!

Они потащились дальше на запад, а я поскакал на восток и подъехал к Кордове примерно через час после восхода. На окраине города я увидел щит размером с хорошую дверь, на котором здоровенными буквами было выведено:

КОРДОВА СКОТАРЯМ — ОТ ВОРОТ ПОВОРОТ!

— Что все это значит? — возмущенно спросил я у какого-то парня, остановившись за этим наглым объявлением, чтобы прикурить сигарету.

— Что написано, то и значит, — ответил тот. — В Кордове не продохнуть от браконьеров, охотников за бизонами, а они терпеть не могут ковбоев. Будь я таким же громилой, как ты, посоветовал бы тебе смолить табачок где-нибудь в другом месте. Этот щит вкопал сам Бык Крохан. Если б ты только видел, во что он превратил физиономию последнего ковбоя, позволившего себе не заметить этот плакат!

Можете себе представить, что я сказал на это, — на милое вокруг со всех акаций стручки попадали.

Я выдернул щит из земли и, сжимая его в руке, пустил Капитана Кидда по главной улице городка.

Редко встретишь такого благовоспитанного, незлобивого парня, как я, но тут они меня достали. Ведь у нас — свободная страна и никаким там дерьмовым шкуродерам с поросшими шерстью ушами не позволено устанавливать границы для нас, ковбоев. Во всяком случае, покуда у меня на обеих руках останется хотя бы один палец, способный взвести курок, пропади оно все пропадом!

На улице было совсем мало народу, и такое дело показалось мне странным.

— Куда подевались все эти болваны браконьеры? — в бешенстве заревел я.

— А они отправились на скачки. На восточной окраине есть беговая дорожка, — ответил какой-то малый. — Все они там, кроме Быка Крохана, который надирается в салуне «Алмаз».

Я спешился и, раздраженно звеня шпорами, вошел в бар. У стойки трескал виски и о чем-то толковал с барменом поросший курчавой шерстью бугай в кожаных штанах и мокасинах. Рядом стоял еще один расфуфыренный павлин с гладко прилизанными волосами. У этого был даже галстук с бриллиантовой булавкой в виде лошадиной подковы. Они разом уставились на меня, а рука бизоньего браконьера потянулась к поясу, на котором болтался нож. Таких длинных ножей мне еще видеть не приходилось.

— Кто ты такой? — прошипел шкуродер.

— Ковбой! — проревел я в ответ, размахивая щитом с подлой надписью. — А ты — Бык Крохан?

— Ага, — вкрадчиво согласился он. — И что же дальше?

А дальше я шарахнул бугая щитом по голове, отчего тот рухнул на пол, выкрикивая грязные ругательства и хватаясь за свой тесак. Щит разлетелся в щеп-

ки, но стойка, на которой он прежде крепился, представляла собой дын как раз удобного размера. Так что я перехватил его поудобней и продолжал обмолачивать черепушку Крохана до тех пор, пока бармен не попытался пальнуть в меня из обреза.

Я вовремя схватил дробовик за дуло, вот почему заряд просто смел все бутылки виски с ближайшей полки. Почесав затылок, я выкинул дробовик в ближайшее окно, но по горячке забыл сперва отлепить от приклада пальцы бармена, поэтому, как выяснилось позже, он улетел в окно вместе со своей пушкой. Так или иначе, но подлец оказался снаружи. Поднявшись с земли, он побежал по улице в сторону восточной окраины, размазывая по своей харе кровь из разбитого носа и визжа как недорезанный поросенок.

— На помощь! Убийца! Вонючий ковбой шлепнул Крохана и Эмерсона!

Мерзавец лгал, как республиканская газетенка. Потому как, покуда я с ним разбирался, Крохан успел на карачках уползти через переднюю дверь, а Эмерсон... Что ж, будь у него хоть капля благоразумия, он бы сохранил в целости свой скальп.

Откуда же мне было знать, что он просто пытается спрятаться под стойкой бара? Я-то думал, у него там закачена пушка. Но стоило мне сообразить, как в действительности обстоит дело, и я тут же отшвырнул дын в сторону и начал поливать рассеченную, но, к счастью, не расколотую тыкву Эмерсона колодезной водичкой. Так что очень скоро он захлопал глазами, сел и принялся, дико озираясь вокруг, трясти головой, с которой капали кровь и вода.

— Что тут стряслось? — наконец прохрипел он.

— Да ничего особенного, — заверил я, отбив горлышко у случайно уцелевшей бутылки с виски. — Просто я ищу одного джентльмена, по имени Джабез Грейнджер.

Именно в этот момент городской шериф принялся палить в меня через заднюю дверь. Первая пуля ос-

тавила на моей шее приличную вмятину, а следующей он наверняка уложил бы меня на месте, если б я тут же не вышиб выстрелом пистолет из его руки. Тогда шериф бросился бежать по проулку. Я догнал его как раз, когда он оглянулся, чтобы посмотреть, далеко ли я отстал. Испуганно дернувшись, парень споткнулся и полетел кувырком через ящик с мусором.

— Я слуга закона! — завывал он, пытаясь дотянуться до охотничьего ножа и одновременно высвободить шею из-под моего сапога. — Ты напал на слугу закона!

— Разве? — проворчал я. Выбивая ногой нож из его руки, я чисто случайно чиркнул шпорой по заросшей густыми бакенбардами щеке. — А по-моему, слуга закона, который сперва допустил, чтобы в его родном городе у несчастного старика отняли шкуры, а потом еще и смеялся бедняге в лицо, вовсе не заслуживает такого звания. Давай-ка сюда свою звезду! Я тебя разжаловал. Теперь ты — частное лицо.

Затем я подвесил бывшего шерифа за пояс кожаных штанов на конец ближайшего куриного насеста и направился назад к бару, не обращая ни малейшего внимания на доносившиеся с насеста отчаянные богохульства. Входить в бар через заднюю дверь мне не хотелось, поскольку там мог притаиться Джо Эмерсон и подстрелить меня при входе как куропатку. Поэтому я обогнул салун, чтобы войти в него с другой стороны, и буквально врезался в целую толпу браконьеров, которых поганец бармен вызвал со скачек. Они как раз засовывали Быка Крохана в лошадиную поилку, чтобы смыть с него кровь. Все они отчаянно вопили и ругались одновременно, причем были так увлечены этим занятием, что не сразу меня заметили.

— Неужели мы потерпим такие издевательства в собственном логове от какого-то вонючего скотаря? — ревел Бык. — Прочешите весь город! Он наверняка прячется где-то на задворках, или я не я! Мы повесим его прямо перед дверями «Алмаза», а скальп

нацепим на длинный шест как последнее предупреждение всему ихнему племени! Пусть только попадется мне на глаза!..

— Для этого вам, дуралеям, надо всего лишь обернуться, — холодно заметил я.

Они и обернулись. Причем так поспешно, что уронили Крохана обратно в поилку. Они тарачились на меня, разинув рты, а между тем Крохан, кряхтя, вылез из корыта. Отфыркавшись и отплевавшись, он завопил:

— Чего ждете, олухи? Хватайте его!

Вот видите? Именно из-за дурацких прихотей этого чудака, а совсем не по моей вине вышло так, что у троих браконьеров оказались проломлены головы! Пока остальные падали, спотыкаясь о друзей-приятелей, я повернулся, зашел в салун и вытащил на свет Божий пару своих шестизарядных, с помощью которых мог легко бросить вызов целому миру, а не то, что какой-то жалкой кучке шкуродеров.

Они сразу бросились врассыпную, попрятались за кормушками, поилками, верандами, заборами. Вот тут-то неожиданно вышел вперед тот чудаков в цилиндре и заявил:

— Джентльмены! Постарайтесь избежать кровопролития в стенах нашего города! Как мэр этого поистине замечательного города имею честь сообщить вам, что...

Я уже никогда не узнаю, какую честь он хотел сообщить и кому, поскольку именно в этот момент Крохан схватил бедолагу за грудки и отшвырнул в сторону. Мэр пробил своей умной головой забор, затих на грядке с кабачками и смирно лежал, пока все не кончилось. Какие-то добрые люди откачали его несколько часов спустя.

А браконьеры принялись поливать меня огнем из своих винтовок пятидесятого калибра. Эмерсон, прятаясь за каменным простенком, время от времени выкрикивал какую-то забавную чепуху насчет ды-

рок от пуль в стенах и крыше салуна. Вскоре разлетелась вдребезги большая вывеска над входом, а следом за ней зеркальная стенка позади стойки. Та же судьба постигла все бутылки на всех полках и все висячие светильники. Как подумаешь, сколько бед можно понаделать в любом салуне, имея в запасе всего пару ведер патронов, — прямо оторопь берет!

Крупнокалиберные пули запросто пробивали стены бара. Если б я не передвигался все время с места на место, меня бы уж давно разнесло в клочья. Но и так одежда на мне оказалась прострелена в нескольких местах, а три или четыре пули оставили глубокие вмятины прямо в моей шкуре. Все же, прыгая с места на место, я имел кое-какое преимущество: браконьерам удавалось увидеть меня только мельком, да и стреляли они почти вслепую, поскольку мои пули ложились так близко к цели, что парни не могли себе позволить высунуться из укрытия достаточно надолго, чтобы как следует прицелиться.

Тут у меня стали подходить к концу патроны. Так что я выждал момент и рванул из салуна в проулок. Как раз когда один из шкуродеров пытался прокрасться внутрь через заднюю дверь. Я слышал, парень до сих пор злится на меня из-за своих зубов. Хотел бы я знать, как можно получить честный удар ногой по зубам, и притом не потерять ни одного из них. Если тот малый знает — пусть меня научит!

В общем, перепрыгнул я через его корчившееся тело и дал деру по проулку, подстрелив по дороге не то трех, не то четырех браконьеров. Правда, и сам схлопотал пулю в многострадальную левую ногу. Шкуродеры притаились за заборами по обе стороны проулка, хотя разве может какая-то там доска остановить мою пулю сорок пятого калибра? Они тоже усердно палили в меня, но немного недооценили мою скорость. Вы даже представить себе не можете, насколько быстро я способен двигаться, когда в меня стреляют! В общем, не успели они сообразить, что к чему, как я уже

проскочил весь проулок. Пробегая мимо коновязи, где храпел, сверкал глазами и грыз удила рвавшийся в бой Капитан Кидд, я выхватил из чересседельной сумки свой винчестер 45 — 90 и рванул через улицу. Тут меня заметили браконьеры, все еще усердно решетившие переднюю дверь «Алмаза». Как раз тогда мне отстрелили обе шпоры, но я успел-таки нырнуть в универсальный магазин Эмерсона. Едва завидев меня, продавцы и клерки с визгом бросились к задним дверям.

Да, кстати. Ведь надо еще упомянуть болвана-браконьера, что пытался реквизиловать Капитана Кидда. Сразу скажу, уж тут я вовсе ни при чем. Сейчас они распускают повсюду слухи, будто я специально тренировал свою лошадку перебрасывать встречных шкуродеров через забор, а потом прыгать на них сверху всеми четырьмя копытами сразу. Подлая ложь! Мне такое даже в голову не могло прийти. Кэп Кидд додумался до этого сам! А тот идиёт, который пытался присвоить моего конька, пусть вообще спасибо скажет, если сумеет встать на костыли месяцев через десять.

Ну вот. Теперь я оказался на той же стороне улицы, что и браконьеры. Когда я начал стрелять в них через окна, им пришлось перебежать улицу и укрыться в дансинг-холле, который находился как раз напротив эмерсоновского магазина. Оттуда-то они и принялись палить в меня с новой силой; с новой силой заорал свои глупости и Джо Эмерсон, ведь дансинг-холл тоже принадлежал ему. Кроме Эмерсона, в городе не осталось ни одного жителя: все они давным-давно смылись в окрестные холмы, уступив место боевых действий враждующим армиям.

А я заставил окна магазина бочками с солеными огурчиками, поверх которых навалил множество свиных окороков и рулонов веселенького ситчика. Воздвигнутые мной баррикады оказались такими прочными, что их не могли пробить даже крупнокалиберные пули из карабинов для охоты на бизонов. В магазине имелся целый арсенал кольтов, винчестеров и патро-

нов к ним, а также целое море виски, а потому мне не составляло никакого труда удерживать мой неприступный форт хоть до самого Судного Дня.

Постепенно шкуродеры сообразили, что их пальба не приносит мне никакого вреда. Довольно скоро я услышал бычий рев Крохана:

— Эй! Тащите-ка сюда пушку, которую солдаты привезли в город для защиты от апачей! Она до сих пор торчит позади ратуши. Поставьте ее напротив дверей. Мы выкурим гада из его форта, будь я проклят!

— Вы вдребезги расквасите мой магазин! — взвыл Эмерсон.

— Если не заткнешься, я вдребезги расквашу твою физиономию! — гаркнул Крохан. — Парни! Вперед!

Браконьеры продолжали палить в меня, но я в долгу не оставался. Если судить по леденящим кровь воплям, то и дело долетавшим с той стороны улицы, мне удалось-таки подстрелить парочку-другую этих безмозглых идиотов. Потом до меня донесся настоящий взрыв проклятий. Я сообразил, что подлецы все же притащили пушку, но, когда она застряла в задних дверях дансинг-холла, невзначай придавили ее колесом кого-то из своих. Пока они разбирались с этим делом, стрельба совсем стихла, и в наступившей оглушительной тишине мне послышался слабый шорох у задних дверей магазина.

В задней части здания окон не было, поэтому бандиты не могли обстреливать меня с той стороны. Подкравшись к двери, я тихонько выглянул наружу и увидел малого, деловито бежавшего вдоль стены магазина. В руках у него были канистра с керосином и спички. Паразит щедро лил керосин в пересохшую канаву водостока, всерьез готовясь поджечь мой форт!

Я уже собирался подстрелить этого умника, как кролика, но вдруг узнал в нем Джабеза, дядюшку Юдит Грейнджер. Положив винчестер на пол, я бесшумно открыл дверь и прыгнул прямо на него, но пошляк с писком увернулся и пустился удирать прямо по канаве. Тут опять началась пальба, только я уже не обращал

на нее никакого внимания, ведь я просто не мог позволить дядюшке Джабезу снова ускользнуть. Прежде чем мне удалось настичь его, пришлось пробежать по канаве ярдов сто. Пистолет я у него из руки вышиб, но он успел ухватить с земли здоровенный булыжник и колотил меня по голове до тех пор, пока у меня окончательно не лопнуло терпение.

Однако мне вовсе не хотелось ненароком изувечить Джабеза, ведь как-никак он был дядюшкой Юдит. Поэтому я просто пнул его в брюхо, швырнул на землю, уселся сверху и сказал:

— Дико извиняюсь за то, что огрел тебя тогда канделябром, чтоб ты лопнул! Принимаешь ли ты мои искренние извинения, вислобрюхий конокрад?

— Никогда! — ответил он запальчиво. — Грейнджеры никогда не прощают обид!

Пришлось взять дядюшку за уши и шарахнуть несколько раз лбом об выпавший из его же руки булыжник. Наконец он прошелестел:

— Дерьмо собачье! Прекрати сейчас же! Так и быть, принимаю твои искренние извинения!

— Прекрасно, — сказал я, поднимаясь и отряхивая слегка запыхавшиеся штаны. — Но помни: если ты когда-нибудь отречешься от своих слов, я сперва натяну твою гнилую шкуру на армейский барабан и только потом...

Именно в этот момент универсальный магазин Эмерсона со страшным грохотом взлетел на воздух.

— Что за черт?! — взвизгнул дядюшка Джабез и, пошатываясь, поднялся на ноги...

...Как раз тогда, когда с небес посыпались куски окороков вперемишку с деревянными обломками, увитыми веселым ситцевым серпантинном.

— Ох! — сказал я, огорченно хлопнув себя ладонью по лбу. — Моя вина! Наверно, шальная пуля угодила в бочонок с порохом. Ведь собирался же я убрать эти бочки в подвал, от греха подальше, да вот увидел тебя, засуетился и забыл. Послушай...

Но дядюшка Джабез уже снова лежал в дорожной пыли, поверженный и молчаливый. Позже он, по слухам, обвинял меня в том, что я огрел его сзади осью от фургона. Вранье! Ничего подобного я не делал! Это была всего-навсего потолочная балка. Если б старый дурак был повнимательней, он бы тоже успел нырнуть в канаву, как это делают все нормальные люди, — такие, как я, например, — когда на них падает крыша магазина. Теперь разгуливал бы без этой ужасно уродливой вмятины в черепе.

Я выкарабкался из канавы. Передо мной дымились руины универсального магазина, а из дверей дансинг-холла с радостными криками и молодецким уханьем высыпала вся чертова толпа шкуродеров. Чуть поодаль Джо Эмерсон вырывал с собственного темени последние пучки волос, заунывно воя, словно страдающая несварением желудка гиена. Парня можно было понять, ведь его салун превратился в ажурную летнюю беседку, а магазин — в грудку никчемных развалин.

Но на его причитания никто не обращал внимания. Браконьеры осторожно приближались к останкам магазина, а я, никем не замеченный, перебежал улицу в другом направлении и свернул в проулок позади салуна. По этому проулку я быстренько добрался до задних дверей дансинг-холла, где с удовлетворением обнаружил застрявшую в дверях пушку.

Отсюда был хорошо слышен рев Быка Крохана:

— Разгребайте мусор, парни! Останки Элкинса должны быть где-то там, если только он не растворился в воздухе! Вот тут...

Трр-рахх! Послышался треск ломающихся досок, а потом кто-то заорал:

— Эй вы там! Крохан провалился в какой-то колодец!

И тут заунывный вой Эмерсона перешел в истошный визг:

— О черт! Не вздумайте соваться туда, вашу мать! Не смейте...

Мне это все надоело. Я оторвал кусок стены вместе с дверным косяком, слегка высвободил колеса пушки, перекатил ее к передним дверям дансинг-холла и выглянул наружу. Вся толпа болванов-шкуродеров стояла спиной к дансинг-холлу, причем большинство согнулось в три погибели, заглядывая в какую-то дыру и тщетно стараясь выудить из нее свалившегося туда Крохана. Изрыгаемые Быком проклятья звучали слегка приглушенно. Джо Эмерсон бочком-бочком приближался к месту событий. Малого тянуло к яме как магнитом.

Проверив пушку, я обнаружил, что кретины набили ее гвоздями, булавками, медными пуговицами, ковровыми кнопками и тому подобным хламом. Но место там еще оставалось, и я щедро сыпанул туда полведра крышек от пивных бутылок. Просто так, для ровного счета. А затем поджег фитиль. Пушка палнула огнем со звуком, подобным удару грома. Отдача отбросила меня назад ровно на семнадцать с половиной футов. Вы бы только слышали дружный вопль штук сорока шкуродеров, когда на ихние задницы обрушился смерч раскаленного металлического хлама. Нет, это было бесподобно!

Правда, к моему глубокому огорчению, никого из них не убило. Не то заряд оказался слишком тяжелым, не то эти жмоты засыпали в пушку маловато пороху, но моя картечь только посбивала их с ног да располосовала им всем штаны на задницах. Но вот уж с улицы шкуродеров смело чисто твоей метлой! Смело и поставило на уши как раз в ту канаву, где я совсем недавно приносил свои искренние извинения дядюшке Джабезу. Смело всех, кроме Быка Крохана. Его ноги, насколько я мог различить, так и остались торчать из развалин.

Не успели эти жалкие недоумки пошевелить той самой мозговой извилиной, что была у них одна на всех, как я уже оказался рядом с канавой и принялся охаживать их деревянной колонной — подпоркой, которую я, пробегая мимо, с корнем выдрал на веранде салуна. Некоторые негодяи сумели-таки выбраться

из канавы и теперь, не вставая с карачек, с ужасным воем рванули напрямик в пустыню. Позже мне говорили, что они так и не останавливались, пока не добежали до Финт-сити, причем по дороге наткнулись на большущий отряд апачей, вышедших на тропу войны, и до судорог перепугали несчастных индейцев.

Потом я пошел туда, где из мусора торчали ноги Крохана, взял парня за лодыжки и выдернул на свет Божий.

Яма, в которую он провалился, больше всего походила на подвал-тайник, раньше надежно упрятанный под полом магазина. Крохан что-то такое усердно бормотал, но в речах его не было никакого смысла. Вдобавок стоило мне отойти от него хоть на секунду, как он тут же снова валился в яму головой вниз.

Не скрывая разочарования, я оттащил его за ноги в сторону, чтобы получить возможность заглянуть в подвал. Мне было дико интересно: что же такое хитрец Эмерсон так усердно прятал от посторонних глаз?

Так вот: подвал оказался битком набит бизоньими шкурами, увязанными в аккуратные тюки! Эмерсон, все еще околавивавшийся поблизости, попытался было дать деру, но я успел схватить его за шкуру. Выудив свободной рукой из подвала один из тюков, я развернул его. На шкуре стояло клеймо в виде красного кружка с буквой «А» в самой середине.

— Ага! — сказал я Эмерсону и, совершенно произвольно, расквасил ему нос. — Значит, старика Хопкинса ограбил именно ты! А потом не постеснялся выколотить из него ту закладную! Ну! Где стариковы упряжка и фургон? Говори!

— Я спрятал их в моей платной конюшне, — простонал Эмерсон.

— Пойди запряги лошадей в фургон, потом приведешь их сюда, — сказал я. — Попытаешься смыться — из-под земли выну и заживо сниму с тебя скальп!

Я пошел напоить Капитана Кидда, а вернувшись обратно, увидел, что Эмерсон уже тут как тут, с упряж-

кой и фургоном. Ну, я и велел ему грузить в фургон шкуры.

— На мне места живого нет, — захныкал он, — я не могу грузить шкуры.

— Это полезное упражнение, — заверил я, — оно поможет тебе быстро восстановить здоровье! — Для пущей убедительности я дал ему такого пинка под зад, что он едва из штанов не выскочил. Эмерсон взвыл от боли и немедленно приступил к погрузке.

Тут как раз пришел в себя Крохан. Он застонал, сел и дико уставился на меня.

— Кажется, ко мне вернулась память, — прохрипел он. — Ага, вспомнил! Мы тут собирались вышвырнуть из города Брекенриджа Элкинса! Привет, парень!

С этими словами он встал, довольно уверенно доковылял до опустевшего подвала и, снова свалившись туда вниз головой, задрывал ногами, взвизгивая от приступов истерического хохота.

У меня от ужаса даже волосы на голове зашевелились.

— Фургон нагружен! — задыхаясь, отрапортовал Эмерсон. — Забирай его и проваливай поскорее, чтоб тебя черти разорвали!

— Ладно. Но пусть случившееся послужит тебе хорошим уроком! — наставительно сказал я, оставив без внимания явный недостаток дружелюбия в его тоне. — И заруби себе на носу: честность в делах — лучшая политика!

В подтверждение своих слов я еще раз двинул ему по сопатке, добавил спицей от колеса по голове, после чего взобрался на козлы, щелкнул кнутом, и мы двинулись в сторону Ягуарьего Ключа.

Едва одолев половину пути до Ягуарьего Ключа, мулы старика Хопкинса окончательно выбились из сил. Старика со старухой пришлось устраивать привал. Тут-то мы с Кэпом их и догнали. В жизни не видел, чтобы люди так радовались, когда я вручил им фургон, упряжку, шкуры и закладную. Оба они пла-

кали, старая леди целовала меня, а старик так стиснул в объятиях — откуда только силы взялись! — что я уж и не чаял вырваться из них живым. Когда каким-то чудом мне это все-таки удалось, я снова взгромоздился на Капитана Кидда и поспешил дальше — ведь мне еще предстояло умножить свои капиталы, чтобы вытащить из тюрьги Ром-Бабу.

Я добрался до Ягуарьего Ключа на рассвете и сразу же направился к домику Юдит. Мне не терпелось сообщить ей, что мы с дядюшкой Джабезом и взаправду стали самыми лучшими друзьями. Тетушка Генриетта метлой выколачивала ковер на веранде. Вид у нее был слегка безумный. Когда я подошел поближе, она как-то странно посмотрела на меня и сказала:

— Привет, Брекенридж! Что у тебя с лицом?

— А, — отмахнулся я, — так, пустяки. Немного поспорил с бизоньими браконьерами там, в Кордове. Они обчистили одного старого джентльмена и его леди. Украли бизоньи шкуры, не говоря уж о лошадях и фургоне. Я решил заглянуть в Кордову, чтобы посмотреть, нельзя ли как-то помочь делу. Эти волосатоухие шкуродеры сперва не поверили мне, что шкуры придется вернуть. Пришлось немного задержаться, чтобы убедить их впредь никогда не совершать дурных поступков. Заодно я нашел время и место извиниться перед дядюшкой Юдит, хоть мне и пришлось для этого гнаться за старым жуликом отсюда до все той же самой Кордовы. А где сама Юдит?

— Сбежала! — рявкнула тетушка Генриетта, с такой силой стукнув по полу метлой, что у той сломалась ручка. — Она потащила кучу пирожков и лепешек в тюрьгу твоему болвану дружку и с первого же взгляда втюрилась в него по уши. Когда она вернулась оттуда, то заняла у меня денег уплатить за него штраф — мне-то она сказала, что хочет купить новое платье, чтобы еще больше понравиться в нем тебе, Элкинс! Вероломная вертихвостка! Кабы я знала, для чего ей деньги, черта лысого она бы их получила! Кой-чего другого она бы

получила, лежа вниз лицом на моем колене! Но она взяла деньги, выкупила твоего приятеля из кутузки...

— И что же случилось потом? — едва сдерживая бешенство, спросил я.

— Она все же оставила мне записку. — Тетушка Генриетта неожиданно всхлипнула и так ударила метлой по ковру, что тот тихо распался на шесть кусков сразу. — Говорит, боялась, что если не выйдет замуж за кого попало, то я заставляю ее выйти замуж за тебя. Еще она написала, что отправила тебя гоняться за Джабезом нарочно. А затем, дескать, она познакомилась с этим, как его там, с Ром-Бабой и... — Тетушка опять всхлипнула. При ее габаритах это выглядело устрашающе. — Да, из песни слова не выкинешь: они переспали! Потом обвенчались, а теперь вот едут в Денвер, чтобы провести там медовый месяц... Эй, Бренридж! Ты часом не заболел?

— Да! — прохрипел я. — Заболел. Еще как заболел! Мне встала поперек горла человеческая неблагодарность! И это после всего, что я сделал для Ром-Бабы! Нет, ей-богу, вот уж урок для меня на всю жизнь! Клянусь, что впредь я и пальцем не пошевелю, чтобы быстрее вытащить из тюрьмы очередного такого вот козла!

БРЕКЕНРИДЖ ЭЛКИНС И НАЛОГИ

В положении здорового, сильного и неутомимого, как степной волк, молодого человека, указательный палец которого в случае чего сам собой прыгает на спусковой крючок, имеются вполне определенные неудобства.

Люди вечно пытаются перевалить на меня работу, которая кажется слишком тяжелой или слишком грязной им самим. Взять хотя бы ту историю в Аризоне.

Я возвращался на Медвежий Ручей, только что уладив в далеком Мехико дельце с одним джентльменом, распространявшим непристойные слухи о моей родне. Наглец утверждал, будто мой дядюшка, Сол Гарфильд, — конокрад. Я шел за этим низкопробным сплетником по следам от Гумбольта в южной Неваде, пока не настиг его уже по ту сторону мексиканской границы. Джентльмен великодушно взял все свои слова обратно, а также охотно подписал бумагу, в которой признавал себя подлым лжецом и вонючей крысой. Такой документ был мне совершенно необходим: я собирался предъявить его на Медвеьем Ручье в

доказательство того, что честь нашей семьи была, есть и остается незапятнанной. Вообще, народ у нас, на Медвежьем Ручье, очень гордый. Мы никогда не позволяем подвергать сомнению нашу безукоризненную честность и никому не прощаем клеветы. Вот почему никто не посмеет сказать, что хоть один из нас хотя бы раз в жизни присвоил какую-нибудь вещь бездельцу, вроде колесика от шпоры нечаянно подстреленного незнакомца.

Так вот.

Однажды на обратном пути я рано утром оказался в Сан-Хосе, маленьком занюханном городишке, от которого было рукой подать до мексиканской границы. Меня изрядно мучила жажда, поэтому я заглянул в салун, где выпил три или четыре галлона пива кряду. Ну и пока я цедил свое пиво, вокруг собралась целая толпа любопытных, пялившихся на меня, будто на какую-то диковинку. Один шустрый парень даже выглянул из дверей и крикнул кому-то на улице:

— Эй, Билл, вали сюда быстрее! Тут один малый размером со слона глотает здешнее жуткое пойло целыми ведрами!

Когда я был помоложе, подобное внимание изрядно смущало меня, но с тех пор утекло немало воды, и я привык к тому, что вызываю любопытство повсюду, кроме Медвежьего Ручья. Там у нас, на Гумбольте, у большинства мужчин нормальное телосложение — вроде моего, но в других местах появление таких парней, как я, почему-то вечно вызывает нездоровый ажиотаж.

Одним словом, я не обращал на всех этих зевак никакого внимания, пока ко мне не обратился один малый с желтым шейным платком. Он вежливо поднял шляпу и сказал:

— Прошу извинить меня, незнакомец. Мне бы не хотелось показаться назойливо-любопытным, но не имею ли я чести говорить Брекенриджем Элкинсом?

Я обдумал его слова и не стал возражать. Тогда он продолжил:

— Джентльмен, находящийся сейчас на той стороне улицы, уполномочил меня обратиться к вам и, ежели выяснится, что вы и впрямь Брекенридж Элкинс, попросить вас о встрече.

— Отчего же он сам не заглянул сюда? — поинтересовался я.

— Не может ходить, — ответил ковбой. — У него нога побаливает.

— Может, он хочет пиф-паф? — спросил я, будучи по натуре очень осторожным и предусмотрительным человеком, что бы там ни утверждали на этот счет другие.

— О нет! — заверил меня малый. — Он ваш друг. Говорит, знал вас в Неваде, в старые времена. Его зовут Джон Биксби.

Я прикончил последний кувшин пива и сказал, что согласен повидать Джонни. Я помнил его довольно хорошо: эдакий шустрый коротышка, вечно размахивает руками и любого способен заболтать до полного изумления. Мне этот парень всегда нравился, хоть он и позволял себе покупать рубашки в магазинах готового платья. Он даже носил носки! Это ж надо быть таким пижоном! Но парню дико не повезло: родился-то он далеко на востоке, не то в Канзасе, не то в Оклахоме. Так что приходилось прощать ему некоторую изнеженность манер и глупые причуды.

— А что Джонни делает тут? — спросил я.

— О, — ответил ковбой, — он исполняет обязанности местного шерифа, работает под началом Билла Джексона, главного шерифа графства Чисом, а на следующих выборах собирается занять эту должность уже на законных основаниях. Контора Биксби — на той стороне улицы. Это его стоны доносятся оттуда. У него на самом деле зверски болит нога.

Парень был прав: такие стоны не услышал бы разве что глухой. Наверно, подумал я, Джонни уже испугал своими воплями всех койотов по ту сторону мексиканской границы.

Контора располагалась в однокомнатной лачуге, на скорую руку сколоченной из некрашенных досок. Поднимая клубы густой пыли, мы перешли улицу, миновали коновязь, у которой переминались с ноги на ногу несколько ужасных кляч, и вошли в распахнутую настежь дверь. За ней, откинувшись на спинку кресла, сидел парень. Его обмотанная грязными бинтами нога возлежала на горе пустых ящиков. Это и был Джонни, собственной персоной. Стропила халупы аж гудели от его стонов.

— Пришел ваш друг, Джонни, — сказал малый, заглянув в комнату.

— О, благодарю тебя, Мак Брайд! — слабым голосом отозвался Джонни. — Входи, Брекенридж, входи же скорее! Я так рад, что мне посчастливилось увидеться со старым приятелем до того, как я покончу счеты со всеми земными заботами и должен буду кануть в Великое Ничто!

Тут я вошел в контору, а Мак Брайд, наоборот, удалился. Мне показалось, малый очень привязан к Джонни и оплакивает его участь, потому как, уходя, он прижимал одну руку ко рту, а другую — к животу, изо всех сил стараясь подавить странные рыдающие звуки. Я бы мог побиться об заклад: парень вот-вот лопнет от смеха, если б не знал наверняка, что смеяться тут совершенно не над чем. Входя в комнату, я здорово стукнулся головой о притолоку. До сих пор никак не возьму в толк, отчего они не научатся делать эти проклятые двери такой высоты, чтобы мужчина нормальных размеров мог проходить без риска вышибить себе мозги. Но я не стал злиться, а взял себя в руки и сказал:

— Привет, Джонни. Какой мерзавец тебя подстрелил?

— Никто в меня не стрелял, — простонал он. — Это подагра.

— Что-что? — изумился я.

— Такая болезнь большого пальца на ноге, — объяснил он. — У нас, у Биксби, это наследственное. О! —

очень убедительно опять простонал Джонни. — О! О! О-о-оу-уу!

В руке Биксби держал какое-то письмо. Мне показалось, что, когда он переводит взгляд на эту бумажку, его стоны становятся куда громче и рвутся как бы прямо из глубины сердца. Я всегда очень расстраиваюсь, оказываясь невольным свидетелем того, как не могут себя сдерживать взрослые мужчины. Но, наверное, подагра — очень тяжкий недуг, которым страдают все парни, имевшие несчастье родиться так далеко на востоке. Поэтому я ничего не сказал, а уселся в другое кресло и стал ждать, пока приступ утихнет и Джонни сумеет наконец совладать с собой.

— Я в глубокой заднице, Брек, — горько сказал он чуть погодя. — Все против меня. Изменчивая фортуна и подагра большого пальца сделали меня беззащитным перед происками моих врагов, а в особенности перед неопишуемой подлостью Билла Джексона, шерифа округа Чисом.

— Мне казалось, ты — его доверенное лицо, — заметил я.

— Верно, — ответил Джонни. — Но я мечу выше. Мое честолюбие не знает границ. Оно зовет меня к звездам. Точнее — к одной такой симпатичной звездочке. Я собираюсь дать Джексону бой на выборах шерифа, о чем ему хорошо известно. Поэтому он спит и видит, как бы подорвать мою репутацию. А теперь судьба предоставила ему шанс, и он тут же сдал мне джокера. Уж лучше бы меня мул лягнул!

Биксби переброемил мне письмо.

— Ты только взгляни! — сказал он. — Это приказ из конторы шерифа. Я должен немедленно поехать и собрать налоги в Смоуквилле. А ведь ему известно, что я так плох, что даже не могу усидеть в седле. Если я не соберу налоги, этот подлец обернет это против меня во время предвыборной кампании. Он обвинит меня в мошенничестве и мздоимстве! Правда, негодай и так меня в них обвиняет, да только пока ничего не может

доказать. Но если я не внесу чертовы налоги в казну округа, тогда все! Тогда я — конченный человек!

— Какое тебе дело до налогов, раз ты все равно вот-вот помрешь от своей ужасной подагры большого пальца? — спросил я.

— Да, эта болезнь убивает быстро, — согласился Биксби. — Но все-таки она косит не всех подряд. Может, я еще сумею выкарабкаться. А сбор налогов — мой долг. Я ведь, как-никак, доверенное лицо!

— Почему бы тебе тогда не послать кого-нибудь вместо себя? — недоуменно спросил я.

— Я никому здесь не доверяю, — горестно сказал Джонни. — Боюсь, эти подлецы обведут меня вокруг пальца и продадут Джексону со всеми потрохами. Они просто присвоят денежки себе, как пить дать, а потом заявят, что их прикарманил я! Подожди! — вдруг воскликнул Биксби, ткнув пальцем в мою сторону. — А почему бы эти налоги не собрать тебе? Ведь ты — единственный человек в Сан-Хосе, которому я и впрямь могу доверять!

— Я не верю в налоги, — ответил я. — Мы на Медвежьем Ручье отродясь не платили никаких налогов и впредь не собираемся этого делать.

— Да уж, — сказал Джонни. — Вы там сами в состоянии о себе позаботиться. Ведь вы никаким боком не зависите от правительства. Сами обеспечиваете себя жратвой, питьем, барахлом... Даже виски и порох делаете сами. Причем, судя по вкусу пойла, которое мне однажды довелось хлебнуть, что для него, что для пороха рецепт у вас один. Но здесь-то все не так! Здесь людям приходится платить налоги. Правда, они не спешат с этим делом, пока кто-нибудь не приедет и не соберет с них проклятые деньги. Но черт меня побери, Брек, это совсем нетрудно! Просто поезжай в Смоуквилль, он всего в десяти милях к западу отсюда, собери там эти чертовы налоги и возвращайся с наличными!

— И не подумаю! — прорычал я. — Мой дед расколошматил англичанишек у Королевской Горы как

раз за то, что они хотели поиметь с нас ихние сволочные налоги! Платить налоги — самое дрянное занятие для честных людей, а уж собирать — тем более!

— Но послушай, Брекенридж, — занял Биксби. — Людям все равно приходится платить налоги, а кому-то приходится их собирать. Если я этого не сделаю, я — конченный человек, а кроме тебя, мне никому довериться. Вспомни наши старые деньки в Неваде! Вспомни, как мы с тобой, спина к спине, отбивались от людей шерифа в Жеваном Ухе!..

— Ты врешь! — ответил я, припоминая тот случай. — Ты тогда смылся, и мне пришлось разделяться с теми пустоголовыми олухами одному!

— Как ты можешь вспоминать старые обиды в такое время, Брекенридж? — жалобно заскулил Биксби. — Когда я совсем один лежу тут, при последнем издыхании? Со слезами на глазах прошу: собери для меня эти чертовы налоги!

— Ладно, — проворчал я. — Хрен с тобой. Собиру, только кончай ныть. А сколько собирать-то?

— Вот здорово! — радостно закричал Биксби и сразу перестал стонать. — Давно бы так! Я назначаю тебя главным сборщиком налогов по всей южной части округа Чисом. Теперь ты большая шишка! По-моему, по доллару с носа каждого взрослого, будь то мужчина или женщина, выйдет примерно как раз. А если тебе попадется кто-нибудь побогаче, сдери с него за это еще несколько баксов. Езжай в Смоуквилль прямо сегодня. Думаю, за пару дней справишься. А когда вернешься, можешь сразу ехать дальше, к себе домой, если, конечно, останешься в живы... о черт! Я имел в виду, если не поднимется песчаная буря или еще что-нибудь. Будет лучше, если ты отправишься прямо сейчас!

Эх!

Вскоре я уже выезжал из Сан-Хосе верхом на Капитане Кидде, горестно размышляя о том, что коли мои родичи на Медвежьем Ручье когда-нибудь прознают, что я пал так низко, чтобы собирать налоги, они до конца

своих дней со стыда не смогут глаз от земли оторвать. Я прекрасно помнил, как они поступили с тем единственным сборщиком налогов, который рискнул побывать у нас на Гумбольте. После того случая население штата засыпало губернатора письмами, требуя послать на Медвежий Ручей войска. Он бы, конечно, послал, но тогда у него в подчинении и пяти тысяч солдат не имелось, а даже такому дураку, как он, было ясно, что этого маловато.

Не успел я отъехать от города, как мне навстречу попался фургон, доверху набитый каким-то домашним скарбом. На козлах покуривал глиняную трубку старик. Рядом, тоже с трубкой в зубах, восседала его жена. Оба выглядели так, будто весь белый свет им не мил.

Я натянул поводья, поехал рядом и спросил:

— Вы живете в округе Чисом?

— Жили, — ответил старик, вытащив трубку изо рта. — Но больше не живем. — И снова стиснул трубку зубами.

— Отлично, — сказал я. — Я сборщик налогов. Не думаю, чтобы, покидая округ навсегда, вы совсем ничего не остались должны правительству.

В ответ старик язвительно расхохотался.

— А как же! — сказал он. — Должны. И останемся должны! Я пока еще не спятил настолько, чтобы выкладывать наличные за сомнительную привилегию быть подстреленным, как кролик. Верно, я уезжаю. А все остальное мне до фени. Но я ни разу не скажу своим мулам «тпру», пока не окажусь так далеко от Чисома, что не смогу расслышать вопли местных ослов. Как четырехногих, так и двуногих. Даже если им вдруг вздумается зареветь всем сразу!

Пожилая женщина, все это время смотревшая на меня с какой-то непонятной болезненной гримасой, вдруг заговорила:

— Бедный мальчик! Сборщик налогов! Твою мать! Какой позор! А ведь уже такой большой!

— Точно! — фыркнул старик. — Он такой большой, что эти придурки не промажут по нему, даже если

очень захотят! Н-ну, м-мертвые! — И он изо всех сил вытянул мулов вожжами по костлявым спинам.

Фургон загромыхал по ухабистой дороге.

Какие иногда попадаются странные люди, подумал я. Может, они бывшие пастухи-овцеводы? Или еще какие психи? Я тронул коня и, миновав сильно пересеченную местность, выехал на широкую полосу ровных солончаков. Тут мне повстречался какой-то обветренный, морщинистый старый хрыч верхом на кошмарной кляче. Он приподнял свой здоровенный винчестер так, что его закопченное артиллерийское дуло оказалось в точности на уровне моего пуза, и спросил:

— Эй, парень! Мир или война?

— Это как посмотреть, — не растерялся я. — Вообще-то, я собираю налоги.

Чудак так рассмеялся, что едва не выронил свою пушку.

— Едрить твою налево! — сказал он. — Не иначе как тебя послал сюда Джон Биксби!

— Послал, — согласился я.

— А я и не сомневался, — заявил старый черт. — Но вот что я скажу тебе, парень. У меня нет ничего, кроме вот этого самого одра, на котором я сижу, и кроме моей старой доброй винтовки. Но я даже не подумаю платить за них какие-то там налоги. Ни цента!

— Вряд ли правительство уже доперло до того, чтобы облагать налогами части человеческого тела, — ответил я. — Но даже если когда-нибудь допрет, я не стану выполнять такие дурацкие распоряжения.

— Знаешь Навахо Барлоу? — вдруг спросил меня этот изрядно скукоженный малый.

— Это еще кто такой? — поинтересовался я.

— Босс. Хозяин Смоуквилля, — ответил он. — Тот человек, с которым тебе придется иметь дело.

— Джонни мне ничего про него не говорил, — признался я.

— А я и не сомневался, — заявил в ответ кожаный мешок с костями. — Наш Джонни не из тех парней, кто

станет давить собственное дерьмо. Ну и хрен с ним. Что до меня, так я еду в Сан-Хосе. А эта дорога ведет в Смоуквилль. И да спасет Господь твою душу, малыш!

Он торжественно, словно гробовщик, приподнял свою черную шляпу и, удаляясь от меня, еще долго держал ее в руке.

«Неужели у всех местных крыша напрочь съехала?» — сокрушенно думал я, продолжая свой путь. Вскоре я добрался до какой-то хижинки. Она одиноко торчала посреди пустоши, кое-где утыканной чахлыми мескиотовыми деревьями. Повсюду царило запустение, лачуга выглядела так, словно вот-вот развалится, а сидевший на крылечке малый был ей под стать. Его рубашка и широкие рабочие штаны, похоже, превратились в лохмотья еще задолго до моего рождения. В тулье измятой шляпы зияла здоровенная дыра, а пальцы дружно вышли из башмаков подышать свежим воздухом. За его спиной в дверях лачуги стояла женщина; из окон выглядывала орава чумазых детишек... И все они были точь-в-точь такие же задрипанные, как сам глава этого странного семейства.

Он смотрел на меня каким-то остановившимся, тупым и одновременно голодным взглядом.

— Привет! Я — сборщик налогов, — представился я. — Вы должны правительству по доллару с головы.

— А у меня нету денег, — безнадежно ответил малый. — У меня вообще ничего нету.

— Дерьмо собачье! — раздраженно заметил я. — Мне это надоело! Так дальше дело не пойдет. Должен же я наконец получить хоть с кого-нибудь хоть какие-нибудь налоги!

— Ну, хорошо, — тяжело вздохнул он. — В конце концов, я не из тех парней, которые вечно пытаются облапошить собственное правительство. Вон там бегает наш последний петух. Мы сохранили ему жизнь, чтобы угостить детишек курятинкой на следующее Рождество. Можешь его забрать в счет налогов. Это все, что у нас есть, если, конечно, не считать тех тря-

пок, что на нас надеты. Но ведь они все в заплатках! Вряд ли правительство согласится их носить.

— Не понимаю, — сказала я. — Здесь вокруг неплохие пастбища. Значит, должны быть и зажиточные люди.

— Сомневаюсь, что ты найдешь тут много людей, которые живут сильно лучше нашего, — заверил меня малый.

— Как же вы все тут дошли до жизни такой? — изумился я.

— А ты лучше спроси у Навахо Барлоу! — злобно вмешалась в наш разговор женщина.

— Заткнись! — вдруг сильно побледнев, приказал ей муж.

— И не подумаю! — отчаянно и решительно отрезала она. — Если этот парень — человек правительства, ему следует знать, как орудует здесь, в округе Чисом, Навахо Барлоу вместе с бандой своих головорезов! Сказать, что он подлый грабитель — значит почти ничего не сказать! Он делает в Смоуквилле все, что его левая нога пожелает, а шериф со своими людьми слишком перетрусил и ни во что не вмешивается. А ты, парень, должно быть, из других мест. Или просто последний болван, раз приехал сюда собирать налоги. Когда в Смоуквилле последний раз появлялся сборщик налогов, они изловили незадачливого беднягу, поставили ему раскаленным железом на задницу именное клеймо Барлоу, а потом долго таскали голым по всему городу, верхом на мескистовом шесте.

Барлоу — босс, именно он настоящий хозяин всей южной части округа, — переведя дух, продолжала женщина. — На него работают самые отъявленные бандиты. Джим Хопкинс, Билл Райдли, Джек Макбейн и не знаю уж кто там еще. А в Смоуквилле он устроил себе штаб-квартиру, вот почему там никто не осмелится даже рта открыть, чтобы сказать про него хоть одно дурное слово. Его банда воровала у людей скот и лошадей, пока не довела всех до полной нищеты. Он кра-

дет скот у мексиканцев и заставляет нас его покупать. А потом крадет тот же самый скот у нас и опять загоняет мексиканцам. Всякий раз, когда кому-нибудь из нас удастся раздобыть хоть немного денег, их тут же приходится отдавать Барлоу. Только за то, чтобы его головорезы нас не подстрелили или не сожгли наши халупы. Нет уж, парень, поверь мне на слово: в этих краях тебе никогда не собрать никаких налогов. Ни единого доллара.

— Готов биться об заклад, что соберу, — сказал я. — Но теперь я понимаю дело так, что мне надо двигаться напрямик в Смоуквилль.

Ну, значит, приехала в Смоуквилль, и он показался мне довольно-таки плюгавым городишкой. Проезжая по улице, я несколько раз то тут, то там натыкался на подозрительные взгляды подпиравших стены типов, увешанных ножами и револьверами. Эти парни из всех сил старались выглядеть очень крутыми. Но большинство горожан, как мне показалось, все-таки были самыми обычными честными гражданами. Бедняги выглядели забито и безмолвно, не поднимая головы, спешили куда-то по своим делам.

Я с ходу узнаю в парне бандита, стоит мне на него разок глянуть. Я ихнее подлое племя вообще за милую нюхом чую. В общем, в городке их оказалось меньше, чем я ожидал. Наверно, часть отправилась куда-нибудь коров воровать, подумал я.

Я сразу же направился в самый большой салун. Внутри было вполне ничего себе — шикарный большой бар и огромное золоченое зеркало позади стойки. Еще там имелось несколько игорных столов, за которыми сейчас никто не сидел, — все-таки для игры пока было рановато.

В салуне оказалось всего два человека: сам бармен — большущий, лысый, как колено, мужик с лицом отъявленного негодяя и ушами, сразу же напомнившими мне цветную капусту, — и еще один здоровенный малый, при галстукe с бриллиантовой заколкой в виде

лошадиной подковы, с целыми гроздьями сверкающих золотых колец на жирных пальцах и — это надо же такое придумать! — в костюме-тройке. Он сразу подвалил ко мне.

— Ты кто таков и что тебе здесь надо? Меня зовут Навахо Барлоу! — заявил он.

— А меня — Брекенридж Элкинс, — ответил я. — Собираю здесь налоги.

— Тогда все в норме, — сказал он. — Если только ты не вздумаешь собирать их с меня.

— Сборщик налогов! — нахально влез в разговор бармен. — Ха-ха-ха! Уох-хо-хоу!

— Сколько тут у вас взрослых граждан? — поинтересовался я. — В самом Смоуквилле и в его окрестностях, я имею в виду.

— Думаю, душ семьсот наберется, — сказал Барлоу.

— Отлично, — заметил я. — Тогда выкладывай семьсот баксов, и мы в расчете.

У бедолаги даже челюсть отвисла. А глаза полезли на лоб и постепенно выпучились как у рака.

— Что... что... что такое?! — задыхаясь, прохрипел он. — Не иначе как ты рехнулся, парень!

— Я собираю налоги, — терпеливо начал втолковывать я ему. — Но у людей нет денег. Потому как ты ограбил и довел до сумы всех граждан в южной части округа Чисом. А значит, будет только справедливо, если ты уплатишь за бедняг ихние налоги. Ей-богу! И всего-то — по доллару с носа!

— Мой Бог! — вкрадчиво произнес Барлоу. — Кажется, я все-таки не ослышался! — Его рука скользнула к кобуре.

Ну вот, так оно все и вышло.

Я перепутался, что если этот дурень примется палить в меня, то некоторые пули могут вылететь в окно и ранить ни в чем не повинных мирных граждан. Пришлось забрать у Барлоу пушку и врезать ему разок рукояткой промеж глаз; но парень-то оказался совсем хлипкий! Он упал под стол, изрыгая чудовищные ру-

гательства, призывая на помощь и заливая замечательный ковер кровью, хлеставшей из него, как из только что зарезанного борова. А про бармена я совсем забыл, честное слово. Он сам привлек к себе внимание, ударив меня сзади по голове колотушкой, какой обычно выбивают пробки из бочек. Дурак чуть себя не погубил, потому как при виде такого подлого поведения я едва не утратил все свое чудовищное самообладание. А ведь если бы я его утратил, чудаку пришлось бы гораздо хуже!

Но, по обыкновению, я сумел справиться с охватившими меня чувствами и поэтому просто взял бармена за шкурку и выбросил сквозь золоченое зеркало, за которым, оказывается, был чулан с каким-то хламом. Как раз в этот момент в дверях салуна начали появляться мальчики Навахо Барлоу, привлеченные дикими воплями своего босса. Вот тут-то я их и схватил! Некоторых, правда, по запарке пришлось просто выбросить в окно, зато остальными я очень тщательно подтер испачканный кровью пол.

И только потом я взялся за дело по-настоящему. Для начала я переломал колеса всех рулеток; потом растоптал их и ногами вышвырнул все эти щепки из салуна на улицу; затем повыкидывал в окна все игорные столы, после чего вытащил пару своих шестизарядных и в упор расстрелял все бутылки на всех полках, а также посбивал все светильники, прежде так красиво свисавшие со стен и потолка.

Я уже заканчивал, когда Навахо Барлоу внезапно восстал из пепла, поднялся на четвереньки и взвыл:

— Прекрати! Ради всего святого, прекрати сейчас же! Ты меня разорил, негодяй! Остановись, и я уплачу ихние проклятые налоги!

— Ты должен правительству семьсот баксов за взрослое население, — напомнил я, засовывая малому в ухо горячее, еще курившееся дымком дуло револьвера, в надежде хоть немного подбодрить его. — А кроме того, тебе еще придется уплатить налог на частную

собственность. Поскольку ты — единственный человек в Смоуквилле, у которого она имеется.

— Сколько? — спросил он, скрежеща зубами и мрачно разглядывая дымившиеся вокруг руины.

— Думаю, трехсот баксов будет достаточно, — задумчиво почесав за ухом, решил я.

— Сколько?! — взвыл он, словно обезумевшая гиена.

— Да ладно тебе, — досадливо сказал я. — Успокойся. Раз тебе кажется, что я запросил многовато, тогда посиди здесь, подумай. А я пока прогуляюсь на ту сторону улицы, в ресторан. Он ведь, кажется, тоже принадлежит тебе, верно? Пойду посмотрю, что там можно сделать.

— Не надо! — простонал он. — Не ходи туда! Я уплачу! А то в городе вообще не останется имущества, которое правительство смогло бы обложить новыми налогами! Подожди хоть немного, пока я отопру сейф и достану деньги!

Он вручил мне тыщонку. Я пересчитал зелененькие и небрежно сунул их в карман.

— А квитанция? — вдруг вспомнил Барлоу. — Выпиши мне квитанцию!

— Это еще что такое? — не понял я.

— Ну, это что-нибудь такое, из чего будет видно, что я уплатил налоги именно тебе, — ответил Навахо Барлоу.

— Ага, — сказал я. — Тогда понятно. Получай свою квитанцию!

И я от души врезал ему в челюсть. Да так, что он вылетел в окно, пролетел ровно семнадцать с половиной футов и угодил прямехонько в бочку для дождевой воды.

Покидая Смоуквилль, я еще долго слышал, как, постепенно стихая вдали, возносится к небесам его жалобный вой.

ЛИХИЕ ДЕЛА В КРАСНОМ КУГУАРЕ

Меня нередко обвиняют в каких-то нелепых предубеждениях против городка под названием Красный Кугуар. И все это на том лишь основании, что у меня имеется стойкая привычка никогда не проезжать через это местечко, даже если порой приходится делать крюк миль эдак в пятьдесят. С негодованием отвергаю столь гнусную клевету! В очередной раз огибая Красный Кугуар по окольной дороге, я испытываю по отношению к этой проклятой дыре ничуть не больше предубеждений, чем волк к капканам, в одном из которых ему как-то раз довелось прищемить себе лапу.

Мне больно вспоминать об испытаниях, выпавших мне на долю в том логове порока и беззакония. Первый и последний раз я попал в этот городок случайно, ничего о нем не зная. И влип. Я оказался там чужаком, слепым ягненком, которого захотели остричь дважды.

А если кое-кто из торопливых стригалей едва не отхватил себе пальцы собственными ножницами, так кто ж в этом виноват, как не они сами? И если я избе-

гаю Красного Кутуара, словно чумы, то такие чувства во многом взаимны, ибо тамошние жители с не меньшим энтузиазмом избегают любых, даже самых мимо-летних, встреч со мной. Вплоть до того, что, случайно столкнувшись со мною где-нибудь на дороге, они тут же выпрыгивают из фургонов и бросаются врассыпную.

Повторяю, попал я в этот городок совершенно случайно. Как раз перед этим я перегонял скот в Юту и возвращался на Медвежий Ручей с пятьюдесятью баксами в кармане — случайно завалявшимися остатками моего заработка после одной не слишком удачной игры в покер.

Заметив впереди проселок, ответвлявшийся от главной дороги, я без труда узнал в нем поворот на Красный Кутуар. Да только тогда это не произвело на меня ни малейшего впечатления.

Не успел я миновать развилку, как услышал бешеный топот копыт, и из-за изгиба главной дороги вся в пене вылетела закусившая удила лошадь. На ней сидела девушка, то и дело оглядывавшаяся назад. Проходя поворот, лошадь вдруг споткнулась о лежащих лошадей и парней, ругавшихся на чем свет стоит.

Я выбрал именно этот момент, чтобы спокойно выехать из-за кустов и направить на них мои револьверы.

— Попридержите языки, пока они не отсохли от столь гнусных выражений, — потребовал я. — Вставайте, и чтобы руки держать вверх!

Они повиновались. Впрочем, без особого восторга. Кое-кого из них здорово помяли лошади, а один, перелетевший через своего скакуна, приземлился головой прямехонько на здоровенный булыжник, отчего стал изъясняться уж больно туманно.

— Какого черта ты устроил нам тут эту западню? — запальчиво спросил высокий молокосос с длинными соломенного цвета баками на щеках.

— Заткнись! — сурово приказал я. — Люди, преследующие беззащитную девушку, словно какая-ни-

будь свора диких индейцев, не могут быть удостоены беседы с приличным джентльменом!

— А, так вот оно в чем дело! — воскликнул он. — Тогда понятно! Позволь объяснить тебе...

— Не позволю! — гаркнул я. — Сказано тебе — заткнись! — И дабы подчеркнуть всю серьезность своих намерений, я тут же отстрелил ему самый кончик левого уса. — Я не собираюсь устраивать всякие растабары с погаными койотами, преследующими женщин! Если бы такое случилось в тех краях, откуда я родом, ваши скелеты наверняка послужили бы отличными украшениями для рождественских елок!

— Не можешь же ты... — начал было другой парень, но уже умудренный опытом Соломенные Бачки скверно выругался и лично велел тому заткнуться.

— Это же один из людей Риджуэя, не видишь, что ли? — прорычал он. — На сей раз его взяла. Но придет и наш черед! А до тех пор попридержи язык!

— Отличный совет, — заметил я. — Теперь растегните оружейные пояса и повесьте их на луки своих седел. Да не забудьте держать руки подальше от пушек, пока делаете то, что велено! А на все ваши угрозы я плевать хотел!

Они сделали, как было велено, а я пару раз выстрелил прямо под ноги ихним лошадкам — животные впали в панику и вихрем умчались туда, откуда совсем недавно прискакали. Прямо язык не поворачивается повторить все те кошмарные ругательства, что принялся изрыгать Соломенные Бачки. А его приятели старательно ему вторили.

— Поберегли бы лучше дыхание, — посоветовал я. — Ведь вам предстоит проделать немалый путь, прежде чем удастся отловить своих кляч!

— Я перегрызу тебе глотку! Сердце вырву! — неистовствовал Соломенные Бачки. — Я живьем сдеру с тебя скальп, даже если мне придется выслеживать тебя до самого Судного Дня! Ты даже представить себе не можешь, кому ты встал поперек дороги, чертов кретин!

— Я уже сказал: плевать я хотел на всю вашу толпу! — фыркнул я в ответ. — Проваливай, дурень!

Парни медленно побрели по дороге вслед за своими лошадьми. Тогда я выстрелил им пару раз под ноги, чтоб пошевеливались, и они почти мгновенно исчезли из виду, оставив мне на память медленно расплывающееся в воздухе голубоватое облачко жутких богохульств. А я повернул коня и направился в сторону Красного Кутуара.

Я рассчитывал перехватить мисс Притчарт по дороге, пока она еще не добралась до дому, но ее лошадь взяла резвый старт и, по-видимому, все время двигалась приличным аллюром. При мысли об этой девушке мое сердце сразу начинало колотиться как безумное. Даже ребра заныли! Разумеется, то была любовь с первого взгляда.

Одним словом, проехал я по проселку уже мили три, когда услышал где-то впереди беспорядочную пальбу. Несколькими минутами позже я уткнулся в развилку дороги и остановился, гадая, какой из двух проселков ведет в Красный Кутуар. Покуда я чесал в затылке, раздумывая, в какую сторону податься, раздался топот копыт и довольно скоро в клубах пыли показались двое. Они пришпоривали вовсю, низко пригибаясь к холкам лошадей, будто ожидали, что по ним будут стрелять сзади. Когда они подскакали ближе, я заметил какие-то бляхи на ихних куртках и несколько пулевых пробоин в ихних шляпах.

— Не подскажите ли, какая дорога ведет в Красный Кутуар? — вежливо спросил я.

— Вот эта, — ответил тот, что постарше, ткнув пальцем через плечо в ту сторону, откуда они прискакали. — Но если вы действительно туда собрались, я бы посоветовал вам сперва хорошенько подумать. Взвесьте все, молодой человек; взвесьте и как следует пораскиньте мозгами. Ведь как бы там ни было, а жизнь все-таки прекрасна!

— О чем это вы? — недоуменно спросил я. — И за кем это вы гонитесь?

— Гонимся?! Черта лысого! — ответил он, протирая рукавом свою бляху. Только тут я увидел, что это была звезда шерифа. — За нами гонятся! В городе опять объявился Буйвол Риджуэй!

— Никогда о таком не слышал, — пробормотал я.

— О! — сказал шериф. — Тогда вам следует знать, что Буйвол любит пришлых чужаков ничуть не больше, чем слуг закона. А как он любит слуг закона, вы можете судить сами!

— Здесь — свободная страна! — негодуяще фыркнул я. — И я побоюсь въезжать в город из-за того, что какой-то там Буйвол или кто угодно другой чего-то там такое любит или не любит, не раньше чем в преисподней нарастет такая гора льда, с которой дьявол сможет кататься на санках. Я намерен нанести визит некой юной леди, мисс Притчарт. Если она вам известна, не подскажите ли, где ее найти?

Они переглянулись, затем как-то странно посмотрели на меня, после чего шериф ответил:

— Ах, вот, значит, оно как. Что ж, пожалуйста. Она живет в самом последнем доме к северу от лавки, на левой стороне улицы.

— Нам пора! — немного нервно напомнил помощник шерифа. — Возможно, за нами еще гонятся!

Они оба разом пришпорили лошадей, но я еще успел услышать обрывок их разговора.

— Думаешь, парень — один из них? — спросил помощник шерифа.

— Если нет, то он просто дубина стоеросовая, каких свет не видывал, — ответил шериф. — Наверно, с Луны свалился, раз решил приударить за Сью Притчарт...

Дальнейшего расслышать мне не удалось. Интересно, о каком таком парне они толковали, спрашивал я себя, но, въехав на главную улицу Красного Кутуара, я выкинул из головы все эти мысли.

Я очутился на самой южной оконечности городка, который выглядел в точности так же, как выглядят

все поселки в предгорьях. Единственная вихляющая из стороны в сторону улица; охотничьи собаки, дремлющие прямо в пыли, заполнившей глубокую колею, пробитую колесами фургонов; единственная лавка, где торгуют всем сразу, да пара салунов.

Заприметив несколько лошадей у коновязи неподалеку от салуна под названием «Бар Большого Мака», я повернул в ту сторону. На улице никого не было, хотя из салуна доносился шум. Похоже, там изрядно веселились. Я был весь в пыли; вдобавок меня томила жажда. Вот почему я подумал, что, прежде чем отправляться на поиски мисс Притчарт, мне следует заглянуть в салун, дабы привести себя в порядок и пропустить глоток-другой. Подумав так, я напоил Капитана Кидда, привязал его к дереву (я всегда так поступаю, потому как, если привязать Кэпа к общей коновязи, то он может залягать насмерть всех имевших несчастье оказаться поблизости с ним лошадок) и зашел в салун.

Внутри никого не было, кроме какого-то невзрачного плешивца с седоватыми бакенбардами, протиравшего стойку бара тряпкой сомнительной чистоты. Привлекший мое внимание шум слышался из соседнего помещения. Судя по звукам, там находился кельбан, в котором развлекались несколько джентльменов.

Я тщательно выколол шляпой пыль из штанов (ведь опрятность — одно из моих врожденных качеств) и заказал виски. Пока я смаковал жиденский напиток, который даже в спиртовке-то едва ли бы стал гореть, малый за стойкой поинтересовался:

— Ты кто будешь, парень? Приятель Буйвола Риджуэя?

— Никогда такого в глаза не видывал, — честно признался я.

— Тогда тебе лучше сматывать удочки из нашего городка. Причем так быстро, как сумеешь. Правда, самого Буйвола здесь нету — он совсем недавно выехал прогуляться со своими дружками, — но зато там,

в кегельбане, сейчас играет Джефф Миддлтон, а Джефф — тоже весьма отчаянный парень.

Я начал было втолковывать бармену, что Джефф Миддлтон меня совершенно не интересует, но тут из кегельбана раздался такой дружный вопль, будто кто-то первым же ударом вышиб десятку либо там случилось еще какое-нибудь, не менее знаменательное событие. Дверь из кегельбана с треском отворилась; в бар, жизнерадостно крича и похлопывая друг друга по спинам, ввалились шестеро парней.

— А ну, выставляй свое пойло, Маккей! — вопили они. — Джефф платит! Он только что вынес Тома Гаррисона всухую, шесть раз кряду!

Парни гурьбой подвалили к стойке, и один из них попытался отпихнуть меня в сторону. Разумеется это ему не удалось. Такое не удавалось никому с тех самых пор, как я немного подрос. Бедолага аж зашипел от боли — здорово расшиб себе локоть. Похоже, это его немного обидело, поскольку он повернулся ко мне и злобно спросил:

— Ты в своем уме? Какого черта ты тут делаешь?

— Да вот, хотел спокойно допить стаканчик кукурузного сока, — холодно ответил я.

Тут уж они все повернулись в мою сторону, а их руки сами собой потянулись к пистолетам. Крутые ребята. Или уж очень старались выглядеть такими. А особенно крутым старался выглядеть тот, кого они называли Миддлтоном.

— Кто ты таков и откуда свалился? — повелительно спросил он.

— Не твое собачье дело, — отвечивал я как можно обходительней. Как это принято у нас, на добром старом Юге.

Парень весь как-то глупо оскалился и принялся судорожно хвататься за кобуру.

— Никак ты нарываешься на ссору?! — прохрипел он.

Я краем глаза заметил, как старик Маккей шустро нырнул за полку с пивными бочками.

— Не имею дурной привычки начинать ссоры, — доброжелательно ответил я. — Наоборот, всегда стремлюсь как можно скорее их заканчивать. И вообще, в чем дело? Я зашел в салун, чтобы тихо-мирно пропустить глоток-другой, а тут вы, койоты, врываетесь с безумными воплями. Чисто детишки, которым первый раз в жизни удалось кеглю сшибить!

— Никак ты сомневаешься в моем таланте?! — взвизгнул парень так, будто его оса в задницу ужалила. — Небось, думаешь, что сможешь у меня выиграть?

— Пока что я еще не встречал такого игрока, который мне хотя бы в подметки годился, — с присущей мне скромностью не стал спорить я.

— Ну хорошо же! — заорал он, скрежеща зубами. — Идем в кегельбан, и я покажу тебе, что такое настоящая игра! Слышишь ты, грязный горный гризли!

— Слышу, слышу, — успокоил я его, поднимаясь с табурета.

— Эй, постойте! — вдруг пискнул Маккей, чуть высунув голову из-за пивных бочек. — Поосторожнее, Джефф! Кажется, я узнал этого парня!..

— А мне плевать, кто он такой! — продолжал бужевать Миддлтон. — Он нанес мне смертельное оскорбление! Так ты идешь, чучело, или уже в штаны наложил?!

— Эй ты! Полегче с оскорблениями! — грозно заревел я, решительно направляясь к кегельбану. — Я не из тех, у кого можно долго размахивать под носом красной тряпкой!

Произнося эти слова на ходу, я обернулся, поэтому дверь, ведущую в кегельбан, толкнул не глядя. До сих пор не могу понять: либо она оказалась совсем хлипкая, либо я случайно толкнул ее чуть сильнее, чем надо.

Короче говоря, дверь почему-то с треском слетела с петель. Парни тоже немного удивились, а Маккей отчаянно заверещал что-то неразборчивое. Но я уже вошел в кегельбан, выбрал себе шар и пару раз пренебрежительно подбросил его на ладони.

— Так. Здесь — пятьдесят баксов, — заявил я, удив из кармана свои зелененькие и помахав ими в воздухе. — Ставим по полсотни каждый, по пятерке на игру. Идет?

Что он там ответил, я не понял. Похоже, он просто издал звук, похожий на рычание голодного волка, стащившего бифштекс. Но поскольку парень сперва взвел курок револьвера, а затем отсклонявил десять пятидолларовых банкнот, я решил, что он согласен.

Малый оказался ужасно азартным; чем дольше мы играли, тем сильнее он нервничал. Когда я выиграл пять игр всухую и забрал себе четвертак из полусотни Миддлтона, жилы у него на шее вздулись так, что я даже начал за него беспокоиться.

— Теперь опять твоя очередь, — сказал я, а он вдруг отшвырнул шар в сторону и заявил:

— Мне не нравятся твои манеры! Я выхожу из игры и снимаю свою ставку. Хватит! Ты больше не получишь от меня ни доллара, будь ты проклят!

— Это еще что такое, ты, дешевка! — в гневе взревел я. — А мне-то сперва показалось, что ты — истинный спортсмен, хотя и конокрад!

— Я не ослышался?! — завопил он. — Ты назвал меня конокрадом?!

— Ладно, ладно, только успокойся, — поспешно извинился я. — Я оговорился. Прости. Не конокрад, а коровий вор, если уж ты так чертовски чувствителен к словам.

Тут парень почему-то напрочь потерял голову — взял и навскидку выпалил в меня из своего револьвера. Он бы подстрелил меня как куропатку, не сомневаюсь, если б за мгновение до того, как он спустил курок, ему в голову не угодил мой кегельный шар. Пуля снайпера ушла в потолок, а его друзья принялись довольно шумно демонстрировать мне свое неодобрение, швыряя в меня кегли и беспорядочно паля из пистолетов. Это так взбудоражило мои нервы, что я почти утратил над собой контроль. Однако колоссальным

усилием воли я сумел-таки сдержаться, взял двоих самых оголтелых забияк за шиворот и начал легонько постукивать их головами друг об друга, пока парни слегка не расслабились. Тем бы дело и кончилось, без всякого лишнего насилия, но оставшиеся трое почему-то все время настаивали, чтобы я принял их ужимки всерьез. Хотел бы я увидеть человека, который мог бы остаться совершенно невозмутимым, когда три осатаневших конокрада колотят его по голове кеглями да вдобавок то и дело тычут в него своими здоровенными охотничьими ножиками!

Но, клянусь, у меня и в мыслях не было разбивать ту огромную люстру! Я просто случайно задел ее креслом, когда мне пришлось утихомирить одного из забияк. И уж вовсе никакой моей вины нету в том, что какой-то из этих дурней залил кровью весь кегельбан. Аккуратней надо быть, аккуратней! Ведь я всего лишь сломал ему нос да вышиб кулаком штук семь зубов. А что до той рухнувшей стены, то здесь вообще остается только развести руками. Что же это, черт побери, за стена такая, которая рушится, когда сквозь нее пролетает совсем малюсенький, плюгавый человечешко! И вообще, сперва мне казалось, что я выбросил того парня в окно, а потом я случайно подошел поближе и заметил, что это вовсе не окно, а дырка, которую он пробил в той ужасно хлипкой стенке. Кроме того, эта дурацкая пальба! Что же я мог поделать, если эти варвары палили не переставая, пока не превратили крышу кегельбана в решето? Я-то ведь даже ни разу курка не взвел! В общем, никакой особой вины я до сих пор за собой не чувствую.

Когда поднятая пыль слегка осела, я огляделся, чтобы проверить, все ли наконец в порядке, и сделал это как раз вовремя. А иначе я бы никак не успел схватить за дуло тот здоровенный дробовик, из которого старина Маккей собирался выпалить в меня через дверной проем.

— Стыдись! — укоризненно сказал я. — В твоём-то возрасте! Вон уж и бакенбарды совсем седые, а со-

брался выстрелить в спину беззащитному мирному страннику!

— Скотина! — рыдал Маккей, обильно поливая слезами вышеупомянутые бакенбарды. — Во что ты превратил мой чудесный кегельбан! Теперь я — конечный человек! Я вложил в этот храм спорта все свои сбережения, а что с ним стало?! Нет, ты только посмотри!

— Вот черт! — сказал я. — Хотя я тут совершенно ни при чем, но ты надрываешь мне сердце! Не могу спокойно смотреть, как страдает такой честный старик! Вот семьдесят пять баксов, больше у меня просто нету. Держи!

— Этого мало, — заскулил он, однако сцапал наличные тем же неуловимым движением, каким зимородок ныряет за мелкой рыбешкой. — Этого совсем мало!

— Ладно тебе, — проворчал я. — Сейчас пойду соберу остальное с тех койотов.

— Не вздумай! — Старик задрожал. — Тогда они меня прикончат, как только ты уедешь отсюда!

— Ну, не знаю, — сказал я. — Люблю, чтобы все было честь по чести. Хочешь, отработаю? Если смогу.

Он взглянул на меня довольно-таки пристально и сказал:

— Раз так, проходи в бар.

Но тут я заметил, что трое парней почти очухались. Я строго прикрикнул на них и велел им перетаскать всех остальных к поилке для лошадей и там поливать водой, пока они тоже не придут в себя. Слегка пошатываясь, парни принялись выполнять мое указание. Они двигались так, словно у них все еще немного кружилась голова. Маккей вскользь заметил, что Миддлтон, похоже, вообще вышел из строя на день-другой. Не вижу ничего странного, ответил ему я. Самое обычное дело для человека, об голову которого только что раскололся надвое пятнадцатифунтовый шар из кегельбана.

Затем я вслед за Маккеем прошел в бар.

— Всерьез ли ты говорил, что намерен отработать должок? — приступил к разговору старик, наливая нам обоим по стаканчику.

— А как же, — ответил я. — Я всегда плачу свои долги. Как за хорошее, так и за плохое.

— Ведь ты — Брекенридж Элкинс, так?

— Так, — не стал спорить я.

— Я тебя признал, еще когда те олухи только начали к тебе приставать. Правда, в салуне были далеко не все. Ведь в город нагрянула целая банда; они попросту вышвырнули отсюда шерифа вместе с помощником. Сам Буйвол не стал здесь долго ошиваться. Он повидался со своей девчонкой, а потом снова подался с четырьмя парнями в холмы. Еще человек восемь, не считая тех, с которыми ты уже разделался, слоняются где-то неподалеку. Сейчас не могу точно сказать где.

— Пускай слоняются! — великодушно разрешил я. — А что, они все — преступники?

— А как же еще! Местным стражам закона и порядка никак не управиться с такой оравой. Тем более что многие местные, так или иначе, давно сделались соучастниками бандитов и всегда предупреждают их, когда к городку стягиваются дополнительные полицейские силы. Обычно вся шайка болтается недалеко отсюда, в холмах, но в Красный Кутуар они навешиваются регулярно. Впрочем, черт с ними. Я просто обрисовал тебе обстановку, чтобы ты особо не расслаблялся. — Маккей перевел дыхание и продолжил: — А теперь вот о чем я хочу тебя попросить. С месяц назад, когда я возвращался в Красный Кутуар с холмов, где мне улыбнулась удача, — я намыл там добрую порцию золотого песка, — меня остановили и ограбили. Но не люди Риджуэя, а самый страшный убийца в здешних местах, волк-одиночка по прозвищу Трехпалый Клементс. У него в холмах есть собственное логово, до того укромное, что никто даже приблизительно не знает, где оно находится. — Старик немного помолчал, потом заговорил снова: — Конечно, тут помог чистый случай, но

совсем недавно мне удалось кое-что разнюхать. Трехпалый Клементс послал весточку с одним парнем, что пасет овец в холмах. А пастух надрался в моем салуне вдребезги и проболтался. Так я узнал, что мое золото все еще у разбойника, но тот собирается ускользнуть, как только ему удастся присоединиться к банде головорезов из Томагавка. Как раз им-то пастух и вез весточку. От шерифа мне помощи ждать не приходится, ведь здешние бандюги его под конец запутали. Так вот, хорошо бы, ты поднялся в холмы и вернул мое золото. Конечно, ежели ты опасаяешься Клементса...

— Кто тут сказал, что меня можно напугать? — вспыхнул я. — Рассказывай, как добраться до логова старого волка, и считай, что я уже в дороге!

Глаза Маккея как-то странно блеснули, и он быстро отвел взгляд.

— Ты хороший парень, — сказал он. — Добрый. И умный. Уж я-то сразу это сообразил. Значит, так. Сперва поедешь по тропе, ведущей на северо-запад к Чертову каньону. Дальше — дуй напрямик по каньону, пока не увидишь поворот в пятое ущелье по правой руке. По дну ущелья тоже идет тропа. Будешь двигаться по ней, пока у левой стены не заметишь большой белый дуб. В этом месте выбирайся из ущелья и двигайся прямо на запад, вверх по склону. Вскоре увидишь здоровенный каменный столб; его ни с чем не спутаешь: он торчит прямо из еловой рощицы, напоминая эдакую огромную каминную трубу. Прямо в подножии этого столба — пещера, а в ней — логово Трехпалого Клементса. Но помни, он тертый старый волк, самый страшный убийца в здешних...

— А вот этого мне повторять не надо, — перебил я. — Считай, дело уже сделано.

Успокоив несчастного старика, я опрокинул еще стаканчик, взгромоздился на Капитана Кидда и потрусил к выезду из города.

Однако, проезжая мимо последнего домика по левой стороне, я вдруг вспомнил о Сью Притчарт и,

поколебавшись немного, решил: Трехпалый ждал долго, пускай потерпит еще маленько, а я тем временем засвидетельствую юной леди свое почтение. Наверно, она уже заждалась моего визита и теперь нервничает оттого, что я куда-то запропастился. Натянув поводья, я остановился прямо у крыльца и окликнул Сью. Кто-то сразу выглянул в окно; одновременно оттуда выглянуло и дуло здорового карабина. Но у кого повернется язык упрекнуть мирных людей за простую предусмотрительность, если их городок битком набит ребятами Риджуэя?

— Ох, это вы! — послышался нежный женский голос; затем дверь широко распахнулась, на крыльце показалась Сью Притчарт и сказала: — Слезайте же с вашего зверя и входите! Вам удалось прикончить кого-нибудь из тех мошенников?

— К несчастью, я от рождения слишком мягкосердечен, — пришлось признаться мне. — Я всего лишь попросил их прогуляться обратно пешком. Прямо не знаю, как сказать, до чего мне жаль, что сейчас у меня нет времени, чтобы заглянуть к вам на огонек! Видите ли, мне надо срочно съездить в горы, повидаться там с Трехпалым Клементсом. Но если вам не слишком неприятно мое общество, то попозже с удовольствием загляну к вам на часок. На обратном пути.

— С Трехпалым Клементсом? — переспросила Сью странно изменившимся голосом. — А разве вы знаете, где его можно найти?

— Маккей мне объяснил, — ответил я. — Старый разбойник украл у честного старика мешочек золота. Вот, еду забирать его обратно.

Сью вдруг вполголоса произнесла несколько коротких слов, которые я наверняка расслышал неправильно, ибо юной леди подобные слова, несомненно, не могли быть известны.

— Ну зайдите же, — принялась упрашивать она. — У вас хватит времени на все. Зайдете, выпьете глоток другой кукурузного сока, потом чуть-чуть поболтаем.

Вся моя родня ушла в гости, и мне немного одиноко. Входите же!

По правде говоря, я не умею долго сопротивляться, если меня о чем-нибудь просит хорошенькая девушка. Поэтому я привязал Капитана Кидда к большому пию, на первый взгляд показавшемуся мне достаточно прочным, и вошел в дом. Сю сразу поднесла мне бутыл, в которой оказалось вполне приемлемое пойло. Сама-то она пить отказалась, объяснив, что кукурузный сок ей не очень нравится.

Мы сидели, разговаривали, и я прямо-таки ощущал, как с каждым словом усиливается наша взаимная привязанность.

Некоторые люди полагают, что, когда Брекенридж Экинс сталкивается с женщинами, ему тут же изменяют остатки здравого смысла. А мой двоюродный брат, Медведь Бакнер, так тот просто трубит об этом на каждом углу. В общем-то, не спорю. Но торжественно заявляю и клянусь, что это моя единственная слабость! Если ее вообще можно считать таковой. Ибо, по моему глубокому убеждению, это единственная слабость, приличествующая каждому настоящему мужчине!

Зато Сю Притчарт оказалась одной из самых разумных девушек, когда-либо попадавших на моем жизненном пути. Она была не из тех ветрениц, которых парни легко обводят вокруг пальца при помощи какого-нибудь банджо или там гитары. Мы не спеша обсудили, как правильно устраивать западню на медведя, какой длины должен быть ствол по-настоящему хорошего дробовика и массу других столь же полезных, а главное — имеющих самое непосредственное отношение к реальной жизни вещей. Затем я рассказал ей пару случившихся со мной историй, выбирая, конечно же, самые забавные и безобидные. Она очень смеялась, но глаза у нее отчего-то расширились и стали почти как блюдца. Наконец мы вернулись к тому, с чего начался разговор.

— Расскажи мне про Трехпалого, Брек,— стала упрашивать Сью.— Ведь прежде я не встречала никого, кто бы знал, где находится его логово.

Отчего ж не рассказать?

Я поведал ей всю историю Маккея. Сью проявила самый живой интерес. Мне даже пришлось несколько раз повторить, как добраться до Каминной Трубы. Затем она почему-то спросила, не приходилось ли мне встречаться в Красном Кутуаре с нехорошими людьми. Я мимоходом упомянул Джо Миддлтона, подтвердил, что да, приходилось, и добавил, что шестеро таких плохих парней уже восстанавливают свое пошатнувшееся здоровье, пролеживая бока на соломенных тюфяках во дворе позади городской лавки.

Сью почему-то изумилась и даже чуть-чуть испугалась. Вскоре она вежливо попросила у меня извинения: ей послышалось, что ее зовет женщина из соседнего дома. Я-то ничего такого не слышал, но сказал, что да, конечно, иди. Сью вышла через заднюю дверь и трижды пронзительно свистнула. А я продолжал сидеть, еще пару раз приложился к бутылки и размышлял о том, что эта девушка, вне всякого сомнения, подходит мне как нельзя лучше. Однако отсутствие Сью затягивалось. Я прошел к заднему окну, выглянул наружу. Сью стояла у изгороди короля и разговаривала с двумя парнями. Как раз когда я выглянул, один из них вскочил на чалого коня с сильно подрезанным хвостом и погнал его на север. С места в карьер. Другой парень вместе со Сью зашел в дом.

— Это мой кузен, Джек Монтгомери,— по всей форме представила парня Сью.— Ему очень хочется поехать с тобой. Джек, поклонись дяде! Парню пятнадцать, он еще совсем мальчик и так любит получать новые впечатления!

В жизни не видал, чтоб желторотые юнцы выглядели так круто. Я и взрослых-то таких почти не встречал! К тому же Джек почему-то казался раза в два старше, чем был на самом деле. Ну да Бог с ним. Может, у парня какое горе.

— Хорошо, — сказала я. — Но нам давно пора ехать.

— Будьте осторожны, мальчики, — попросила нас Сью. — Приглядывайте там, в горах, друг за другом. И ты, Брекенридж! И особенно ты, Джек!

— Не волнуйся, — успокоил я девушку. — Я пригляжу за Джеком, а Трехпалому Волку Клементсу причиню не больше вреда, чем будет необходимо.

Мы добрались до Чертова каньона примерно через час, а потом мили три ехали по его дну, пока не увидели ответвляющееся направо ущелье, о котором рассказывал Маккей. Вдруг Джек Монтгомери резко натянул поводья, указывая вниз, на маленький бочажок, мимо которого мы проезжали, и завопил:

— Смотрите туда, дядя! Там, у самого края воды, золотая россыпь!

— Ни хрена не вижу, — честно признался я.

— Слезайте с коня! — настаивал он, шустро прыгнув со своей клячи. — Я-то ведь его ясно вижу! Толстый такой слой, будто масло намазано вдоль самого края воды!

Что делать. Я спешился, нагнулся над бочажком, едва не окунув туда нос, но так ничего и не разглядел. Тут меня чем-то стукнуло сзади по голове. Да так, что даже шляпа в сторону отлетела. Я оглянулся и увидел, что Джек Монтгомери держит в руках и тупо разглядывает сильно погнутый ствол винчестера. Приклад карабина, разбитый в мелкие щепки, валялся у меня под ногами. Парень явно был чем-то сильно обеспокоен: глаза у него сделались ужасно круглыми, а волосы встали дыбом.

— Ты что, неважно себя чувствуешь? — участливо спросил я. — И потом, зачем ты меня стукнул?

— Нет, ты не человек! — вдруг пролепетал он, отшвырнул в сторону согнутый в дугу ствол и выхватил револьвер. Пришлось мне отнимать у мальчика любимую игрушку.

— Да что же с тобой такое стряслось? — удивился я. — Рехнулся, что ли? Бедный мальчик!

Вместо ответа он вдруг повернулся и бросился бежать по каньону, завывая, словно душа грешника на адской сковороде. Я решил, что бедняга действительно свихнулся, — такое иногда случается с пастухами-овцеводами. Пришлось догонять. Парень отбивался, царапался, кусался и шипел, что твоя пантера.

— Прекрати! — Я погрозил ему пальцем. — Я твой друг. Я обещал твоей кузине проследить, чтобы ты остался цел и невредим. Это мой долг!

— Какая там на хрен кузина, — вдруг почти спокойно сказал он, сопроводив свои слова безобразным богохульством. — Она мне такая же кузина, как и тебе.

— Бедный ребенок! — тяжело вздохнув, повторил я, переворачивая парня на живот и шаря рукой по его пояснице в поисках лассо. — У тебя что-то с головой. Ты страдаешь от галлюцинаций. Я знал одного пастуха, который вел себя в точности, как ты сейчас. Только ему казалось, что он — Король Бизонов.

— Что ты делаешь?! — завопил Джек с новой силой, когда я принялся вязать ему руки за спиной его же собственной риатой.

— Не надо волноваться, малыш, — успокаивал я. — Ничего страшного я не делаю. Просто не могу допустить, чтобы ты один скитался по горам в таком плачевном состоянии. Найду где-нибудь неподалеку уютное, безопасное гнездышко и устрою тебя там до тех пор, пока не вернусь из логова Трехпалого. А потом отвезу тебя в Красный Кутуар, и мы со Сью отправим тебя в тихий, спокойный пансион... Одним словом, в самую лучшую психушку!

— Да чтоб ты лопнул! — снова взвизгнул и задержался Джек. — Я такой же нормальный, как ты! Нет! Я в тысячу раз нормальнее! Потому что ни один человек с нормально устроенными мозгами не сможет вести себя как ни в чем не бывало, если об его голову только что вдребезги разнесли приклад тяжелого карабина!

С этими словами он попытался лягнуть меня ногой между глаз, чем еще раз продемонстрировал оче-

видные признаки того явления, которое один доктор как-то раз при мне называл шибко учеными словами: «деградация и распад личности». Это было поистине печальное зрелище! Особенно если учесть, бедняга Джек приходился двоюродным братом мисс Сью Притчарт, а значит, ему буквально на днях предстояло стать и моим родственником. Парень никак не мог успокоиться: дергался и кричал. Я до сих пор иногда краснею, вспоминая кое-какие его выражения.

Но я решил не обращать внимания на этот горячий бред. Я не раз слышал, что лучший способ поладить с сумасшедшими — всячески им потакать. Мне не хотелось оставлять мальчика на земле — опасался, что его могут загрызть волки. Поэтому я спеленал парня и приладил в развилке большого дерева, где до него не смогли бы добраться никакие хищники. А коня Джека я привязал прямо у бочажка, чтобы лошадка могла попастьись и испить водицы.

— Послушай! — умолял меня Джек, покуда я залезал на широкую спину Капитана Кидда. — Я прошу у тебя прощения! Пятки буду тебе лизать! Только сними меня отсюда и развяжи! Я расколюсь, как на духу! Я расскажу тебе все, что знаю!

— Не принимай случившееся слишком близко к сердцу, малыш! — еще раз попытался утешить его я. — Я скоро вернусь.

В ответ он лишь грязно выругался.

А потом у него вдруг пошла изо рта пена.

Жалостливо вздохнув, я свернул в ущелье. Язык не поворачивается повторить то, что мне пришлось выслушать, пока до меня не перестали доноситься истошные вопли несчастного пацана. Через милю, или около того, мы с Кэпом добрались до большого дуба с белым стволом. Оттуда мы стали взбираться наискосок по склону, и вскоре посреди еловой рощицы показался каменный столб. Он в самом деле сильно смахивал на трубу камина. Тут я тихонько соскользнул со спины моего конька, приготовил револьверы, зажал в

зубах нож и начал крадучись пробираться сквозь густые заросли, пока не увидел прямо перед собой широко разинутый зев пещеры. Правда, перед самым входом в пещеру я увидел еще кое-что.

Там лежал человек, а голова его буквально плавала в луже крови.

Я подошел, осторожно перевернул беднягу и обнаружил, что чужак еще дышит. Скалы, местами сильно рассеченный, чудом держался на черепе, но никаких серьезных вмятин на кости мне обнаружить не удалось. Это был долговязый, лысоватый и довольно-таки траченный молю малый с заметной проседью в рыжих бакенбардах; на левой руке у него было всего три пальца. Рядом с ним на земле валялся распоротый тюк, содержимое которого было разбросано по всей поляне. Вьючного мула поблизости не наблюдалось, наверное, животное испугалось и куда-то сбежало. Еще на поляне виднелось множество вмятин от лошадиных подков, уходивших от Каминной Трубы прямо на запад. Неподалеку из-под земли бил родник; я набрал полную шляпу воды, выплеснул ее бедолаге на лицо, а затем попытался влить немного в рот, да только ничего у меня не получилось.

Пока я поливал его водой сверху, малый вроде как начинал слегка дергаться и стонать, но стоило мне попытаться хоть чуть-чуть влить ему в глотку, как он инстинктивно стискивал зубы, а челюсти у него оказались куда как посильнее бульдोजьих. Дулом револьвера их было никак не разжать.

Но тут я заметил в пещере здоровенную бутылку, вытащил ее на свет Божий и немедленно откупорил. Поразительное дело! Едва хлопнула пробка, как лежавшее передо мной тело вдруг открыло рот и конвульсивным движением протянуло руку в мою сторону.

Я быстро воспользовался удобным моментом и влил в широко распахнувшуюся пасть что-то около пинты этого пойла. Старик открыл глаза и принялся дико озира́ться по сторонам, пока не наткнулся взгля-

дом на вспоротый тюк. Тут он принялся яростно выдирать свои бакенбарды, дико завывая при этом:

— О Боже! Они добрались до моего мешочка с золотым песком! Много недель я скрывался здесь, и вот, как раз в тот самый момент, когда я уже совсем собрался слинять, они все же меня накрыли!

— Кто?! — грозно спросил я.

— Буйвол Риджуэй со всей своей шайкой! — пронзительно выкрикнул старик. — А все моя проклятая доверчивость! Услышав ржание лошадей, я почему-то решил, что сюда едут мои друзья, люди, согласившиеся помочь мне вывезти отсюда мое золото. Дальше могу припомнить лишь то, как бандюги Риджуэя, все одновременно, выскочили из кустов и тут же принялись молотить по моей бедной голове рукоятками своих ужасных кольтов. О Боже! Я конченный человек!

— Тьфу, пропасть! — вымолвила с чувством. Эти мальчишки Риджуэя начинали действовать мне на нервы.

Подложив под голову завывавшего, словно волк на луну, Трехпалого Клементса тюк, я оставил его посреди поляны оплакивать тяжкую утрату, а сам вскочил на Капитана Кидда и, не разбирая дороги, ринулся на запад, благо злобные придурки оставили за собой такой след, по которому любой грудной младенец с Медвежьего Ручья запросто смог бы пройти с завязанными глазами.

Миль эдак пять мне пришлось ломиться через такие чащобы и буреломы, каких я сроду не встречал вдали от Гумбольта, а затем в просвете между деревьями на широкой горной террасе я увидел самый настоящий дом, прилепившийся задней стеной к крутому обрыву. Из крыши дома торчала большая труба. До захода солнца оставалось уже не так много времени, поэтому из трубы валили клубы сизого дыма.

Вот она, берлога Риджуэя!

Я ринулся сквозь чащобу дальше, в спешке совершенно упустив из виду, что даже такие дурни вполне

могли оставить кого-нибудь на стреме. Вот до какой степени им удалось вывести меня из себя! И точно, один парень там был, но я приближался так быстро, что он промазал по мне из своего здоровенного охотничьего ружья. Перезаряжать его он почему-то не стал, а вместо этого отшвырнул дробовик в сторону и вихрем помчался к дому, выкрикивая на бегу:

— Эй, там! Задвигайте все засовы! Сюда ломится самый здоровенный жлоб во всем мире! Он на каком-то взбесившемся слоне, которого я издали чуть не спутал с конем!

Они таки успели забаррикадировать двери и окна. А когда я на всем скаку вылетел из-за деревьев, они открыли по мне через оставленные амбразуры бешеный огонь картечью из двухствольных обрезов. Если б из винчестеров, я бы и ухом не повел. Но даже мне бывает трудноато преодолеть природную застенчивость, когда шесть мерзавцев, почти в упор, начинают поливать меня крупной картечью из двенадцати стволов сразу! Поэтому я заставил разошедшегося Капитана Кидда сдать назад, укрылся за толстенным деревом и уже оттуда открыл ответный огонь из своих револьверов. Как завопили эти мерзкие типы, когда щепки, отколотые от оконных рам моими пулями, посыпались дождем и начали втыкаться в ихние гнусные физиономии! Эти истошные вопли до сих пор звучат музыкой в моих ушах!

Чуть поодаль от дома, в корале, нервно ржали шесть лошадей. Каково же было мое удивление, когда среди них я заприметил того самого чалого с коротко обрезанным хвостом, что принадлежал парню, который совсем недавно на моих глазах разговаривал со Сью Притчарт и с Джеком Монтгомери. Неужели проклятым преступникам удалось захватить беднягу в заложники, подумал я.

Однако достичь чего-либо существенного, продолжая стрелять по амбразурам, было трудноато. Солнце опускалось все ниже, а меня все сильнее разбирала

ялость. Наконец я принял решение взять вражеские укрепления одной лихой атакой. И хрен с ней, с ихней дерьмовой картечью! Я решительно прыгнул с коня и... тут же взвыл от адской боли, неудачно ударившись о здоровенный булыжник большим пальцем левой ноги. А когда мне случается сильно удариться обо что-нибудь большим пальцем левой ноги, я всегда прихожу в ужасное бешенство! Вот почему я позволил себе произнести вслух несколько довольно крепких выражений. Судя по радостным воплям бандюг, они-то решили, что я наконец схлопотал пару свинцовых примочек.

Как раз в этот момент на меня снизошло вдохновение. Из каменной трубы дома валили густые клубы дыма, и я сообразил, что в плите, на которой некогда готовили ужин, скорее всего, разведен сильный огонь. Адверь-то в доме, насколько я успел за заметить, была только одна! Поэтому я поднял с земли камушек, размером с небольшого поросенка, и швырнул его прямо в трубу.

Если какой-нибудь мальчишка на Медвежьем Ручье не сумеет с первого раза сбить белку со стофутовой сосны, растущей на другой стороне речки, все его просто засмеют. Так что я никак не мог промахнуться. Камень угодил точно в центр трубы, она покачнулась, треснула и рассыпалась на отдельные кирпичи, большая часть которых обрушилась внутрь, прямо в очаг; увидев разлетевшиеся во все стороны искры, я просто не мог прийти к другому выводу. Я так думаю, угли у них там рассыпались по всему полу, а кирпичи настолько плотно закупорили дымоход, что дым, не найдя никакого другого выхода, повалил внутрь. Так или иначе, но струйки дыма начали кучерявиться сквозь окна, щели и ихние поганые амбразуры. Люди Риджуэя прекратили пальбу и принялись орать друг на друга.

— Пол горит! — завопил кто-то из них. — Вылей туда это ведро воды!

— Стой, дурья башка! — почти сразу же взвизгнул другой. — Это не вода! Это самогон!

Но его вполне разумное предупреждение слегка запоздало. Я услышал всплеск, а затем в доме заредело пламя, высовывая из окон свои длинные языки. Парни внутри завопили куда громче, чем до того.

— Выпустите меня! — истошно заорал кто-то. — Дым мне глаза выел! Сейчас задохнусь насмерть!

Я ринулся к дому сквозь густые заросли, оказавшись у двери как раз вовремя: она распахнулась настежь и наружу вывалился пошатывающийся тип, слепой что твоя летучая мышь. Он ругался на чем свет стоит, беспорядочно паля из пушки во все стороны. Я испугался, что, пребывая в таком неистовстве, он может нечаянно повредить самому себе. Поэтому, отобрав у парня дробовик, я слегка загнул дуло пушки об его голову, с одной стороны немного успокоив бедолагу, а с другой — лишив его всякой возможности застрелиться. Каково же было мое удивление, когда я признал в нем того парня, что скакал на короткохвостом чалом жеребце! Ничего себе, подумал я. Вот Сю-то удивится, когда узнает, что ее друг оказался разбойником!

Затем я зашел в дом. Там скопилось столько дыму и пороховых газов, что даже человек с таким орлиным взором, как у меня, ничего не сумел бы толком разглядеть. Стены и крыша полыхали вовсю, а эти ослепшие от дыма идиоты бессмысленно торкались туда-сюда, пытаясь найти дверь. На моих глазах один из них так ударился головой о стену, что свалился без чувств. Я подобрал его и выбросил наружу. Но когда я взял за шкурку другого, чтобы помочь ему выбраться из дома, он вдруг взвизгнул и неожиданно проткнул в моей любимой куртке дырку охотничьим ножиком. Я был настолько уязвлен такой черной неблагодарностью, что, выкидывая парня на спасительный для него свежий воздух, может быть, слегка перестарался. Как выяснилось позже, он расколол головой большую колоду для рубки мяса. Но откуда ж мне было знать, что она там стоит?

Покрутив головой, я с трудом обнаружил в едком дыму еще троих. Бедняги отчаянно сражались друг с

другом, полагая, что дерутся со мной. Не успел я прийти к ним на помощь, как рухнувшее сверху пылающее стропило повергло двоих из этой троицы в глубокую задумчивость. Вдобавок от полыхнувшего языка пламени на них загорелась одежда, а у меня затрещали волосы. И пока я тушил степной пожар, грозивший спалить дотла мой скальп, единственный уцелевший головорез прошмыгнул мимо меня в дверь, забыв в моей левой руке свою тлеющую рубашку.

Ну да ладно.

Я вытащил оставшихся двоих наружу и принялся топтать их ногами. Ведь надо же было как-то сбить с них огонь! Мерзавцы вопили так, будто я вознамерился переломать им все кости, а не спасал ихнюю ничемную жизнь.

— Прекратите шуметь! — прикрикнул я. — И немедленно признавайтесь, где золото Трехпалого Волка?

— Оно у Риджуэя, — прохрипел один из бандитов. — Оно у него!

Я строго спросил у всех присутствующих, кто из них Риджуэй, а они принялись хором клясться, что никто, и тогда я вспомнил про того малого, который оставил мне на память свою прожженную рубашку. Оглядевшись по сторонам, я увидел, что он успел вывести из кораля неоседланного чалого и уже взгромоздился на него, чтобы дать деру.

— Стоять! — грозно проревел я во всю силу своих легких, а я очень редко когда так поступаю.

Со всех окрестных акаций на землю посыпались стручки, высокая сочная трава тихо полегла на землю, а лошадь дико заржала, взвилась на дыбы, выскочила из-под Риджуэя и в мгновение ока исчезла где-то за горизонтом. Не успел мерзавец пару раз перевернуться, грохнувшись об землю, как остальные лошади разнесли вдребезги изгородь кораля и устремились вслед за чалым. Кажется, три или четыре из них промчались прямо по Риджуэю, прежде чем тот успел убраться с дороги.

Однако он довольно бодро вскочил на ноги и устремился прочь от дома, сильно пошатываясь, но тем не менее удерживая вполне приличную скорость. Конечно, мне ничего не стоило его подстрелить, но я опасался, что золото может быть припрятано где-нибудь в укромном месте, а если я случайно промахнусь и убью негодяя, то вряд ли он сумеет мне потом толком рассказать, где это место находится. Поэтому, размахивая над головой лассо, я пустился за ним следом на своих двоих, так как предполагал, что в попытке уйти от погони подлец попытается нырнуть в густые заросли, где Капитану Кидду будет не развернуться. Но когда Риджуэй понял, что я его нагоняю, он метнулся в сторону и с ловкостью обезьяны принялся карабкаться вверх по крутому горному склону.

И все-таки я не отставал. Вот почему, едва одолев половину подъема, он занял оборону на скальном выступе, спрятавшись за старым высохшим деревом, и принялся оттуда палить в меня напропалую. Я укрылся от пуль за большим валуном футах в семидесяти пяти ниже по склону, взывая оттуда к разуму Риджуэя и умоляя его сдаться на милость победителя. Как полагает истинному джентльмену.

И что же? В ответ раздались лишь новые выстрелы, вперемешку с клеветой и гнусными наветами в адрес моих уважаемых предков. Причем одна из пуль, неудачно отскочив от валуна, оставила на моей шее здоровенную вмятину.

Это до такой степени обидело меня, что я вытащил свои револьверы и открыл ответный огонь. Но дерево оказалось слишком толстым, чтобы перешибить его какой-то жалкой полусотней выстрелов, а солнце уже почти совсем село. Если не управиться до темноты, подумал я, то мошенник, чего доброго, как-нибудь изловчится и ускользнет от меня.

Ну ладно. Я поднялся во весь рост и, не обращая никакого внимания на жакан, который подлец сразу же всадил мне в плечо, метнул лассо, хорошенько раскру-

тив его над головой. Не припомню, говорил ли я, что всегда пользуюсь только девяностофутовыми арканами; меня чертовски раздражают те коротенькие, тонюсенькие веревочки, что в ходу у большинства ковбоев.

Значит, метнул я лассо, уложив его точно на верхушку дерева, затянул петлю покрепче, потверже уперся ногами в скалу и выдернул поганую сухостойну вместе с корнями. Да только эти корни так глубоко проникли в трещины, что вместе с ними вывернулась наружу большая часть скального выступа и начался оползень. Я всегда отличался понятливостью, а потому довольно быстро сообразил, что прямо на меня, набирая по дороге скорость и силу, катится не какая-то там груда мусора, на которой съезжает вниз вцепившийся в дерево и гнусно вопящий Риджуэй, а многотонная лавина.

Лавина громыхала, словно разразившаяся в горах ужасная гроза, но жуткие вопли Риджуэя легко перекрывали грохот катящихся камней. Разумеется, я тут же выскочил из-за валуна, прикинув так, что, когда лавина натолкнется на меня и, разделившись, начнет обтекать с двух сторон, мне удастся улучшить момент, чтобы схватить поддеца за шиворот и выудить его из этого каменного фарша.

Но, к несчастью, я сперва споткнулся и упал, а потом эта поганая вязанка хвороста, это чертово дерево заехало мне прямо по уху. Придя в себя, я сразу сообразил, что путешествую к подножию горы вместе с деревом, Риджуэем и остатками лавины. Такого унижения я давно не испытывал.

Насколько мне помнится, тогда я был просто счастлив, что мисс Сью Притчарт не видит всего этого безобразия. Полагаю, мало кто сумел бы сохранить достоинство, кувыркаясь вместе с кустами, деревьями, мусором и грязью в такой дьявольской каменной мельнице. Кроме того, я уже тогда начал подозревать, что та чертова сухая коряга вырвала из моих штанов здоровенный клоч, отчего я окончательно пал духом. Впрочем, человек, по-

зволивший себе утратить самообладание, ничего иного и не заслуживает! Я припомнил последствия еще двух-трех случаев, когда обстоятельства вынудили меня действовать в полную силу, после чего дал себе твердый зарок впредь ничего подобного не допускать.

Для молодого, свободного от всяких обязательств парня оседлать пустяковую лавину, особенно не беспокоясь о том, куда какие обломки летят, совершенно нормальный поступок. Другое дело, когда речь идет о таком солидном человеке, как я, который считал себя уже практически женатым. В таких случаях, прежде чем залезать в пекло, следует сперва себе там соломки подстелить. Настоящий мужчина перво-наперво обязан думать о своей жене и детях!

Мы прибыли к подножию горы в виде перемешанной на славу груды мусора и битого камня. Мне пришлось стряхнуть с себя тонны полторы булыжников, прежде чем я смог встать и протереть глаза, чтобы посмотреть, где же спрятался этот подлый Риджуэй. Почти сразу я приметил одинокий сапог, сиротливо торчавший из-под кучи какого-то хлама. Наклонившись, я взял малого за лодыжку и выдернул его на свет Божий. Надо сказать, выглядел он в точности как только что освежеванный кролик. На нем почти не осталось одежды, если не считать сапог и ремня с лохмотьями вместо кобуры. Но под ремнем я углядел толстый денежный пояс из бычьей кожи.

Ну вот.

Только я стащил с Риджуэя этот пояс, как он вдруг сел, очумело поглядел вокруг и слабо простонал:

— Кто вы такие, разрази вас всех гром?

— Брекенридж Элкинс с Медвежьего Ручья, — по всей форме представился я.

— Ага. А то мне показалось, что тут собралось все мужское население штата Невада, — мотая головой, болезненно морщась и стараясь собрать в кучку разбегающиеся глаза, сообщил он. — Ты меня совсем сбил с толку. И что ты намерен делать дальше?

— Думаю, придется сдать тебя и всю твою банду шерифу, — честно ответил я. — Правда, я и сам не особо люблю иметь дело с блюстителями закона, ведь у нас, на Медвежьем Ручье, ничего такого нету, но такие подлые койоты, как вы, вряд ли заслуживают лучшего.

— И ты еще смеешь толковать о законе! — вдруг запальчиво воскликнул Риджуэй. — Да чтоб ты лопнул! Говорить такое после того, как сам сговорился с Барсуком Маккеем ограбить старика Клементса! А ведь я всего лишь сделал то же самое, на какой-то час опередив тебя!

— Что ты несешь?! — вскинулся я. — Это Волк Клементс ограбил старину Маккея, отнял у бедняги вот этот самый золотой песок! — Я встряхнул пояс.

— Ха! Ограбил! Скажешь тоже. Черта лысого он его ограбил! — вдруг захихикал Риджуэй. — Барсук — самый хитрый из всех негодяев, когда-либо появлявшихся на свет! Да только у него кишка тонка самому кого-нибудь ограбить. Вот он тебя и послал. Если хочешь знать, Клементс — обычный честный старатель из тех, которые своим горбом берут. Старый недотепа кучу времени утrophал, намывая это золото в горах, а потом затаился на несколько недель в той норе, боялся оттуда нос высунуть. Знал, что мы его отслеживаем!

— Маккей использовал меня, чтобы ограбить честного трудягу! — воскликнул я, словно громом пораженный. — Не может быть!

— Однако именно так он и поступил! — злорадно заявил Риджуэй.

Я был настолько ошеломлен неслыханным предательством, что на какое-то время оказался совершенно парализованным. Воспользовавшись моим минутным замешательством, Риджуэй внезапно судорожно рванулся в сторону, скатился с кучи камней в густые заросли и в мгновение ока исчез.

Не успел еще стихнуть треск сокрушаемых им кустов, как послышался топот множества копыт. Я оглянулся как раз вовремя, чтобы быстро приближавшаяся куч-

ка всадников не успела застать меня врасплох. Среди них был Трехпалый Клементс, а в остальных я сразу признал парней, которым помешал догнать Сью Притчарт, встав у них на пути у поворота на Красный Кутуар.

Я потянулся к своим револьверам, но старик Клементс вдруг завопил:

— Остановись! Это наши друзья!

После чего он быстро подъехал ко мне, вынул кожаный пояс с золотым песком из моей ослабевшей вялой руки и победно взмахнул им в воздухе, демонстрируя остальным.

— Вот видите! — возбужденно вскричал старик. — Разве я не говорил вам, что он вел себя, как друг?! Разве я вам не говорил, что он помчался сюда, чтобы разделаться с этой бандой?! И он сумел-таки вернуть мне золото, а разве не говорил я вам, что так оно и будет?!

Клементс вдруг схватил меня за руку и в припадке энтузиазма принялся трясти ее так, что едва не оторвал, приговаривая:

— Я посылал за этими людьми в Томагавк, чтобы они помогли мне вывезти отсюда мое золото. Они добрались до моей пещеры почти сразу после того, как ты умчался. Правда, сперва они почему-то были настроены против тебя, но...

— Но теперь это не так! — закончил за старика Соломенные Бачки. Только сейчас я разглядел у него на груди бляху помощника шерифа.

Парень спешил и, в свою очередь, принялся энергично трясти мою уже полуоторванную Трехпалым руку.

— Ты же просто не знал, что мы — специальный отряд полиции, — приговаривал он, не выпуская мою руку. — А я только потом сообразил, насколько скверно выглядит со стороны, когда шестеро мужчин гонятся за одной женщиной. Но в тот раз мы решили, что ты закоренелый преступник. Мы были вне себя от бешенства, когда нам удалось наконец поймать своих лошадей и вернуться в Красный Кутуар. Мы жаждали твоей

крови! Но когда мы обнаружили на задворках лавки шестерых полупарализованных бандитов, я призадумался! А потом мы добрались до пещеры Клементса, где узнали, что ты умчался по следу Риджуэя, но перед тем потратил немало времени, чтобы позаботиться о несчастном израненном старике. После этого ты и вовсе предстал в ином свете. Но все же меня не оставляла мысль, что у тебя есть собственные резоны насчет этого золота. Разумеется, теперь-то я вижу, насколько в тебе ошибался! Приношу мои самые искренние извинения! Послушай-ка, а куда подевался Риджуэй?

— Удрал, — мрачно ответил я.

— Не бери в голову! — жизнерадостно воскликнул бывший Трехпалый Волк Клементс, вновь принимаясь мурить мою руку. — Ведь Кирби со своими ребятами уже посадил в городскую тюрьму Джеффа Миддлтона, а с ним в придачу еще пятерых мерзавцев. Жаль только, что этому старому лицемеру, Маккею, удалось сбежать из города, но зато мы обнаружили еще шестерых людей Риджуэя, связанных по рукам и ногам у риджуэевского дома, а точнее — у того места, где он стоял, пока ты не спалил его дотла. Боже, ведь там была целая банда головорезов, а остался от нее один сплошной синяк! Похоже, драка была ужасная! Но ты тоже выглядишь так, словно летал верхом на торнадо. Поехали с нами и с нашими арестантами в Томагавк, прошу тебя. Я накуплю тебе новой одежды. Столько, сколько пожелаешь. А потом отпразднуем эту славную победу!

— Мне надо вернуться за мальчишкой. Я оставил его в развилке дерева внизу, в ущелье, — мрачно ответил я. — За Джеком Монтгомери. У него крыша съехала или что-то вроде того. Совсем спятил, бедняга.

Они дружелюбно рассмеялись, затем Кирби сказал:

— Твоему чувству юмора остается только позабавовать Элкинса. Мы обнаружили эту пташку, как только свернули в ущелье, и прихватили с собой.

Теперь он валяется связанный на поляне вместе со всеми остальными. Ну и ушлый же ты парень, однако!

Сумел так одурачить старого лиса Маккея, что он сам тебе на блюдечке выложил, где прячется Клементс. А потом обвел вокруг пальца всю банду Риджуэя, заставив их поверить, что ты собрался ограбить Трехпалого! Жаль, ты не знал, что мы служим закону, иначе мы бы могли действовать вместе. Но, все равно, стоит мне подумать о том, насколько Маккей был уверен, что ему удалось обманом втянуть тебя в грязное дело, что это именно он обвел тебя вокруг пальца, а не наоборот, что на самом-то деле ты искал способ, как выручить Клементса, а заодно разделаться с бандой Риджуэя, и меня сразу разбирает смех. Вот умора! Ха! Ха! Ха!

— Но я вовсе не хотел... — Я говорил сбивчиво, потому как от речей Кирби у меня слегка закружилась голова.

— Правда, одну ошибку ты все же совершил, — отсмеявшись, сказал Кирби. — Не стоило никому говорить о том, где прячется Клементс.

— Но я никому и не говорил! — вскинулся я. — Кроме мисс Сью Притчарт!

— Боже, какое великое множество хороших людей пало жертвой женских хитростей! — сочувственно промолвил Кирби. — Монтгомери рассказал нам все. Едва ты открыл ей свой секрет, как она тут же выскользнула из дома, свистнула ребят Риджуэя, а затем послала одного из них с весточкой к Буйволу. Другому же — это как раз и был Монтгомери — Сью велела отправляться с тобой, чтобы он избавился от тебя где-нибудь по дороге. Когда мы добрались до Красного Кутуара, она сразу сбежала в холмы. Готов биться об заклад, что они с Риджуэем заранее договорились о встрече в горах и теперь вместе пустились в бег. Но твоей вины я тут не вижу. Откуда ж тебе было знать, что Сью Притчарт — девушка Буйвола Риджуэя! Вот оно, женское вероломство!

— Приведите мне моего коня! — Я был потрясен до глубины души и говорил срывающимся голосом. — В меня стреляли и попадали, меня резали и жгли, я ехал

с горы на лавине, я сам был лавиной — и моя трепетная любовь была растоптана! Вы видите перед собой опаленную огнем, ободранную как липка, истекающую кровью жертву подлого женского предательства. Судьба опять сдала мне джокера. Мои чувства оплеваны, мое сердце разбито, и из моих порванных штанов торчит наружу голая задница. Прочь с дороги! Я еду.

— Куда? — спросили они хором, благоговейно, расступаясь.

— Куда угодно! — взревел я, словно раненый медведь. — Хоть к черту на рога! Лишь бы это место находилось как можно дальше от Красного Кугуара!

СЕРЕНАДА ЖЕВАНОВОГО УХА

Капитан Кидд неторопливой рысцой трусил по направлению к Орлиному Перу. Я уютно покачивался в седле, и на душе у меня было легко и спокойно, как вдруг навстречу мне, вздымая огромное облако пыли, попался какой-то малый. Парень несся во весь опор, словно за ним черти гнались. Он промчался мимо, даже не потрудившись шляпу приподнять, а бедный Кэп Кидд лишь понапрасну щелкнул челюстями, тщетно попытавшись укунить за ухо пролетавшую мимо нас лошадь, — лучшее подтверждение тому, что малый действительно спешил как на пожар.

Все же я успел признать в нем молодого Джека Спрэгга, ковбоя с большого ранчо неподалеку от Орлиного Пера. На его бледном лице застыло выражение какой-то отчаянной решимости, словно у человека, только что выбросившего две двойки и теперь поставившего на кон последние штаны. Парень размахивал риапой, судорожно зажатой в правой руке, хотя я на десять миль вокруг не сумел углядеть ничего такого, на что он смог бы набросить свое лассо.

Промчавшись мимо меня, торопыга вскоре свернул на тропу, ведущую в горы, а я привстал на стре-

нах, вглядываясь вдаль. Туда, откуда он прискакал. По правде говоря, я рассчитывал увидеть там приближающихся людей шерифа. Потому как единственной причиной, способной загнать жителя равнин на скалы Верхнего Гумбольта, могла быть лишь предстоящая ему, и притом в самом скором времени, примерка пенькового галстука.

И я углядел-таки там, вдали, еще одно облако пыли. А как же еще. Правда, судя по размерам, его поднимал всего один человек. Довольно скоро я признал во всаднике Билла Глентона из Орлиного Пера — вполне убедительный резон для Спрэгга жать на всю катушку, раз уж сам Билл наступал ему на пятки. Глентон был типичным техасцем, добродушным, медлительным и малость сентиментальным парнем, пока никто не задевал его чувств. Но стоило кому-нибудь учудить такую непростительную глупость, как Глентон тут же превращался в сущее торнадо и кому угодно мог показать небо в алмазах. А душа у Билла, надо сказать, была ужасно ранимая.

— Куда он поскакал? — едва увидев меня, заорал Билл.

— Кто? — вежливо поинтересовался я. У нас на Гумбольте не принято выкладывать кому попало то, о чем стало известно случайно.

— Джек Спрэгт! — прокричал Глентон, натягивая поводья. — Будь он проклят! Он должен был попасться тебе навстречу! Куда он свернул?

— Он мне не сказал, — с достоинством ответил я.

Глентон слегка сбавил тон, притормозил своего скакуна и попросил:

— Послушай, Брек, поупражняйся в своем проклятом липучем деревенском красноречии на ком-нибудь другом! И в другой раз. У меня нет ни единой лишней недели, чтобы выуживать нужные сведения из каждого попавшегося мне навстречу шалопаю с Медвежьего Ручья. У меня даже в мыслях нет причинять какой-нибудь вред тому свихнувшемуся идиоту! На-

оборот, я гонюсь за ним, чтобы спасти его молодую жизнь! Одна девчонка из Орлиного Пера, которую он считал своей, наставила ему рога и парень надумал перевалить последний в своей жизни перевал. Ну, остальные ребята, конечно, стали присматривать за ним. Мы попрятали от него подальше все свои пушки и всякий там крысиный яд, но сегодня утром он-таки умудрился от нас смыться и подался напрямик в горы. Если б не малышка из забегаловки «Ревущая телка», мне б ни в жисть не удалось напасть на его след. Дурень проболтался ей, что собрался в скалы Гумбольта, где уже ни один паразит не сможет помешать ему повеситься.

— Ага, — глубокомысленно заметил я, — так вот, значит, зачем у него в руках болталась та веревочка! С другой стороны, это ведь его личное дело, разве не так?

— Отнюдь, — резко возразил Билл. — Человек в таком состоянии не может за себя отвечать, а потому приглядывать за ним — прямой долг его товарищей. Еще настанет день, когда он скажет нам огромное спасибо! Не говоря уже о том, что болван должен мне целых шесть баксов. И если я допущу, чтобы он покончил с собой, тогда все! Плакали мои денежки! Ну! Соображай живей, чтоб ты лопнул! Не то мальчишка взаправду повесится, пока мы тут с тобой языками чешем!

— Ну ладно, — подумав, согласился я. — В конце концов, мне, наверно, следует позаботиться о репутации Верхнего Гумбольта. Ведь у нас здесь до сих пор не случилось ни одного самоубийства.

— А как же, — язвительно заметил Билл. — Конечно. Вы здесь, наверху, просто никому и никогда не предоставляли такой возможности. Только какой-нибудь бедолага надумает убить себя — глядишь, а ему эту услугу уже оказал кто-то другой.

Пропустив мимо ушей столь очевидно несправедливые злостные наветы, я натянул повод, вынудив Кэпа Кидда развернуться на месте в тот самый момент, когда он уже совсем примерился откусить ухо лошадке Глентона.

Хотя Джек Спрэгг свернул с тропы, он умудрился оставить за собой такой след, по которому за ним смог бы пройти даже слепой. У парня была приличная фора, да только его лошадка обеим нашим даже в подметки не годилась, а потому довольно скоро мы нашли в густых зарослях у подножия Кутуарьей горы то место, где Джек привязал свою кобылу. Мы привязали своих лошадок рядом и начали пробираться сквозь заросли дальше, уже на своих двоих. Вскоре мы увидели Джека. Он карабкался по склону по направлению к скальному выступу, на котором росло одинокое старое дерево. Один здоровенный сук этого дерева далеко выступал за край обрыва и, как я тут же сказал Биллу, замечательно подходил для устройства небольшой уютной виселицы.

Но Билл слишком торопился, чтобы по достоинству оценить прекрасный горный пейзаж.

— Парень доберется до того козырька раньше, чем мы успеем добраться до него! — пыхтя, ответил он. — Что будем делать?

— Подстрелим его в левую заднюю ногу, — находчиво предложил я.

— Нет, черт возьми! — пробурчал Глентон. — Тогда он сорвется и расшибется насмерть! А если мы за ним погонимся в открытую — он прибавит ходу, заберется на выступ и успеет повеситься раньше, чем мы его скрутим. Послушай! Видишь вон там, западнее козырька, густой кустарник? Зайди с той стороны и постарайся незаметно подползти поближе, а я, наоборот, выйду на открытое место, чтобы привлечь к себе внимание. Пока я буду развлекать дуралея разговорами, ты подкрадешься к нему сзади и сцапаешь голубчика!

Ну, значит, отступил я в заросли и, пригнувшись, побежал вдоль склона. Уже перед тем, как нырнуть в гущу кустарника, я оглянулся. Джек как раз добрался до козырька и теперь усердно привязывал свою рияту на тот самый, выступавший над обрывом, сук. Дальше мне стало не до него, потому что ветки кустарника пе-

репеллись так тесно и были так густо утыканы длинными шипами, что пробираться сквозь них оказалось потруднее, чем продраться сквозь громадный клубок самозабвенно сражающихся мартовских котов. Все же, извиваясь червем, я преодолел изрядное расстояние, как вдруг до меня донесся крик Билла:

— Эй, Джек! Остановись! Не делай этого, ты, олух царя небесного!

— Отвали! — раздался ответный вопль. — Оставь меня в покое! Не приближайся, или буду стрелять! У нас — свободная страна! И у меня есть полное право повеситься, раз уж мне так захотелось!

— Проклятый болван! — орал Билл. — Спускайся вниз, и мы вместе придумаем что-нибудь еще более идиотское! Только боюсь, что это невозможно!

— Моя жизнь кончена! — продолжал настаивать на своем Джек. — Моя пламенная любовь предана поруганию! Отныне я, как иссохшая перекаги-голова, — тьфу, черт! я хотел сказать, как увядшее перекаги-поле, — уйду, дабы Вечным Жидом кувыркаться в песках времен! Знак Зорро, нулевое тавро, проставленное раскаленной Судьбой на моем боку, полыхает адским пламенем, дотла сжигая цепел моей души! Я уйду, дабы...

К моему огромному сожалению, мне так и не удалось узнать во всех подробностях, куда и зачем собирался уходить Джек. На самом интересном месте я вдруг наступил на нечто мягкое, это нечто душераздирающе взвыло и чертовски острыми зубами вцепилось в мою ногу.

А ведь некоторые глупцы имеют наглость утверждать, что я невезучий! Вранье! Чем же еще, кроме моего особого везения, можно объяснить, что проклятый кугуар из всех этих дерьмовых колючих зарослей, сколько их есть на Верхнем Гумбольте, выбрал для своей снесты именно здешние? И конечно же, никто другой, кроме меня, ни за что не сумел бы так ловко на него наступить!

Оно бы и наплевать, поскольку еще не родился тот кутуар, который смог бы устоять против Элкинса в открытом честном бою. Плохо было другое: лучший способ разделаться с ним (речь, разумеется, идет о кутуаре, поскольку способов разделаться с Элкинсом просто-напросто не существует) состоит в том, чтобы хорошенько врезать ему промеж ушей, пока он еще не успел как следует в вас вцепиться. Но кусты были такими густыми, что я не мог разглядеть чертову кошку, а проклятые шипы оказались такими острыми, что мне не удалось толком повернуться и достойно встретить ее, когда она напала. Поэтому прежде, чем я приноровился, кутуар успел несколько раз броситься на меня, погружая в мое тело свои когти и клыки, а затем снова укрывался в кустах.

Вдобавок это оказался не простой кутуар, а сам Полковник: самый большой, самый старый и самый подлый кот на всем Верхнем Гумбольте. То место, где мы с ним сцепились, было названо Кутуарьей горой как раз в его честь. Наглость Полковника простиралась так далеко, что он не боялся самого Кэпа Кидда, а ведь тот сызмальства слыл грозой всего кошачьего племени.

В общем, прежде чем мне удалось как следует ухватить старину Полковника за шею, паразит успел превратить в клочья почти всю мою одежду, а заодно на славу располосовал мне когтями кожу. Подлая тварь настолько вывела меня из себя, что, сцапав поганую кошку, я перехватил ее за хвост и начал крутить над головой, выкосив вокруг себя все колючие кусты ровно на семнадцать с половиной футов.

Наконец с хвоста кутуара слезла шкура и он выскользнул из моей руки. Старина Полковник грузно плюхнулся на землю, быстро вскочил и пустился наутек, визжа так, что у человека, менее привычного к таким делам, запросто могли лопнуть барабанные перепонки. Совершенно ненормальный кот. Но все-таки не настолько ненормальный, чтобы снова ринуться в бой. Теперь мне иногда кажется, что в тот раз он просто не признал меня спросонок.

Тут до меня донеслись отчаянные призывы Билла. Парню явно требовалась помощь. Поэтому я рванулся вверх по склону, ломясь сквозь заросли не хуже дикого буйвола, оглашая окрестности громкими ругательствами и обильно орошая проклятые кусты кровью, сочащейся из ран. Время тайной дипломатии и скрытных военных действий явно миновало. Кое-как продравшись на открытое место, я сразу увидел Билла, суетливо подпрыгивавшего на самом краю каменного козырька в попытках дотянуться до веревки, на нижнем конце которой зачем-то дергался как кузнецик злосчастный Джек Спрэгг.

— Какого черта ты не крался тихо и незаметно, ведь мы же договорились! — едва увидев меня, взвыл Глентон. — Все было так хорошо! Я уже почти уговорил кретина отказаться от его затеи. Правда, он еще продолжал стоять на краю выступа с петлей на шее, но уже начал прислушиваться к моим словам. А тут в кустах вдруг поднялся такой кошмарный шум, что парень с перепугу вздрогнул и свалился с обрыва. Ну сделай же что-нибудь!

— Может, перебить веревку? — наморщив brows, предложил я, доставая револьвер.

— Прекрати, проклятый осел! — взвизгнул Билл. — Он же свалится с утеса и сломает себе шею!

Тут я вдруг сообразил, что дерево вовсе не такое большое, каким оно мне сперва показалось. Тогда я подошел, обхватил руками ствол, потянул его вверх, чтобы малость освободить корни, а затем слегка повернул так, чтобы сук, на котором висел Джек, перестал высываться за край обрыва. К сожалению, ежели судить по каким-то лопающимся звукам, мне не удалось сохранить в целости все корни этого деревца. А жаль! Такой пейзаж пропал. Билл, похоже, тоже немного огорчился. У него даже глаза на лоб полезли от расстройства. И вид у него, когда он перерезал веревку своим охотничьим ножом, был какой-то растерянный. Наверно, поэтому он позабыл поддержать Дже-

ка перед тем, как резать веревку, отчего тот свалился на камни с глухим стуком, словно куль с овсом.

— Кажется, помер,— с отчаянием в голосе сказал Глентон.— Плакали мои шесть баксов. Не видать мне их, как своих ушей! Ты только посмотри, какой у мальчика нехороший цвет лица. Вся морда ярко-красная, что твой помидор!

— А! — отозвался я, откусывая себе от плитки табака кусок для жвачки.— Пустяки. Все они так выглядят, кто успел хоть маленько повисеть. Вот, помню, однажды придурки из комитета по охране правопорядка вздернули моего дядюшку, Джеппарда Граймса, так у нас добрых три часа ушло на то, чтобы его откачать. С другой стороны, он, конечно, уже битый час на веревке проболтался, прежде чем мы его нашли.

— Заткнись! — прорычал Билл, срезая петлю с шеи Джека.— Лучше помоги мне откачать парня. Ты выбрал дьявольски неподходящее время для того, чтобы исповедоваться передо мной в грехах твоих долбанных родственничков... Эй! Посмотри-ка! Кажется, он приходит в себя!

Раз уж Джек все равно начал дрыгать ногами и хватать ртом воздух, Глентон сбегал вниз за бутылочкой, из которой влил парню в глотку добрую порцию. Вскоре Спрэгт сел и принялся озабоченно ощупывать шею. Парень яростно шевелил губами, однако не мог издать ни звука.

А Билл, кажется, только теперь обратил внимание на мой несколько встрепанный вид.

— С тобой-то что стряслось, скажи на милость? — изумленно спросил он.

— Да так. Всего лишь наступил на старого Полковника, — насупившись, ответил я.

— Чего ж ты ушами хлопал? Разве не знаешь, что за его шкуру назначена большая награда? Мы могли бы разделить денежки пополам.

— Лично я по горло сыт Полковником, — несколько раздраженно заметил я. — Ничуть не огорчусь,

если никогда его больше не увижу. Нет, ты только посмотри, что этот сукин кот сотворил с моими лучшими штанами для верховой езды! Если тебе так уж нужна та премия — иди и лови Полковника сам.

— Вот-вот! И оставь наконец меня в покое! — неожиданно вмешался в разговор Джек, неприязненно глядя на нас обоих. — Твоя забота мне уже поперек горла встала. В прямом смысле. А если мне вздумается повеситься еще разок, я прекрасно обойдусь без посторонней помощи!

— И не думай даже, — сурово осадил его Билл. — Мы с твоим папашей старые друзья, а потому мой долг — любой ценой сохранить твою никчемную жизнь. Даже если ради этого мне придется тебя укошнить!

— Это мы еще посмотрим! — пронзительно выкрикнул Джек, неожиданно ныряя головой вперед в попытке проскочить между ног Глентона.

Парнишке почти наверняка удалось бы смыться, если б я не успел зацепить его своей шпорой за штаны. Негодник тут же отплатил черной неблагодарностью, заехав мне по уху первым попавшимся под руку булыжником, а потом, пока мы вязали этого висельника по рукам и ногам остатками его собственной петли, он буянил и скандалил как самая сварливая старуха в мире. Моя природная стыдливость никак не позволяет повторять здесь его речи.

— Ну? Случалось ли тебе когда-нибудь встречать такого идиёта? — горестно вопрошал меня Билл, усаживаясь поудобнее на спине Джека и поигрывая своим стетсоном. — И что же нам теперь с ним делать? Не можем же мы вечно держать его спеленутым!

— Придется хорошенько за ним следить, пока дурень не откажется от нелепого намерения покончить с собой, — ответил я. — Думаю, какое-то время он может пожить в нашей хижине.

— У тебя, случаем, нет сестер? — вдруг поинтересовался Джек.

— А как же! — с чувством сказал я. — Полон дом. Там куда ни плюнь, обязательно в какую-нибудь попадешь. А в чем дело?

— Тогда я туда не хочу! — горько сказал Джек. — Я больше не желаю видеть никаких женщин, даже ежели они родом с гор Гумбольта. Сердце мое полно отравы. Мед любви стал для меня трупным ядом. Лучше уж бросьте меня здесь на растерзание канюкам и кутуарам!

— Придумал! — вдруг воскликнул Глентон. — Давай возьмем парня с собой на хорошую охотничью вылазку в самые нехоженые места Верхнего Гумбольта! По правде говоря, я и сам давно хотел там побывать. Держу пари, в тех краях еще не ступала нога белого человека! Если, конечно, не считать тебя, Брек. Ты уж не обижайся, но...

— Берегись! — заорал я, краем глаза заметив, как в зарослях мелькнула чья-то лохматая шкура.

Решив, что к нам с самыми недобрыми намерениями снова пожаловал старый Полковник, я выхватил пару своих шестизарядных и открыл было беглый огонь по кустам, как вдруг оттуда донесся знакомый разъяренный голос:

— Прекрати сейчас же, поганец! Чтоб ты лопнул!

С этими словами на горизонте показалась довольно странная личность: высоченный, громадный старый хрыч, буйная седая шевелюра которого так срослась с седой бородищей, что стала неотличима от львиной гривы. В руке старик сжимал здоровенную суковатую дубину, а вокруг пояса у него была повязана шкура большущего кутуара. При виде такого чуда в перьях Спрэгг глупо вытаращил глаза и пролепетал:

— Боже! Это что за урод?

— Всего лишь еще одна жертва гнусных женских происков, — успокоил я Джека. — Старик Джошуа Брэкстон из Жеваного Уха, самый крутой адвокат во всей Южной Неваде. Он у них старейшина или что-то вроде того. Я так думаю, что мисс Старк — ну, та ста-

рая дева, которая всю жизнь проторчала учителькой в школе, — опять принялась плести вокруг бедняги свою любовную паутину. А как только она в очередной раз начинает смотреть на него таким вот овечьим взором, старик быстро швыряет в котомку кое-какое барахлишко и сматывается сюда, в верхнюю сьерру.

— У меня просто нет другого способа спасти свою шкуру! — пророкотал Джошуа, подплывая к нашей честной компании. — Если б мне не удалось изобрести вот эту единственно верную стратегию, чертова баба уже давным-давно женила бы меня на себе! С равнин редко кто поднимается сюда, в горы. Ну, а если мне даже случится столкнуться с кем-нибудь, меня все равно никто не признает при таком-то такелаже! А вы, паразиты, как посмели нарушить мое уединение? Подняли такой тарарам, что разбудили меня прямо в моей пещере. Стоило мне увидеть, как старый Полковник, задрав ободранный хвост трубой, поспешно переселяется в дальние края, и я сразу допер, что где-то рядом Брекенридж Элкинс!

— Мы здесь по делу, — сказал Билл. — Спасаем вот этого юнца от прискорбных последствий его же собственного недомыслия. Ты смылся сюда потому, что одна баба надумала женить тебя на себе. А вот наш Джек прибыл в горы, чтобы украсить своей персоной сук вон того дуба из-за того, что другая баба никак не желает выходить за него замуж.

— Есть же люди, которые просто не хотят понять, какая сказочная удача им привалила! — с черной завистью в голосе сказал старик Джошуа. — Ты только посмотри на меня, парень! Я сплю и вижу, как бы мне поскорее вернуться в Жеваное Ухо. Ведь я там уже больше месяца не был! Но уж лучше я буду до конца своих дней скитаться здесь, в глуши, пока эта старая потрепанная курица, мисс Старк, поджидает меня там!

— Да не кипятись ты, Джош, — сказал Глентон. — Успокойся. Тебе тоже повезло. Мисс Старк в Жеваном Ухе давным-давно нету. Она еще три недели назад собрала свои манатки да укатила в Аризону.

— Ал-лилуй-йя! — восторженно вскричал Джошуа и на радостях подбросил свою дубинку так высоко, что назад она уже не вернулась. — Выходит, я могу вернуться! И снова стану человеком среди людей! Хотя нет, постой! — Он полез в складки кутуарьей шкуры и выудил оттуда запасную дубинку. — Наверняка они там уже нашли взамен одной старой дуры другую. Свято место пусто не бывает! Уж это мне новомодное школьное здание, которое они отгрохали в Жеваном Ухе! Оно есть срамota и проклятие Божие! Самый настоящий рассадник всех пороков; логово хищных арифметичек, охотящихся за мужьями!

— Да не волнуйся ты так! — Билл еще раз поспешил успокоить безутешного старика. — Мне случайно удалось увидеть портрет того сосуда зла, который они выписали взамен мисс Старк откуда-то далеко с востока. Симпатичная такая малышка, прехорошенькая и молоденькая, будто сама только что школу кончила. Да она в твою сторону даже ухом не поведет, уверяю тебя! А о том, чтобы она вознамерилась проставить на замшелой шкуре такого старого хрыча, как ты, свое личное клеймо, вообще никакой речи быть не может!

— Что ж ты раньше молчал? — Во мне вдруг пробудился самый живой интерес. — Говоришь, молоденькая и хороша собой?

— Как скаковая кобылка самых лучших кровей! — с чувством заверил меня Глентон. — Ей-богу, в первый раз в жизни встречаю учительку, которой не исполнилось бы сорок прямо при рождении, и притом с мордашкой, не напоминающей, как это обычно у них принято, начало той вечной засухи, за которой последует конец света! Она прибывает в Жеваное Ухо на вечернем дилижансе, а приветствовать ее собрался весь город! Мэр уже приготовил речугу и обязательно толкнет ее, если сумеет устоять на бровях. Да, совсем забыл: они даже заказали оркестр!

— Вот идиёты! — презрительно фыркнул Джошуа. — Ведь в этом самом образовании нету, ровным

счетом никакого смысла. Я адвокат и имею полное право утверждать это!

— А вот я так не думаю! — решительно возразил я. (Справедливости ради надо заметить, что эти мои слова относились к тому времени, когда я еще не успел стать поистине образованным человеком.) — Должен признаться, порой я ужасно сожалею, что так и не научился толком читать и писать. Но что делать, у нас на Медвежьем Ручье отродясь не было школы!

— Как же ты ухитряешься прочесть, что написано на ярлычках, наклеенных на бутылках? — фыркнул старый Джошуа.

— Просто уморительно, как быстро одно лишь предвкушение увидеть хорошенькое женское личико может в корне изменить все взгляды самого зрелого мужчины на жизнь, — слегка невпопад брякнул Билл. — Мне помнится, что, когда мисс Старк однажды спросила у тебя, не хотят ли твои родственники с Медвежьего Ручья, — а ведь вы там все друг другу родственнички, — чтобы она вскарабкалась к вам наверх и немного подучила ваших детишек уму-разуму, ты не полез в карман за ответом. Ты только разок глянул ей в лицо, напыжился как индеек и заявил, что, дескать, ее гнусное предложение идет вразрез с основными принципами свободы, которые пока еще торжествуют на Медвежьем Ручье, а потому оно может серьезно повредить вашим невинным малышам. Путем самого разлагающего влияния, каковое так называемое образование неизбежно окажет на нежные детские души. Так загнул, что я до сих пор помню. А напоследок ты еще добавил, что свободолюбивый народ Медвежьего Ручья твердо намерен — и если понадобится, то с оружием в руках — противиться таковому подлому разлагающему влиянию вплоть до последней капли крови.

— Тыфу на вас, — сказал я, небрежным движением руки отмахивая клеветнические нападки Билла и Джошуа. — Просто я только сейчас понял, в чем заключается мой долг. А он заключается в том, что мне надлежит

стать проводником культуры, всячески содействуя тому, чтобы самая ее трепетная суть вошла в плоть и кровь ныне подрастающего на Медвежьем Ручье молодого поколения! Я просто нутром чую, как в моей груди призывно стучит набат, настоятельно требующий учиться! Кроме того, уже давно собирались открыть на Медвежьем Ручье лучшую в мире школу, кланусь Аллахом! Если уж на то пошло, я сам срублю здание для этого храма наук и искусств, пусть даже мне придется лично иметь дело с каждой засевшей в горах обомшелой каракатицей!

— Ну а где же ты найдешь учителя для вашей школы? — вдруг заинтересовался Джошуа. — Ведь не думаешь же ты, что Жеваное Ухо уступит тебе свою добычу?

— Уступит! — не колеблясь ответил я. — А если они не отдадут малышку добровольно, я прибегну к иным способам убеждения. Медвежий Ручей поистине изнывает от бескультурия! Я залью все равнины кровью так, что скакуны будут купаться в ней по самые обабки, ежели от меня потребуется такое! Вперед! Я уже устал ждать, пока предо мною распахнутся двери храма наук и искусств! Вы со мной или как?

— О нет! — довольно убедительно простонал Джек. — Только не это!

— Вот черт! — пробурчал Глентон. — Ну что прикажешь с ним делать?

— Пустяки! — ободрил я Билла. — Просто привяжем парня где-нибудь рядом с тропой. Где-нибудь повыше. Так, чтобы его не сожрали койоты. А потом подберем на обратном пути.

— Замечательная идея! — воскликнул Билл, не обращая ни малейшего внимания на жалобные протесты Джека, высказанные парнем весьма энергично и в самой что ни на есть непечатной форме. — Так и сделаем! Нежная гитара моих нервов почти истлела, пока я изнурял свою бедную лошадку бессмысленной погоней за этим юным идиотом! И теперь я нуждаюсь в неболь-

шой передышке, дабы заново настроить своего Гварнери. Или как там его еще? И вообще! Я желаю лично увидеть это новое чудо педагогики! Иначе у меня просто крыша поедет от любопытства. Чего молчишь, Джош?

— По-моему, так у вас у обоих уже поехали крыши, — проворчал старейшина адвокатов. — Навстречу друг другу. Того и гляди, столкнутся. Что до меня, то я слишком давно питаюсь орехами и очень-очень тощими кроликами, чтобы рассуждать трезво. Но, поскольку мне доподлинно известно, что единственный способ переубедить Брекенриджа Элкинса сводится к тому, чтобы отправить парня на тот свет, а у меня есть страшное подозрение, что такая задача мне не по плечу, значит — вперед! Но предупреждаю! Я совершу все возможное, дабы тлетворное влияние той самой образованности ни на мгновение не потревожило священный покой Медвежьего Ручья! И не подумайте, что подобное решение вызвано моей личной неприязнью ко всяким там учителям и учительницам! Просто таков мой священный принцип, а заодно — извините, парни, но так уж устроена жизнь!

— Собирай побыстрее свои тряпки, — проворчал я. — Мы спешим!

— У меня нету никаких тряпок, кроме вот этой шкуры кугуара! — заносчиво возразил Джошуа.

— Но не можешь же ты спуститься на равнину таким диким оборванцем! — неодобрительно заметил я.

— Не только могу, но и обязательно спущусь! — гордо отвечивал Джошуа. — К тому же я выгляжу куда более цивилизованным парнем, чем ты! Тьфу! В таком ужасном тряпье, пожертвованном тебе на память нашим общим другом, Полковником! Ну да ладно. Здесь неподалеку должен пастись мой сивый метрин. Я доберусь до своей лошадки в ноль секунд, если только до нее уже не добрался проклятый Полковник!

Ну, значит, пошел Джошуа за своей лошадкой, а мы с Биллом кое-как вытащили Джека к тому месту, где были привязаны наши скакуны. Парень все время

толковал о чем-то страшно горячо и ужасно неразборчиво, но мы благоразумно пропускали все его пламенные речи мимо ушей и уже совсем заканчивали привязывать его к спине клячи, когда на поляне вновь возник Джошуа в сопровождении своего кошмарного одра.

Вот тут и началась настоящая потеха. Кэп Кидд, похоже, принял старину Джошуа за самого настоящего флибустьера. И всякий раз, когда бедный адвокат пытался проскользнуть мимо, Кэп неукоснительно загонял беднягу на жалкие остатки дуба, все еще сохранившиеся в пейзаже после моих праведных трудов. Причем, стоило несчастному старику предпринять хоть малейшую попытку спуститься вниз, как Кэп решительно выдирал узду из моих рук и опять загонял достойного старца на самую верхотуру.

Паразит Глентон не оказал мне ни малейшей поддержки. Парень только и знал, что заходиться в истерику, словно какая-нибудь там хохочущая гиена. Так оно и продолжалось, пока чужак не привлек к себе внимание Кэпа Кидда. Мой бедный невинный конек, сильно раздраженный этим ужасно грубым хохотом, изловчился и лягнул насмешника в гнусное толстопузое брюхо, одним ударом перебросив негодника через небольшую рощицу пушистых елок.

Впрочем, пушистыми они казались только снаружи. Когда я помог Биллу выпутаться из густого хитросплетения веток, парень выглядел почти так же непрезентабельно, как я после размовки с Полковником. Вся одежда висела на нем клочьями, а шляпу мы вообще нигде не сумели найти. Поэтому я щедро оторвал ему кусок от той тряпки, что некогда была моей лучшей рубашкой. Глентон повязал этот кусок вокруг головы и сразу сделался ужасно похожим на апача. В общем, если не считать связанного Джека, вся наша честная компания выглядела теперь довольно-таки дико.

Однако при одной мысли о том, сколько времени уже истрачено впустую, пока несчастное население

Медвежьего Ручья продолжает прозябать в прискорбном невежестве, я начал приходить в самое настоящее отчаяние. Поэтому, едва Кэп Кидд в очередной раз надумал загнать Джошуа на дерево, я тут же врезал ему рукояткой своего шестизарядного прямехонько промеж ушей. Как ни странно, этот способ убеждения возымел некоторое действие.

В конце концов с грехом пополам мы кое-как тронулись в путь. Джек, накрепко привязанный к спине собственной лошади, все время выкрикивал нечто ужасное, а Джошуа, взгромоздившийся на своего неоседланного и невзнузданного огромного древнего сивого мерина, страшно тормозил весь наш караван. Я попросил Билла ехать между мной и Джошуа, чтобы проклятая шкура кугуара оказалась как можно дальше от Кэпа Кидда; и все же всякий раз, когда порыв ветерка доносил до ноздрей Кэпа ненавистный ему кошачий запах, он рывком бросался вперед и кусал Джошуа. А иногда он случайно промахивался и кусал лошадку Билла или даже — но это уж совсем по ошибке — самого Билла. Должен признаться, речи Глентона, произносимые им в таких случаях в адрес бедного животного, весьма болезненно резали мой слух.

Ну да ладно.

Мы решили двинуть напрямик, чтобы побыстрее попасть на тропу, ведущую с Медвежьего Ручья в Жеваное Ухо, и выскочили на нее как раз милей западнее перевала Охотничьих Ножей. Там мы и оставили Джека, крепко привязав беднягу к красивому и очень уютному тенистому дубу, прилепившемуся на дне небольшого ущелья. Я обнадежил парня, заверив его, что мы вернемся за ним через каких-нибудь несколько часов. Но ведь бывают же такие люди, которые вечно всем на свете недовольны! Немудрено, что та девчонка предпочла ему кого-то другого. Мальчишка отреагировал на мои слова самым непристойным образом: он чихвостила нас троих и растак, и разздак. Кое-какие его выражения я вообще слышал впервые в жизни! Клянусь честью,

если б малый находился в здравом уме, я попросту прибил бы его на месте. Или я не Брекенридж Элкинс!

А так мы просто пропустили его высказывания мимо ушей, привязали Джекову лошадку к тому же дереву, поспешили по тропе вниз и вскоре выбрались на дорогу из Орлиного Пера в Жеваное Ухо. Тут нам навстречу попалась первая живая душа — какой-то парень на пегой кобылке. Но, едва глянув на нас, он почему-то издал поистине душераздирающий вопль, поднял свою лошадку на дыбы, развернул ее на месте и помчался по дороге назад, в Жеваное Ухо, погоняя так, будто его черти хватали за пятки.

— Давайте спросим у него, не приехала ли уже учительница, — находчиво предложил я, и мы помчались вслед за парнем, громко выкрикивая нашу нижайшую просьбу, чтобы он погодил полминутки.

Но в ответ малый лишь сильнее пришпорил свою бедную кобылку. Вдобавок, прежде чем нам удалось отыграть у него хоть полшага, дурацкий мерин Джошуа запутался под ногами у Кэпа Кидда, а Кэп, вновь унюхав ненавистный запах кутуарьей шкуры, сперва откусил от нее здоровенный кусок, а затем добрых три мили гнался за Джошуа и мерином по густым зарослям, пока мне наконец не удалось остановить его своим обычным методом. Билл из любопытства и за компанию последовал за нами. А когда нам удалось опять выбраться на дорогу, того малого на пегой лошадке конечно же давным-давно след простыл.

Ладно. Мы снова двинулись в сторону Жеваного Уха, но люди, чьи дома стояли недалеко от дороги, при виде нашей компании почему-то сломя голову бросались в свои лачуги, захлопывали двери, задвигали все засовы, а потом тут же открывали по нас бешеную пальбу из окон.

— Твою мать! — несколько раздраженно сказал Билл после того, как пулей, пущенной из винтовки для охоты на бизонов, ему начисто снесло мочку левого уха. — Не иначе как паразиты уже прознали, что мы намерены слямзить у них училку!

— Это вряд ли, — заметил я. — Откуда им знать? Нет, тут другое. Готов побиться об заклад, тут пахнет самой настоящей войной. Между Жеваным Ухом и Орлиным Пером.

— Пускай, — встрял Джошуа, — но в меня-то они зачем стреляют?

— Сам же говорил, что в таких лохмотьях тебя ни одна живая душа не признает, — отрезал я. — Вот и не признали. Глянь-ка, а это еще что такое?

По дороге в нашу сторону быстро катилось громадное облако пыли. Когда оно приблизилось, мы разглядели толпу верховых, которые самым гнусным и угрожающим образом вопили, потрясая над головой ружьями.

— В чем бы ни заключалась причина подобных странностей, — мудро заметил Билл, — по-моему, нам не стоит задерживаться здесь для ее выяснения! Не иначе как эти джентльмены жаждут крови, — добавил он, когда пули начали вздымать вокруг нас маленькие облачка пыли. — И очень похоже на то, что именно нашей крови!

— Тогда — в кусты! — скомандовал я. — В самую чащу! Я твердо намерен пробиться в Жеваное Ухо сквозь огонь, воду и медные трубы! То есть, невзирая на всех этих вооруженных шутов гороховых, сколько бы их там ни было!

Мы рванули в заросли, а погоня — человек сорок, наверное, а может, пятьдесят — устремилась за нами следом. Но мы рыскали из стороны в сторону, петляли, а кое-где, наоборот, срезали углы, поскольку старший Джошуа, скрываясь от очередных домогательств, частенько ударялся в бега и знал эту местность от и до. А потому, когда мы вихрем ворвались в Жеваное Ухо, преследователей не было видно даже на горизонте. Улицы городка были пустынными, все двери заперты, а окна домов, салонов и лавчонок наглухо закрыты ставнями. Странное дело!

Едва мы выехали на открытое место, как кто-то тут же выпалил по нас через окно из дробовика, и заряд

Дроби сделал то, что было не под силу никакому гребню, — наконец-то как следует расчесал Джошуа его спутанную бороду. При виде такого злого дела я психанул, подскочил к дому, высвободил из стремени ногу и одним ударом к черту вышиб дверь. Малый внутри истошно заорал и выпрыгнул в окно на улицу, где Билл тут же сграбастал подлеца за шкуру. И надо же! Этим гадом оказался не кто иной, как Исайя Барлоу, один из наиболее уважаемых граждан Жеваного Уха!

— Чтоб вам всем пусто было! — проревел Билл. — У вас тут в Жеваном Ухе у всех разом крыша поехала, что ли?

— Никак это ты, Глентон? — бестолково хлопая глазами, прошептал Исайя.

— А хто ж ишшо? — продолжал неистовствовать Билл. — Я чо, на ххраснокожжего пох-хошш, шшто ли?

— Еще как похож!.. Ох! Я просто хотел сказать, что сразу тебя не признал, в таком-то тюрбане! — слабым голосом ответил Исайя. — А с тобой, выходит, Джош Брэкстон и Брекенридж Элкинс... Или у меня начались галлюцинации?

— Конечно, мы, — фыркнул Джошуа. — А ты как думал?

— Ну-у... — протянул Исайя, потирая изрядно помятый Глентоном загривок. — Да никак я не думал!

— А куда подевались все остальные? — сурово спросил Джошуа.

— Ну-у... — снова протянул Исайя. — Знаешь ли... В общем, не так давно в город примчался Дик Линч, — его кобылка была вся в мыле, — так он клялся и божился, что насилу унес ноги от самых жутких, самых злобных разбойников, какие когда-либо спускались сюда с гор!

«Р-ребята! — сказал нам Дик. — Эт-то что-то страшное! Они, похоже, не индейцы. Но и не белые. Просто какие-то кошмарные дикари, и все тут! Один — громадный, словно горный гризли, голый по пояс, к тому же верхом на коне размером с Короля Бизонов; другой —

такой же отвратительный оборванец, хотя росточком поменьше, но зато в боевой головной повязке апачей. На третьем вообще ничего нет! Совсем ничего, р-ребята, кроме шкуры кугуара, да вдобавок охрененная дубина в руках! А борода у него по пояс, вся срослась с волосами, а волосы всклокоченные и свисают лохмами аж по самую... одним словом, тоже по пояс!

А когда они меня увидели, то дико завывали и погнались за мной, будто свора голодных людоедов. Я еле от них удрал и успел вовремя принести в Жеваное Ухо эту ужасную вестъ. Заодно я предупредил всех, кто живет вдоль дороги, чтобы как следует забаррикадировались в своих домах!»

Ну так вот, — продолжал Исаяя, — когда Дик нам все это выложил, почти все взрослые мужчины, какие были в городе, вскочили на лошадей, схватили оружие и поскакали в сторону Орлиного Пера, чтобы перехватить эту ужасную банду до того, как она начнет опустошать Жеваное Ухо.

— Ну и дурни! — заметил я. — Такие болваны, что на них уже клеймо поставить некуда. Послушай, а где ваша новая училка?

— Вечерний дилижанс еще не прибыл, — ответил Барлоу. — А мэр во главе оркестра и целой толпы наших граждан двинул прямиком на Желтый Ручей. Ему хочется устроить первую встречу там, у брода, чтобы обеспечить новую учительницу торжественным эскортом и оказать ей все возможные почести при въезде в город. Они отправились к броду всего за каких-то полчаса до того, как Дик принес нам печальное известие о дикарях, вышедших на тропу войны.

— Вперед! — скомандовал я своим воинам. — Мы, кровь из носу, должны встретить дилижанс первыми!

Вихрем промчавшись по пустынным улицам городка, мы вылетели на дорогу и вскоре слышали впереди рев духового оркестра, а также радостные вопли и беспорядочную пальбу из револьверов. Эти чудачки из Жеваного Уха всегда так делают, встречая какого-

нибуть почетного гостя. Выходит, мы все-таки опоздали, решил я. Значит, они уже встретили дилижанс и теперь сопровождают его в город.

— Ну и что ты намерен делать теперь? — поинтересовался Билл.

Как раз в этот момент позади нас раздался какой-то странный, быстро приближающийся шум. Оглянувшись, я увидел всю эту чертову толпу маньяков из Жеваного Уха, которые в беспорядке мчались в нашу сторону, потрясая в воздухе своими дурацкими винчестерами. Не было никакого смысла даже пытаться объяснить им, что мы вовсе не вышедшие на тропу войны людоеды. Они просто-напросто подстрелили бы нас, как кроликов, прежде чем оказались на таком расстоянии, чтобы услышать, что мы там им такое говорим. Поэтому я привстал на стременах и заорал:

— Вперед! Если они сумеют доставить учительку в город сейчас, нам потом битых полгода придется брать его штурмом! Мы должны завладеть ею немедленно! За мной!

Мы ринулись вперед, обогнули оркестр и увидели неторопливо кативший по дороге дилижанс. Рядом с ним ехал мэр, почтительно державший шляпу в руке; из каждой чересседельной сумки у него торчало по бутылочному горлышку, из набедренного кармана штанов тоже выглядывала бутылочка доброго виски. Мэр произносил речь, надрывая горло в попытке перекрыть дикий грохот оркестра.

Музыканты вкалывали честно. Они изо всех сил дули в трубы, колотили по барабанам, гнусавили на волынках. Лошади, конечно дело, пугались, ржали и взбрыкивали. Все же мне удалось расслышать, как мэр сказал:

— ...Таким образом, мисс Девон, мы будем просто счастливы увидеть вас членом нашей маленькой общины, где жизнь всегда течет так мирно и спокойно и где сердца простодушных ее граждан сочатся парным молоком и медом. А еще хочу я вам сказать...

Но то были его последние слова. Как раз в этот момент мы, вместе с висевшей у нас на хвосте вооруженной толпой, прорвались сквозь оркестр и свалились на голову почетному эскорту. Причем окончательно свихнувшиеся маньяки из Жеваного Уха за нашими спинами дико вопили, изрыгали чудовищные проклятья и лихорадочно палили во все стороны. Поднялась невообразимая суматоха. Кони вставали на дыбы, сбрасывая своих всадников. Лошади, запряженные в дилижанс, окончательно перепугались и понесли, по дороге вышибив мэра из седла. Мы обрушились на встречающих, как торнадо, а они тут же принялись палить в нас почем зря, лупить нас по головам своими медными трубами и обзывать нехорошими словами.

Потеха еще даже не успела как следует разгореться, как та часть банды придурков из Жеваного Уха, которой тоже удалось прорваться сквозь оркестр, присоединилась к всеобщей свалке. Все окончательно растерялись и принялись ожесточенно сражаться друг с другом. Потому что, кроме меня и моих доблестных воинов, никто не понимал, что, собственно, происходит, а главный девиз Жеваного Уха издавна гласит: «Коли сомневаешься — стреляй!»

В общем, за какую-то пару минут они успели от души всыпать друг другу, да и нам досталось на орехи. Впрочем, мы тоже не теряли времени даром. Старина Джошуа направо и налево косил своей суковатой дубиной собственных земляков, не щадя себя в стремлении любой ценой спасти их сочащиеся молоком и медом простодушные сердца от ужасов грядущего образования; Глентон вовсю орудовал револьвером, выбивая рукояткой чечетку на глупых головах музыкантов; а Кэп Кидд, искренне стремясь помочь мне поскорее добраться до чертова дилижанса, просто без разбору топтал толпу.

Как я уже говорил, упряжка дилижанса понесла. Бедные глупые лошадки кое-как вырвались из общей кутерьмы, развернулись и помчались куда-то. Примерно по направлению к Атлантическому океану. Возни-

ца и вооруженный дробовиком охранник никак не могли притормозить этот сумасшедший бег. Но Кэп Кидд не подвел. Перейдя на галоп, он за какую-то дюжину скачков догнал чертову карету, а я тут же выпрыгнул из седла и одним махом перелетел на крышу дилижанса. Дурень-охранник с перепугу попытался подстрелить меня из своего дробовика, вот почему мне пришлось отнять у него эту допотопную пушку и зашвырнуть в заросли ольховника, мимо которых мы как раз проносились. Но поскольку несчастный малый не пожелал вовремя отклеиться от приклада, бедолаге пришлось последовать за своей пукалкой.

Затем я вырвал вожжи из рук оцепеневшего возницы и осадил этих дурацких лошадей так, что вся четверка разом поднялась на дыбы. Дилижанс при этом сперва накренился, а потом вывернулся вбок и поднялся на одно колесо. Постоял так несколько жутких мгновений, а потом вновь грохнулся на все четыре колеса. Мы повернули и во весь опор ринулись обратно на дорогу. Каких-то полминуты спустя мы уже оказались в самой гуще окаянных скандалистов, плотно осадивших старика Джошуа и Билла Глентона.

Вдруг я заметил, что возница из последних сил пытается пощекотать меня здоровенным мясницким ножиком. Я чуток пихнул его локтем, и парень тут же слетел с козел. Лично я не нахожу никаких оправданий тому, что он теперь с самым разнесчастным видом слоняется по всем предгорьям, требуя моего ареста. В виде моральной компенсации. И всех-то делов, что, приземляясь, болван нечаянно утодил своей умной головой прямехонько в басгеликон, после чего семь человек подня бились, выпиливая оттуда эту бедовую головушку. А я лично так думаю: даже самый отъявленный олух должен повнимательней смотреть, куда падает, особенно ежели его выкидывают из дилижанса, несущегося на полном скаку.

Мне также очень жаль, что мэр Жеваного Уха оказался весьма мелочным человеком, способным так

долго вспоминать какие-то пустячные обиды, ведь иначе он не смотрел бы на меня до сих пор зверем только из-за того, что дилижанс дважды проехался по нему всеми четырьмя колесами. По дороге туда и обратно. А уж в том, что Капитан Кидд дважды проскакал по телу страдальца-мэра, и вовсе нету никакой моей вины. Кэп просто честно следовал за дилижансом, ведь он твердо знал, что я — там.

Кроме того, любая честная лошадь приходит в самое крайнее раздражение, когда падает, споткнувшись о какого-то кретина. Только этим и можно объяснить тот прискорбный факт, что старина Кидд изрядно изжевал левое мэрское ухо. И потом, скажите на милость, каким же еще должно быть ухо у мэра Жеваного Уха?!

Что до всех остальных парней, которым в тот раз случилось побывать под колесами дилижанса, так я лично против них ничего не имел. Я просто пришел на выручку Биллу и Джошуа, ведь на них наседали уже по сорок против одного. Как подумать, так я даже оказал тем придуркам из Жеваного Уха громадную услугу; хотя навряд ли они когда-либо смогут оценить ее по достоинству. Ведь еще минута-другая — и Билл пустил бы свои шестизарядные в ход с другого конца — я имею в виду дуло, — и тогда та небольшая развлекуха превратилась бы в самую вульгарную мясорубку! Кажется, я как-то упоминал, что Билл — чертовски вспыльчивый малый.

К тому времени, когда я вновь прибыл на место кровавого побоища, Билл вместе с Джошуа уже успели нанести своим врагам немалый урон. Однако, если б не я, исход той великой битвы явно сложился бы не в их пользу. Как только дилижанс врезался в самый центр заварухи, я нагнулся, схватил старину Джошуа за загривок и вытащил его из-под семнадцати с половиной остервенелых мужиков, которые давно уж забили бы его насмерть рукоятками своих револьверов, если б так не увлеклись выдираньем крупных ключев

из его замечательной бороды. Я вытянул почтенного старца на свет Божий и ловко закинул на крышу дилижанса, прямо поверх остального багажа.

Как раз в этот миг упряжка проносилась мимо очередной кучи-малы, центром которой на сей раз был уже Билл. Ну, я нагнулся еще разок, чтобы подхватить и его. Но три или четыре особо азартных парня вцепились в Билла прямо-таки мертвой хваткой.

Ну что ты тут будешь делать! Пришлось забрасывать в дилижанс всех шестерых. А еще пришлось некоторое время править одной рукой, поскольку второй я по очереди отдирал этих жеваных остолопов от Билла — надо сказать, они отклеивались от него куда неохотнее, чем этикетка с воловьей шкуры, — а потом бросал их, одного за другим, в шумную толпу преследователей. В результате кони и люди образовали на дороге шевелящуюся кучу, которую затем усердно месил Кэп Кидд, прокладывая себе путь вслед за дилижансом.

Когда мы снова увидели строения на окраине Жеваного Уха, погоня осталась далеко позади.

Дилижанс ворвался в городок, втащив за собой громадное облако пыли. Женщины и детишки, которые к тому времени осмелели и повылезали на улицу из своих лачуг, испуганно закудахтали и снова бросились по домам, хотя никакой опасности для них и в помине не было. Впрочем, народец в Жеваном Ухе всегда славился своими странностями.

Вскоре Жеваное Ухо скрылось за горизонтом. Я передал вожжи Биллу, свесился с козел и просунул голову внутрь дилижанса. Там, съезжившись и забившись в уголок, сидела самая хорошенькая девчушка из тех, кого мне случалось видеть в жизни. Она выглядела такой напуганной и такой бледной, что я даже начал опасаться, не собирается ли она грохнуться в обморок; мне где-то приходилось слышать, что девушки с востока имеют такую пренеприятную привычку.

— О! Пощадите меня! — взмолилась она, увидев мое все еще слегка возбужденное лицо. — А если вы

твердо решились меня убить, то хотя бы не снимайте с меня скальп!

— Вы в полной безопасности, мисс Девон,— поспешил заверить я.— Я никакой там не индеец, а уж тем более не дикарь-людоед. Точно так же, как и присутствующие здесь мои друзья. Ни один из нас даже муху не способен обидеть. Мы столь мягкосердечны, а души наши столь утонченны и нежны, что вы даже представить себе не можете. И...— К сожалению, как раз в этот момент колесо дилижанса налетело на какой-то пенёк, я прикусил себе язык, а чертову коляску подбросило довольно высоко в воздух. Утратив нить своих рассуждений, я раздраженно заорал:— Послушай, Билл! Хорек вонючий! Останови дилижанс или я прямо сейчас сверну тебе шею!

— Только попробуй, дурачина ты эдакая! — не полез в карман за ответом Билл.— Ступай сюда, и я повытряхну мусор из твоей фаршированной головы!

Все же он остановил упряжку, а я спрыгнул на землю, снял шляпу и отворил дверь коляски. Глентон с Джошуа тоже слезли вниз и теперь с любопытством выглядывали из-за моего плеча. Бедная мисс Девон выглядела так, словно ее тошнило. Не иначе как съела какую-нибудь гадость в придорожной забегаловке.

— Мисс Девон! — торжественно начал я.— Должен принести вам самые глубочайшие извинения за ту вольность, которую я позволил себе, представляясь вам столь неформально! Но! Вы видите пред собою человека, чье сердце обливается кровью при одной мысли о той мрачной пучине невежества, в какую до сих пор погружена его родная община! Я Брекенридж Элкинс с Медвежьего Ручья, где сердца людей чисты, а помыслы возвышенны. Но где до сих пор царит жуткое бескультурье! Вы видите пред собою,— продолжал я, испытывая тем больший энтузиазм по части образования, чем дольше я вглядывался в огромные бездонные карие глаза мисс Девон,— человека, который сызмальства рос в невежестве. Который не умеет даже

читать и писать. Вот и Джошуа — это тот, в кутуарьей шкуре, — он тоже не умеет. Хотя и адвокат, И Билл, бедняжка, тоже толком не знает, что такое буквы.

— Врешь! — заявил Глентон. — Во-первых, я отлично умею читать, а во-вторых... Гульп! — быстро закончил он, едва мой локоть слегка погрузился в его желудок.

Не мог же я позволить этому пошляку свести на нет все достоинства моего спича! Тем более что на щеки мисс Девон прямо на глазах начинал возвращаться румянец.

— Мисс Девон! — возвысил я голос. — Не соблаговолите ли вы, мэм, прибыть на Медвежий Ручей, дабы возглавить там нашу новую школу?

— Как же так? — растерялась девушка. — Ведь меня специально вызвали сюда, на Запад, чтобы занять место учителя в Жеваном Ухе! Правда, формально моей подписи под контрактом пока нет, но...

— Какую сумму собирались платить вам эти жеванные змеиные души? — поинтересовался я.

— Девяносто долларов в месяц, — простодушно ответила мисс Девон.

— Мы кладем вам сотню, — заявил я. — Каждого первого числа баксы на бочку, и никаких налогов!

— Черта лысого! — пробормотал Глентон. — Да они там у себя на Медвежьем Ручье всем миром и полсотни наличными не наскребут!

— Мы будем собирать пожертвования! Со всех и с каждого! — отрезал я. — Шкурки енотов, кукурузное пойло, порох и всякое такое. Я стану продавать это барахло в Орлином Пере, а вырученные зелененькие пойдут прямиком мисс Девон. Не могу ли я нижайше попросить вас, мистер Глентон, прекратить совать нос не в свое дело? Прямо сейчас же!

— Ах, Боже мой, что станут говорить те люди в Жеваном поселке? — вдруг забеспокоилась мисс Девон.

— Ровным счетом ничего! — заверил я, стараясь придать своему голосу как можно больше теплоты и сердечности. — Уж об этом-то я позабочусь!

— Все это кажется мне каким-то странным... и иррациональным! — слабым голосом вымолвила мисс Девон. — Я прямо даже не знаю...

— Тогда все в порядке! — радостно воскликнул я. — Отлично! Значит, вперед!

— Куда? — прошептала она, судорожно цепляясь за дверцу дилижанса, сильно накренившегося, когда я взбирался на козлы.

— На Медвежий Ручей! — с энтузиазмом ответил я. — Дрожите, разбойники и конокрады! Дрожите и забивайтесь поскорее в самые глухие углы! Ибо на Медвежий Ручей наконец грядет подлинная культура! — И мы поспешили дальше со всей скоростью, на которую оказалась способна упряжка дилижанса. Чуть погодя я оглянулся на мисс Девон и увидел, что она снова начинает бледнеть. Тогда я заорал, чтобы перекрыть бешеный стук колес:

— Да не волнуйтесь вы так, мисс Девон! Никто не посмеет причинить вам никакого вреда! Ибо Б. Элкинс с радостью возьмет на себя все хлопоты по части вашей безопасности! Я целиком и полностью на вашей стороне! Отныне и навсегда!

Тут она сказала что-то такое, чего я совсем не понял. Если честно, это больше всего напоминало стон глубокого отчаяния. А затем я услышал, как Джошуа кричит Биллу, стараясь перекрыть стук копыт и грохот колес:

— Образование, как же! Держи карман шире! Просто эта дубина стоеросовая приглядывает себе жену! Вот и все! Ставлю десять против одного — учителька даст ему полный от ворот поворот!

— Принято! — восторженно взвыл Билл.

— Заткнитесь сейчас же! — в бешенстве заорал я. — И немедленно прекратите так чертовски публично обсуждать мою личную жизнь при посторонних! Нет, я вам... А это еще что такое?

Было очень похоже на то, будто где-то совсем недалеко на кремнистой дороге летят искры из-под множества копыт.

— Это опять те жеванные маньяки! — воскликнул Глентон. — Они так и идут по нашему следу. И, похоже, настигают нас!

— Мать твою! — в сердцах промолвил я и от души вытянул коренника кнутом по спине.

Тут мы как раз подлетели к началу тропы, ведущей на Медвежий Ручей, и я свернул. До сих пор по этой тропе еще не проезжало ни одно колесо, а потому наше путешествие вмиг утратило всю свою приятность. У Била с Джошуа теперь была только одна забота: покрепче цепляться за что попало, чтобы не вылететь из дилижанса к чертовой матери, потому что проклятая коляска теперь редко когда касалась земли больше чем одним колесом. И конечно, те жеванные маньяки продолжали настигать нас. К тому моменту, когда наша колесница с жутким грохотом вылетела на перевал Охотничьих Ножей, они были уже не дальше как в четверти мили от нас, а от их кровавадных воплей у человека менее мужественного, чем я, разом застыла бы кровь во всех жилах.

Но меня не запутаешь! Именно поэтому я не забыл притормозить упряжку у той самой развесистой кроны дуба, к которой мы привязали Джека Спрэгга. Парень сразу же вылутился на мисс Девон, а та, в немом изумлении, уставилась на него.

— Слушай-ка! — сказал я Джеку. — В дилижансе находится юная леди, пребывающая ныне в затруднительном положении. Мы спасаем ее от кошмарной перспективы на всю жизнь стать школьной учителькой в этом забытом Богом захолустье — в Жеваном Ухе. У нас на хвосте висит орава вооруженных маньяков. Сейчас не то время, когда ты можешь себе позволить уйти в тяжкие раздумья о собственном несчастье! Клянешься ли ты, что забудешь, хотя бы на время, свое глупое намерение свести счеты с жизнью, чтобы сесть на козлы вот этого дилижанса и везти юную леди дальше, вверх по тропе? Пока мы тут будем вправлять назад этим жеваным их вывихнутые мозги?

— Клянусь! — решительно воскликнул Джек, причем с таким рвением, какого он не выказывал с тех самых пор, как мы вынули его из петли.

Тогда я перерезал веревки, и парень одним махом взлетел на дилижанс.

— Правь к Чертову каньону, — наказал я Джеку, когда он взял вожжи. — Будешь ждать нас там. Не тревожьтесь, мисс Девон! И часу не пройдет, как я снова буду рядом с вами. Верьте мне, ибо Б. Элкинс еще ни разу в жизни не нарушал слова, данного им прекрасной леди!

— Н-но! — сказал Джек и щелкнул кнутом.

Дилижанс, дребезжа, гроыхая и подсакивая на камнях, резво двинулся вверх по тропе. А мы с Джошуа и Биллом укрылись за скальными выступами по обе стороны от тропы. Ущелье в этом месте становилось узким, что твое бутылочное горлышко. Оставалось лишь надежно заткнуть его пробкой. В общем, я решил, что для засады лучше места не найти.

Ладно. Вскоре эти типы явились, яростно прищипывая своих скакунов, оглашая окрестности безумными воплями и бешено паля во все стороны без разбору. Тут-то мы с Биллом и отсалютовали им из четырех шестизарядных сразу. Конечно же, их психическая атака с ходу захлебнулась. Ребята поняли, что влипли. Добраться до нас у них не было никаких шансов, потому как эти степные олухи совершенно не умели карабкаться по утесам. Поэтому, постреляв еще малость наобум святых и подстрелив насмерть десятка три булыжников, слегка пожухшие маньяки развернули своих лошадок и помчались обратно, в свое Жеваное Ухо.

— От души надеюсь, что это послужит им хорошим уроком, — сказал я, вылезая из своего укрытия. — А теперь — вперед! Я жду не дождусь, когда же наконец культура начнет свое победное шествие у нас, на Медвежьем Ручье!

— Ты ждешь не дождешься, когда же тебе наконец удастся захомутать ту кобылку! — насмешливо фыркнул Джошуа.

Но я пропустил этот злостный выпад мимо ушей, вскочил на Кидда и припустил вверх по тропе, предоставив Биллу с Джошуа следовать за мной вдвоем на лошадке Джека Спрэгга.

— А почему, собственно, я должен скрывать свои намерения? — возмущенно сказал я чуть погодя. — Ведь они у меня самые честные! К тому же любому ясно: мисс Девон уже не может скрывать, что она ко мне неравнодушна! И если б тот юный идиёт, Джек Спрэгг, испытывал бы хоть вполовину столь же сильное влечение к прекрасному полу, как испытываю его я, он не завывал бы на всех углах о своей загубленной молодой жизни... Эй! А куда же подевался дилижанс? — поразился я.

За разговорами мы уже добрались до Чертова каньона, но никакого дилижанса там не было!

— Смотри-ка, к дереву приколата какая-то записка, — заметил Билл. — Счас я тебе ее прочту... О Боже! — Он вдруг всхлипнул, подавившись совершенно неприличным смешком. — Нет, ты только послушай!

«Дорогие парни! Я решил, что больше никогда не полезу в петлю, а мисс Девон решила, что никогда не возглавит прекрасную новую школу на Медвежьем Ручье. Она не может спокойно смотреть на Брека: он вызывает у нее нервную дрожь. Она до сих пор не уверена, человек ли он вообще.

Что касается меня, то я пал жертвой любви с первого взгляда, а мисс Девон страшно боится, что ей придется стать женой Брека, если только она не успеет срочно выйти замуж за кого-нибудь другого, а еще она сказала, что я — лучшая из всех кандидатур в мужья, которые ей до сих пор встречались на жизненном пути. А потому мы направляемся в Орлиное Перо, чтобы немедленно там обвенчаться. Извините, если что не так.

Ваш должник навеки, Джек Спрэгг».

— Брось, Брек! Нельзя же принимать всякие пустяки так близко к сердцу, — жалостливо сказал Билл, когда я взвыл, как безумный, и принялся машинально

выдирать молодые деревца, росшие в пределах семнадцати с половиной ярдов от меня. — Подумай сам: ведь ты же не просто спас человеку жизнь! Ты еще и сделал его счастливым!

— Да? А кто сделает счастливым меня?! — возопия, меланхолично обрывая сучья с ближайшего дуба в попытке успокоить бушующие в моей груди чувства. — Уж теперь-то Медвежьему Ручью еще сто лет не видать подлинной культуры как своих ушей! А моя очередная трепетная любовь в который раз растоптана! Билл Глентон! Как друга тебя прошу! Когда будешь гнаться за очередным придурком, решившим повеситься в горах Гумбольта, предупреди его заранее: пускай не трудится выбивать колоду из-под собственных ног — я с превеликой радостью сделаю это сам!

МИРНЫЙ СТРАННИК

Получить пулю от родственничка, а уж тем паче от случайного незнакомца — дело настолько обычное, что на такие штуки я, как правило, просто не обращаю внимания. Но когда в тебя стреляет твой лучший друг — совсем другое дело. Подобные фокусы могут вывести из себя даже такого кроткого добряка, как я. Но, наверно, будет лучше, если я объясню, о чем речь. У меня были кое-какие дела возле границы с Орегоном, и, покончив с ними, я возвращался домой, на Медвежий Ручей. По дороге мне случилось проезжать через лагерь старателей под названием Мышиная Пасть, который был разбит в самом сердце гор, почти таких же высоких и диких, как мой родной Гумбольт. Я заказал себе выпивку в баре салуна-отеля «Спящий лось» и тихо-мирно потягивал ее, когда не спускавший с меня глаз бармен вдруг сказал:

— Не иначе как вы Брекенридж Элкинс с Медвежьего Ручья!

Я обдумал его предположение и пришел к выводу, что бармен, скорее всего, не ошибся.

— А откуда ты меня знаешь? — подозрительно спросил я. В самом деле, откуда? Ведь меня занесло в Мышиную Пасть первый и последний раз в жизни.

— А я и не знаю, — сказал бармен, — но мне так часто приходилось слышать всякие небылицы о Бренкенридже Элкинсе, что я сразу решил: вы — это он! Потому как просто не могу себе представить, чтобы на всем белом свете можно было бы сыскать сразу двух таких мордоворо... м-м-м... я хотел сказать, двух таких великолепно сложенных рослых мужчин. Да, кстати! Тут, на втором этаже, сейчас квартирует ваш друг, Балаболка Карсон. Он приехал сюда из южной части штата. Я частенько слышал, как он хвастается, будто имеет честь знать вас лично. Как подниметесь по лестнице, его дверь будет четвертая направо.

Что ж, Балаболку я помнил. Правда, он был не из наших, не с Медвежьего Ручья, а из Орлиного Пера, но я никогда не ставил это парню в вину. Вдобавок бедняга был малость туповат, но ведь нельзя всерьез рассчитывать, что все вокруг обязаны быть такими же сообразительными ребятами, как я.

В общем, поднялся я по лестнице, вежливо постучал в дверь, и вдруг: ба-бах! — громыкнул изнутри сорок пятый. Причем проклятая разрывная пуля, пробив филенку, здорово поцарапала мне мочку левого уха! Кажется, я уже говорил, что меня страшно раздражает, когда в меня стреляют, не имея на то самых веских причин. В таких случаях мое терпение истощается крайне быстро! Вот почему, не ожидая дальнейших проявлений гостеприимства, я яростно взревел, одним ударом вышиб дверь и, ступая по ее обломкам, вошел в комнату.

Поразительное дело! В комнате никого не было! Совсем никого! Хотя в тишине мне явственно слышался какой-то булькающий звук. Тогда я напрягся и припомнил, что обломки двери вроде как чавкали под моими ногами. Ага, подумал я, значит, кто бы там ни был внутри, его просто прихлопнуло дверью, когда та слетела с петель!

Ну ладно. Я нагнулся, пошарил под обломками, схватил подлеца за шиворот и вытащил на свет Божий. Можете быть уверены, им оказался не кто иной, как

Балаболка Карсон. Парень висел у меня в руке как тряпка, глаза у него были совсем стеклянные, а морда — замороженная и пустынная, как вершины Гумбольта зимой; но все же он продолжал делать какие-то рассеянные телодвижения, пытаясь еще разок выпалить в меня из своего шестизарядного, пока я не отобрал у него эту цапку.

— Какого черта? — сурово спросил я, слегка встряхнув его за шиворот. Парня колотила дрожь, да так, что аж зубы стучали. — Да что такое с тобой стряслось? Напился до чертиков или еще что, раз в старых приятелей через дверь стреляешь?

— Опусти меня на пол, Брек, — выдохнул он. — Я понятия не имел, что это ты. Я думал, там, за дверью, Волк Фергюссон пришел за моим золотом.

Ладно. Отпустил я его. Он тут же схватил здоровенную бутылку кукурузного пойла и хлебнул приличную порцию прямо из горлышка, причем руки у него тряслись так, что добрая половина виски, так и не попала ему в рот, растекшись мутными ручейками по несвежей шее.

— Это еще что такое? — поразился я. — Разветы не собираешься предложить мне глоток, чтоб ты лопнул?!

— Ты уж прости меня, Брекенридж, — вдруг заскулил он. — Я так извелся, уже не соображаю, что делаю! Вот, живу в этой комнате целую неделю и боюсь нос отсюда высунуть. Видишь те сумки из бычьей кожи? — Он показал на кровать, где и в самом деле валялись какие-то мешочки. — Так вот, они под завязку набиты золотыми самородками! Я тут решил задаться старателем и больше года ковырялся в здешних ущельях, а потом мне привалил фарт. Но все это не принесло мне ничего хорошего.

— Постой, ты о чем? — Ну никак мне было не понять парня!

— В здешних горах полным-полно разбойников, — наконец начал объяснять Карсон. — Они грабят и убивают всякого, кто пытается вывезти отсюда золото, а

чертовы дилижансы, бывает, по несколько раз по дороге в один конец останавливают, так что уже давно никто не решается посылать золотой песок с кучерами. Когда у кого-нибудь набирается хорошая порция песка, он ждет удобного момента и ночью, тайком, уходит отсюда через горы, погрузив свое золото на вьючных мулов. Бывает, что человеку повезет, а бывает — нет. Я тоже собирался попытаться, но этот лагерь наспигован лазутчиками бандитов, и я точно знаю — они меня выследили! Мне страшно решиться на побег, но еще страшней оставаться тут. Ведь они могут потерять терпение и тогда просто перережут мне глотку прямо в лагере. Когда ты постучался, я как раз решил, что это они пожаловали сюда по мою душу. А Волк Фергюссон у них главарь. Вот я и сижу здесь, придавив свое золото своей же задницей. Денно и ночью с парой пушек в руках. Еле уговорил бармена, чтобы тот таскал мне жратву и выпивку прямо наверх. Знаешь, Брек, я чертовски близок к тому, чтобы свихнуться!

И он снова задрожал как припадочный, и начал хнычущим голосом проклинать все на свете, и хлебнул еще изрядную порцию виски, и взвел курки своих револьверов, и уселся на свои сумки с золотом, и вытаращился на зияющий дверной проем, продолжая трястись так, словно там, в проеме, он вдруг узрел привидение. Или даже два.

— Какой дорогой ты бы пошел, если б решился смыться отсюда? — встряхнул я Карсона за плечо.

— Вверх по лощине, что начинается к югу от лагеря, потом — по старой индейской тропе, которая вьется прямо по дну Ущелья Снятых Скальпов, — стуча зубами, ответил Карсон. — А потом надо дать хорошего круталя, выйти к Уофетону и уже там ловить дилижанс. Если попал в Уофетон — считай, спасся!

— Ладно, — сказал я. — Вывезу твое золото.

— Но эти бандиты убьют тебя! — воскликнул он.

— Не-а, — ответил я. — Не убьют. Во-первых, откуда им знать, что я везу золото. А во-вторых, я сде-

лаю из них свиную отбивную, если они как-нибудь прознают про золото и чего-нибудь от меня захотят. Здесь все золото, какое у тебя есть? Небось, всего фунтов полтораста?

— А что, мало? — поразился он. — В конюшне позади салуна у меня стоят лошадь и вьючный мул, а тот мул...

— На кой черт мне вьючный мул? Капитан Кидд увезет эту сущую безделицу и даже не заметит.

— Даже если при этом ты сядешь на него верхом? — недоверчиво переспросил Балаболка.

— Даже если при этом ты сядешь верхом на меня! — раздраженно сказал я. — Ты же прекрасно знаешь, что за конь мой Кэп Кидд, так зачем задаешь такие дурацкие вопросы! Подожди здесь, пока я схожу за чересседельными сумками!

Капитан Кидд задумчиво жевал сено в корале позади отеля. Я подошел к нему, чтобы забрать сумки, гораздо большие по размерам, чем это обычно бывает. А как же еще. Должны же размеры багажа соответствовать размерам его владельца! Мои сумки, из сложенной втрое шкуры матерого лося, были сшиты и простеганы толстым ремнем из сыромятной кожи, так что выбраться изнутри не смогла бы даже дикая кошка, попади она туда.

Ладно. Подходя к коралю, я заметил приличную толпу зевак, таращившихся на Капитана Кидда, но не придавал этому никакого значения, ведь такой конь и должен привлекать к себе всеобщее внимание.

Пока я стаскивал сумки со спины моей лошадки, какой-то долговязый малый с омерзительными длинными бачками соломенного цвета вдруг подошел к изгороди и спросил:

— Это твой конь, что ли?

— Ежели не мой, тогда, значит, ничей! — находчиво ответил я. — А что?

— А то, что очень уж он похож на моего любимого конька, украденного с моего ранчо шесть месяцев

тому назад! — внезапно заявил во всеуслышание этот нахал.

Тут я узрел, что человек десять или пятнадцать зевак, парни довольно опасного вида, зашли в кораль, окружив нас с долговязым плотным кольцом. От испуга я растерялся, выронил сумки и сам не помню, как в руках у меня вдруг очутилась пара моих шестизарядных. Со взведенными курками, конечное дело. А как же еще. И только потом я сообразил, что если меня втянут в свару, то после, чего доброго, могут и арестовать по подозрению в убийстве, а это помешает мне спокойно вывезти золото Балаболки.

— Ладно,— миролюбиво сказал я.— Если это твой конь — можешь сам вывести его из коралья.

— Конечно, могу! И не только могу, я его выведу! — самоуверенно заявил он, сопроводив свои слова гнусной руганью.

— Верно, Билл! Валяй! Все по закону! — поддакнул кто-то из зевак.— Не позволяй этому грязному горному гризли ущемлять твои гражданские права!

Тут я заметил, что кое-кому в толпе все происходящее шибко не нравится, да видать, эти парни были слишком запуганы, чтобы сказать хоть слово.

— Ну, как знаешь,— неохотно бросил я долговязому Биллу.— Вот тебе риата. Перелезай через изгородь, накидывай аркан на коня, и он твой!

Этот мелкий хулиган подозрительно взглянул на меня, но все же взял веревку, перелез через изгородь и направился в сторону Капитана Кидда, который как раз закончил проедать себе проход в здоровенном стогу сена, наметанном прямо посреди коралья.

Заметив подозрительную личность, Капитан Кидд вскинул голову, прижал уши и продемонстрировал всем свои великолепные зубы. Билл остановился как вкопанный, слегка сблел с лица и пробормотал:

— Я... я тут подумал немного... В общем, теперь мне кажется, что такого... коня... нет! О Боже! Такой твари у меня отродясь не было!

— А ну накидывай аркан! — взревел я, чуток приподняв дуло одного из своих шестизарядных. — Кому говорю! Ты сказал, что конь твой; а я говорю — он мой! Выходит, один из нас конокрад. Да к тому же еще и лжец! И теперь мне вздумалось узнать кто! Ну! Двигай вперед, пока я не провентилировал твою хрипелку раскаленным свинцом!

Проходимец взглянул на меня, потом еще разок на Капитана Кидда и позеленел окончательно. Затем он снова перевел взгляд на мой сорок пятый — а его дуло уставилось прямехонько на длинющую тощую шею жулика, по которой, ну в точности как мартышка по шесту, так и сновало вверх-вниз адамово яблоко, — судорожно сглотнул и начал осторожно подкрадываться к Капитану Кидду, сжимая риау в одной руке и успокаивающе выставив вперед другую.

— Тпрру, мальчик! — заговорил он слегка дрожащим голосом. — Тпрру, старина! Тпррруу, мой хороший... Уввау-у! — вдруг взвыл он ужасным голосом.

Еще бы!

Капитан Кидд щелкнул челюстями, одним махом выдрал у Билла приличный клоч волос. Тот миготом отшвырнул риау и тут же ударился в позорное бегство, но Капитан Кидд успел развернуться и резко взбрыкнул, угодив обоими копытами тютелька в тютельку в задницу нахала. Отчаянный крик негодяя, перелетевшего через изгородь лишь затем, чтобы рухнуть головой вперед в лошадиную поилку, был нестерпимо дик и страшно ясен в наступившей вдруг мертвой тишине.

Пару минут спустя Билл кое-как выбрался из корыта. С малого потоками лились вода, кровь и жуткие богохульства.

— Твою мать! — прохрипел он, бессильно грозя мне издали дрожащим кулачком. — Проклятый убийца! За такие надругательства я лишу тебя жизни!

— Никогда не имел привычки вступать в бессмысленные препирательства с конокрадами, — фыркнул я, подобрал с земли оброненные мною чересседельные сум-

ки и стал проталкиваться через кучку дружков Билла, которые все вдруг сделались дико вежливыми и суетливо отпихивали друг друга, чтобы очистить мне дорогу.

Кроме того, я заметил, что если даже, по своей неуклюжести, я ненароком и отдалил кое-кому из этих парней все пальцы на ногах, они ругались ну совсем шепотом, скромно отводя глаза в сторону и делая вид, будто ищут в кармане табакерку. Еще бы! Ведь взрослые же люди! Давно пора было научиться побыстрее отдергивать свои поганные копыта, коли уж им так не нравилось, когда на них кто-нибудь случайно наступал!

Я притащил чересседельные сумки в комнату Балаболки и поведал о своей небольшой размолвке с Биллом в надежде малость развеселить парня. Но он почему-то опять весь затрясся и сказал:

— О Боже, Брек! Ведь это же один из парней Волка Фергюссона! Он просто хотел узнать, какая из лошадей в корале твоя! Этот трюк стар, как мир, вот почему честные люди не дали себе труда вмешаться. А сейчас бандюгам ничего не стоит тебя выследить! И уж теперь нам точно придется дожидаться ночи!

— Пески времен, приливы и отливы, а также Элкинсы никогда никого не ждут! — презрительно фыркнул я, затапливая золото в сумки. — А если этот гнусный койот с мерзкими желтыми бакенбардами жаждет приключений на свою... шею, так он их получит! В обе руки! А ты завтра утром садись в дилижанс и валяй прямиком в Уосретон. Ежели меня там еще не будет — жди. Днем раньше, днем позже, но я непременно появлюсь. И не трясись ты так из-за своих глупых самородков. В моих сумках они сохранятся надежнее, чем в банковском сейфе!

— Да не ори ты так громко! — принялся умолять меня Карсон. — Этот долбанный лагерь битком набит шпионами, и кто-нибудь из них наверняка караулит внизу!

— Но я не умею говорить тише, чем шепотом, — с достоинством возразил я.

— Твой бычий рев может сойти за шепот разве что на Медвежьем Ручье! — поникшим голосом заметил Карсон, утирая рукавом пот со лба. — Но я готов биться об заклад, что на любом конце нагорья его сейчас услышал даже глухой!

Эх!

Какое все-таки это прискорбное зрелище: бегущие глаза насмерть перепуганного друга!

На прощание мы пожали друг другу руки, и я покинул бедного мученика, оставив его обреченно вливающим в глотку местное красное пойло. Стакан за стаканом, словно воду. И я перекинул сумки через плечо, и протопал вниз по лестнице, и бармен тихо сказал мне, перегнувшись через стойку:

— Остерегайся Билла Прайса, парень! Он был здесь всего минуту назад и улетучился, слышав твои шаги. Этот тип долго не забудет тебе то, что сотворил с ним твой конь!

— Ага, — согласился я. — Не забудет. Это точно. Он станет вспоминать об этом всю жизнь. Всякий раз как попытается сесть.

И я пошел в корраль, и увидел там толпу, заворованно следящую за тем, как старина Кидд трескает сено, и один малый заметил меня и завопил:

— Эй, парни! Смотрите, кто к нам пришел! Мальчик с пальчик! Сейчас он будет седлать того монстра-людоеда! Эй, Том! Ну позови же сюда ребят из бара!

Тут же, повысыпав на улицу из всех салунов, к коралю понабежала еще одна большущая толпа старателей. Они тесно сгрудились у изгороди и принялись заключать пари, сумею ли я заседлать Капитана Кидда или он раньше вышибет мне мозги. Все-таки у всех старателей крыша набекрень, подумал я. Ведь они же прекрасно знали, что я явился в ихнюю Мышиную Пасть верхом на Кэпе; выходит, по крайней мере один-то раз сумел же я его как-то заседлать! Тьфу!

И конечное дело, я его снова заседдал, и забросил ему на спину чересседельные сумки, и взгромоздился

на него сам, и он раз десять встал на дыбы, и потом перекатился через спину, как он делает всякий раз, когда я сажусь в седло после долгого перерыва, — это вообще-то ничего не значит, это он так резвится, — но при виде этого дурни-старатели взвыли, словно тыща диких команчей. Но еще громче они завопили, когда Кэп случайно вынес меня (себя, конечно, тоже) из коралля прямо сквозь изгородь, отчего один прогон этой ужасно хлипкой загородки вдруг рухнул вместе с парой дюжин зевак, устроившихся на верхней жерди. Дурни орал так, будто стряслось нечто ужасное. Но ведь ни я, ни Капитан Кидд вообще никогда не ищем, где ворота! Мы всегда идем, а точнее, ломимся кратчайшим путем.

Но эти старатели... Какое-то ужасно хилое племя! Выезжая из лагеря, я оглянулся и увидел, как толпа макает пятерых или шестерых парней в лошадиную поилку, чтобы привести в чувство. А всех-то делов — Кэп Кидд ненароком на них наступил!

Это незначительное событие, по-видимому, настолько взбудоражило публику, что никто не потрудился заметить, как я выехал из поселка. Меня это даже очень устраивало, так как по натуре я человек очень скромный, стеснительный и даже стыдливый и никогда не гонялся за дешевой популярностью!

Парня, которого они называли Биллом Прайсом, за все это время поблизости так и не обнаружилось.

Ну ладно. Выбрался я с плато, поднялся по южному распадку, попал в какую-то сильно поросшую лесом местность и начал ломать голову, как бы мне найти ту индейскую тропу, о которой толковал Балаболка, как вдруг совсем рядом кто-то сказал:

— Эй!

Я резко обернулся на голос, в обеих руках по пушке, и тут из зарослей выезжает какой-то длинный, тощий старый хрыч, густо поросший черными бакенбардами.

— Кто ты таков и что ты имел в виду, когда крикнул мне «эй?» — вежливо поинтересовался я. Нам, Эл-

кинсам, ни при каких обстоятельствах не изменяет врожденное чувство такта!

— Ты, случаем, не тот хозяин жеребца-людоеда? — спросил этот тип, на что я ему с достоинством ответил:

— Никак не пойму, о чем ты толкуешь! Эту лошадку зовут Капитан Кидд. Я поймал его молочным жеребенком на верхней съерре Гумбольта.

— Это самый громадный жеребец из тех, что мне доводилось видеть, — покачав головой, заметил чернобородый. — Но все же он кажется довольно резвым.

— Кажется? — переспросил я, слегка обидевшись за свою лошадку. — Да Капитан Кидд в два счета обгонит в этом штате все, что тут умеет шевелить конечностями! И при том с легкостью унесет на себе и меня, и тебя, и все долбанные самородки, какие только есть в этих сумках!

Вообще-то я не собирался упоминать о золоте. Хотя с другой стороны, в отличие от Балаболки Карсона, я не мог взять в толк, как такое упоминание может повредить делу.

— Знаешь, — вдруг сказал этот тип, — а ведь ты нажил себе врага, парень! И не кого-нибудь, а Билла Прайса, одного из головорезов Волка Фергюссона, — самую ядовитую тварь из всех, когда-либо натягивавших на себя кожаные сапоги! Он проезжал тут всего несколько минут назад и с пеной у рта клялся, что вырежет твое сердце и напьется твоей крови! Он подался в горы, хотел собрать там человек полста из своей банды, чтобы выйти на охоту за твоим скальпом!

— Ну и что с того? — равнодушно спросил я. Слова чернобородого не произвели на меня ровным счетом никакого впечатления. Все равно кто-нибудь всегда жаждет напиться моей крови, а полсотни или пускай даже сотня конокрадов не чета одному Брекенриджу Элкинсу!

— Ты угодишь в засаду, — предупредил меня старый хрыч. — Ты такой милый, честный молодой чело-

век и заслуживаешь лучшей доли. Просто ну никак нельзя допустить, чтобы стая бесчестных мерзких паразитов досуха высосала твою кровушку! Я сейчас пробираюсь к своей хижине — она высоко в горах и довольно далеко от хоженных троп, — так почему бы тебе не отправиться со мной и не залечь на дно, пока головорезы рыщут повсюду в поисках твоего скальпа? Уж там-то они тебя никогда не найдут!

— Я не привык прятаться от врагов!.. — взревел было я, но внезапно вспомнил о слитках в моих чересседельных сумках.

Ведь прежде всего мой долг — доставить их в Уофетон! А если я свяжусь с бандой Фергюссона, то — чем черт не шутит — вдруг мерзавцы сумеют-таки меня уложить, подстрелив откуда-нибудь из лесной чащи, и сбегут, прихватив с собой добытое тяжким трудом золотишко Балаболки? У меня было очень тяжело на душе, но я принял твердое решение уклоняться от битвы до тех пор, пока не вручу Карсону его слитки в целости и сохранности. Ну а потом (принес я себе нерушимую клятву) я вернусь! Я вернусь и натяну этому Волку Фергюссону его гляделки на его ж... на его же шею! За то, что он поставил меня в столь унижающее положение!

— Веди меня, старик! — пробурчал я. — Веди в свою обитель! Веди меня подальше от глаз головорезов, свихнувшихся на мести; веди меня подальше от Волка Фергюссона и от его свинца! Но сперва дай мне священный обет. Поклянись всем святым, что мир никогда не узнает о том, как Бреккенридж Элкинс, краса и гордость Медвежьего Ручья, праздновал труса, уклоняясь в золотоносном краю от встречи с какой-то жалкой шайкой паршивых уличных налетчиков!

— Обещаю и клянусь! — торжественно заявил тип. — На уста Росомахи Риксби уже легла печать вечного молчания! Твой роковой секрет навеки похоронен в укромных тайниках на дне его души! А теперь — следуй за мной.

Старый хрыч вел меня напрямик, лесной глухоманью, пока мы не вышли на старую индейскую тропу, которая оказалась всего лишь прерывистой цепочкой полустертых временем следов, петлявших по диким холмам. Весь остаток дня наши лошади усердно мерили эту тропу. И за все это время мне на глаза не попалось ни единой живой души.

— Сперва-то они станут искать тебя в Мышиной Пасти, — сказал Росомаха. — А когда не найдут, полезут в холмы. Но мою хижину им ни за что не отыскать, даже если они прознают, что ты прячешься у меня. Но откуда им про это узнать?

Ближе к заходу солнца мы свернули с тропы на еще более неясный след, который вел на восток, таким хитрым образом извиваясь между утесами и громадными валунами, что даже самая юркая змея свернула бы себе шею, пытаясь по нему проползти. Перед тем как окончательно стемнело, мы добрались до моста через узкий глубокий каньон, по дну которого текла быстрая горная река; вода бурлила, ревела и пенилась, стиснутая меж скальных стен высотой не меньше чем дважды по семнадцать с половиной ярдов. В одном месте каньон сужался примерно до семнадцати с половиной ярдов. На другой стороне буря вывернула с корнями громадную сосну, которая упала поперек каньона и образовала мост. С одной стороны ствола кроны была подрезана, так что лошадь вполне могла пройти по стволу на ту сторону каньона, хотя обычной лошади такое занятие вряд ли пришлось бы по душе. Даже привычной к этому мосту кобыле Росомахи явно было не по себе. Но между канадской и мексиканской границей нету ничего такого, что могло бы напугать Капитана Кидда. Кроме разве что меня! Поэтому он спокойно, слегка танцующим шагом, прошел по стволу на ту сторону каньона.

На той стороне тропинка еще некоторое время петляла среди чащобы, но вскоре мы добрались до хижины, прилепившейся у подножия здоровенного уте-

са. Хибара стояла посреди поляны, на краю которой из-под земли бил родник. Да, отличное место, ничего не скажешь!

Чуть выше по склону виднелся обнесенный каменной изгородью кораль. Надо сказать, он был чертовски большим! Куда больше, чем требовалось для одной ездовой и трех вьючных лошадей Росомахи. Но пойдй пойми, отчего люди строят корали так, а не иначе! Росомаха сказал, чтобы я пустил своего Кэпа Кидда в кораль. Но я-то знал, что если так поступлю, то к утру там окажутся равным счетом одна дохлая ездовая и три дохлые вьючные лошади, поэтому я просто отпустил своего конька попастись на воле. Несмотря на то что время от времени Капитан Кидд позволял себе какую-нибудь изощренную попытку меня прикончить, подлец слишком любил меня, чтобы бросить где-нибудь одного и ударить!

Пока суд да дело, наступила ночь, и Росомаха позвал меня в хижину, сказав, что сейчас сварганит на скорую руку ужин. Мы вошли внутрь, он зажег свечу, сварил кофе и поджарил бекон с бобами и кукурузными лепешками, потом посмотрел на меня, как я сижу за столом, едва не падая от голода, удвоил количество бекона, утроил количество бобов, и правильно сделал! Пока мы добирались до хижины, Росомаха все больше молчал, но сейчас он, похоже, и вовсе язык проглотил! Он был какой-то уж очень нервный, раздражительный.

Я решил, что старик боится, как бы Волк Фергюссон не свел потом с ним счеты за то, что он помог мне спрятаться. Нет в мире прискорбнее зрелища, чем вид до смерти напуганного взрослого мужчины! По-моему, страх — это просто какая-то заразная болезнь; во всяком случае, никак иначе я это дело объяснить не могу!

Я одним глазом приглядывал за Росомахой, хотя со стороны ему могло показаться, будто я дремлю. Уж такая у нас у всех на Медвежьем Ручье привычка! Ведь если б мы там постоянно как следует не присматрива-

ли друг за другом, никто из нас не дожил бы до зрелых лет! Одним словом, Росомаха думал, что я не видел, как он высыпал в мою чашку с кофе довольно много какого-то белого порошка, а я видел! Себе в чашку он ничего такого не положил, но я промолчал, ведь делать замечания хозяину, угощающему тебя ужином, очень невежливо! Да и потом к чему возражать, если Росомаха Риксби вдруг решил заварить кофе каким-то новомодным способом!

Он поставил еду на стол, а сам уселся напротив меня, слегка наклонил голову и принялся, вроде как украдкой, поглядывать на меня из-под густых бровей. А я приналег на жратву и довольно быстро ее изничтожил.

— Смотри, кофе остынет, — вскоре пробормотал Росомаха.

Тут я вспомнил про свою чашку и залпом осушил ее. Готов поклясться, лучшего кофе я никогда не пробовал.

— Ха! — сказал я, утирая губы. — Хотя на вид ты довольно-таки невзрачный мужичонка, но кофе варишь отменный! Дай-ка мне еще чашечку! И потом, в чем дело! Почему ты сам почти не притронулся к жратве!

— Из меня неважный едок, — пробормотал Росомаха. — Ты... ты что, взаправду хочешь еще кофе?

И я выпил еще чашек шесть, но на вкус они не шли с первой ни в какое сравнение. Это, конечно, было из-за того, что Росомаха просто не стал добавлять в них свое белое снадобье, но из боязни показаться невежливым я ничего хозяину не сказал.

Покончив со съестным, я заявил, что помогу Росомахе помыть посуду, но он, как-то странно взглянув на меня, махнул рукой.

— Черт с ней, — сказал он, — я... то есть мы... Мы помоем ее завтра! Как... как ты себя чувствуешь?

— Отлично! — ответил я. — Ты здорово умеешь варить кофе, почти так же здорово, как я! Пойдем поси-дим на крылечке. Ненавижу торчать в четырех стенах!

Он вышел следом за мной, мы усадились на ступеньках, и я стал рассказывать ему про нашу жизнь на Медвежьем Ручье, потому как уже сильно соскучился по дому. Но Росомаха совсем ничего не говорил, только все более и более странно поглядывал на меня. Наконец мне захотелось спать. Тогда хозяин взял свечу и показал, где стоит моя кровать. В хижине было две комнаты, и моя койка стояла в задней. Там не было двери на улицу, зато имелось довольно большое окно.

Я швырнул чересседельные сумки под койку, прилонил к стене свой винчестер и стал стягивать сапоги, а Росомаха все торчал в дверях со свечой в руке и все с тем же очень странным выражением лица.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — зачем-то снова спросил он. — У тебя... Не болит ли у тебя живот или еще что?

— Нет, черт возьми! — недоумевая, ответил я. — Какого дьявола он должен у меня болеть? Последний раз он у меня болел, когда мой братец, Медведь Бакнер, выпалил мне прямо в брюхо из тяжелого охотничьего карабина. Мы, Элкинсы, вообще отродясь животом не маялись!

Росомаха только затряс головой, пробурчал что-то невнятное себе в бороду и вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Но он не пошел во вторую комнату, потому что свет от свечи продолжал пробиваться сквозь щель в моей двери. Как-то уж очень замысловато он себя ведет, подумал я. Может, у него чердак потек или еще что-нибудь? Я встал с койки, босиком тихонько подошел к двери и посмотрел в щель.

Росомаха стоял у стола спиной ко мне и вертел в руках ту коробочку, из какой сыпал мне в кофе белый порошок. Он недоуменно тряс головой, бормоча что-то себе под нос.

— Нет, никакой ошибки тут быть не могло! — наконец довольно громко проворчал он. — Это нормальное зелье. Нормальное! И я сыпанул ему в кофе чуть не пригоршню! Даже слону хватило бы! Ни хрена не

понимаю! Если б не видел собственными глазами, ни за что бы не поверил!

Я так и не уловил никакого смысла в его словах, а он снова засунул коробочку куда-то за миски и кастрюльки и выскользнул за дверь. Но винтовку с собой не взял, да и его пояс с пистолетами остался висеть на вешалке у выхода. Зато он зачем-то взял с собой каминные щипцы! В общем, я решил, что бедолага малость свихнулся от жизни в одиночестве и теперь чудит. А потому, почесав затылок, я снова улегся в кровать и быстро уснул.

Пару часов спустя я проснулся, сел в койке с обоими револьверами на взводе и резко спросил:

— Кто здесь? Отвечай немедленно или я понаделаю в тебе дырок!

— Не стреляй! — жалобно проскулил Росомаха Риксби, выползая на середину комнаты из глубокой тени, сгустившейся в изножье моей кровати. — Это всего-навсего я! Мне только захотелось узнать, не нужно ли тебе одеяло. К утру в здешних горах становится чертовски прохладно!

— Когда делается холоднее, чем пятнадцать ниже нуля, я заворачиваюсь в попону. И ничья помощь мне для этого не нужна! А сейчас вообще лето! Ступай в кровать и дай мне наконец поспать спокойно!

Я бы мог присягнуть, что, когда проснулся, в руках у Росомахи был один из моих сапог. Левый. Но за дверь он вышел с пустыми руками. Ну и черт с ним, подумал я, засыпая. Спал я как убитый, а проснулся, когда сквозь окно мне в лицо ударили солнечные лучи.

Я встал с кровати, натянул сапоги и вышел в соседнюю комнату. На плите кипел кофе, аппетитно скворчал на сковородке бекон, а Росомахи почему-то не было. Я чуть не рассмеялся, когда увидел, что за столом накрыто всего одно место. Старый хрыч так долго жил один, что совсем перестал воображать! Он просто забыл про своего гостя!

Тогда я подошел к полке, откуда хозяин в тот раз брал белый порошок, заглянул за кастрюльки и выудил

оттуда заветную коробочку. На ней были какие-то буквы. Хотя в то время я читал еще не очень-то хорошо, но азбуку уже понимал, а потому по праву слыл одним из самых высокообразованных людей на Медвежьем Ручье. Я по очереди произнес буквы вслух, и у меня получилось вот что: «М-ы-ш-ь-я-к».

Это мне ровным счетом ничего не говорило, вот почему я решил, что это всего-навсего какая-то новомодная приправа к кофе, для запаха. Ну, вроде лимона, что ли. А еще я сперва решил, что Росомаха положил этой приправы только мне потому, что на двоих там не хватало. Как истинно вежливый хозяин. Но в коробочке было полным-полно белого зелья! Тут я услышал шаги старого хрыча, поставил коробочку обратно и уселся за стол.

Он, насвистывая, вошел в дверь с полной охапкой дров, повернул голову и увидел меня. Почему-то он сильно побледнел, а потом у него отвисла челюсть, а потом дрова, вывалившись у него из рук, с грохотом посыпались на пол. Причем одно здоровенное полено шмякнулось ему прямо на большой палец левой ноги, но он, похоже, этого совсем не заметил.

— Да что с тобой такое, черт возьми? — раздраженно спросил я. — Ты дергаешься в точности как Балаболка Карсон!

Несколько минут Росомаха глупо таращился на меня, нервно облизывая губы, потом еле слышно проговорил:

— Извини! Это все мои проклятые нервы! Я так долго жил один, что вроде как совсем позабыл про своего гостя! Извини еще раз, Брек!

— Пустяки, — ответил я. — Не надо извиняться. Просто поджарь еще порцию бекона!

Так он и сделал. Вскоре мы уже сидели за столом, ели, пили кофе, и кофе на этот раз был чертовски невкусным!

— Послушай! — сказал наконец я. — Как тебе кажется, долго мне еще надо здесь торчать?

— Лучше бы тебе остаться на сегодня и на завтра, — ответил Росомаха. — А потом двинешь на юго-запад, чтобы снова выйти на старую индейскую тропу, но уже по эту сторону от Ущелья Снятых Скальпов. А ты... ты вытряхивал утром свои сапоги?

— Не-а, — ответил я. — На хрена мне их было вытряхивать?

— Ну-у, — протянул он. — Видишь ли, в здешних краях полно всяких ядовитых гадов. Иной раз они даже в хижину могут заползти. Мне самому не раз случилось вытряхивать из сапог мексиканских ядовитых ящериц!

— Не догадался посмотреть, — сказал я, допивая пятую чашку кофе. — Но теперь мне показалось, что в мой левый сапог действительно заползла блоха. То-то я чувствую, вроде как кто щекочет мой большой палец!

С этими словами я стянул сапог, сунул в него руку, но выудил оттуда вовсе не блоху, а тарантула с хорошим кулак размером. Я брезгливо раздавил ее пальцами и выкинул за дверь, а Росомаха поглядел на меня как-то уж совсем дико и промямлил:

— А она... она что, тебя не укусила?

— Почему же, — сказал я. — Она мусолила мой палец битых полчаса. Но ведь я-то думал, что это блоха щекочется!

— Нет, я не могу! — вдруг взвыл Росомаха. — Боже мой! Ведь эти твари страшно ядовиты! Я сам видел, как здоровенные парни помирают через пару минут после их укуса!

— Ты шутишь?! — поразился я. — Или в здешних краях народишко на самом деле такой хилый, что может всерьез заболеть от укуса какой-то там траншейной вши? Ужас! Такая дьявольская изнеженность достойна всяческого сожаления! Ну да ладно. Поддай-ка мне лучше еще бекона!

Росомаха молча подал мне еще порцию бекона. Прожевав ее, я тщательно подобрал жир со своей тарелки остатком кукурузной лепешки, после чего спросил:

— Послушай-ка, а что такое «М-ы-ш-ь-я-к»?

Как раз в этот момент старый хрыч пытался глотнуть кофе. Он вдруг поперхнулся, а потом зашелся страшным кашлем, непроизвольно выплюнув весь свой кофе на стол.

— Ты что, в самом деле не знаешь, что такое мышьяк? — трясаясь как осиновый лист, прохрипел он, когда к нему снова вернулся дар речи.

— Никогда о таком не слышал, — признался я.

— Так знай, — судорожно вздохнув, заявил он, — в Египте так называют специальный ароматизированный сахар для кофе!

— Вот как? — сказал я. — Тогда понятно.

А Росомаха почему-то встал из-за стола, побрел к дверям, сел там на какой-то чурбак, опустил голову на руки и принялся раскачиваться с таким видом, будто у него внезапно схватило живот. Похоже, старикашка-то на самом деле с приветом! — подумал я.

Ну да ладно. Вскоре я заметил, что в огонь пора подбросить дровишек, и вышел за дверь. Набрав охапку, я подошел к крыльцу, как вдруг: бум-м! — внутри хижины выпалил винчестер и пуля сорок пятого калибра чиркнула меня по голове, срикошетила и, противно жужжа, улетела в сторону выгона.

— Ты чего, совсем рехнулся?! — раздраженно взревел я. — Что такое ты себе позволяешь?

Росомаха, с остекленевшими глазами, выглянул в дверь и принялся извиняться.

— Ты уж прости меня, Элкинс! — пробормотал он. — Я просто чистил винтовку, а она возьми да и выстрели!

— Ну ладно, — миролюбиво сказал я, слюня царапину. — Но в другой раз будь поаккуратней! Рикшет — опасная штука, ведь твоя дурацкая пуля очень даже могла зацепить Капитана Кидда!

— Да! — вдруг вспомнил Росомаха. — Кстати! Не хочешь ли ты задать своему коньку кукурузного зерна? Там его много, в кормушке позади коралля!

Что ж, идея была совсем неплохая; я взял мешок побольше и насыпал туда примерно с бушель зерна, ведь Капитан Кида — отменный едок. Почти такой же отменный, как я. Потом я отправился на выгон и нашел свою лошадку на самом дальнем его конце. Кэп вгрызлся в густую высокую траву, что твоя сенокосилка. Любо-дорого посмотреть! Но при виде зерна он даже запрыгал от радости. Оставив своего конька насыщаться, я пошел на тропу посмотреть, не рыщут ли там случайно лазутчики Волка Фергюссона. Но от них там пока не было ни слуху ни духу.

Наверное, где-то около полудня я вернулся в хижину. Росомаха куда-то подевался, поэтому я решил сделать обед сам. Я поджарил побольше бекона, нарезал хлеб, приготовил бобы с картошкой и вскипятил большой котелок кофе, куда, недолго думая, всыпал весь этот... ну, как его... в общем, весь тот египетский сахар, сколько его оставалось в коробке, потом отхлебнул добрый глоток, чтобы распробовать. На сей раз кофе оказался просто превосходным! Да уж, подумал я, хотя все эти иностранцы довольно-таки бестолковый народец, но в умении состряпать стоящий сахар для кофе им никак не откажешь!

Я как раз заканчивал расставлять на столе посуду, когда в хижину ввалился Росомаха. Он был слегка бледноват и выглядел вроде как уставшим с дороги, хотя куда ему было ездить? Но, увидев жратву, он просветлел лицом, уселся за стол и поднажал на съестное с куда большим аппетитом, чем прежде. Я уже приканчивал вторую чашку кофе, когда Росомаха первый раз отхлебнул из своей кружки. Весь перекосившись, он тут же выплюнул его на пол и озадаченно спросил:

— Какого черта? Что ты сделал с этим кофе?!

Хотя я по своей натуре мягок, кроток, застенчив и даже робок, как невинный ягненок, есть одна вещь, какую я совершенно не переношу. Терпеть не могу, когда кто-то позволяет себе делать замечания по поводу моей стряпни!

И вообще, я — лучший знаток и умелец по части кофе во всей Неваде! Мне уже случилось изувечить немало болванов, имевших наглость высказать какие-то сомнения на этот счет! Поэтому я насупился и сурово сказал:

— Какого черта! С этим кофе — полный порядок!

— Возможно! — съязвил Росомаха. — Но дело в том, что я его пить не могу!

И он стал лить кофе из своей кружки на пол. При виде такого кошмара во мне разыгралась бешеная гордость прирожденного кулинара.

— Прекратить! — яростно взревел я, выхватив один из моих шестизарядных. — Есть предел терпению любого человека, и мое терпение лопнуло! Хоть я и твой гость, это еще не дает тебе права плевать моим кофе! Ты нанес мне смертельное оскорбление, какое не смог бы потерпеть ни один мужественный, уважающий себя человек! Ты сейчас же выпьешь полную кружку этого лучшего в мире кофе и выскажешь по его поводу надлежащее случаю восхищение или я за себя не отвечаю! Да я же просто на месте тебя уложу, будь я проклят!

Своим недостатком хорошего вкуса, — горько продолжал я в то время, как Росомаха, содрогаясь от страха, поднес-таки свою кружку к губам, — ты задел меня до глубины души! И это когда я приложил все усилия, чтобы этот кофе имел особенно пикантный аромат, для чего мне пришлось всыпать туда все египетское зелье, какое мне удалось сыскать в этом доме!

— Убийца! — вдруг истошно взвизгнул старый хрыч, свалился с табуретки на пол и принялся плевать кофе во все стороны.

Затем он вскочил на ноги и метнулся к двери, но я успел-таки сгрести его за шиворот, а он тогда выхватил свой охотничий нож и попытался провертеть во мне дырку. При всем при том, он непрерывно продолжал завывать, словно издыхающая гиена. Вконец раздраженный столь явственной демонстрацией самых

дурных манер, я отобрал у Росомахи ножик и швырнул старого дурня назад на табуретку, но от переполнявших меня чувств слегка перестарался, отчего у табуретки разом отскочили все три ноги, и старый черт опять покатился по полу, оглашая окрестности воплями, леденящими кровь.

К тому времени терпение у меня действительно совсем лопнуло. Я поднял старого пошляка за шиворот, усадил на скамейку, одной рукой сунул ему под нос котелок с моим кофе, а другой — свой сорок пятый со взведенным курком.

— Страшнее оскорбления мне еще никто не наносил! — самым кровожадным образом зарычал я на старого пердуна. — Значит, ты даже готов пойти на убийство, лишь бы не пить мой кофе, вот как?! Ну это, знаешь ли, уже совсем! Вот что: либо ты, прямо сейчас, залпом выпьешь до дна всю эту чертову кастрюльку, а потом причмокнешь губами от удовольствия, либо я вышибу из тебя дух, провалиться мне на этом самом месте!

— Но это же будет убийство! — опять завыл он, пытаясь отвернуться от котелка. — Я еще не готов умирать! Столько грехов на моей душе! Я должен исповедаться! Я расскажу все! Я — человек Фергюссона! Именно здесь находится то укромное местечко, где его банда прячет краденых лошадей, просто сейчас никого из банды тут нету! Билл Прайс подслушал твой разговор с Балаболкой Карсоном, когда ты согласился вывезти из Мышиной Пасты то проклятое золото. Он прикинул так: для того чтобы с тобой управиться, потребуются все люди Волка Фергюссона. Поэтому он отправился за ними, а мне велел заманить тебя в свою хижину, а потом дать сигнал дымом, чтобы банда могла нагрянуть сюда, прикончить тебя и забрать золото!

Но когда мне удалось тебя сюда заманить, — продолжал Росомаха, — я решил убить тебя сам, а потом потихоньку смыться вместе с золотишком. Но ты оказался слишком большим — я не мог понадеяться на вин-

товку или нож и потому решил тебя отравить. Я насыпал тебе в кофе мышьяка, которым можно было уложить наповал человек сто, а когда он не сработал, сунул каминными щипцами тебе в сапог ядовитого гада. И все зря! Этим утром я совсем отчаялся и попытался тебя подстрелить... Не заставляй меня пить этот отравленный кофе! Я и так конченный человек! Я уже не верю, что в мире найдется оружие, способное нанести тебе хоть какой-нибудь урон! Ты и есть тот судья, который ниспослан свыше, чтобы судить меня за мои злые дела! И если тебе нужна моя жизнь, бери ее прямо сейчас, только не заставляй мучиться, нахлебавшись крысиной отравы! А если ты меня пощадишь, то клянусь: я стану вести жизнь праведника. Отныне и навсегда!

— Откуда мне знать, какую жизнь ты действительно намерен вести впредь, ты, мохнатозадый старый змей! — сердито проворчал я. — Моей вере в человечество нанесен серьезный удар! Дак ты вправду говоришь, что тот, как его там, «М-ы-ш-ь-я-к», ну, одним словом, то зелье, — яд?

— Да, — вздохнул Росомаха. — Он в два счета отправит на тот свет любого нормального человека.

— Вот черт! — сказал я. — Будь я проклят, но до сих пор не пробовал ничего вкуснее! Погоди-ка! — вдруг осенила меня другая мысль. — Когда ты тут недавно уходил из хижины, уж не запалил ли ты часом тот долбаный сигнальный костер?

— Да, я это сделал, — не стал отрицать старик. — Я зажег его на самой вершине утеса. Волк Фергюссон со своей бандой наверняка уже в пути.

— Какой дорогой они идут сюда? — спросил я.

— Такой же, что и мы, — ответил Росомаха. — По тропе с запада. Другого пути сюда просто-напросто нету.

— Тогда ладно, — сказал я, прихватив в одну руку винчестер, а в другую — чересседельные сумки. — Я устрою им засаду на этой стороне ущелья. А сумки я забираю с собой на тот случай, если твои дремучие инстин-

кты настолько заберут над тобой власть, что ты предпочтешь спалить свою саблю вместе с собой и с этим золотом, пока я буду разделяться с теми идиётами!

Выскочив за дверь, я свистнул Капитана Кидда, вскочил на него, и мы пошли ломиться сквозь чащу, напрямик к каньону. Видит Бог, едва я спрыгнул с Кэпа и пробрался сквозь последние кусты к самому краю ущелья, как из зарослей на том берегу, нещадно погоняя своих лошадей, показались десять всадников с винчестерами в руках. Я так понял, что высокий тип с густой черной растительностью на физиономии, который ехал первым, и был Волк Фергюссон; во всяком случае, сразу за ним держался Билл Прайс.

Они никак не могли видеть меня из-за кустов, поэтому я спокойно поймал Фергюссона на мушку и нажал на спуск... Раздался сухой щелчок бойка. Трижды я взводил курок и жал на спуск, но чертова винтовка наотрез отказывалась стрелять. Тем временем проклятые бандиты уже добрались до моста и друг за другом, с Фергюссоном во главе, ступили на толстенный ствол. Еще минута — они окажутся на этой стороне, и все мои надежды поймать их врасплох рухнут!

Я отшвырнул винчестер и выскочил из кустов, и они увидели меня, и начали вопить, и Волк Фергюссон принялся палить в меня. Остальные, правда, не стреляли: наверно, боялись ненароком угодить в своего главаря. Некоторые лошади попятились, а всадники все пытались их успокоить, чтобы не свалиться с моста, но все же банда потихоньку приближалась к моему краю каньона.

Не обращая внимания на три свинцовые примочки, которые Фергюссон успел-таки в меня всадить, я в пару прыжков добрался до комля дерева, присел, обхватил его руками, поднатужился и встал. Дерево было такое большое, и вдобавок на нем было так много людей и лошадей, что даже мне не удалось поднять его высоко. Но хватило и этого. Я крепче уперся ногами, повернул ствол так, что он соскочил с края каньо-

на, и отпустил. Кувыркаясь в воздухе, ствол полетел вниз и пролетел ровным счетом два раза по семнадцать с половиной ярдов, прежде чем рухнуть в воду. А вместе с ним, вопя и завывая, точно тыща дьяволов, улетели вниз все проклятые головорезы со своими лошадами.

Когда они свалились в реку, над водой взметнулся самый настоящий гейзер. Последнее, что я видел, это как груда мусора, состоящая из перепутанных человеческих и лошадиных рук, ног, голов и хвостов, стремительно удаляется от меня вниз по реке.

Пока я стоял, задумчиво глядя им вслед, из кустов за моей спиной, побряхтывая, вылез Росомаха Риксби. Он дико озирался по сторонам и не переставая покачивал головой. Похоже, она у него просто тряслась. Он почесал в затылке и сказал:

— Слушай, совсем забыл тебя предупредить: когда ты уходил нынче утром из хижины, я повытряхивал порох из всех патронов в твоём винчестере!

— Тоже мне, нашел время, когда сказать об этом! Впрочем, теперь это все равно не имеет никакого значения!

— Вот и я так думаю, — опять затряс головой Риксби. — Похоже, ты ранен, — добавил он чуть погодя. — В бедро, в плечо и в левую ногу!

— Похоже на то, — согласился я. — И если ты взаправду хочешь сделать что-нибудь полезное, бери вон тот нож и помогай мне выковыривать этот чертов свинец. Мне надо срочно ехать в Уофетон, ведь Балаболка Карсон уже наверняка заждался там своего золотишка. Вдобавок мне не терпится поскорее раздобыть того египетского зелья. Да побольше, побольше! Потому как оно придает кофе ни с чем не сравнимый аромат!

Нет, честно! Ведь оно и вправду дает куда как лучший вкус, чем жидкость скунса! И пожалуй, оно идет к доброму кофе даже лучше, чем яд гремучей змеи!

ПОКА КЛУБИЛСЯ ДЫМ

Итоги войны тысяча восемьсот двенадцатого года могли бы оказаться совершенно иными, если бы сэр Уилмот Пемброук преуспел в своих усилиях сколотить племена западных индейцев в обширную конфедерацию, с тем чтобы они сообща воспротивились дальнейшему продвижению американских поселенцев на запад. Причина, по которой его миссия потерпела полный провал, по сей день остается величайшей тайной. Столь же таинственной остается суть инцидента, в результате коего спутникам сэра Пемброука пришлось доставлять своего руководителя обратно в Канаду на носилках.

*У. Уилкинсон. История Северо-Запада
Чикаго, Иллинойс*

Мистеру В. Вилкинсону Чикаго, Иллинойс

Дорогой сэр!

Училка с Енотова Ручья как-то зашла мне выше-означенный пассаж из вашей исторической книжки как-кую вы написали. Никакой тайны тут нету. Все легко объясняется из вот этого самого письма какое я вам

прилагаю и какое хранилось в нашей семейной Библии вместе с другими записями про смерти и рожденьях! То письмо писал мой дед. А как прочтете, пожалуйста не затруднитесь возвратить его взад и извиняйте, коли что не так.

Наипочтеннейше ваш,
Брекенридж Экинс,
эсквайр.

Писано на борту «Королевы пиратов», река Миссури, сентябрь 1814, мистеру Питеру Экинсу, Нэшвилль, Теннесси.

Дорогой сэр!

Послушай, пап, надеюсь, ты полностью удовлетворен тем, что тебе удалось загнать меня сюда, на Миссури, обдирать шкуры с бизонов да драться с мушкетерами¹, когда все остальные в нашей семье делают большие дела, да живут в свое удовольствие? Стоит мне подумать, как Билл, Джон и Джозель браво маршируют под знаменами генерала Гикори Джексона, и какая роскошная форма красуется на их плечах, и что они принимают участие во всех этих замечательных битвах, какие там у вас происходят, и я, черт возьми, просто готов волком выть!

Я не собираюсь пускать на ветер свои невозвратные деньки только потому, что я самый младший в семье! Как только вернусь в Сан-Луи, сразу бросаю работу и еду в Теннесси, а Пушная миссурийская компания может катиться ко всем чертям! Ну, уж нет, я не стану тратить свою молодую жизнь только на то, чтобы просто зарабатывать себе на пропитание, пока моим гражайшим братцам достаются все радости бытия, ей-богу, не стану! А ежели ты и дальше будешь на меня давить, так я завербуюсь в армию се-

¹ В описываемые времена браконьеры, бандиты, трапперы и так далес, в общем, лихие люди, были в основном вооружены старинными мушкетами. (Прим. перев.)

верян и сделаюсь самым настоящим янки! Теперь ты сам видишь, до какой ужасной бездны отчаяния я уже доведен. Так что лучше подумай еще разок!

А совсем недавно тут, за Совиной рекой, я влип в одну мерзкую историю, которая навеки отправила мне все, что хоть как-то связано с этой проклятой пушной торговлей. Думаю, ты сразу спросишь, какого черта твой сын делает в верховьях реки в такое время года, ведь летом приличной пушиной тут и не пахнет. Так вот, все получилось из-за Большого Носа, вождя миннетаров. И теперь всякий раз, стоит мне увидеть какого-нибудь миннетара, как меня тут же начинает тошнить!

Сам знаешь, как поступает наше правительство. Они берут индейских вождей, тащат их куда-нибудь на восток, показывают им там города, форты армию и все такое прочее. А смысл такой: когда вождь сам увидит, насколько силен белый человек, он так напугается, что вернувшись домой никогда уже не захочет выйти на тропу войны. И он возвращается и рассказывает своему племени про все эти штуки, а они говорят ему: «Ты лжец! Тебя подкупили белые люди!» И тогда у него едет крыша, и он берет томагавк и нож, и идет, и снимает скальп с первого попавшегося ему навстречу белого! Просто так, чтобы всем показать, какой он независимый и свободолюбивый. А во всем остальном теория совсем неплохая.

Вот так же они отвезли Большого Носа в Мемфис. Они бы потащили его и дальше, ах до самого Вашингтона, да только побоялись, что по дороге запросто могут влипнуть в какую-нибудь заварушку, и тогда оружейная пальба наверняка напугает чертова вождя насмерть. В конце концов они приперли его в Сент-Чарльз и поручили Пушной компании переправить Большого Носа назад, в его деревеньку на Реке Ножей. Тогда один из чиновников компании, Джошуа Хэмпфри, набрал на «Королеву пиратов» команду человек в двадцать да в придачу нанял нас, несколько охотни-

ков, погрузил *Большого Носа* на борт, и мы тронулись в путь. Остальные три охотника были американцы, как я, а вот вся команда — сплошь французишки с низовьев Миссисипи.

Хотел бы я, пап, чтоб ты хоть одним глазом глянул на этого *Большого Носа*! На нем был дурацкий цилиндр — подарок правительства, голубой приталенный френч с медными пуговицами, длиннющий красный шарф и широкие штаны для верховой езды — только он спорил с них кожаный низ, как это обычно делают все индейцы. Подаренные ботинки страшно жали ему ступни — ведь у всех индейцев плоскостопие, — поэтому он связал их за шнурки и носил на шее. В общем, выглядел он так дико, что я таких странных типов никогда прежде в глаза не видывал. Стоило мне подумать, что случится, когда он попадется на глаза первому сиуксу, и меня прям дрожь пробирала. *Большого Носа* она пробирала тоже; пожалуй, даже посильнее, чем меня. Потому как сиуксы его так и так ненавидели лютой ненавистью, а тетоны давным-давно поклялись натянуть его шкуру на свои барабаны.

Ну, первую-то часть пути вверх по реке этот папит как сыр в масле катался. Потому как индейцы омаха, осаджи и айовы толпами выбирались на берег, чтобы только на него поглазеть, и завывали, хлопая себя ладонями по ртам, лишь бы показать, как они изумлены и восхищены. А *Большой Нос* распустил хвост что твой индюк и с самым напыщенным видом разгуливал по барке, стараясь как можно больше торчать у всех на виду.

Но чем дальше мы уходили от *Платы*, тем больше поникали его перышки. А в один прекрасный день на обрывистом берегу показался верховой индеец. Он очень внимательно смотрел на нашу барку, когда она проплывала мимо. Тот индеец был сиукс. И с *Большим Носом* приключился обморок, и мы едва оживили его с помощью целой кватры некогда принадлежавшего компани *рома*, и мое сердце едва не лопнуло от огорче-

ния, когда я смотрел, как это отменное пойло безвозвратно исчезает в луженой глотке паразита, будто горный ручей, исчезающий в жарком мареве пустыни.

А когда Большой Нос пришел-таки в себя, он тут же сбросил с плеч все эти пижонские цацки белого человека и снова предстал перед нами в своем обычном облачении, каковое состояло из огромного старого одеяла, полыхающего кроваво-красным, как его родная прерия в лучах заката. И тогда я сказал Джошуа, что лучше бы нам отправить это одеяло за борт, потому как любой сиукс узнает его с первого взгляда, а Джошуа ответил: тогда, дескать, придется заодно отправить за борт и Большого Носа, ведь тот ни за какие коврижки не расстанется со своим одеялом, потому как чертов гурень верит, что в той алой тряпке заключена великая колдовская сила. Тем более, сказал Джошуа, нет никакого смысла мешать сиуксам узнавать, есть у нас на борту Большой Нос или нету, потому как они все равно это уже знают и все равно постараются с корнем вырвать парня из наших рук. Если только сумеют.

А еще Джошуа сказал, что он намерен прибегнуть к дипломатии, дабы сохранить скальп Большого Носа в целости. И мне сразу же не понравились эти его слова, потому как я уже давно заметил: когда тот парень, на кого я работаю, прибегает к дипломатии, это всегда означает, что ему достанутся все пироги, а мне — дырки от бубликов. Ну, совсем как ты, пап, когда ты говоришь: «Надо прикинуть, как половчее сделать эту работенку!» После чего как-то так получается, что прикидываешь ты, а работенку делаю я.

Чем дальше мы поднимались на север, тем реже Большой Нос покидал общую каюту, где и без него была такая теснотища, просто кошку повесить негде! Но Большой Нос не собирался вешать кошек, наоборот, он ужасно боялся, как бы враги не повесили его самого, и из каюты никак не уходил, а когда ему все же случалось выглянуть на палубу, он сразу же видел на обоих берегах реки полчища сиуксов, уже изготовившихся

прыгнуть с утесов вниз, прямо ему на скальп! И Джошуа сказал: у бедняги уже видения начались, а я сказал, видения видениями, но ежели не отнять у парня ту здоровенную бутылъ, то очень скоро к нему белая горячка пожелует!

Мы шли с приличной скоростью; делали от десяти до двадцати миль за день, если только ветер не был встречным или нам не приходилось тащить нашу барку по мелководью на корделье — а корделья, ежели ты случайно не знаешь, — это такой длинный канат, который французишки спускают за борт и за который надо потом тянуть. А тащить на буксире двадцатитонную барку, торча по уши в воде, — вовсе не шутка, доложу я тебе!

Каждый божий день мы ждали, что сиуксы подложат нам какую-нибудь свинью, но даже сквозь горло Совиной реки мы прошли без всяких помех. Джошуа надулся, как индюк, и сказал — это потому, что сиуксы отлично знают: с ним шутки плохи! И как раз в тот самый день нас окликнул с обрывистого берега индеец-янктон на неописуемого цвета пестрой кляче. Он сказал, что в густом ивняке на мелководье у следующего мыса засела в засаде целая сотня тетонов и они ждут не дождутся, когда мы пойдем мимо этого мыса на корделье и когда вся команда будет торчать по грудь в воде с чертовым канатом в руках. Вот тут-то они и возьмут нас всех тепленькими. А еще он сказал, тетоны совсем ничего не имеют против белых людей, разве только немного перережут нам всем глотки. Просто так, забавы ради. Но вот уж для Большого Носа они приготовили такую развлекуху, что просто пальчики оближешь! Я даже не решаюсь написать на бумаге то, что он нам сказал!

Большой Нос тут же нырнул в каюту и принялся там опять падать в обморок, а французики тоже перепугались и наверняка развернули бы барку назад, в Сент-Чарльз, ежели б мы им такое позволили. Ну а мы, охотники, стали говорить Джошуа — пускай нас вы-

салят на берег, тогда мы обогнем мыс посуху и нападём на этих глупых сиуксов с тыла. Уж мы-то сумеем всыпать им по первое число, прежде чем они прочухают, что к чему. Но Джошуа сказал, даже четыре настоящих охотника-американца никак не управятся с целой сотней сиуксов, а когда мы возмущенно загалдели, он велел нам заткнуться и не мешать ему думать. И он уселся на бочку, и стал думать, и глумал ужасно долго, а потом спросил меня:

— Послушай! Разве не как раз милях в четырех вон в ту сторону находится деревня Толстого Медведя?

И я сказал, не знаю, как раз или нет, но там; а он тогда мне и говорит:

— Знаешь что, завернись-ка в то красное одеяло Большого Носа, садись на лошадь янктона и скачи в ту деревню. Сиуксы решат, что мы предоставили Большому Носу выпутываться из этой передраги самостоятельно, а пока они гоняются за тобой, барка уже успеет проскочить мимо мыса. С Большим Носом на борту!

— А что будет со мной, по-видимому, не имеет ни малейшего значения! — горько сказал я на это.

— А что такое особенное может с тобой случиться? — спросил он. — Толстый Медведь — твой друг, и когда ты окажешься у него в деревне, он ни за что не выдаст тебя сиуксам. К тому же прежде, чем они тебя заметят, у тебя уже будет приличная фора, ведь сперва тебя будут прикрывать от них береговые утесы. Так что ты легко утреешь им нос и окажешься в той деревне раньше, чем они тебя догонят!

— Похоже, твою умную голову не посетила такая простая мысль, что проклятые подлецы будут всю дорогу стрелять мне в спину из своих луков! — несколько раздраженно возразил ему я.

— Но ведь ты же сам прекрасно знаешь, — снова принялся он уговаривать меня, — что сиуксы стреляют на скаку куда хуже, чем команчи! Тебе просто не

надо подпускать их к себе ближе чем на три-четыре сотни ярдов. И уж тогда-то они наверняка едва ли в тебя попадут. Хочешь, побьемся об заклад?

— Раз так, почему бы тебе не повернуть это дельце самому? — довольно резко спросил я.

Услышав такое, Джошуа сразу ударился в слезы.

— Только подумать, — рыдал он, — ты решился пойти против меня! Только подумать! Как ты мог? И это после всего, что я для тебя сделал!

А чего такого он для меня сделал, кроме как всегда очень ловко находил способы обогреть меня как липку и освободить мои карманы от честно заработанных геньжат?

— Введь не кто иной, как я, — продолжал скулить Джошуа, — убедил компанию взять тебя на службу и положить тебе прям-таки царское жалованье! А в лихой час ты и ухом не ведешь, чтобы позаботиться о моей личной безопасности! Нет, недаром мой бедный старый дедуля частенько говаривал: «Остерегайся любого южанина больше хищного зверя! Негодяй сперва сожрет твои харчи, потом вылакает все твое пойло, а потом рыгнет и воткнет в тебя свой мясницкий ножик. Просто так, чтобы посмотреть, как ты будешь грызть ногами!» И вот теперь, когда я вновь вспоминаю об этих мудрых словах моего любимого дедушки...

— Заткни пасть! — сказал я, страшно расстроившись. — И кончай ныть! Ладно уж, изображу индейца. Но только ради тебя. А еще вот что я тебе скажу: ладно, я завернусь в то одеяло и повтыкаю в волосы все те долбанные перья, но будь я проклят, если позволю с моих любимых бриджей кожаный низ!

— Но ведь так было бы совсем похоже! — всхлинул Джошуа, промакивая глаза бахромой моей охотничьей куртки.

— Заткни пасть! — яростно повторил я. — И закатай назад свою губу! Всему в мире есть свои пределы!

— Ну ладно, ладно, — сказал он. — Только успокойся. Какой же ты все-таки темпераментный! И потом

ведь, в любом случае, когда ты завернешься в то одеяло, штанов все равно ниоткуда не будет видно!

Ну, так вот.

Пошли мы в каюту за одеялом, и ты мне не пове-
ришь, пап, но этот проклятый индеец отказался от-
дать его мне, хотя на кону стояла его никчемная
жизнь! Он-то ведь думал, что эта красная тряпка
есть великий волшебный амулет, а любой обычный
индеец куда скорее согласится отдать свою жизнь,
чем свой любимый амулет! И тогда завязалась самая
настоящая битва за то чертово одеяло, и та битва
длилась бы до сих пор, если б Большой Нос ненароком
не ударился головой об ту здоровенную пустую бутыл-
ку из-под рома, которая как раз в тот момент случай-
но оказалась у меня в руке. Все это было так отвра-
тительно, пап! К тому же паршивец здорово прокусил
мне левую ногу, когда я сидел на нем, выуживая из его
волос эти противные замусоленные перья! И это лиш-
ний раз доказывает: любой индеец способен запла-
тить за добро лишь самой черной неблагодарностью.
Я уже хотел было плюнуть и уйти из каюты, но тут
Джошуа напомнил мне, что компания подрядилась до-
ставить этого гурня в целости и сохранности до
Хидасты, а значит, мы должны его туда привезти
живым и невредимым, даже если для этого нам придет-
ся его убить!

А после Джошуа дал индейцу-янктону за его огра-
нож-тесак, одеяло и пороху на три выстрела. Совер-
шенно невозможная цена за такую ужасную клячу, но
к тому времени янктон уже успел сообразить, насколь-
ко она нам чертовски нужна, а потому подлец просто
веревки из нас вил.

Ну ладно.

Завернулся я в то красное одеяло, и повтыкал в
волосы те противные сальные перья, и взгромоздился
на ту пеструю клячу, и тронулся в путь по лошине,
которая должна была вывести меня на самый верх бе-
реговых утесов.

— Ежели доберешься до деревни живым, — кричал мне вслеп Джошуа, — не высовывай носа, пока мы не пойдем обратно, вниз по реке! Вот тогда мы тебя и подберем! Верь мне, я пошел бы на это дело сам, но мне никак нельзя оставлять барку без присмотра! Это было бы нечестно по отношению к Пушной компании! Я не могу ставить под угрозу ее доходы и...

— И чтоб тебя черти разорвали! — проревел я ему в ответ, гнул под ребра свою Пеструшку и потрусил по направлению к деревне Толстого Медведя.

Выбравшись на утесы, я сразу же увидел тот мыс. А сиуксы сразу же увидели меня. Как и предполагал Джошуа, они тут же клюнули на удочку, дико завывали, высыпали всей гурьбой из густого ивняка, быстро взгромозились на своих пони и ударились в погоню за мной. Ихние лошадки, как я и подозревал, оказались куда более резвыми, чем моя кляча, но фора у меня действительно была очень приличная, поэтому, когда мы с Пеструшкой взобрались на невысокий увал, откуда уже была видна деревня Толстого Медведя — единственная, насколько мне известно, деревня индейцев-арикаров к югу от Великой реки, — я все еще очень весьма заметно опережал своих преследователей.

Поскольку я все же оказался в пределах досягаемости их луков, то невольно поежился, ожидая, когда же наконец мне в спину начнут втыкаться стрелы. А от жуткого воя приближавшихся тетенов у человека, менее привычного к таким делам, чем я, уже давно застыла бы кровь в жилах. Однако довольно скоро я сообразил, что они намерены взять меня живым; ведь сиуксы до сих пор числили меня Большим Носом, которого ненавидели так сильно, что не сомневались: быть простреленным стрелой в спину — слишком уж легкая для него участь.

Вот тут я начал надеяться на то, что у меня появились неплохие шансы в конце концов удрать от них, потому как моя Пеструшка явно вознамерилась продержаться гораздо дольше, чем на то рассчитывали тетены.

Теперь я был уже совсем недалеко от деревни и видел, что верхушки тамошних больших вигвамов сплошь облеплены арикарами, наблюдающими за нашими скачками. Но тут послышался выстрел из пуцали, и здоровенная пуля просвистела так близко, что оцарапала мне ухо, и только тут я припомнил, что Толстый Медведь любит Большого Носа ничуть не больше, чем сиуксы. Я уже мог хорошо различить, как этот паразит сидит на верхушке своего вигвама и уже снова ловит меня на мушку. А сиуксы уже прямо-таки наступали мне на пятки. Я впил в чертовски затруднительное положение: ежели я сброшу одеяло, тетоны поймут, что я — вовсе не Большой Нос, и так утыкают меня стрелами, что потом никто не отличит меня от дикобраза; а ежели я его не сброшу, то Толстый Медведь так и будет палить по мне из своей кошмарной пушки.

Ладно, подумал я, пускай уж лучше в меня стреляет один арикара, чем сто сиуксов. Оставалось только надеяться, что он промахнется. Так он и сделал, но все же ядро из его пушки начисто снесло кончик уха моей Пеструшке; бедная тварь вдруг встала как вкопанная, а я полетел дальше, через ее голову, потому как ни седла, ни стремян на моей лошадке не было. Огна только уздечка. От восторга сиуксы взвыли так, что я чуть не оглох, а их вождь, далеко обогнавший остальных старый Клейменный Конь, подскочил ко мне, нагнулся и, пока я еще не успел подняться на ноги, схватил меня за шкуру.

Свою винтовку я выронил во время падения, поэтому пришлось врезать Клейменому Коню промеж глаз голым кулаком. Я приложил старому черту так крепко, что он вылетел из седла и катился по земле ровно семнадцать с половиной футов, прежде чем зацепился за что-то и сумел остановиться. Я попытался было захватить его пони за уздечку, но проклятая тварь вывернулась и унеслась прочь. Тогда я отшвырнул в сторону чертово одеяло и помчался к деревне на своих двоих.

Эти глупые сиуксы так удивились, когда Большой Нос прямо у них на глазах превратился в белого человека, что позабыли про свои луки и вспомнили про них, когда я уже пробежал добрую сотню ярдов. А когда они начали стрелять, все их стрелы, кроме одной, пролетели мимо меня, а та одна, пап, к сожалению, поразила меня в то самое место, куда ты прошлой зимой так ловко пнул старика Монтигомери. За это я еще поотрываю этим проклятым тетонам руки по самые яй... ой! по самые колени! Даже если на это уйдет вся моя молодая жизнь без остатка! Ты только подожди, пап: весь народ сиуксов еще не раз проклянет тот час, когда его глупые воины стреляли Элкинсу в спину!

Они снова помчались за мной во весь опор, но было слишком поздно, ведь у меня образовалась чертовски неплохая фора, а в Дакоте пока еще не родился скакун, способный отыграть у меня сто ярдов на дистанции в четверть мили!

Арикары тоже страшно удивились. А некоторые из них от изумления даже попадали с верхушек типи и только чудом не посворачивали себе шеи. Они настолько очумели, что даже не сообразили открыть мне ворота в частоколе, окружавшем деревню, так что мне пришлось открывать их самому. Я с разбегу ударил в эти ужасно хлипкие воротца плечом, сыромятные петли с треском лопнули, и я въехал внутрь верхом на одной из створок.

Сиуксы, вовсю продолжавшие осыпаять меня стрелами, едва не влетели следом за мной, но все же в самый последний момент как-то успели осадить коней и прекратили стрельбу, ведь если б они ворвались за мной в деревню, то столкнулись бы с арикарами. В общем-то, я наполовину был уверен, что так оно и будет, ведь сиуксы никогда арикаров за людей не держали, но в этот раз вышло по-другому. И уже через минуту я понял почему.

Тут как раз Толстый Медведь слез с верхушки своего вигвама, а я встал со створки ворот, поднял руку и сказал ему:

— Хао!

— Хао! — ответил он без малейшего воодушевления.

Толстый Медведь был очень толстопузым индейцем, с очень широким и очень добродушным лицом. И если, конечно, не принимать в расчет, что более вороватого парня невозможно было найти на всей Миссури, он был большим другом белых людей, а в особенности моим, поскольку как-то раз я здорово помешал шайенам, когда те уже совсем собрались заживо вытопить из Толстого Медведя весь жир.

И, только обменявшись с ним приветствием, я вдруг заметил в толпе чуть ли не сотню вооруженных воинов, и эти воины были кроу. Я даже узнал их вождя, старого Пестрого Дятла, и тогда я сразу понял, отчего тетоны не решились ворваться в деревню арикаров. Кстати, Толстый Медведь и вождем-то был все по той же самой причине.

В незапамятные времена, еще мальчишкой, Медведь подружился с Дятлом, и вот теперь, ежели сиуксы или кто-нибудь еще слишком уж досаждали арикарам, в деревне тут же появлялись войны-кроу и быстренько наводили порядок. А уж лучших вышибал, чем эти кроу, пап, днем с огнем не найдешь. Им любая грака в радость.

— Твою мать! Какая приятная неожиданность! — сказал я Толстому Медведю. — Бери своих воинов, и воинов-кроу, и еще меня в придачу, и чтоб я лопнул, ежели через полчаса мы не выкупаем этих глупых тетонов в матушке Миссури!

— Нет, нет и нет! — всполошился Толстый Медведь. Он так долго болтался по разным факториям, что научился калякать по-аглицки едва ли не лучше, чем я. — Сейчас Великое Перемирие! А нынче вечером в моей деревне — Большой Совет Вождей!

Ну что ты будешь делать!

Теперь сиуксы уже знали, как я их ловко одурачил. Понимали они и то, что «Королева пиратов» вот-вот

обогнет мыс и окажется вне пределов их досягаемости куда раньше, чем они успеют вернуться в свои ивовые кусты. Поэтому они принялись разбивать лагерь, прямо возле деревни, а Клейменный Конь подъехал к самому частоколу и зычно крикнул:

— В деревне моего брата воняет протухшим мясом! Пусть его воины вынесут сюда этот вонючий кусок, и мы хорошенько прожарим его на огне!

Толстый Медведь разом вспотел и зачем-то принался мне объяснять:

— Эти слова означают, что они хотят сжечь тебя на костре! О Маниту! Зачем именно тебя принесло именно сюда именно сейчас!

— Никак ты собираешься выдать меня этим паразитам? — в припадке гнева взревел я.

— Никогда! — очень искренне оскорбился Толстый Медведь, утирая пот со своего чела той самой банганой, что пару лет назад он слямзил на правительственной фактории в Канзасе. — Но даже если б, своротив ворота, ко мне в деревню ворвался сам дьявол, то сейчас скорее предпочел бы иметь дело с ним, а не с Длинным Ножом!

Это они так называют нас, американцев, пап!

— Я уже говорил тебе, — продолжал Толстый Медведь, — что нынче вечером арикеры, кроу и сиуксы сперва собираются здесь на Большой Совет, а потом...

Как раз в этот момент к нам через толпу протолкался какой-то расфуфыренный фронт, по пятам за которым тащилась парочка канадских французотрапперов и чертова туча индейцев-соксов с верховьев Миссисипи.

На боку у того типа болталась шпaga, а сам он вышагивал ну очень величаво. Словно истекающий жиром индюк по осени.

— Что здесь делает этот проклятый американец? — вопрошает тот чертов тип.

— Дерьмо собачье! — приветливо ответил ему я. — А ты сам-то кто таков?

— Я — сэр Уилмот Пемброук, доверенное лицо его королевского величества короля Георга по всем делам индейцев в Северной Америке, — еще больше напыжившись, заявляет он. — Вот кто я буду таков!

— А ну-ка, выбирайся из толпы на открытое место, паразит-красномундирник! — вежливо попросил я, деловито пробуя пальцем лезвие своего ножа. — С превеликим удовольствием украшу твоими кишками здешний шест для скальпов! Ту же самую услугу я готов оказать и той парочке скунсов с берегов Гудзонова залива, которые прутся за твоей спиной!

— Нет! — захныкал Толстый Медведь, хватая меня за руку. — Сейчас никак нельзя! Сейчас — Великое Перемирие! В моей деревне не должно пролиться ни капли крови! Пойдем-ка лучше ко мне в вигвам!

— Перемирие простирается лишь по эту сторону частокола, — заметил сэр Уилмот. — Не соблаговолите ли прогуляться со мной за ворота?

— Еще чего! — презрительно фыркнул я. — Чтобы твои друзья-тетоны сделали там из меня подушечку для булавок? Я не такой уж большой дурак, каким могу показаться!

— Да, таких больших дураков просто не бывает, — шаркнув ножкой, согласился сэр Уилмот.

От этих слов я пришел в такую ярость, что сперва мог только воздух ртом хватать. Но уже в следующее мгновение я бы наверняка ковырялся ножом в его кишках, пап, перемирие там или не перемирие, но тут Толстый Медведь снова схватил меня за руку и поволок в свою типи. Там он заставил меня сесть на стопку бизоньих шкур, а одна из скво принесла мне горшок с мясом; но от злости я совершенно потерял аппетит и смог проглотить всего лишь четыре, в лучшем случае пять фунтов бизоньей печени. Толстый Медведь заботливо пристроил в углу пищаль, которую он некогда спер у траппера компании Гудзонова залива, и сказал:

— Сегоднешний Большой Совет должен принять решение: будут арикары выходить на тропу войны

против Длинных Ножей или не будут. Этот Красный Мундир, сэр Уилмот, он говорит, что Большой Белый Вождь из-за большой воды вот-вот одолеет Большого Белого Отца Длинных Ножей, который живет в большой деревне под названием Вашингтон.

Я был настолько ошарашен подобными новостями, что ничего не мог сказать. Совсем ничего. Ведь с тех пор как мы пошли вверх по реке, никакие известия о войне до нас уже не доходили.

— Сэр Уилмот очень желает, чтобы сиуксы, кроу и арикары присоединились к Большому Белому Вождю и напали на американские поселения в низовьях реки, — сказал Толстый Медведь. — Кроу верят, что Длинные Ножи вот-вот проиграют войну, но пока они еще колеблются. Если они решатся выступить вместе с сиуксами, мне тоже будет некуда деваться, потому как иначе сиуксы просто спалят дотла мою деревню, ведь она не может существовать без покровительства кроу. А еще красные мундиры привезли с собой шамана-сокса; сегодня вечером он будет камлать в белом вигваме, будет разговаривать с Великим Духом. Это великое колдовство, какого индейцы никогда не видели ни в одной деревне на Миссури. И тогда Великий Дух передаст через шамана, чтобы кроу и арикары вступили на тропу войны следом за сиуксами.

— Ты хочешь сказать, англичанин намерен повести все это войско вниз по реке? — Я был потрясен до глубины души.

— До самого Сен-Луи, — сказал Толстый Медведь. — Он хочет вышвырнуть с этой реки всех американцев до единого.

— Этому не бывать! — яростно проревел я, вскакивая на ноги и выхватывая нож. — Прямо сейчас пойду в его вигвам и перережу ему глотку!

Но тут Толстый Медведь повис на мне и отчаянно закричал:

— Если ты сейчас прольешь хоть каплю крови, индейцы уже никогда больше не поверят в Великое

Перемирие! Нет! Я не могу позволить тебе убить этого Красного Мундира!

— Но ведь он-то собирается перебить всех, кто живет вдоль реки! — так же отчаянно закричал я. — Что же мне делать?!

— Ты должен прийти на Совет и убедить там всех воинов не вступать на тропу войны, — сказал Толстый Медведь.

— Как же мне быть?! — беспомощно сказал я. — Ведь я же совершенно не умею произносить речи!

— Это верно, — сокрушенно качая головой, сказал Толстый Медведь. — А у Красного Мундира, наоборот, язык змеи. Вот ежели б он привез для вождей подарки, тогда его дело точно было бы в шляпе. Но когда они шли сюда по реке, его лодка перевернулась и все припасы пошли на дно. Подарки тоже. Вот если б у тебя нашлось чем одарить Клейменого Коня и Пестрого Дятла, тогда...

— Ты же отлично знаешь, что никаких подарков у меня нет! — взревел я, совсем теряя голову. — Будь я проклят! Что же мне делать?!

— Не знаю, — с отчаянием в голосе сказал Толстый Медведь. — Некоторые белые люди в таких случаях начинают молиться.

— Так я и сделаю! — воскликнул я. — Прочь с дороги!

Ну, так вот.

Грохнулся я на колени поверх большой связки бизоньих шкур, закрыл глаза, начал молиться и уже дошел до слов: «И вот теперь, когда мама уложила меня спать, Господи, смиренно прошу твоего благословения на то, чтобы...», когда вдруг почувствовал, что мое колено наткнулось под шкурами на что-то очень знакомое. Я сунул под шкуры руку, вытащил ту штуку наружу, и — конечно же! — это оказался небольшой бочонок.

— Где ты взял эту вещь?! — радостно воскликнул я.

— Спер на складе Меховой компании, когда последний раз был в Сен-Луи, — честно признался Толстый Медведь. — Но...

— Никаких «но»! — восторженно заорал я. — Ума не приложу, как это ты умудрился до сих пор не высосать его досуха, однако теперь это мой вампум¹. Нынче вечером я даже не буду пытаться переговорить этого краснобая-красномундирника. Просто вскоре после того, как начнется совет, я явлюсь туда и, как бы невзначай, скажу: «О вожди! Красный Мундир привез вам большой мешок пустопорожних разговоров, которыми никого не накормишь! А вот Большой Белый Отец Длинных Ножей прислал вам из Вашингтона отличный подарочек!» Тут-то я и вытащу бочонок! Всех из него, конечно дело, не напоишь, но ведь в расчет идут огни вожди, а в бочонке как раз хватит пойла, чтобы они набрались как следует и перестали понимать, о чем им будут дальше толковать этот сэр Уилмот вместе со своим колдуном-шаманом.

— Но ведь они отлично знают, что ты появился в деревне с пустыми руками, — сказал Толстый Медведь. — Если, конечно, не считать стрелы в заднице.

— Тем лучше! — ответил я. — Тогда я скажу им, что это великий вакан и что я могу доставать виски прямо из воздуха!

— Тогда они попросят, чтобы ты достал оттуда еще пару бочонков, — сказал Толстый Медведь.

— А я тогда скажу им, что злой дух, принявший вид скунса в красном мундире, мешает мне применить во благо мою колдовскую силу! — находчиво ответил я, прямо на глазах становясь все сообразительней. — После чего они страшно обозлятся на сэра Уилмота. Так или иначе, но они не станут слишком долго раздумывать, откуда взялось виски. Несколько добрых глотков — и сиуксы припомнят все обиды, накопившиеся у них на соксов, а потом вышвырнут их из деревни!

¹ Вампум — ожерелье из раковин. В данном случае имеется в виду «амулет», «палочка-выручалочка». (Прим. перев.)

— Эдак ты и впрямь добьешься, что мы все тут поубиваем друг друга, — сказал Толстый Медведь, вновь промакивая пот со лба краденой банданой. — Это нехорошо. Но послушай! Я все же хочу рассказать тебе кое-что насчет того бочонка...

— Прекрати сейчас же! Не желаю ничего слышать! — сурово осадил я его. — Прежде всего, это не твой бочонок! Ты его спер. Кроме того, на кон поставлена судьба целой нации, а ты все печешься о каком-то жалком бочонке спиртного! И уж постарайся, чтобы у тебя не дрожали поджилки, сделай милость! Ведь от того, как повернется дело нынче вечером, быть может, зависит судьба этого континента! Если мое дельце выгорит, оно может принести неисчислимые выгоды всем американцам!

— А что оно принесет индейцам? — спросил Толстый Медведь.

— Не пытайся подменить тему разговора! — нравоучительно сказал я. — Лучше подумай вот о чем: я видел, что в Крут Совета уже начали носить килы бизоньих шкур, на которых будут сидеть вожди. И уж будь так чертовски любезен, проследи, чтобы моя кила была заметно выше той, на которой будет восседать сэр Уилмот. А потом как-нибудь незаметно поставь бочонок позади моей килы шкур. Ведь если мне придется посылать за ним в твой вигвам, это займет много времени, да и выглядеть будет как-то подозрительно и глупо!

— Видишь ли... — с непонятым упрямством в голосе начал было Толстый Медведь, но я сунул ему под нос кулак и сказал с нажимом:

— Прекрати к черту свою болтовню и делай, как я говорю! Только чирикни еще разок, и я вдребезги расквашу твой нос вместе с вашим дурацким перемирием!

В ответ Толстый Медведь как-то беспомощно развел руками и пробормотал несколько слов о том, что все белые люди — психи, но что он, Толстый Медведь, все же рассчитывает прожить на этом свете

весь отпущенный ему Великим Духом срок. Но я пропустил всю его болтовню мимо ушей, ведь у меня никогда не хватало терпения вникать в суеверия этих индейцев! Резко повернувшись, я вышел из вигвама и тут же столкнулся с одним из тех проклятых канадских трапперов, по имени Андре; ну и имена, прости Господи!

— Какого черта ты тут делаешь? — жестко спросил я, но вместо ответа он только с ненавистью посмотрел на меня и сразу же куда-то смылся.

Тогда я направился в сторону вигвамов кроу, и следующим человеком, попавшимся мне навстречу, оказался старик Шингис. Никогда не знал, как его настоящее имя, и никто не знал, просто все звали его Шингис, и все тут¹. Думаю, он был индейцем-айова или что-то вроде того. Шингис был такой старый, что уже давно позабыл, когда родился, а жил он, прибываясь по очереди то к одному, то к другому племени, пока не наделал всем до смерти своей болтовней и его в очередной раз не прогоняли. Он попросил у меня табачку, и я отсыпал ему изрядную порцию, а тогда он прищурился на меня хитрым глазом и говорит:

— Красным Мундирам не надо было привозить с собой шамана с Миссисипи, чтобы беседовать с Уаканотокой! Теперь они говорят, что Шингис — кейока! Они говорят, что Шингис поддружился со Злым Духом, с Унктехи!

По правде говоря, никто ничего такого про Шингиса даже и не думал говорить. Кроме него самого. Просто у многих индейцев такая манера хвастаться и набивать себе цену. Поэтому я потрепал старика по плечу, сказал ему, что да, всем известно, какой он великий вакан, и зашел в вигвам кроу. Там сидел Пестрый Дятел, и он спросил у меня, верно ли, что красные мундиры сожгли дотла большую деревню Вашингтон,

¹ Shingis — по созвучию больше всего подходит — «замше-
лый булыжник». (Прим. перев.)

а я сказал ему, чтобы он не верил всякому слову, какое срывается со лживых губ сэра Красного Мундира. Вот тут-то я посчитал, что самое время спросить:

— А где же сейчас те подарки, которые этот Красный Мундир привез вождям?

Пестрый Дятел сразу напустил на себя самую безразличную мину, потому как мой вопрос наверняка постоянно вертелся у него самого в голове, и ответил:

— Их большая лодка перевернулась, и река забрала себе все подарки, предназначавшиеся вождям.

— Тогда выходит, что Красный Мундир прогневал Унктехи, — деловито сказал я. — А его собственное колдовство оказалось совсем слабым. Зачем вам связываться с человеком, у которого такое слабое колдовство?

— Мы сперва послушаем, что он скажет нам на Совете, — заявил Пестрый Дятел, но уже без прежнего энтузиазма, поскольку индейцы очень не любят иметь дело с людьми, у которых совсем слабое колдовство.

Уже начинало темнеть, поэтому, выходя из вигвама, я не сразу заметил сэра Уилмота и наткнулся на него.

— Стараешься опорочить меня в глазах кроу, да? — спросил он. — Ничего, я еще с удовольствием посмеюсь, когда мои грузы сиуксы будут жарить тебя, насадив на вертел! Подожди, осталось уже не долго! Скоро, скоро Полосатый Гром обратится со словами Хозяина Жизни к вождям из колдовского вигвама!

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним! — с холодным достоинством отвечал я, злорадствуя в душе, поскольку метод, каким я намеревался одержать победу над сэром Уилмотом, почти примирил меня с очень досадной временной невозможностью перерезать ему глотку.

Я пошел прочь, сопровождаемый его громким, грубым и ужасно противным хохотом. Только подожди, твердил я себе, только подожди еще немного! Ведь мой

изохренный ум обязательно одержит в конце концов победу, иначе просто не может быть!

Я прошел мимо того места, где перед небольшой тили, сшитой из шкур белых бизонов, уже разложили по кругу киги бизоньих шкур — места для вождей. До тех пор пока не начнется Большой Совет, никто из индейцев не смел сюда приближаться, потому как это место считалось вакан, — так говорят сиуксы, подразумевая сильное колдовство. Вдруг, к своему изумлению, я заметил, как из ближайшей к кругу тили с ужасно перекошенной физиономией выскочил Шингис. Старик метнулся к кожаному ведру, сделанному из желудка бизона, и одним духом проглотил не меньше галлона, после чего отшвырнул опустевшее ведро и принялся что-то горячо толковать самому себе, яростно потрясая кулаками в воздухе.

— Я вижу, мой краснокожий брат чем-то уязвлен в самое сердце? — вежливо поинтересовался я.

— Твою мать! — сообщил мне старый Шингис. — В этой деревне завелся человек, чье сердце чернее ночи! Но пусть он побережется! Пусть он не забывает, что Шингис — друг самого Унктехи!

Выпалив такую туманную угрозу, старик устремился прочь с видом человека, которому предстоит какое-то важное дело. А я зашел в вигвам Толстого Медведя. Тот, странно раскорячившись на шкурах, рассматривал себя в зеркало, стыренное им три лета тому назад со склада Пушной компании.

— Чем это ты таким занят? — поинтересовался я, усаживаясь и запуская руку в котелок с мясом.

— Пытаюсь представить себе, как я буду выглядеть, когда меня оскальпируют, — ответил он. — Последний раз говорю тебе: тот бочонок...

— Ты опять пытаешься поднять этот вопрос, жмот проклятый?! — в гневе вскочив на ноги, взревел я; но тут в вигвам заглянул воин и сказал, что все уже собрались на Совет.

— Нет, ты видишь? — обиженно прошептал мне на ухо Толстый Медведь. — Я не хозяин в собственной

деревне, когда здесь появляются Пестрый Дятел и Клейменный Конь! Тогда они начинают отдавать приказы! И кому?! Мне!

Мы с Толстым Медведем пошли к Кругу Большого Совета, а им пришлось устроить его на улице, поскольку в деревне не нашлось такого вигвама, который смог бы вместить всех собравшихся. На одной стороне чинно расселись арикары, на другой — кроу, на третьей — сиуксы. Я сел рядом с Толстым Медведем, а сэр Уилмот со своими соксами и французиками оказался как раз напротив нас. Колдун сэра Уилмота сидел скрестив ноги; на его плечах была тяжелая накидка их волчьих шкур, хотя, несмотря на поздний час, на улице стояла такая жара, что, кажется, можно было поджарить яичницу прямо на камнях. Но настоящий кейока всегда делает именно так. Вот если бы вдруг повалил снег, шаман-сокс, скорее всего, сидел бы сейчас в чем мать родила!

Женщины с детишками позалезали на верхушки вигвамов, чтобы лучше видеть Круг Большого Совета, а я шепотом переспросил у Толстого Медведя, где бочонок, а он ответил, что под шкурами прямо позади меня, после чего начал раскачиваться взад-вперед, тихонько напевая себе под нос предсмертную песню.

Тогда я стал шарить рукой у себя за спиной, но прежде, чем мне удалось нащупать бочонок, сэр Уилмот поднялся на ноги и начал так:

— Я пришел сюда не для того, чтобы понапрасну тревожить слух моих краснокожих братьев пустыми речами! Зудеть, подобно москитам, в ушах людей — удел Длинных Ножей! Скоро Хозяин Жизни сам произнесет свое веское слово устами Полосатого Грома. Что же касается меня, то я принес на Совет не пустые слова — о нет! — но подарок для великих вождей, который уладит их сердца!

И называйте меня всегда команчем, если с этими словами сэр Уилмот не наклонился и не вытащил из-за килы шкур бочонок Толстого Медведя! Я почувство-

вал, как земля уходит у меня из-под ног, а Толстый Медведь застонал так, словно его изо всей силы пнули в брюхо. Я краем глаза заметил, как Андре издевательски подмигивает мне издали, и мгновенно понял, что подлец подслушал наш разговор и стащил бочонок из-под моей килы шкур после того, как Толстый Медведь поставил его туда для меня. По блеску, сразу же появившемуся в глазах воинов, я понял, что Красные Мундиры уже одержали победу, тогда как я потерпел ужасное, сокрушительное поражение!

Я был так страшно расстроен, что не мог уже думать ни о чем другом, кроме как добраться до красномундирников и соксов и перерезать ножом столько ихних поганых глоток, сколько успею, прежде чем они прикончат меня! И уж в любом случае, пап, я был твердо намерен в первую очередь перерезать глотку сэру Уилмоту, и не было во всем мире такой силы, которая смогла бы помешать мне выпустить наружу его кишки, прежде чем я умру! Ведь мы, Элкинсы, в своем последнем приступе смертельной ярости куда как опаснее любой загнанной в угол пантеры! Ты только вспомни, пап, моего любимого двоюродного дедушку, Исайю Берфилда. Ведь когда индейцы-крики наконец одолели его, то после того сражения у них просто не осталось в живых достаточно воинов, чтобы снять со старика скальп, а ведь дедуле к тому времени уже стукнуло целых восемьдесят семь лет!

Я потянулся было за своим ножом, но тут сэр Уилмот вдруг и говорит:

— Скоро, совсем скоро волшебное молоко Красных Мундиров заставит сердца доблестных воинов петь от счастья! Но сперва мы должны услышать слова того, кого сиуксы называют Уаканотокой, а другие племена называют другими именами, но кто является Хозяином Жизни для всех нас! Сейчас он будет говорить с нами устами Полосатого Грома!

Ну ладно. Пускай говорит!

Я решил, что дождусь, пока все уставятся на выг-
вам шамана-колдуна, а уж потом рванусь к горлу сэра

Уилмота. Полосатый Гром зашел в вигвам и закрыл за собой полог, а соксы разожгли перед входом костер, начали скакать у этого костра как безумные и вопить:

О Хозяин Жизни! Войди в вигвам
из белых шкур! Скорей туда войди!
И овладей там разумом того,
кто ждет тебя внутри!
И тогда, его устами,
ты с нами говори!

Понятия не имею, что там швыряли проклятые соксы в свой проклятый костер, но из него вдруг повалили такие клубы дыма, что тот вигвам из белых шкур стало совсем невозможно разглядеть, а эти чумные соксы продолжали скакать и вопить в этом дыму, что твои черти в огненной преисподней. А затем из вигвама вдруг раздался страшный крик и послышалась возня, какая бывает, когда идет хорошая драка. Беглые индейцы разом повскакивали со своих мест, и было очень на то похоже, что они вот-вот дадут деру, но тут сэр Уилмот поднял руку и провозгласил:

— Не бойтесь! Это злой дух Унктехи сражается с посланником Хозяина Жизни за обладание телом шамана! Скоро добрый дух одержит победу, и тогда мы откроем вигвам, и мы услышим вещие слова самого Уаканотоки!

Черт возьми, еще бы!

Я отлично знал, что Полосатый Гром скажет в точности то, что ему велел говорить сэр Уилмот! Но эти-то глупые индейцы будут считать, что с ними говорит сам Великий Дух!

Между тем суматоха в вигваме стихла, клубы дыма опали, и сэр Уилмот провозгласил:

— Твои дети смиренно жгут Твоих слов, о Уаканотока!

Сказав это, он распахнул полог, и пусть меня всю жизнь называют голландцем, пап, если в том белом вигваме было хоть что-то кроме громадного полосатого дикого скунса!

Задрвав хвост трубой, скунс неторопливо вышел из вигвама, а бедные индейцы все разом издали груженный вопль ужаса и попадали на землю со своих бизоньих шкур, а потом вскочили на ноги и тут же всем миром пустились наутек — и сиуксы, и арикары, и кроу, и соксы, — завывая на бегу:

— Унктехи победил! Он превратил Полосатого Грома в злое вонючее чудовище! Унктехи одолел Уаканатоку!

Они даже не потрудились открыть ворота. Сиуксы одним духом перепрыгивали через частокол, а кроу — так же просто промчались через него насквозь и ничего не заметили. Я успел углядеть, что старый Клейменный Конь плечом к плечу с Пестрым Дятлом уверенно держится во главе удирающих, и понял, что Великая конфедерация западных индейцев провалилась ко всем чертям! Следом за воинами устремились волящие женщины с рыдающими детишками, и через каких-то пятнадцать секунд единственным индейцем поблизости от меня остался Толстый Медведь.

Сэр Уилмот стоял, окаменев на месте, и только бешено вращал выпученными глазами, но Андре быстро обежал белый вигвам кругом и заорал с той стороны:

— Кто-то располосовал сзади все шкуры! — выл он. — Здесь, позади, валяется на земле Полосатый Гром, а на башке у него шишка размером с хорошее яйцо! Пока клубился дым, кто-то забрался внутрь вигвама, оглушил шамана, выволок его наружу и подсунул вместо него скунса!

— Да! — наконец очнулся сэр Уилмот. — Да! Да! Да! Конечно! Один и тот же ублюдок уволок нашего шамана и запустил в вигвам ту вонючую тварь! — Из рта сэра Уилмота во все стороны летели брызги слюны. — И ты ответишь мне за это, грязный янки!

— Кого это ты тут посмел назвать янки?! — яростно взревел я, выхватывая нож.

— Помните о перемирии! — закатив глаза, умоляюще заверещал Толстый Медведь.

Ну что ж. Я-то вспомнил и остановился сразу. Но сэр Уилмот уже пришел в такое возбуждение, что не помнил совсем ничего. По-моему, так у него просто раз и навсегда протек чердак. Он сделал выпад шпагой, но я легко перерубил эту хворостинку ножом и схватил беснующегося сэра за руку. Думаю, как раз тогда он и вывихнул себе локоть. Продолжая дико вопить, безумец попытался дотянуться здоровой рукой до своего пистолета, вот почему мне пришлось как следует врезать ему по физиономии. Скорее всего, именно тогда он и лишился семи зубов, об утрате которых сэр теперь так горько жалеет. Но поскольку сэр Уилмот продолжал бесноваться, пришлось отобрать у него пистолет, а его самого выбросить за частокол. Мне все же кажется, что череп он себе проломил уже потом, приземлившись по ту сторону частокола головой прямо на какой-то старый пенек.

Тем временем Андре со своим приятелем принялись тыкать в меня своими смехотворными коротенькими ножиками, отчего мне пришлось взять обоих за шиворот и легонько постучать головами друг об друга. Но честное слово, как только парни немного расслабились, я сразу перестал! Не знаю уж, чего они теперь жалуются, ведь я не сделал им ровным счетом ничего плохого. Наоборот, проявил о них почти отеческую заботу, тоже выбросив за частокол, чтобы они сразу оказались поближе к своему любимому сэру Уилмоту!

— Ну что ж! — радостно пропыхтел я, потирая руки и поворачиваясь к Толстому Медведю. — Похоже, все устроилось само собой, притом как нельзя лучше! Понятия не имею, как уж оно так вышло, но ты можешь звать назад всех своих скво с детишками и сказать им: они остаются гражданами Соединенных Штатов! Отныне и во веки веков, чтоб я лопнул!

С этими словами я нагнулся, поднял валявшийся рядом бочонок и поднес его к губам, поскольку меня уже давно мучила жажда.

— Стой! — закричал Толстый Медведь. — Подожди! Не пей это! Должен тебе сказать, что...

— Заткнись, жадина! — взревел я. — После той услуги, какую я оказал всей нации нынче вечером, неужели мне не положена пара хороших глотков, не будь я Элкинс?! Пожалеть капельку пойла для старого друга! Какой позор! — уже более спокойно добавил я.

И я хватанул из бочонка от души, и издал душевраздирающий вой, и зашвырнул чертов бочонок так далеко, как только смог, и заметался по деревне в поисках проклятой воды, и нашел ведро, и выпил единым духом галлона три. А когда я смог снова дышать, то подобрал с земли губинку и погнался за Толстым Медведем, который к тому времени уже успел вскарабкаться на верхушку самого высокого вигвама.

— А ну, дерьмо койота! — ласково позвал я. — Спускайся оттуда сейчас же, а не то я разобью вот этой самой губинкой твою умную голову! Зачем ты сразу не сказал мне, что налито в том бочонке, скотина ты эдакая?!

— Я пытался! — жалобно заявил Толстый Медведь. — Честно пытался! Но ты же мне слова не давал вставить! Я и сам думал, что в этом бочонке — виски, когда тащил его со склада компании, иначе я бы его и трогать-то не стал! А знаешь, пока ты тут утолял жажду, а потом охотился за водичкой, я успел переброситься парой слов со стариком Шингисом. Это ведь он шарахнул по голове того шамана, а потом запустил в белый вигвам полосатого скунса! Он случайно увидел, как Андре перепрыгивает бочонок поближе к сэру Уилмоту, на ту сторону Круга Большого Совета, подкрался туда и незаметно отхлебнул изрядную порцию. Вот почему он сделал то, что сделал. Это была месть! Бестолковый старый хрыч решил, что сэр Уилмот пытался его отравить!

Вот так, пап, оно все и вышло!

Что до меня, то я твердо намерен бросить эту чертову работу, как только вернусь в Сен-Луи. То, что

люди перестали пользоваться свечами и стали покупать на факториях эти ужасные масляные лампы, уже само по себе плохо. Но будь я проклят, ежели стану и дальше вкалывать на компанью, которая позволяет себе разливать вонючий китовый жир в точно такие же бочонки, в какие они разливают свое виски!

С почтением, твой любящий сын,
Бун¹ Элкинс.

¹ Вонп — доброжелательный, приятный человек; веселый собутыльник. Одним словом, рубаха-парень; весельчак. (Прим. перев.)

ЭЛКИНСЫ НЕ СДАЮТСЯ

Папашка ругался на чем свет стоит. Причем так громко, что, возвращаясь домой из Жеваного Уха, я отчетливо слышал его брань, почитай, от самого Песчаного Брода. Он валялся посреди комнаты на медвежьей шкуре, под рукой у него была всегдашняя здоровенная бутылка с белым кукурузным виски, а в самой руке он держал письмо, которое моя сестра Оачитта должна была читать ему вслух. Когда я вошел в дом, отец как раз бросил очередной взгляд на письмо, хорошенько приложился к бутылке, после чего изрыгнул некое совершенно ужасное выражение, так что у меня уши едва не поотсыхали.

— Тоже мне, нашли время для вендетты! — немного успокоившись, свирепо проворчал он. — Будто не могли подождать малость, пока я окончательно совладаю со своим ревматизмом! Нет уж, куда там, эти люди просто не умеют ждать! Кромешная глупость моих родственничков не поддается никакому описанию, и она есть кровоточащая язва на моей шкуре! Брекенридж, ты должен немедленно лететь вихрем на ранчо дядюшки Джоэля! Прямо сейчас!

— Ты что, толкуешь о дядюшке Джоэле Гарфильде из Аризоны? — переспросил я.

— О ком же еще, ты, здоровенный идиёт! — снова взревел отец. — У Гарфильдов давно неприятности, но, пока они прямо не попросили о помощи, я не хотел навязываться им и впутывать в такое дело свою ближайшую родню! Твой дядюшка Джозель всегда был уж слишком чертовски покладист и миролюбив, вот и допрыгался! Езжай туда, в Аризону, Брек, принимай там командование, но не вздумай прислушиваться ко всей этой болтовне насчет перемирий и компромиссов! Ежели кто-то попрет против Элкинса, — уже немного спокойнее сказал отец, встряхнув свою бутылочку, — чужак должен сразу же заказывать себе катафалк! Проваливай!

Я оставил Капитана Кидда в каменном корале, выстроенном мною специально для него, — никакой другой просто не смог бы его удержать, и отправился через перевал в поселок под названием Вечная Кара, чтобы там погрузиться в дилижанс. Стоянка дилижанса там отделана шикарно, скажу я вам! Прямо что твой салун! И кое-кто из околачивавшихся там парней принялся подначивать меня и биться со мной об заклад, что мне ни в какую не вылакать за раз кварту тамошнего красного пойла. Конечно, не отрываясь от горлышка бутылки и не переводя дух. Так что всякий раз, опорожнив очередную кварту, я выигрывал ровно один доллар, а проигравший к тому же платил за виски.

У меня уже был почти полный карман серебра, когда кто-то вдруг завопил:

— Эй вы! Игроки хреновы! Дилижанс отчаливает!

И я, сопровождаемый бурей оваций и грохотом выстрелов, доблестно погрузился на борт этой посудины, а кучер щелкнул кнутом, и вот таким образом я отбыл в Аризону, чтобы грудью встать на защиту поруганной семейной чести.

По какой-то непонятной причине мне всю дорогу страшно хотелось спать, вот почему о самом путешествии у меня осталось самое смутное представление. Помню только, что пару раз мы останавливались поменять лошадей, а еще один раз я услышал, как кто-то спросил кучера:

— Мой Бог, неужели у тебя там, в углу, дрыхнет человек?! Если только он и взаправду человек, то он — самый здоровенный мордоворот, каких мне когда-либо доводилось встречать!

Когда я проснулся окончательно, был уже вечер, темнело, и дилижанс катил по совершенно незнакомой для меня местности. Ведь раньше-то я никогда не бывал в Аризоне! Кучер почесал в затылке и спросил меня:

— Слушай, а куда ты, собственно говоря, едешь, парень?

— В Аризону, — честно ответил я.

— Но мы тащимся по Аризоне с тех самых пор, как встало солнце, — сказал кучер. — Куда именно в Аризоне ты хочешь попасть!

Ну, я задумался, и думал, и думал, и никак не мог вспомнить, и тогда я спросил:

— А какие тут вообще есть города?

— Ну, совсем недавно мы проехали через Винтовочное Дуло, — почесав за ухом, ответил кучер.

— Отлично, — сказал я. — Мне желательно сойти в том самом городе, где живут Гарфильды. Ты должен был про них что-нибудь слышать. У них очень большая семья.

— А! — сказал кучер. — Тогда тебе нужен Зуб Пилы. Это следующий поселок. А Гарфильды живут на ранчо примерно в миле от города.

— Слушай-ка, а кто те люди, с которыми у Гарфильдов вышла какая-то размолвка? — спросил я.

— Ну-у, — протянул кучер. — В общем, это Клинтон. Старик Клинтон подал на старика Гарфильда в суд по земельному делу и выиграл процесс, да еще отхватил неплохой куш звонкой монетой!

— Значит, судья был подкуплен! — заявил я.

— Ну-у, я не знаю... — снова протянул кучер.

Тут я понял, что раз уж кучер так себя ведет, значит, здесь вся округа настроена против Гарфильдов, и при одной мысли о такой неслыханной несправедливости меня буквально затрясло от праведного гнева.

— Я же тебе говорю, что судья был подкуплен! — взревел я, слегка наклонившись вперед, а кучер почему-то побледнел и тоже затрясся и пролепетал:

— Да! Конечно! Теперь я вижу, что ты совершенно прав! Я просто плохо подумал, прежде чем сказать!

Довольно скоро мы втащились на улочки Зуба Пилы, тут кучер показал кнутовищем на один из домов и с гордостью заявил:

— Вон там стоит новое здание суда! Недавно построили!

— А что это за большая железная труба на колесах торчит с ним рядом? — поинтересовался я.

— А это пушка, — ответил кучер. — Ее приволокли сюда из Форт-Полка на тот случай, если апачам вздумается еще разок напасть на город.

Вскоре мы подъехали к почтовой станции, и кучер указал мне на старого джентльмена с длинными, слегка обвисшими и малость поседелыми бакенбардами, которые на концах загибались вверх, словно оглобли.

— Вон стоит старик Гарфильд, — сообщил мне кучер, — он всегда встречает здесь дилижанс.

Старик Гарфильд оказался совсем не таким уж старым, как я ожидал, к тому же он был куда меньше размерами, чем мой отец. Но, хотя мы с ним никогда не виделись раньше, я решительно подошел к нему, взял за руку и вежливо ее потряс. Он казался слегка удивленным и даже издавал какие-то странные звуки внутри своих бакенбард.

— Я — ваш внучатый племянник, Брекенридж Элкинс, — по всей форме представился я. — И я прибыл сюда для того, чтобы раз и навсегда обеспечить полное торжество справедливости!

— Р-рад познакомиться, Брекенридж, — пробормотал дядюшка слегка растерянно.

Тут я окончательно понял, что отец совершенно прав: дядюшка Джозель абсолютно ни в чем не походил на нас, на людей, выросших на Медвеьем Ручье!

— Все ваши страхи теперь позади, дядюшка Джозель! — успокоил я старика, похлопав его по спине. — Я принимаю на себя руководство делом прямо сейчас!

— Р-руководство делом? — переспросил он, слегка закашлявшись и трудолюбиво распрямляясь после моих похлопываний. — К-каким таким делом?

— Ну как же? — удивился я. — Давайте побыстрее к нему и перейдем, ведь мы, Элкинсы, терпеть того не можем откладывать что-либо на потом! Скажите-ка мне, дядюшка Джозель, нету ли сейчас, прямо тут, поблизости, кого-нибудь из тех проклятущих Клинтонов?

— Отчего же, — сказал дядюшка Джозель, указывая на парня, сидевшего на краю корыта с водой для лошадей. — Вон как раз один из них!

Должен сказать, по натуре я человек мирный, кроткий, даже застенчивый, каких поискать, и требуется нечто совсем уж из ряда вон выходящее, чтобы вывести меня из себя. Но ведь тут, как-никак, все же была затронута честь нашей семьи! А это, как справедливо заметил мой папаша, есть веская причина для самой кровавой, беспощадной войны! Тем не менее, переходя улицу и приближаясь к лошадиной поилке, я старался сдерживаться из последних сил.

Парень увидел, как я подхожу, и мигом вскочил на ноги.

— Не ты ли здесь будешь Клинтон? — спросил я.

— Ну я, — воинственно ответил он. — А в чем дело?

— Отлично! Меня зовут Брекенридж Элкинс, и я явился сюда, дабы устранить все несправедливости, причиненные моей родне! — начал было я издали, причем самым вежливым и деликатным образом.

— Отлично! А меня зовут Джон Клинтон, и я отродясь о тебе ничего не слышал! — раздраженно ответил парень и, прервав всякие дальнейшие переговоры, заехал мне кулаком в ухо, да еще вдобавок успел пару раз лягнуть меня по ногам. Но я даже тут сумел сдержаться и всего лишь один разок дал малому в челюсть, отче-

го он перемахнул через лошадиное корыто, пролетел ровно семнадцать с половиной футов и воткнулся головой в старую сточную канаву возле лошадиного стойла.

Тут дядюшка Джозль как-то слабо вскрикнул, и я обернулся как раз вовремя, чтобы лицом к лицу встретить подбегавшего ко мне сзади парня.

— Я шериф! — закричал он, тыча пальцем в свою начищенную до блеска звезду. — Я должен арестовать тебя и немедленно посадить в каталажку, поскольку ты только что очень возмутил общественное спокойствие!

Со всей свойственной мне кротостью я совсем уж было собрался подчиниться, поскольку папаша всегда требовал от меня должного уважения к закону, но вдруг вспомнил, что речь идет о нашей семейной чести, а здешний шериф наверняка давно принял сторону Клинтонов. Поэтому я очень осторожно отобрал у него оба револьвера, чтобы он не успел причинить ими себе какой-нибудь вред, а его вздрагивающее тело — так же очень осторожно — положил в лошадиную поилку.

— Поскольку ты есть явный клеветник семейства Клинтонов, — сурово сказал я, — мне приходится поступать с тобой, как с любым другим из этих напрасно топчущих землю койотов!

Последние слова я проревел так, что во всех домах на улице задребезжали стекла: ведь я уже начал сердиться по-настоящему! И тогда я достал пару своих шестизарядных и застрелил насмерть несколько вывесок и в придачу к ним несколько уличных фонарей, дабы должным образом подчеркнуть свою точку зрения. Всех людей с улицы точно метлой смело, ежели, конечно, не брать в расчет дядюшку Джозля, схоронившегося под лошадиным корытом.

Подумав немного, я решил, что меня здесь просто не узнали, поэтому я еще разок во всеуслышание объявил, кто я таков:

— Здесь перед вами Брекенридж Элкинс, с Медвежьего Ручья в Неваде! Я приехал сюда, чтобы должным образом позаботиться о клане Гарфильдов! —

Мне почему-то никто не ответил, и тогда я добавил: — Выходите же сюда, вы все, нашедшие себе приют в Зубе Пилы паразиты, и говорите, открыто и честно, на чьей вы стороне! Но помните: кто не со мной — тот против меня!

Затем, пораженный внезапной мыслью, я недоуменно спросил:

— Черт возьми, а куда же подевался тот продажный шериф?

Мне по-прежнему никто не отвечал; тогда я быстро зашел в салун и там, за стойкой бара, обнаружил присевшего на корточки парня, который давился и кашлял, пытаясь проглотить свою бляху. Перегнувшись через стойку, я взял малого за шкирку, перетащил его на эту сторону и поставил перед собой на пол.

— Так вот, значит, ты как?! — в ярости заорал я ему прямо в ухо. — Хочешь выставить меня на посмешище, пытаясь уничтожить столь ценную улику! Да за такое я с тебя не то что живьем скальп сдеру, а...

Но тут малый почему-то закатил глаза и упал в обморок, поэтому я раздраженно швырнул его в угол и решительно вышел из бара. Надо же! Все любопытные головы, повывисывавшиеся было из разных углов, тут же нырнули обратно, будто их и в помине не было!

Тем временем дядюшка Джозль уже, суетясь, залезал в свою повозку, но я мигом добежал до нее, прыгнул и очутился рядом с ним, и повозка слегка покосилась, и лошади дико заржали, и мы тронулись в путь.

— Где вы проживаете, дядюшка Джозль? — крикнул я.

— Вон там, — ответил он, облизнув пересохшие губы, и указал на видневшуюся вдали, примерно на расстоянии мили, за полями люцерны и выгонами, крышу дома.

— Послушайте, дядюшка, но мы же никуда не едем! Мы просто тащимся! Мы стоим на месте! — заметил я. — Дайте-ка мне сюда вожжи! — Я забрал вожжи из рук старика и хорошенько гикнул, отчего те

мустанги буквально взвились в воздух, а затем понеслись вперед, едва касаясь копытами земли.

Но дядюшке Джозю, похоже, такая езда доставляла на удивление мало радости. Он вцепился в борта своей повозки и только жалобно вскрикивал всякий раз, когда мы срезали какой-нибудь угол на одном колесе. А все люди, мимо каких мы проезжали, тоже жалобно кричали и врассыпную бросались с дороги прямо в поля.

— Что за черт? — недоуменно спросил я. — Да что с ними со всеми такое творится? — И, вытащив свой шестизарядный, я посбивал шляпы с кое-кого из тех суесящихся парней в надежде хоть чуть-чуть развеселить дядюшку Джозля. Но дядюшка почему-то упорно продолжал оставаться совсем грустным!

Когда мы подъехали к дому, я прикинул, что уже нет никакого смысла останавливаться, чтобы открыть ворота. Мы ехали так быстро, что все равно должны были сквозь них проехать. И мы проехали, только вот дядюшку Джозля задело каким-то обломком по голове, и он дико завопил от боли. А когда мы ворвались во двор ранчо, мне стало ясно: лошадки хотят проскочить его насквозь, и тогда я решительно осадил их, и с повозки соскочило одно колесо.

Но, конечно, мне бы в любом случае удалось остановить наших скакунов, ежели б не лопнули те гнилые вожжи. И мустанги проскочили-таки через двор и повисли в воздухе сразу за домом, запутавшись в кроне большого дерева, а из дома выбежала пожилая леди, а за нею четыре девушки и три парня. И пожилая леди сказала:

— Во имя всего святого, что тут случилось?!

Затем, обнаружив, что дядюшка Джозль лежит бездыханным телом, они закричали все разом и старая леди запричитала:

— О Боже, он убит! Воды! Принесите скорее воды!

Какого черта, подумал я, разве поможешь делу водой, если старика действительно зашибло насмерть!

Но тут я заметил поблизости лошадиную поилку, где плескалось около тридцати или сорока галлонов этой самой воды. И я подошел к ней, и поднял ее, и принес ее туда, где лежал дядюшка Джозль, и они уставились на меня так, будто никогда раньше не видели, как человек носит это чертово корыто.

И я вылил все корыто на дядюшку Джозля, и он закашлялся, сел и, отфыркиваясь, спросил:

— Какого черта? Ты что, решил меня утопить?

— Кто это такой, па? — спросила старая леди. Она почему-то явно чувствовала себя не в своей тарелке.

— Он утверждает, что он — мой племянник, — вздохнул дядюшка Джозль. — Говорит, дескать, приехал, чтоб помочь нам утрясти то старое дельце с Клинтонами.

— Но я думала, там уже все само собой утряслось, — нерешительно пробормотала старая леди. — Они ведь выиграли дело в суде, ну и...

— Никакое дело никогда не бывает утрясено до тех пор, пока Элкинсы и их родичи не победят окончательно и бесповоротно! — горячо возразил я. — Военные действия только начинаются! Как зовут этих молодых людей?

Глядя на парней, я испытывал то же самое разочарование, какое испытал, впервые увидев дядюшку Джозля. Да, эта чахлая семейная ветвь безусловно не дотягивала до размеров, принятых у нас, на Медвежьем Ручье! Ведь эти мальчишки были уже почти совсем взрослыми мужчинами, но ни один из них не превышал ростом шести футов, чтоб я лопнул!

— Их зовут Билл, Джим и Джо, — сообщил дядюшка Джозль. — А девушек зовут...

— Сейчас это не имеет никакого значения! — сурово оборвал его я. — Всем женщинам этой семьи надлежит просто укрыться в безопасном месте! Джо! Пойди сними с дерева тех мустангов и отправь их на выгон! Билл! Ты запряжешь вон в тот фургон пару смирных лошадок и отвезешь своих сестер и матушку в Зуб

Пилы, где они будут оставаться до самого конца военных действий!

Старая леди в замешательстве посмотрела на дядюшку Джозеля, но тот лишь беспомощно покачал головой и сказал:

— Лучше сделать так, как он говорит, мать! Он все равно уже начал командовать, и, видит Бог, я совсем не тот человек, который смог бы его переубедить!

— Джим! — решительно заявил я. — Садись на лошадь, привяжи к шомполу кусок какой-нибудь белой тряпки и езжай, скажи тем Клинтонам, чтобы они тоже отправили своих женщин в Зуб Пилы. Мы не можем позволить себе подвергать особ прекрасного пола даже самому малейшему риску!

— Но у меня нету белой тряпки, — слегка растерянно ответил парень.

Укоризненно покачав головой, я снял с бельевого веревки простыню и оторвал от нее приличный шмат для Джима.

— О Боже! — сразу запричитала старая женщина. — Моя лучшая простыня!

Нет, все-таки женщины — удивительно бестолковый народ!

Нам была хорошо видна крыша дома на ранчо Клинтонов. Дом там был большой, трехэтажный, и стоял он примерно в миле к югу от нас, за несколькими низкими пологими увалами. Дядюшка Джозель сказал мне, что мужчин там семь человек.

— Билл! — сказал я, выворачивая карманы. — Купи все патроны, сколько найдется в Зубе Пилы! Война может затянуться, к тому же мы не должны оставить Клинтонам никакой возможности пополнять боеприпасы!

— Никогда в жизни не видела ничего подобного! — изумленно прошептала старая леди, но все же погрузилась со своими дочками в фургон, и Билл повез их в город, а Джим поскакал к дому Клинтонов, размахивая белым флагом, а мы с дядюшкой Джозелем и с Джо принялись готовиться к осаде.

Сперва мы наполнили все емкости, какие смогли найти, водой, потом я велел Гарфильдам укреплять ставни на окнах, а сам принялся чистить и смазывать все оружие, какое имелось в доме. Некоторые ружья выглядели так, будто после гражданской войны из них ни разу никто не стрелял. Честное слово!

Довольно скоро вернулся Джим и сообщил, что Клинтоньши шибко сильно взволнованы. Их старшего парня, Джона, недавно доставили из города с вывихнутой челюстью, а их женщины, едва получив наше предупреждение, сразу же отбыли в Зуб Пилы.

— Отлично! — воскликнул я. — Теперь мы можем без помех нагрянуть туда и с чистой совестью вырезать под корень мужскую часть ихней семейки! Не вижу никакого смысла и дальше затягивать начало военных действий! Джо, езжай скорее к этим Клинтонам и подстрели их старика, чтобы они там знали: мы открываем бал!

У Джо неожиданно сделался такой вид, будто его вот-вот стошнит; он молча, с мольбой в глазах, посмотрел на дядюшку Джозля — который вдруг сильно побледнел, но ничего не сказал сыну, — взобрался на свою клячу и ускакал со двора.

— Ваши мальчики, дядюшка Джозль, — снова потянувшись к жестянке с ружейным маслом, заметил я, — совершенно не оправдали моих надежд! У них совсем нету привычки к крови и тяги к хорошей мужской драке, а ведь должны быть! Я никак не ожидал встретить парня, приходящегося нам, Элкинсам, родней, у которого бы кулаки не чесались все двадцать четыре часа в сутки. А я-то думал, что Гарфильды из Аризоны в гневе страшнее раненой медведицы! Нет, право же, я ужасно разочарован! А это что еще за штука?

— Это мексиканская эскопета, — слабым голосом отозвался дядюшка Джозль. — Будь с ней поосторожнее: она может выпасть совершенно неожиданно!

То был старинный, заряжавшийся через дуло, дробовик с большим раструбом на конце, вроде эдакого колокольчика; в него влезало добрых три или че-

тыре пригоршни крупной дробы. Увидев, какая это замечательная штука, я просиял и уже начал было приводить ее в надлежащий порядок, как вдруг домой вернулся Джо, в самом подавленном настроении. Кожаный низ с его штанов был начисто оторван и вообще куда-то подевался!

— Я сделал все, как ты велел! — обиженно сопя, сказал он. — Я подкрался из-за короля и попытался подстрелить старика Клинтон. Но только я по нему промахнулся, а они спустили на меня своего здоровенного бульдога!

— Как?! — в ярости вскричал я. — Значит, они не желают сражаться, как надлежит поистине цивилизованным людям? Выходит, они пали так низко, что прибежали к самым отвратительным и подлым методам ведения войны? Кстати, а у нас есть собака? — спросил я, пораженный внезапно мелькнувшей мыслью.

— Не-а, — хором ответили младшие Гарфильды.

— Отлично! — скомандовал я. — Тогда вы с Джимом ступайте и притащите этого пса сюда. Пусть он гавкает тут у нас, если кто-нибудь попытается подло подкрасться к нашему дому под покровом ночной темноты!

— Но они же нас подстрелят! — запротестовали мальчики.

— Не-а! — опроверг их я. — Не подстрелят! Если, конечно, вы будете действовать с умом! Просто выманите собаку подальше от их дома, а сами не показывайтесь им на глаза, и все!

Ну ладно. Парни ушли, вооружившись телячьей косточкой и рыбацкой сетью, а едва они скрылись из виду, как домой заявился Билл и стал говорить, что, дескать, Зуб Пилы страшно взбудоражен и что люди на улицах поговаривают о том, чтобы собраться всем вместе и отправиться сюда. Линчевать меня, значит. Тут дядюшка Джозель ядовито заметил, что во время войны с Клинтонами нам здесь только толпы линчевателей и не хватает, ну а я так просто не обратил на все это никакого внимания. Подумаешь, эка невидаль! Всякие не зна-

комые со мной чудаки вечно пытаются меня линчевать, по одному лишь дремучему невежеству!

Я спокойно распаковывал боеприпасы, доставленные Биллом, и там, среди патронов, оказалось несколько коробок с обычным порохом. Я внимательно поглядел на них, потом бросил взгляд на эскопету, и вдруг мне в голову ударила такая замечательная идея, которая исторгла из моей груди бравурный вопль бурной радости, заставивший дядюшку Джозля совершенно непроизвольно выпрыгнуть на улицу через ближайшее к нему окно.

Довольно-таки скоро домой вернулись Джо с Джимом; они приволокли с собой замотанного в сеть бульдога. Их одежда, а местами так и шкуры, были прилично разодраны. Парни рассказали, что Клинтоны забаррикадировались на своем ранчо и стреляли по ним издали, пока они сражались с бульдогом, но, наверное, эти глупые Клинтоны решили, что их пытаются выманить наружу, а потому на выручку своему псу так и не пришли.

В общем, все вышло именно так, как мне того хотелось.

Тем временем день уже клонился к закату, и, как только совсем стемнело, я привязал бульдога во дворе, велел дядюшке Джозлю с Джимом закрыть все двери и залечь с винтовками на крыше, чтобы как следует охранять дом. А Биллу с Джо я велел топать к дому Клинтонов, укрыться на ближайшем к тому дому холме и дожидаться меня. Затем я запряг в фургон пару самых крепких мулов и покати́л в Зуб Пилы. Должен сказать, люди там ложатся спать ужасно рано, если не считать тех, кто веселится в салуне, вот почему, прежде чем я не въехал во двор суда, мне навстречу не попало́сь ни одной живой души.

Я остановил фургон рядом с пушкой, слез и стал примеряться, как бы половчее забросить ее на эту хлипкую повозку, но тут из темноты рядом со мной вдруг возникла чья-то фигура. Уже потом я узнал, что то был сам судья. Он ничего такого не предпринял, только спросил меня:

— А ты что тут делаешь?

— Да вот хочу взять у вас на некоторое время пушку взаймы, — вежливо ответил я, кое-как взвалил эту артиллерию на спину и потопал к фургону. А судья вдруг почему-то схватился за голову руками, как-то странно пошатнулся и довольно громко пробормотал:

— Боже мой! Мне следует быть поосторожнее со спиртным! Я уже начал страдать галлюцинациями!

Ну, я погрузил ту пушку в фургон и потихоньку тронулся в путь, по дороге размышляя о том, какие все-таки странные люди живут в этом самом Зубе Пилы.

На ранчо дядюшки Джозеля я заворачивать не стал, а погнал фургон напрямик к поместью Клинтонов. Как раз у поворота к их дому я остановил мулов и принялся заряжать орудие боеприпасами, заранее уложенными в старую корзину из-под сена, размером что-то такое в пару бушелей¹. Мне досталась очень хорошая, большая пушка, и я засыпал прямо ей в дуло почти бушель черного пороха, а поверх него заложил около кварты винтовочных пуль, и добавил туда примерно галлон крупной дробы, и положил обломки ржавых лемехов, и бросил туда изрядно негодных висячих замков и всяких там скоб, дверных петель и крючков, и щедро сыпанул около бушеля мелких погнутых гвоздей вперемешку с ковровыми кнопками, и добавил для ровного счета несколько старых печных вьюшек, а уж поверх всего этого вывалил в дуло с полведра дверных ручек и еще, в качестве довеска, положил сверху совсем коротенький обрывок мерной цепи; я так думаю, он не дотягивал даже до семнадцати с половиной ярдов в длину.

Затем я проделал приличную брешь в изгороди и подогнал фургон поближе к дому. Там я распряг своих мулов и привязал их к дереву, произраставшему чуть ниже гребня гряды, на которой несли дозор Билл и Джо.

— Появлялся ли тут поблизости кто-нибудь из тех мошенников? — спросил я у парней.

¹ Бушель — около 75 литров.

Они ответили: нет, никто не появлялся, а в доме давно нету света, наверно, все они там дрыхнут без задних ног, разве что оставили на карауле какого-нибудь дурня.

— Великолепно! — воскликнул я. — Значит, я накрою их всех разом! А вы, ребятки, дуйте домой и спокойно ждите меня там!

— Но что же ты намерен делать? — хором спросили они.

— Я намерен прихлопнуть всю чертову семейку одним махом! — торжественно провозгласил я, выволакивая из фургона пушку. — Я намерен малой кровью, но одним могучим ударом отправить целиком весь клан этих мерзопакостных Клинтонов прямым ходом в Великое Царство Теней!

Мальчики вдруг разом побледнели, у них подогнулись колени и застучали зубы, и, не говоря худого слова, они испарились в мгновение ока. А я взвалил пушку на спину, прокрался вниз по увалу, пробрался мимо короля, перелез через еще какую-то ограду и наконец установил пушку не дальше как в ста ярдах от дома.

В доме никто даже не шелохнулся. Если там и стоял на карауле какой-нибудь дурень, так он тоже наверняка спал! К сожалению, я не знал, где там у них расположены спальни. Но, прикинув диспозицию, я решил, что заряд, заложенный мною в пушку, в любом случае снесет начисто всю нижнюю часть дома.

Итак, я любовно погладил рукой шероховатый ствол моей смертельной мортиры, прицелился, чиркнул спичкой об штаны, поднес огонек к пороховой полке, и...

Бум-м-мс!

Ослепительная вспышка пламени расколола надвое крошечную черноту ночи. Взрыв оказался так силен, что земля вздрогнула, а пушечный заряд пронесся сквозь нижний этаж ранчо Клинтонов ну чисто твое торнадо! Сквозь медленно расходившиеся клубы дыма я разглядел, что в доме образовалась такая дырища, сквозь которую

любой дурень-овцевод без труда прогнал бы большущее стадо овец. А сам дом покосился и начал, потрескивая, оседать вниз. Одновременно внутри раздался взрыв криков ужаса и начался страшный переполох. Мужчины, в одних ночных рубашках, так и посыпались из окон второго этажа, словно крысы со стога сена. Они рассыпались во все стороны, визжа как тыща чертей в аду. Только тут я сообразил, что эти скользкие паразиты Клинтоны, все до единого, спали наверху. Мой Бог! Мне так и не удалось уничтожить ни одного подлого гада!

Ко всему прочему, я совсем позабыл про оружейную отдачу, а она выбросила меня из кораля прямо сквозь изгородь. И пока я выпутывался из обломков жердей, прохвосты Клинтоны уже исчезли в густых зарослях, так что я даже не успел подстрелить никого из них на бегу! Стыдно признаться, но я был так дьявольски разочарован, что снова уселся на землю, уткнул лицо в ладони и горько разрыдался как дитя!

А затем я словно обезумел. Я бросился в заросли в поисках моих врагов, но никого там уже не нашел. Наверно, они так и продолжали удирать без роздыху, а здешняя местность была мне не настолько знакома, чтобы успешно охотиться на этих паразитов в темноте. Вот почему, совсем сокрушенный горем, я в конце концов вернулся к моей пушке.

Ее дуло после выстрела треснуло в трех или четырех местах, так что использовать ее дальше я все равно никак не мог. Тогда я решил, что будет честно доставить ее назад, в Зуб Пилы. Но проклятые мулы, испугавшись пушечного выстрела, сорвались с привязи и удрали. Вот почему мне пришлось взвалить чертову артиллерию на спину и всю дорогу до города переть ее на своих плечах. Одним словом, когда я водрузил ее на старое место, во дворе суда уже брезжил рассвет.

Потом, погибая от жажды и оскорбленный в самых лучших своих чувствах, я направился в салун. Только теперь я сообразил, что моя великая идея насчет того, чтобы начисто снести нижний этаж дома

Клинтонов, вместе со всей их гнилой семейкой, была заранее обречена на провал, потому как у людей вечно недостает здравого смысла находиться там, где им положено быть!

Несмотря на ранний час, на улицах толклось полно народу, а разговоров только и было, что об ужасном ночном взрыве. Оказывается, кто-то из Клинтонов, не останавливаясь, промчался через весь город, выкрикивая на бегу страшную весть, но ведь парень сам толком не знал, что случилось. Кое-кто из горожан утверждал, будто в дом попала молния, другие все твердили про землетрясение, ну а третьи больше склонялись в пользу торнадо.

Когда я зашел в салун, эти проклятые болтуны даже не изволили меня заметить! Их бездарный треп вскоре начал страшно действовать мне на нервы, вот почему я быстро вышел из себя и заревел:

— А ну заткните свои хлебoreзки! А ежели вы взаправду желаете знать, кто расстрелял дом Клинтонов из пушки, так нате вам! Это сделал я!

Тут все почему-то ринулись к дверям с криками:

— Караул! Спасайся, кто может! Он опять вернулся!

Спустя какое-то время я напился пива и потащился к дядюшке Джоэлю на своих двоих. Когда я вошел в дом, дядюшка держал в руках объемистую сумку из бычьей кожи, и конверт, и еще записку, которую он как раз читал, и он сказал мне:

— Брекенридж, я думаю, войне конец! Старик Клинтон прислал мне все деньги, какие он тогда выиграл по суду. Он желает кончить дело миром! Он пишет, что потерпел сокрушительное поражение и не видит никакого смысла продолжать борьбу, оказавшись в плотном кольце землетрясений и торнадо!

— Значит, он думает, что ему удастся от нас откупиться, так? — в ярости заскрежетал я зубами, при виде страшного оскорбления, нанесенного моим чести и достоинству. — Ты отошлешь эти деньги назад,

прямо сейчас, и напишешь старому хрычу, что клан Элкинсов завсегда славился своей неподкупностью!

— И не подумаю! — вдруг взвыл дядюшка Джозель, проявивший подлинную силу духа именно в тот момент, когда он нежно прижимал к своему пузу эти грязные деньги.

— Не смей! — взревела почти в полный голос. — Элкинсы никогда еще не меняли свою честь на презренный металл! И ничто, кроме крови, не в состоянии загладить причиненный им урон! — Я орал на дядюшку Джозеля, меряя комнату нервными шагами и размахивая обоими своими шестизарядными, потому как всегда имею такую привычку, стоит мне начать немного горячиться. — Ежели Элкинсам случается объявить кому-нибудь войну, они всегда доводят ее до победного конца! Мы, Элкинсы, зачехляем свое оружие лишь тогда, когда последний враг окончательно захлебнется в луже собственной крови!

Потрясенные моим ужасным ревом мальчишки спрятались где-то в подвале, а дядюшка Джозель не больно шибко спешил с ответом. Казалось, он глубоко задумался. Наконец он тряхнул головой и сказал:

— Полагаю, ты прав, Брекенридж! Я немедленно напишу письмо с нашим отказом от их капитуляции и отправлю его вместе с деньгами старику Клинтону прямо сейчас!

— Вот теперь ты говоришь как подлинный исполн духа! — одобрил я дядюшкино решение, застрелив насмерть через окно пару фонарей во дворе, дабы немного успокоить свои распалившиеся нервы. — Ладно! Пока ты занимаешься этим делом, я покажу твоим мальчишкам несколько отличных фокусов с ножом!

Дядюшка Джозель вернулся довольно-таки скоро, с деньгами и с письмом. Он слегка побледнел, когда обнаружил, что в качестве мишени для метания ножей мы выбрали его лучшую шляпу, но ничего не сказал. Он отдал Биллу записку вместе с деньгами, а я взял одну из его шелковых белых рубашек и приколотил ее

гвоздями к трости дядюшки Джозля — получился отличный символ перемирия, — после чего Билл отчалил.

Очень скоро я почувствовал смутное беспокойство, потому как не в характере Элкинсов сидеть сложа руки в ожидании вражеской атаки. Мы привыкли всегда атаковать сами! Но что поделаешь! Клинтоньы рассеялись по всему белу свету, я попросту не знал, где мне их искать, а потому не оставалось ничего иного, как ждать, когда же они сами заявятся сюда по наши души.

Я велел мальчикам поснимать с окон ставни и подремонттировать. Кроме того, я бродил по дому с бульдогом, пытаясь подыскать для него наилучшую стратегическую позицию, но проклятый пес всякий раз кусал дядюшку Джозля, стоило тому подвернуться нам под ноги, и дядюшка Джозль всякий раз вскрикивал так, будто ему очень больно. А слова дядюшки, произносившиеся в таких случаях по адресу бедного животного, вообще не поддавались никакому разумному толкованию!

Билл отсутствовал ужасно долго, и, решив, что подлые Клинтоньы наплевали на белый флаг перемирия, я собрался было отправляться на поиски, как вдруг он появился сам, очень возбужденный и слегка сбледнувший с лица. Он сообщил, что передал Клинтоньам записку и деньги, а еще он сказал, что ему удалось прознать, где находится их тайное логово. Он сказал, что наши враги стали лагерем в одном каньоне, в нескольких милях к югу от ранчо Гарфильдов, и что они, дескать, собираются атаковать нас перед самым рассветом. Билл предложил подкрасться к лагерю Клинтоньов, едва стемнеет, и вырезать всех мерзавцев под самый корень.

При виде того, как в парне наконец просыпается бойцовский дух истинных Гарфильдов, я возликовал всей душой, и мы сразу же приступили к составлению планов нашей кампании.

Нам с дядюшкой Джозлем предстояло незаметно проскользнуть по дну каньона и обрушиться на наших врагов с тыла, а мальчишки должны были выждать и ударить во фланг. Билл припомнил, что в том каньоне есть

одна узкая горловина, над которой он, со своими братьями, сможет затаиться на утесах, а когда Клинтоньы обратятся в бегство, мальчики зажгут факелы, швырнут их вниз, прямо в ту горловину, и при свете своих факелов перестреляют всех этих подлых Клинтоньов как куропаток.

Ну ладно. От такого замечательного плана мое настроение сделалось просто великолепным, и оно улучшилось еще больше, когда дядюшка Джозель сам любезно предложил почистить мои револьверы. Я отдал ему свои шестизарядные, а мальчиков послал следить за подходами к дому, на тот маловероятный случай, если Клинтоньы все-таки наберутся наглости и решатся атаковать нас при свете дня. Я выдал бульдогу большущий кусок сырой говядины, как следует вымоченной в смеси виски с порохом, чтобы поднять его боевой дух, и после того, как он сломал себе зуб, пытаясь меня уку-сить, мы с ним наконец стали добрыми друзьями.

Затем я любовно снарядил свою эскопету, всыпав в нее приличное количество пороха, крупной дроби и мелких гвоздей, а для большего впечатления добавил еще и изрядную порцию крупной каменной соли. Такое оружие, конечное дело, бьет не слишком далеко, но на близком расстоянии способно нанести любому врагу самый сокрушительный урон!

Я почему-то продолжал беспокоиться и все никак не мог дожидаться, когда же наступит ночь, которая позволит нам навсегда стереть с лица земли разом все гнусное племя Клинтоньов. И вот наконец она пришла, эта ночь, и мы сразу выступили в поход. Я подготовился к выходу гораздо раньше остальных, тайком подвзав красавицу эскопету к своему седлу, и ничего не сказал про это остальным, потому как знал: дядюшка Джозель отчего-то панически боится этого оружия.

Добравшись до каньона, в котором разбили свой лагерь Клинтоньы, мы разделились, предварительно привязав своих лошадей в гуще молодого сосняка, и мальчики сразу же направились вдоль края каньона,

чтобы вовремя взять под надежный контроль ту самую горловину.

А мы с дядюшкой Джозлем потихоньку спустились на дно каньона, и там была такая тьма-тьмуца, что невозможно было разглядеть совсем ничего, кроме кремнистых гребней, шедших поверху вдоль краев ущелья и блестевших под призрачным светом звезд. Дядюшка Джозль даже не заметил эскопету, которую я, уходя от лошадок, забросил себе за спину. Мы дали мальчикам предостаточно времени, чтобы они успели добраться до нужного места, а потом, почти на ощупь, двинулись вперед по дну каньона.

Дядюшка Джозль зачем-то производил столько шума, что запросто мог бы разбудить целую армию. В конце концов я велел ему снять сапоги, но теперь он стонал и ругался всякий раз, как наступал на острый обломок камня. Я вежливо приказал ему заткнуться, если он не хочет, чтобы нас тут перестреляли как кроликов.

Вскоре мы вышли на ровную тропу, и тут дядюшка Джозль сказал, что он прокрадется вперед и посмотрит, уснули ли Клинтоны, а если уснули, то он начнет тявкать, как койот. Мне не хотелось отпускать старика одного, но он стал настаивать, и тогда я остановился в черной тьме под скалой, а он нырнул куда-то вперед, и вскоре оттуда послышалось довольно похожее тявканье.

Я на ощупь протиснулся сквозь очень узкое место и неожиданно для себя сразу оказался на широком открытом пространстве. Тут же кто-то сдернул одеяло с фонаря; яркий свет ослепил меня, а на плечи мне упало лассо и стянулось, прижав мои руки к бокам. Одновременно со всех сторон раздались торжествующие дикие вопли, и на меня обрушилась целая толпа каких-то темных личностей.

Тогда я яростно взревел, повел плечами, порвав ту риау, словно шерстяную нитку, выхватил из-за спины эскопету и выпалил навскидку. Громовой выстрел разом смел всю напавшую на меня нечисть: люди посы-

пались на землю что твои кегли! Они орали, и визжали, и выли, а кто-то вдруг пронзительно заверещал:

— Ты, чертов старый осел! Ведь ты же клялся и божился, что все оружие разряжено!

— Наверно, он опять припер с собой ту проклятую артиллерию! — в ужасе взвыл какой-то другой голос. — Хватайте его, пока он не успел ее перезарядить!

Сразу после этого вопля я снова схлестнулся с набежавшей толпой в смертельной схватке. Ну, честно говоря, с теми из них, кто еще мог шевелиться.

Я слышал, как где-то неподалеку мой дядюшка Джозель благим матом кричит «Караул!», но, боясь случайно подстрелить его в темноте — ведь фонарь давным-давно раздавили и великая битва продолжалась в полной неразберихе, — я не решался пустить в ход свои шестизарядные. Тогда я начал пробиваться сквозь толпу голыми руками, сбивая каждым удачным ударом с ног троих или четверых разом, а затем я обхватил столько, сколько сумел, и слегка прижал их, но только до тех пор, пока не затрещали ребра, некоторых я просто отшвыривал в сторону, и не моя вина, если они случайно падали головой на камни, а другими, когда уже стало полегче, я аккуратно подтер дно каньона, чтобы не было так грязно.

Но, честное слово, этих чудаков там было куда больше, чем семь человек! Дно каньона сплошь покрылось телами; я шагу не мог ступить, чтобы об кого-нибудь не споткнуться; и все же тот каньон, казалось, был по-прежнему полон людьми, весьма активно жаждавшими моей крови. Тогда я подумал, может, тут против моих беспомощных родственников собралась вся округа, вставшая на сторону подлых Клинтонов. Подобная пристрастность настолько возмутила меня, что я удвоил свои усилия, и завывания ненароком подвернувшихся мне подруку врагов слились в протяжный вой, возносившийся из бездн ущелья прямо к звездным небесам Аризоны.

Затем эти дурни ни с того ни с сего принялись стрелять в меня в полной темноте и, конечно же, по-

падали друг в друга; они пытались свалить меня, хватая за ноги, только поэтому я на них и наступал! Ну и вдобавок они здорово порезали друг друга своими охотничьими ножиками, наивно полагая, что тычут ими в меня. Наконец я выудил из толпы самого здорового обалдуя, какой там у них был, подкинул его на ладони, чтобы прикинуть вес, а потом перехватил его за лодыжку и, раскрутив малого над своей головой наподобие цепа, принялся выкашивать нападавших на меня идиётов рядами и колоннами.

Тут они сперва заорали:

— На помощь! Караул! Убивают! — а потом ударились в паническое бегство по каньону, чуть из штанов не выпрыгивая. Удирали, конечно, только те, кто еще мог хоть как-то двигаться.

Немного переведа дух, я швырнул им вслед свою живую дубинку, да так удачно, что зашиб почти на смерть еще человек десять, а потом зажег об штаны спичку, чтобы пересчитать покойников. Все дно каньона было усеяно ворочающимися и стонущими телами. Но, наверное, я перестарался и забил в эскопету слишком тяжелый заряд для того количества пороха, потому как дробь, гвозди и прочий хлам, не говоря уж про соль, так никого и не убили, хотя навели немало шороху.

Наконец я обнаружил дядюшку Джоэля. Он лежал на животе и был так жутко, что запросто мог перепугать насмерть кого угодно. Было очень похоже на то, что задница дядюшки остановила в полете львиную долю той самой каменной соли.

— Почему ты не предупредил меня, что прихватил с собой тот проклятый мушкетон?! — гневно вскричал он, едва заслышав мои шаги. — Оставь меня! Я умираю! И хоть раз в жизни я хочу почить спокойно!

Но я боялся, что Клинтоньы еще могут вернуться, а потому подобрал дядюшку и положил его животом вниз на его собственную лошадь. Потом я принялся звать мальчиков, но никто из них так и не откликнулся, и тогда я решил, что Клинтоньам удалось-таки их

подстрелить, а потому нам не оставалось ничего другого, как отправиться назад на ранчо, чтобы приготовиться там к последнему смертельному бою. Бедному дядюшке Джозлю пришлось трястись на лошади, животом вниз поперек седла. Он стонал и рыдал, а потом вдруг начал ругаться, и изрыгаемые им проклятья были поистине ужасно жуткими.

— Теперь ты — последний из Гарфильдов, бедный мой дядюшка Джозль, — сочувствуя изо всех сил, сказал я. — Но не беспокойся! Твои мальчики будут отомщены! А я буду стоять за тебя стеной, до самого конца!

Никаких признаков погони слышно не было, и мы спокойно добрались до ранчо. Я оставил дядюшку Джозля на кухне — он пытался выковырять из своей шкуры хотя бы самые крупные куски каменной соли, — накрепко заколотил ставни гвоздями, а потом приволок наверх бульдога и все бочки с дождевой водой, какие мне удалось найти во дворе.

— Когда они придут, сражаться буду я один, дядюшка Джозль, — сказал я ему. — А ты следи, когда они попытаются подпалить дом, и сразу заливай огонь водой!

Дядюшка ничего мне не ответил. Он вообще выглядел как-то бледно и пришибленно. Ну да ладно, подумал я, у любого будет такой вид, ежели в одночасье потерять всех своих сыновей. Но ведь с вендеттами, с ними всегда так!

Уже совсем рассвело, когда я выглянул из окна второго этажа и воскликнул:

— Ну вот, они и пожаловали! Мой Бог, дядюшка, да с ними самая настоящая армия!

Во главе разношерстной толпы я увидел Клинтонов, а рядом с ними шерифа с его людьми и еще человек сорок — пятьдесят, и по их синякам и изрядно помятому виду я рассудил так, что они наверняка были среди тех подонков, которые так подло напали на меня в каньоне. За ними ехала целая рота кавалеристов из форта, а позади кавалеристов шло еще сотни три-четыре человек. Зеваки, я так понимаю. Пришли поглазеть на потеху.

Я аккуратно поймал на мушку старика Клинтона, прицелившись в него из того сорок пятого, что я держал в правой руке. Когда я спустил курок, все наши гости попадали лицом в пыль и истошно завопили, но старик Клинтон даже не подумал вывалиться из седла, а по отдаче своего шестизарядного я сразу же понял: патрон был холостой! Тогда я принялся лихорадочно вытаскивать гильзы из своих револьверов и клянусь вам: все они оказались без пули! И тут я вдруг заметил, что в толпе, рядом с Клинтонами, как ни в чем не бывало торчат Билл, Джо и Джим Гарфильды!

— Я требую, чтобы ты немедленно сдался! — заревел шериф.

— Отвали подальше или я сейчас провентилирую твое пузо! — заревел я в ответ, хватая винчестер и свирепо глядя при этом на дядюшку Джоэля. — Не кто иной, как ты, зарядил мои пушки холостыми, когда притворялся, что хочешь их почистить! — обвиняюще ткнул я в него пальцем. — Ты что, рехнулся, старый хрыч? И что делают там, внизу, твои мальчишки?

И тут дядюшку Джоэля вроде как прорвало.

— Да! — дико завопил он. — Да! Да! Да! Это я вытаскивал пули из всех твоих патронов! И это я ускользнул от тебя в ущелье и предупредил отряд самообороны, что ты уже близко! Слышишь ты, проклятый маньяк! Когда вчера я отсылал те деньги назад старику Клинтону, я попросил его в записке, чтобы они с моим Биллом разработали план, как тебя схватить, и это я умолял его, чтобы он вызвал людей шерифа и отряд самообороны, и это я завел тебя в засаду!

Я тупо смотрел на дядюшку Джоэля, полностью парализованный его ужасными речами. А дядюшка прям-таки бесновался.

— Лично я никогда не хотел никакой войны с Клинтонами! — взвизгнул он наконец. — Это ты втянул меня в эту кошмарную кровавую кашу! Ты представляешь собой ужасную угрозу обществу! А теперь сейчас же выпусти меня отсюда!

— Вот уж никогда не думал, что мне суждено дожить до того, чтобы услышать такое! — пораженно пролепетал я. — Чтобы купить постыдный мир, ты пошел на то, чтобы предать родного племянника, отдав его, точно невинного агнца, на растерзание этим позорным волкам?! Боже мой! Впрочем, ладно.

Я проделал сюда из Невады немалый путь, чтобы защитить ничем не запятнанную честь нашей семьи, и я сберегу ее любой ценой! Хочешь ты того или нет!

Дядюшка Джозель глухо застонал и со стуком осел на пол, а снаружи послышался пронзительный крик старика Клинтон:

— Вперед, ребята! Вперед и кончайте с ним, будь он проклят! Он взорвал мой дом! Он похитил покой моей семьи! Он чуть не до смерти изувечил моего сына!

— Слушай, ты, Элкинс! — заорал вслед за стариком шериф. — Если ты сейчас же не выйдешь сюда и чтобы руки держать вверх, мы возьмем этот дом штурмом!

— Плевать я хотел! — заревел я. — Начинайте свой поганый штурм, и я мигом превращу его в такой страшный горный ураган, какого вы тут, в вашей замороженной Аризоне, отродясь не видавали!

И дабы подчеркнуть всю серьезность сказанного мною, я тут же метким выстрелом сбил с шерифа шляпу. После чего кое-кто из толпы открыл огонь по дому. Но тут поднял руку капитан кавалеристов и крикнул мне:

— Послушай, Элкинс! Я хочу поговорить с тобой! Не стреляй!

Он с очень важным видом подъехал к окну, нахмурившись, посмотрел на меня снизу вверх и сказал:

— Мой мальчик! Подумай сам! Не можешь же ты один сражаться со всей армией Соединенных Штатов!

— Я не твой мальчик! — придя в страшную ярость, заревел я в ответ. — Я — Брекенридж Элкинс, лучший боец, когда-либо спускавшийся на вашу паршивую равнину с гор Гумбольта! Я могу одолеть любого гризли в честном бою! Мне не раз случалось ловить за хвост горного льва! И я успею трижды укусить гремучую змею,

прежде чем она соберется меня ужалить! Начинай свой шторм, как только будешь готов, ты, недоделанный годовалый телок с медными пуговками на брюхе! Иди-те сюда все, и я проверчу не меньше дырочек в ваших голубых мундирах, чем их провертел мой папашка в великой битве у Бизоньего Ручья!

Капитан побагровел, и он закашлялся, и он даже вроде как начал задыхаться, и что-то такое бессвязно залопотал, брызгая слюной во все стороны, и как раз тут появился какой-то старый седобородый хрыч, и он протолкался через толпу и закричал в мою сторону:

— Я есть главный почтмейстер Зуба Пилы! У меня тут срочное заказное письмо для мистера Брекенриджа Элкинса!

Он перебросил записку в открытое окно, а я поймал ее одной рукой, не выпуская из другой винчестер, и распечатал, и начал читать. А старый хрыч тем временем очень спокойно развернулся, снова протолкался через толпу и смылся. И вот что я прочитал:

Дорогой Брекенридж!

До меня дошли о тебе какие-то странные слухи. Какого черта ты торчишь в этом давно затупевшем Зубе Пилы? Ведь тамошние ребята — они никакие нам не родичи. И даже фамилия ихняя пишется совсем иначе: Г-о-р-ф-е-л-ь. А еще того лучше, приезжал бы ты сюда, к нам.

*Твой нежно любящий тебя дядюшка,
Джозель Гарфильд, Винтовочное Дуло, Аризона.*

Р. С. А ту семейку, с которой у нас тут вышло что-то вроде вендетты, мы сами давным-давно вышвырнули из нашей местности, но ты все равно приезжай, потому как я сильно хочу с тобой повидаться, да и все остальные наши родичи — тоже хотят!

Прочитав такое, я тупо воззрился на тело, продолжавшее исторгать приглушенные стоны, лежа на полу.

— Так, значит, ты — вовсе не Джозель Гарфильд, приехавший сюда из Гвадалупы, штат Техас, в шесть-

десять девятом году? — непослушными губами прошептал я.

— Не-а! — злобно ответил мой бывший дядюшка Джоэль. — И никогда им не был! Я — Джозеф Эль Горфель! И я приехал сюда из Канзаса, и тому нету еще и десяти лет!

Тут я просто сошел с ума. Я прямо-таки стал самым настоящим берсерком!

— Выходит, ты попытался извлечь выгоду из моего неведения! — завыл я, в отчаянии вышвырнув его винчестер на улицу прямо через оконное стекло. — Ты обманом втянул меня в какую-то ничтожную кухонную свару, заставив выступить на твоей стороне, проклятый седобородый старый хитрый змей! Ты попытался паложить свои жадные грязные лапы на простодушного наивного чужестранца! Да за такое тебя застрелить мало!

Услышав мои последние слова, мой бывший дядюшка Джоэль вдруг зашелся в истерике и начал визжать, корчась от приступов поистине ужасного хохота. Но я, возмущенно и презрительно фыркнув, уже отвернулся от него и крикнул в окно тому капитану:

— Ты вроде как велел мне выходить из дома, армия? Отлично! Я выхожу! Лови!

С этими словами я выбросился в окно и, ловко раздвинув ноги, шлепнулся верхом на капитанову лошадку, в самый раз позади седла. Бедная тварь захрипела и упала на колени, но мгновенно снова вскочила на ноги и стрелой метнулась прочь от дома. Я нежно обнимал капитана за его голубое пузо, так что солдаты не решились стрелять в меня, опасаясь попасть в своего командира. Мы черной молнией промчались сквозь боевые порядки кавалерии, оставляя позади себя лишь крики и визг поспешно разбежавшегося во все стороны гражданского сословия. А спустя несколько мгновений мы уже были далеко в холмах.

А те люди, которые утверждают, будто я украл капитанскую лошадку, — отъявленные лжецы! Потому как несколько позже, ну буквально через год, я при-

слал ее назад! И то, что я будто бы нарочно швырнул бедного капитана на клумбу с кактусами, стоило мне оказаться вне зоны огня, — тоже наглая ложь! Я вообще его никуда не швырял! Я даже не заметил, когда именно он нечаянно вывалился из моих рук. А уж кому-кому, как не ему, следовало бы быть осматрительней и повнимательней следить, куда именно он падает своим глупым голубым пузом вперед!

Одним словом, все, чего я теперь хочу, так это оставаться всю свою жизнь как можно дальше от Зуба Пилы и от этих противных Горфелей. Потому как нету в мире ничего более отвратительного, чем человеческая неблагодарность!

СОДЕРЖАНИЕ

(ПЕРЕВ. С АНГЛ. М. ПЕТРУНЬКИНА)

БРАТ БУРИ 6

ЛИК СМЕРЧА

Кордова ковбоев не жалует 252

Брекенридж Элкинс и налоги 282

Лихие дела в Красном Кугуаре 297

Серенада Жеваного Уха 330

Мирный странник 363

Пока клубился дым 389

Элкинсы не сдаются! 418

РОБЕРТ ИРВИН
ГОВАРД

*Собрание сочинений
в восьми томах*

Том второй

Ответственный редактор
Е. Артемьева

Художественные редакторы
В. Андреева, И. Марев

Технический редактор
В. Нефедова

Корректор
А. Быстрова

Компьютерная верстка
Ю. Борисова

ЛР № 071673 от 01.06.98 г. Изд. № 0303125.

Подписано в печать 23.05.03 г.

Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «Балтика». Печать высокая.

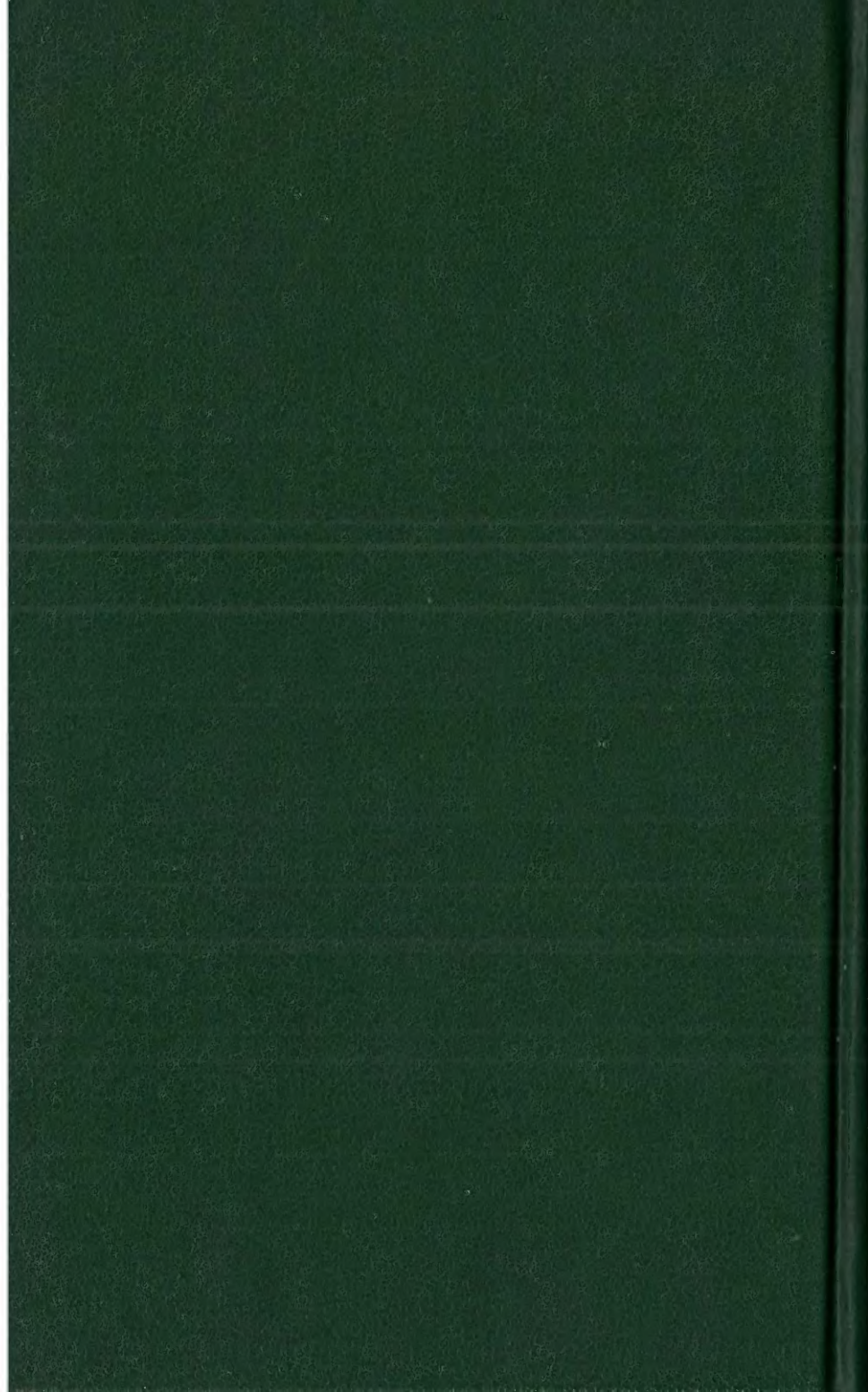
Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 20,48.

Заказ № 0308590.

ТЕРРА—Книжный клуб.
115093, Москва, ул. Щипок, 2.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

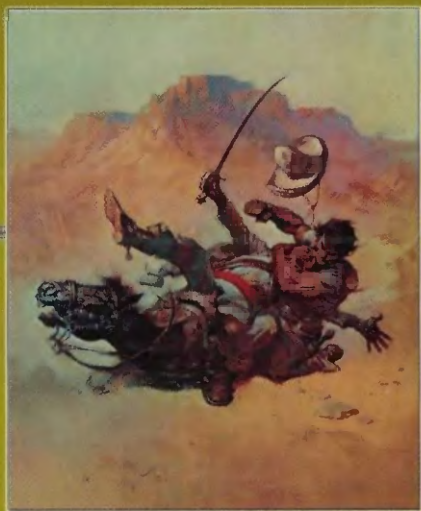

РОБЕРТ ГОВАРД

ТОМ 2

БРАТ БУРИ

В меховой куртке и кожаных чулках,
с длинноствольным «зверобоем» наперевес
и с бутылкой виски в руке этот истинный джентльмен
Дикого Запада путешествует по отрогам
Скалистых гор и городкам американского захолустья,
беззлобно подшучивая над соседями
и круто разбираясь с «плохими парнями».

ISBN 5-275-00832-5

9 785275 008326

КТ